Энгель Тагиров
На перекрестке цивилизаций

История татар в контексте культуры мира

Казань
Татарское книжное издательство
2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(Рос=Тат)
Т12

***Посвящается светлой памяти моих родителей:***
***отца — Ризы Шайхутдиновича Тагирова, отдавшего свою жизнь***
***за освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков в боях под Ригой;***
***матери — Амины Каюмовны Каюмовой, педагога-подвижника,***
***народного просветителя, заслуженного учителя Республики Татарстан***

**Рецензенты:**

доктор исторических наук, профессор **Р.А. Циунчук**
доктор исторических наук, профессор **О.Н. Коршунова**
доктор политических наук, профессор **Н.М.Мухарямов**

**Тагиров Э.Р.**

На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира / Э.Р.Тагиров. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. — 391 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-298-01611-7

В монографии обобщается опыт исторического творчества татарского народа, последовательно прошедшего все этапы общецивилизационного развития от древности до современности. Дается критика европоцентристской концепции, согласно которой кочевые тюркские народы, стало быть, и татары, как «внеисторические» этносы, были заняты прежде всего ведением походов и войн, но не были способны к созданию развитых форм государственности, культуры, цивилизации, а потому не сыграли заметной, по меркам всемирной истории, роли. В книге татары предстают как фактор динамичного, созидательно-прогрессивного развития человечества. На основе интегральной модели реконструкции прошлого дается анализ не только так называемых базовых сфер общественной жизни (экономической, социальной, политической, культурной…), но и такой составляющей истории, как интеллектуальная, духовно-гуманитарная, миротворческая деятельность, придающая смысл, ценность и значение всем формам жизнетворения, обеспечивая непрерывность человеческого бытия, социального прогресса как такового. История татар впервые рассматривается в контексте сложного взаимодействия и постепенной трансформации культуры войны и насилия в культуру мира, толерантности, этноконфессионального согласия, диалога народов и цивилизаций в диапазоне координат Европа — Азия.

Адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-298-01611-7

© Тагиров Э. Р., 2007
© Татарское книжное издательство, 2007

# «Умиротворение» истории

*Мир не только лучше, но бесконечно труднее войны.*

*Бернард Шоу*

История — это великая книга человечества, вмещающая в себя концентрированное богатство опыта рождения провидческих мыслей, озарительных идей, напряженнейшей духовной работы по постижению смысла жизни и своего предназначения. Это главная книга, за каждым знаком-словом которой проглядывает величественная панорама всего свершенного, достигнутого. Одновременно это и самая священная книга людей мира, ибо все, что ими замышлялось и осуществлялось, имело сокровенную цель, сакральное обоснование.

Величайшим свойством истории является то, что она была и остается самой открытой книгой человеческого рода, ибо она есть магнит, притягивающий, приковывающий внимание, ум, интеллект поколений всех времен. Она незакрыта и не завершится никогда, в ней нет, и не может быть, последней

страницы. Каждый входящий в мир человек, вступая в круг жизни, вписывает свои строки в свою часть истории.

История — книга открытая еще и потому, что каждый раз мы открываем в ней ту часть закулисья истории, которая была только чуть приоткрытой. Каждое новое «вхождение» в историю высвечивает ту ее покуда скрытую от взора грань, которая в отсвете вызовов каждого нового времени приобретает особую значимость. Эпоха глобализации и вызванных ею кардинальных перемен актуализирует ту грань истории, которая связана с работой человечества по рождению, культивированию и установлению мира как главного посыла самой жизни на Земле.

Уже на заре человеческой цивилизации понятие «мир» вошло в жизненный оборот, утвердилось в словарном фонде человечества как наиболее приоритетное состояние людей, обществ и народов, как сакрально-божественная метаидея. Постепенно мир, как базовая ценность, начал возводиться в ранг самого сокровенного желания, высшей надежды и веры людей. В их мировоззренческой системе высшая субстанция мира обрела божественный образ.

Согласно античной мифологии, богиней мира была Эйрена (Ирена) — охранительница законности и порядка в общественной жизни. Культ Эйрены был широко распространен в Афинах. Особым почитанием под именем Пакс (от латинского *pax* — мир) она пользовалась в Риме. Во времена императора Августа на Марсовом поле в честь Эйрены-Пакс был воздвигнут алтарь, на котором ежегодно совершались торжественные жертвоприношения.

Богиня мира изображалась молодой женщиной с рогом изобилия, оливковой ветвью, жезлом Гермеса и колосьями. Иногда ее изображали и с богом богатства Плутосом на руках, подчеркивая этим связь мира с процветанием жизни, урожайностью земледелия и богатством людей.

Но путь к миру всегда был труден, извилист и отнюдь не прямолинеен. Поступь в направлении к миру часто обрывалась, следы заносило ветром желаний, интересов иного, противополярного настроя. Это не победа зла, коварства и войны над миром. Скорее это закон жизни, которая только и может продолжаться через причудливое сплетение этих разных начал.

В данном контексте мы смотрим на историю как на вечное поле конкуренции способов, методик и технологий решения проблем выживания и развития; сочетания, взаимодействия и взаимовлияния фундаментальных тенденций-антитез: глобализации и локализации, унификации и многообразия, интеграции и атомизации, конфронтации и диалога, авторитаризма и демократии, созидания и разрушения. На нем протекает сложнейшая игра — состязание самых различных интеллектуальных, культурных, социальных, экономических, политических, дипломатических и военных сил. Не прекращается соревнование, сопоставление и отбор идей, концепций и систем ценностей. За всем этим — кипение страстей, столкновение интересов, позиций, взглядов и менталитетов людей, народов, государств.

История — это поле, на котором прогресс не тождествен однолинейному восхождению от одной ступени эволюции к другой. Он диалектичен, развитие человечества сочетает подъемы, остановки и падения, обретения и потери, являющиеся способом сохранения равновесия общества в фазах кризиса или неустойчивости. История прокладывает путь через коллизии постоянной борьбы альтернативных, противоположных, разнозаряженных и конфликтогенных начал, выливаясь в перманентную смену волн революции и эволюции, реформ и контрреформ, насилия и согласия, войны и мира.

К сожалению, процесс конкурентной борьбы альтернатив часто приобретал форму войн. Человечество впадало в иллюзию возможности быстрых и легких побед путем преимущественного применения силовых ресурсов, угроз, диктата, подчинения, эксплуатации. В разное время у разных народов эта мания приобретала форму диктатуры или тоталитаризма во внутригосударственном измерении, мессианства, гегемонизма, культурной, технологической или военной экспансии — во внешнем. Обретая статус победителя, великой державы или мирового имперского гегемона, государства не только вырывались вперед, но в целях сохранения роли гегемона впадали в еще больший соблазн наращивания силового потенциала. Нельзя упрощать сложнейшую проблему выбора альтернатив и борьбы конкурентных начал до уровня бытовых сентенций в стиле «сила города берет», «сила есть — ума не надо», «зло вечно, а вражда — неистребима»… Конечно, можно приписывать человечеству имманентную склонность к войне, приверженность силовому фактору. Но это эмоциональная актуализация проблематики, глубинный анализ которой составляет предмет специальных комплексных исследований. Мы можем лишь, опираясь на философское положение английского писателя-мыслителя: «мир не только лучше, но бесконечно труднее войны» как на бесспорную константу, отметить, что именно в процессе конкуренции альтернатив «победу» чаще всего одерживала та, которая имела преимущество в силовых ресурсах. Насилие в историческом времени и геополитическом пространстве постепенно превращалось в магистральную тенденцию развития человеческой цивилизации, в его основную движущую силу. Социальный прогресс обеспечивался главным образом посредством применения, демонстрации или угрозы силой — военной, политической, научно-технической, интеллектуальной, психологической и информационной.

Силовые ресурсы интенсивно применялись как для решения назревших внутренних проблем развития, так и для разрешения международных конфликтов и реализации гегемонистских амбиций.

Достаточно сказать, что за всю историю цивилизации, условно ограничиваемой 5 — 6 тыс. лет, по подсчетам военных историков, произошло около 15 тысяч войн разного масштаба. Это означает, что каждый год человечество в среднем вело не менее трех, а каждое столетие — около трехсот войн. Не воевало оно за всю историю всего менее 300 лет. Войны унесли более 3,6 млрд. человеческих жизней — больше, чем жило на Земле в 70-х гг. XX в. В них было разрушено и уничтожено ценностей на астрономическую сумму, выражаемую в квинтиллионах долларов. Этих средств могло бы хватить для обеспечения всем необходимым нынешнего населения земного шара в течение тех же пяти с лишним тысяч лет. Цивилизационное измерение цены военных побед и поражений предполагает оперирование не только цифрами, но и подсчет совокупных потерь: возвратных и необратимых, количественных и качественных, материальных и духовных, психологических и нравственных… Каждая война, нарушая преемственность и связь времен, поколений и традиций, перемалывая наиболее репродуктивный, работоспособный слой народов и стран, ослабляла физический и интеллектуальный потенциал человечества в целом, снижала качество его генофонда. Масштабы потерянного даже в таком неполном измерении многократно превосходят «величину» всех побед, одержанных на полях сражений.

Такая диспропорция в шкале войны и мира, насилия и ненасилия, разрушения и созидания — свидетельство того, насколько ценно состояние мира и насколько оно бесконечно труднее войны.

Современная стадия эволюции человечества также отмечена склонностью к силовому способу решения многих проблем развития, повышения конкурентоспособности, укрепления могущества, обеспечения безопасности. Тяготение к жестким, командно-административным, силовым методам, способам и принципам решения частных и фундаментальных задач государственного управления, ведения международных дел или разрешения межгосударственных и региональных конфликтов, к сожалению, представляет собой доминирующее явление. Современная модель мироустройства не только неэффективна, ибо в ее основе нет морально-нравственной базы цивилизации, как отметил Президент Российской Федерации В.В.Путин, но она сама становится «генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности… Войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало… а даже больше, чем раньше. Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое гипертрофированное применение в международных делах военной силы — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов».

Аналитики сформулировали множество подходов, концепций, объясняющих причины и механизмы глобальной «иерархизации» государств, общественных систем и международных отношений, «денационализации» государств, всеобщей эрозии и деградации демократических и гуманистических ценностей. Весьма аргументированно объясняют «возвращение» феномена «войны всех против всех» М.Хардт и А.Негри в книге «Множество: война и демократия в эпоху империи». Одну из коренных причин возрастания роли силового фактора они видят в перерождении характера власти, феномена государства. Авторы исходят из трактовки нынешней эпохи как «переходного периода, или скорее поры межвременья …в ходе которой национальная парадигма государств эпохи модернити переходит в новую глобальную форму и которая характеризуется избытком новых властных структур». В результате «присущие эпохе модернити взаимоотношения между политикой и войной превратились в свою противоположность. Война не является отныне инструментом, находящимся в распоряжении политических сил, к которому они прибегают в ограниченном числе случаев, — напротив, сама война определяет основу политической системы». Повседневная жизнь и отправление властных функций пронизаны угрозой, ожесточением, присущим военному конфликту. «Война обретает генерализованный характер, подавляя все проявления общественной жизни и навязывая собственный политический порядок. В условиях постоянной конфликтности демократия выглядит безвозвратно утерянной, глубоко погребенной под режимами милитаризации и обеспечения безопасности».

«Температуру» напряжения в мире поднимает тенденция расширения состава субъектов противостояния, силовых игроков на поле каждодневной жизни. Если раньше воевали преимущественно государства и классы, то сегодня конфликты возникают между народами, социальными, национальными, культурными, конфессиональными, цивилизационными группами. Волны противостояния между ними не только сменяют друг друга, уступая место победившему образу жизни, типу мышления и действия. Они динамичны и агрессивны. Сталкиваясь между собой, они все чаще входят и «зависают» в фазисе бескомпромиссной схватки.

Наибольшую угрозу состоянию мира представляют конфликты нового исторического поколения, возникающие на пограничье культур, рас, наций, религий и цивилизаций. Содержание этого типа конфликтов «обогащают» такого рода явления, как радикальный национализм, сепаратизм, фундаментализм, экстремизм и терроризм, их «творцы» одержимы не только политической самоцелью, но и яростной этнической и религиозной противопоставленностью, бескомпромиссной ненавистью.

Своеобразие современной эпохи аналитики определяют понятием «восстание этничности». Длительное время остававшийся в тени интеллектуальной рефлексии фактор этничности проявляет себя ныне в качестве бикфордова шнура. Через нее, в связи с ней проявляют себя все формы и типы современных конфликтов. Поторопились мы с «реквиемом по этносу» (В.Тишков). XXI в. скорее всего будет проходить под знаком исторического реванша этничности.

Таким образом, силовое поле современности неумолимо и интенсивно расширяется. Потеря национальными государствами своей «монополии на насилие» восполняется реактивно множащимися источниками воспроизводства философии, идеологии и практики насилия. Как сохранить мир в условиях «минимизации» демократии и «максимизации» насилия, роста новых субъектов и центров силы и их стремления изменить сложившийся мировой порядок, вернуть утерянные позиции, реализовать гегемонистские, националистические или шовинистические проекты? Как преодолеть тенденцию к самоуничтожению? Как преодолеть глобальное противоречие между «культурой жизни» и «культурой смерти», достигнуть глобального гуманитарного компромисса по вопросам взаимодействия этносов, народов, культур и цивилизаций, систем ценностей, мировоззренческих установок и образов жизни, миропонимания и мироизменения?

Поиск ответов на набор вопросов, за которыми — судьба, будущее всех народов и их общей цивилизации, актуализирует проблематику соотношения бинарных оппозиций, развития и взаимодействия таких магистральных тенденций, как насилие и согласие, война и мир, противостояние и диалог. Их соотношение решающим образом определяет устойчивость человеческого общежития, содержание и темпы социального прогресса, историческую перспективу человечества. Если многие явления и раньше не укладывались в рамки изолированных логических дефиниций, то теперь более, чем когда-либо, их можно адекватно охарактеризовать лишь в категориях парных противоположностей.

Необходимо сразу обратить внимание на некоторые очевидные особенности историографического состояния данной проблемы. Во-первых, научная традиция ориентирует исследователей на фокусирование внимания на одной из сторон антитезных явлений, группирующихся и входящих в смысловое поле дихотомии «война и мир». Более того, возникает стойкое ощущение диспропорции в процессе их «автономного» изучения. Проблемами войны и насилия занимаются десятки научных центров. В то же время проблемы мира и согласия чаще всего остаются на периферии исследовательского интереса. Даже большинство крупных центров по изучению проблем мира (хотя многие из них даже официально называются институтами мира) заняты не столько анализом проблем мира, сколько войны.

В российской научной практике этот перекос выражен наиболее рельефно: здесь создано немало открытых и «закрытых» исследовательских институтов, научных направлений и школ, специализирующихся на военной проблематике. Они, как и большинство зарубежных центров, выносят проблему мира «за скобки» иных приоритетных научных направлений.

Такой парадокс в науке и социальной практике обычно объясняется методологическим замечанием, сформулированным К.Марксом: «Война раньше достигла развитых форм, чем мир». Реальное отставание степени изучения проблем мира от степени разработанности проблем войны обусловлено в какой-то мере объективными реалиями.

Война как инструмент политики, как преимущественный метод решения проблем развития действительно начала осознаваться в категориях предмета науки раньше, чем познание феномена мира. Ведь война была преобладающим состоянием общества практически на всем протяжении истории, а мир — сравнительно кратковременной передышкой, подготовкой к новым войнам. Понятны поэтому растущая значимость и востребованность научного анализа войн. Теоретическая мысль, подгоняемая потребностями политики и практики, концентрировала внимание и направляла интеллектуальные и финансовые ресурсы на изучение феномена войны, истории войн и военного дела. Категория мира вплоть до начала XXI в. не подвергалась специальному историческому анализу. «Если представить себе отдельно написанное о войнах и мире, то второе будет выглядеть бугорком на фоне заоблачной горной гряды… Дело с познанием мира существенно отстает по сравнению с познанием войны». Такой вывод известного российского военного историка и социолога, генерала, профессора В.В.Серебрянникова, сделанный им в исследовании «Социология войны», констатирует истину, равнозначную аксиоме.

Вторая историографическая особенность заключается в том, что изучением проблем войны и мира занимаются преимущественно социологи, психологи, политологи, к аналитическому процессу подключаются и этнографы. Это и понятно: круг явлений, входящих в зону их проблематики, интерпретируется наукой как социально-политические, антрополого-психологические феномены.

Философы также претендуют на свой ракурс исследования в изучении войны. В рамках современной философии уже оформилось особое направление — полемология, т.е. наука о войне, и это не случайно. Привлекательно-романтизированный образ войны, способный и призванный возвеличить

политического деятеля, народ, страну, возникает прежде в головах людей, в их мировоззренческих представлениях, в философских идеологемах, концепциях и доктринах и только затем материализуется дипломатами, политиками и военными в конкретных планах и действиях.

Война и мир — это исторические феномены, возникшие на заре человеческой цивилизации. Традиции их сбалансированного изучения в науке были заложены еще древними политическими мыслителями и историками — Фукидидом, Плутархом, Геродотом. К сожалению, последующие поколения историков ориентировали науку на освещение и анализ конкретных военных событий и баталий, не уделяя адекватного внимания изучению явлений мира и совокупному, комплексному изучению диалектически взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, каковыми являются война и мир. Крайне мало обобщающих исторических сочинений, посвященных «сквозному» анализу этих феноменов в их органическом единстве на протяжении всей истории человечества. Но даже в наиболее фундаментальном труде А.Першица, Ю.Семенова, В.Шнирельмана «Война и мир в ранней истории человечества», объем которого превышает более 400 страниц, «на проблемы мира и исторический опыт их решения отводится в общей сложности не более 10 страниц, т.е. 2 — 2,5% объема труда. До конца XIX века были в основном мечты о мире, не имевшие под собой достаточно масштабного опыта борьбы за мир. Дело с познанием мира существенно отстает по сравнению с познанием войны».

Наконец, третья особенность изучения проблемы состоит в том, что в исторической науке традиция совокупного изучения всего спектра диалектически разнонаправленных, дихотомических явлений, тенденций и феноменов войны и мира пока только закладывается.

В современных условиях особенно заметно отсутствие либо дефицит такого ракурса изучения истории отдельных регионов, народов и субцивилизаций. Большинство имеющихся трудов отличается традиционной структурно-концептуальной направленностью, когда приоритет отдается базисным сферам жизнедеятельности, а войны, характеризуемые исключительно как аномальные и сугубо регрессивные явления, согласно принятой рубрикации, включаются в раздел внешней политики. Между тем мир как особая и высшая общечеловеческая ценность, как явление, состояние, феномен и категория науки и социальной практики, политики и дипломатии в число базисных сфер общества исследователями не включается.

Истоки парадигмы, ориентирующей науку на приоритетное изучение материальных сфер жизнедеятельности стран и народов, обычно выводят из формулы К.Маркса о первичности бытия и вторичности сознания. Но в мировоззренческой системе К.Маркса нет абсолютизации одной из ипостасей бытия в определении их местоположения в иерархии базисных структур общества. Маркс никогда не утверждал, что всякая внеэкономическая деятельность (идеология, культура, наука, право) определяется базисом. Духу марксистского учения больше соответствует тезис о том, что экономическая структура устанавливает ограничительные условия, а не определяет элементы надстройки во всем их разнообразии.

Ф.Энгельс недвусмысленно высказался по этому вопросу так: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим элементом в конечном счете является производство, и производство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-то искажает это положение в том смысле, что будто экономический момент является единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественную форму ее различные моменты надстройки…». Человеческий фактор и ресурс духовного потенциала в марксистской схеме полноправно включены в состав структурных факторов. Не случайно отцы-основатели исторической школы «Анналов», разрабатывая модель «тотальной истории», призванной интегрировать все элементы базиса и надстройки, в том числе экономическую историю с историей социальной, демографической и экономической, брали марксизм в качестве своего отправного постулата.

Таким образом, в подмене мест в шкале ценностных координат повинен даже не схоластически трактуемый марксизм, а идеологически препарированный вульгарный марксизм. Смысл и предназначение начавшейся ментальной революции в том и состоит, чтобы обеспечить переход человечества к ценностям постиндустриальной цивилизации, где культура, духовность, гуманизм, демократия, толерантность, этноконфессиональное согласие и мир будут иметь статус базисных. Речь идет о задаче формирования новой, гуманистически ориентированной философии мышления и действия, новой системы жизненных ориентиров и новой парадигмы миропонимания, мироизменения, миростроительства. Без «революции» на уровне ментальности ни в одной отдельно взятой стране, где кризис межцивилизационного перехода имеет свои специфические проявления, ни человечеству в целом не удастся решить совокупность глобальных проблем — социальных, демографических, экологических и наиболее острых среди них — межконфессиональных, межнациональных, межцивилизационных. Силовые ресурсы решения проблем развития, обеспечения необходимого

уровня и качества жизни, безопасности народов и государств иссякают. Наступает время наиболее полного введения в повседневный оборот гуманитарного, нравственного, миротворческого исторического капитала, накопленного человечеством за время своего существования.

Необходимость этого диктуется тем, что историческая конкуренция двух философий, ценностных ориентаций — войны (насилия) и мира (согласия), которые предопределяли два противоположных вектора развития человечества, вошла в фазу прямого, лобового противостояния. Об этом свидетельствует поток сложнейших, драматических исторических событий, процессов и тенденций, составляющих современную картину мира. «Шар любви, отягощенный враждою» — такую характеристику своему времени дал 2,5 тысячи лет назад Эмпедокл. Инерция исторического груза культа силы, агрессии и войны сегодня не только «отягощает», но и грозит разорвать «шар любви» — все пространство жизни человечества.

Академик Н.Н.Моисеев определял XX в. как «век предупреждения». В своих последних работах он сделал более категоричный вывод: «Время предупреждения прошло». «Через несколько десятилетий, — предрекает И.В.Бестужев-Лада в книге «В преддверии Страшного суда», — можно будет спорить, гадать только о том, через сколько именно лет человечество должно погибнуть в волнах второго Потопа, от которого нельзя спастись ни на каком ковчеге». На всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и будущая Россия» академик А.П.Федотов прогноз своего коллеги подтвердил с позиции теории космизма. Многие зарубежные аналитики опасаются того, что новой исторической волне насилия трудно будет найти адекватные ей формы мира.

Аргументы, лежащие в основе таких пессимистических взглядов на будущее, трудно оспаривать. Они свидетельствуют о реальных опасностях, возможно, неизбежных. Но вряд ли верно выстраивание потока событий, явлений, процессов в безальтернативном направлении, предрекая рост хаоса и неминуемого «конца истории». Те же глобальные проблемы, факторы и тенденции, грозящие катастрофой, одновременно открывают и позитивные перспективы для человеческой цивилизации.

Осуществление катастрофических или оптимистических прогнозов во многом будет зависеть от сравнительных масштабов, темпов и характера развития консенсуальных и конфронтационных процессов, особенно в пространстве этноконфессиональных, межкультурных, межцивилизационных взаимоотношений, от результатов конкуренции и взаимодействия процессов миросозидания и мироразрушения. Речь не идет о возможности установления бесконфликтного мира. Такой мир обречен на стагнацию и смерть. Жизнь человека, народов, социальных систем — это вечная борьба заложенных в их природе разнополярных начал. Конфликты являются не только симптомом сбоя, нарушения равновесия, потери устойчивости социального организма — отдельного индивида во взаимодействии с обществом или всего человечества. Из них «ткется» полотно жизни. Новое пробивает дорогу в борьбе с отжившим, застойным. Архаизм, косность, стереотипы, шаблоны не сдают позиций без сопротивления. «Если у тебя нет конфликтов в жизни — проверь пульс, все ли нормально». В этом изречении Ч.Диккенса отражен объективный характер противоречий. Конфликты нельзя отменить, возрастает многообразие их форм, усложняется их природа. Поэтому так важно освоение науки и искусства их разрешения или урегулирования.

Будущее человечества, по-видимому, в решающей степени будет зависеть от умения обеспечивать приоритетность социально позитивных, созидательных, объединительных процессов. Для этого необходимо научиться цивилизованно трансформировать философию и логику войны в ценности мира на основе диалога, конструктивного взаимодействия народов, стран и цивилизаций. Успех решения этой задачи зависит от своевременности и эффективности создания новых форм и механизмов поддержания мира, адекватных степени угрозы военного самоуничтожения жизни на Земле.

В аналитико-футурологическом мыслительном процессе, направленном на поиск ответов на вызовы новой эпохи, серьезную роль призвана сыграть историческая наука с ее возможностями ретроспективного изучения процессов становления, развития традиций и опыта миротворчества, обеспечения этноконфессионального согласия, организации межцивилизационного диалога, начиная с исходных исторических корней человечества и до наших дней. Значимость обращения к такому опыту в теоретическом и практическом, ценностно-ориентационном, духовно-нравственном смысле неизмерима.

Усвоение уроков истории ценно тем, что и в прошлом решались задачи, связанные с трансформацией конфликтогенной реальности, поиском стабильности, преодолением конфронтационного, агрессивно настроенного сознания, культа войны, существовавших на протяжении всей истории человечества. В современной исторической науке превалирует постулат о многослойности прошлого, об отсутствии единой истории. Но тезис о множественности историй и бесконечности их интерпретаций не отменяет органической связи прошлого, настоящего и будущего. Будучи формой самосознания общества, история чутко реагирует на его современные проблемы, и чем эти проблемы масштабнее, тем ощутимее их влияние на состояние науки. Вопросы о войне и мире, миролюбии и агрессивности, сотрудничестве и противоборстве, согласии и междоусобице были

неизменными пунктами «повестки дня» с древнейших времен в связи с поиском ответа на вечный вопрос о том, какое из начал движет людьми и судьбами народов, — конфликт, «война всех против всех», классовая или социал-дарвинистская, борьба за выживание или отношения солидарности, взаимопонимания и взаимоуважения.

Конфликтологи такое противостояние позиций называют борьбой двух парадигм мышления — консенсусной (интегративной) и конфликтной. Сопоставляя и соизмеряя смысл и результаты этих разных ценностных явлений и состояний с позиций то одной, то другой парадигмы, человеческое сообщество неизменно подходило к выводу о приоритетной важности и необходимости определения мирной формулы «модуса вивенди», усиления гуманистического и интегративного потенциала.

Вот почему исключительно важно включить в современную социальную практику поиск ответов на вызовы времени, исторический опыт и традиции осуществления цивилизационных перемен на мирных основах, ведения диалога и организации сотрудничества народов, смягчения, минимизации эффекта насилия, трансформации философии войны и насилия в философию мира и созидания. Опыт творения народами рациональных и самобытных укладов жизни, развитых форм культуры, государственности и цивилизации оценивается сейчас в качестве эффективной формы интеллектуальной инвестиции в современность, как один из важнейших стратегических ресурсов, обеспечивающих динамичное и устойчивое развитие всего мирового сообщества.

Отмечая неоценимую роль истории в формировании гуманистически ориентированной личности, миротворческого сознания молодых поколений, особенно в становлении нового, справедливого и демократического, мирового порядка, генеральный директор ЮНЕСКО Ф.Майор в своем выступлении в Норвежском Нобелевском институте 22 ноября 1995 г. сформулировал программную задачу: умиротворение истории. «Если бы помнили, — говорил он, — что история — вещь не безобидная, она продолжает убивать и спустя столетия после таких событий, как битва при Косово, имевшая место в XIV в., мы пришли бы к пониманию того, что в дополнение к тем подходам к разрешению конфликтов, которые перечислены в статье 33 Устава ООН, необходимо еще разоружение истории. «Умиротворение» истории — вроде того, что произошло в Западной Европе за последние 3 десятка лет…».

В Программе ООН «Повестка дня на XXI век» задача расширения зон мира, согласия и взаимодействия, погашения «горячих этнических точек» и «умиротворения» планетарного сознания определена в качестве центральной проблемы современности.

«Умиротворение» истории имеет широкий смысловой диапазон. Это прежде всего «демократизация», гуманизация и либерализация истории, что означает преодоление перекоса в осмыслении истории, когда идеализировались больше революционные (насильственные), нежели эволюционные, реформаторские методы преобразования экономических, социально-политических систем, формирования образа жизни, решения национальных вопросов, «идеологизации» сознания. В учебниках по истории конфликты и войны, в том числе межэтнические, зачастую освещались предвзято и необъективно, вся тяжесть вины за их развязывание перекладывалась на плечи противной стороны, в радужных тонах представали воители и политики своей нации, страны. Значение военно-политических аспектов конфликтов, разъединяющих народы, неоправданно гипертрофировалось, при этом затушевывалась роль интегративных, объединительных тенденций, диалога культур и цивилизаций. Прославлялись собственные победы и национальные герои на фоне преуменьшения заслуг армий и героев других наций. Военная тематика представлялась наиболее эффективным плацдармом воспитания мужества, отваги, героизма, патриотизма. Война оценивалась не иначе как искусство.

Понятно, что подобная «подсветка» истории способствовала формированию устойчивых и одновариантных — агрессивистских, борьбистских стереотипов и стандартов мышления и поведения многих поколений людей. Приверженность философии, идеологии и логике войны, выбору силовых методов и ресурсов на длительное время предопределяла содержание и вектор исторического развития человечества в целом.

«Умиротворение» истории — это возвращение статуса первичности духовности, культуре и сознанию. Культурная доминанта, фактор гуманитарности и нравственности лежат в основе исторического прогресса: чем меньше культуры, тем конфликтогеннее и нестабильнее общество. Развитость культурного основания человека и степень одухотворенности народа являются фундаментом единства, стабильности, силы и величия государств. Европейское сообщество и США, едва обнаружив свое отставание в военной, технологической, информационной сфере, начинают решать эти проблемы с осуществления интеллектуально-образовательной интервенции, часто равносильной культурным революциям, которые обеспечивают восстановление нарушенного баланса сил. Именно культурные революции дают стратегическое преимущество, открывают историческую перспективу. ЮНЕСКО, учитывая возрастающую роль культурного фактора, определила XXI в. как столетие гуманитарной интервенции в области образования, науки, культуры и информации.

«Умиротворение» истории — это восстановление полноты картины прошлого, необходимость изучения и обобщения опыта многогранной созидательной деятельности человечества, наиболее важной и одновременно самой трудной формой которой всегда являлось творение мира. Этот опыт многогранен и многолик. Он состоит из реального вклада каждой национальной единицы, каждого этноса и народа в единый общечеловеческий миротворческий капитал. Поэтому включение потенциала национальных историй, в которых сконцентрирована народная мудрость, стратегии, методики и традиции достижения компромиссов, соглашений и мира между этносами, народами, приверженных разным «богам», идеалам и ценностям, выступает важнейшей предпосылкой либерализации или демократизации истории.

Именно такое понимание ценности и востребованности опыта и уроков истории, смысла ее «умиротворения» подвигло автора книги на попытку осмысления истории одной из национальных составляющих мирового сообщества — татарского народа в миротворческом контексте. Эта история трактуется автором как эволюция культуры, духовности, интеллекта, образа мыслей и образа действий, системы ценностей, жизнесмысловых ориентиров, национальной идеи, национального характера и менталитета в процессе плотного и постоянного взаимодействия со многими другими субъектами — творцами истории в рамках процессов глобальной интеграции и локальной автономизации.

Выбор темы и вектора данного исследования, так же как и определение хронологического масштаба осмысления татарского миротворческого опыта, стало возможным прежде всего потому, что за последние 10 — 15 лет наука (не только историческая, но в целом гуманитарная) существенным образом продвинулась в направлении изучения истории татарского народа. Появились десятки книг монографического, научно-популярного характера и немало коллективных трудов. Опубликованы сборники документов и материалов, содержащие многие до сих пор неизвестные и малоизвестные источники. Все это открыло возможность не только по-новому осмыслить национальную историю татар, но и поместить ее в более широкие пространственно-временные координаты, включив в тюркский, российский и общемировой контекст, выявить общее и особенное в их историческом развитии. Благодаря этому преодоление стереотипного восприятия роли татар в истории, негативного подхода к оценке вообще татарского фактора и создание позитивного исторического имиджа татарского народа стало реальной задачей.

Усилия автора в этой связи были сопряжены с критикой концепции европоцентризма, утверждением идеи о прогрессивной роли азиатского фактора в становлении и развитии мировой цивилизации, уточнением подлинной роли тюркской цивилизации в истории человечества и пересмотром традиционной схемы разделения народов на «исторические» и «неисторические», «цивилизованные» и «варварские». Актуализация этих сюжетов детерминирована аксиомой первичности решения более общих проблем, без чего наука всегда будет «спотыкаться» на частных вопросах.

Формирование исторического образа татар на начальном этапе испытывало влияние кочевого уклада, продолжалось в период пребывания в цивилизационной семье тюркских этнокультурных сообществ, осваивавших и обустраивавших Евразию, в эпоху пробуждения к жизни Великой степи и включения ее пассионарной энергетики в процессы эволюции человечества.

Вот почему эволюцию татар как историю их участия в великих переселениях народов мира, строительства цивилизаций, освоения Евразийского континента, творения мира и ведения войн невозможно было понять без нового смыслового прочтения концептуальных понятий — «кочевники», «Азия», «тюрки», «варвары»…

Книга вовсе не претендует на систематическое, исчерпывающее и полноформатное рассмотрение всей истории татарского народа, — это фундаментальная задача исторической науки в целом. В данном случае ставилась задача определения вектора движения татар по дороге истории в направлении от культуры войны (насилия) к культуре мира (согласия), от «дикости» к цивилизованности на основе усиления потенциала интеллектуальности, духовности, толерантности, гуманитарности.

Во-вторых, книга не исчерпывает всю палитру миросозидательной, миротворческой проблематики. Ее «сверхзадачей» является обоснование целесообразности формирования нового направления (жанра) в исторической науке, исходной основой которого является накопленный предшествующими поколениями ученых интеллектуальный потенциал.

И, наконец, на философско-концептуальном «обрамлении» книги лежит «печать» специфики личностного, прочувственного осмысления значимости и перспективности глобальной идеи культуры мира, которая была воспринята автором как озарение человеческой мысли, как программа интеллектуального прорыва человечества от завалов и стереотипов конфронтации к диалогу, доверию и сотрудничеству. Поэтому она вошла в глубинные пласты собственно-личностного сознания, стала ценностным ориентиром, а желание материализовать, утвердить ее на уровне общественного сознания, и прежде всего молодежи, стало смыслом всей жизни автора.

Немаловажное значение имела и личная сопричастность автора к крупнейшим международным акциям, связанным с реализацией программных документов ООН и ЮНЕСКО по проблемам культуры мира, к выработке и осуществлению пилотного проекта «Культура мира в России. Год 2000», а также таких программ, как «Татарстан на пути к культуре мира» и «Казань — город культуры мира». Все это значительно усилило веру и степень приверженности автора идее культуры мира и ненасилия. Оптимизм по поводу ее перспектив усиливался в ходе неоднократных встреч с одним из «отцов-основателей» Программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира» экс-генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором, генеральным директором ЮНЕСКО Коитиро Мацуурой, всемирным координатором Программы ЮНЕСКО Дэвидом Адамсом и координатором российской программы — Валерием Сахаровым. Ценнейшей школой миротворческой закалки явилось и остается участие в работе Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, председателем которой является министр иностранных дел России С.В.Лавров. Большое значение в утверждении идей культуры мира на жизненной практике имели итоги визита государственной делегации Республики Татарстан во главе с Президентом Минтимером Шаймиевым в парижскую штаб-квартиру ЮНЕСКО и подписание первого в практике и ЮНЕСКО и России Договора о сотрудничестве между ЮНЕСКО и субъектом Российской Федерации — Татарстаном. Согласно Договору, Татарстан стал экспериментальной площадкой, где шла и продолжается апробация многих интеллектуальных новаций ЮНЕСКО. В рамках Программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира» в 1999 г. в Казани был создан и действует первый и до сих пор единственный в мире Институт культуры мира, уникальность которого состоит в том, что он предназначен подготовить миротворцев нового типа — гражданских миротворцев (в отличие от военных миротворцев — «голубых касок» ООН).

Гражданское миротворчество — это не альтернатива традиционным институтам поддержания мира, но стратегический ресурс на пути создания новой, более емкой, формы мира, соответствующей новым условиям современности и реальностям многочисленных конфликтов и войн XXI в. Наиболее сложными для урегулирования и опасными по своим последствиям являются межнациональные (этнические), межконфессиональные (религиозные) конфликты. Умиротворение планеты, миротворчество как средство достижения этой цели лишь на основе традиционных способов, методик и институтов поддержания мира становится все более затруднительной задачей. «В сегодняшнем реальном мире возникает новая глобальная система производства и с иголочки новая система войны, но слишком мало есть новых способов, которыми можно способствовать миру». Включение в мироподдерживающую систему ООН, предназначенной отражать натиск волн насилия и решения традиционных конфликтов двадцатого столетия, ресурсов неправительственных (негосударственных), общественных организаций и миротворческого движения, творческого потенциала гражданского общества и есть один из тех самых «новых способов, которым можно способствовать миру». Гражданское миротворчество — это те всходы на ниве жизни, за которыми будущее мира. «Ростки мира иногда прорастают медленно, но плоды никогда не разочаровывают».

Таковы те главные мотивы, которыми руководствовался автор при выборе названия, содержательного материала и жанра данной книги.

# Возвращение к целительным истокам…

## § 1. «Поворот к корням»: осмысление феномена

*История есть священная книга народов.*

*Н.М.Карамзин*

В свитке истории есть все то, что ищет каждый (человек, народ) творящий жизнь, продолжающий движение в направлении прогресса. Отсюда бесконечное желание «раскрутить» его до конца и войти в мир мудрости, овладеть опытом созидания, творения. Вот почему занятие историей относится к категории «вечного промысла» человечества.

Люди всех времен и эпох интересовались своим прошлым. Обращенность «назад», неутомимое желание быть одновременно аналитиком и учеником истории — генетическое свойство человечества. В основе предпосылок формирования историзма как базового мировоззренческого компонента, стиля мышления, инструмента мироощущения, миропонимания и мироизменения выступали потребности как материального, так и духовного порядка. Историзм как основа мыслительной схемы деятельностной практики на протяжении веков приобретал статус жизненной необходимости.

Проблема возврата мыслепотока назад, в прошлое, переосмысления истории и поиска в ней «подсказки», ориентира или использования ее в качестве ресурса для решения назревших

(экономических, социальных, политических, культурных…) задач обычно актуализируется в поворотное, переломное время. Таким «взрывом» интереса к истории отмечены все периоды транзита, трансформации общественных систем, государств и мирового сообщества в целом. Можно констатировать такую закономерность: чем масштабнее исторический разлом, тем обостреннее и глубже интерес к «архиву времени», тем востребованнее аккумулированный опыт поколений. Глубокий смысл и высшее предназначение «точек бифуркации» состоит не в механической смене трассы исторического движения, а в совершении революционного по масштабности и значимости ментального переворота, в изменении системы ценностей, мировоззренческих установок, стиля мышления, самой структуры общественного сознания и на этой основе корректировки — «выправки», а иногда и смены вектора исторического движения, уточнения целей, стратегий и приоритетов цивилизационного развития. Вот почему смена вех, ценностных ориентиров, подобная сменам геологических эпох в процессе эволюции человечества, не может состояться без включения в трансформационные процессы энергетики историзма, поучительных уроков истории.

Современная эпоха постмодернистских исканий, определяемая как глобальная межцивилизационная трансформация, также отмечена всеобщим бумом интереса к истории, начиная от ее семейно-родового уровня и кончая национально-государственным, континентальным и глобальным масштабом. Этот феномен обозначен в науке как «поворот к корням», «возврат к истокам». Идет активная аналитико-исследовательская работа не только в порядке заполнения «белых» или «черных пятен» истории, но и в контексте нового ее прочтения, в направлении более глубокого переосмысления пройденного и свершенного, обретенного и потерянного. В нее втянуты не только профессионалы, «ревизия» истории приняла поистине массовый, всеохватный характер.

В полную меру идет работа исторической мысли в глобальном масштабе. В этот процесс включена огромная интеллектуальная мощь современности: от введения в оборот семейно-родовых архивов, национально-государственных секретных документов, открытия новых экспертно-аналитических центров и исследовательских школ до мобилизации возможностей компьютерной технологии и глобальной сети — Интернета. Порой кажется, что вся планетарная общественность занята выполнением одного, и самого важного, проекта современности — это переосмысление истории народов, стран, всего человечества. Модернизованы учебники истории в системах образования Европы, США, Латинской Америки и Азии. Издано более 200 вариантов учебников истории России. История превратилась в поле самой разнообразной интеллектуальной деятельности: «битвы» за правду, выяснения первопричин былых конфликтов, трагедий, катастроф, но одновременно и «умиротворения» прошлого и настоящего, поиска ресурсов дальнейшего развития. Исторический (историософский, историографический) сюжет предваряет презентацию новых концепций, значительных экономических программ и проектов, анализ социокультурных феноменов, сложнейших явлений и процессов, возникающих в эпоху трансформации. Историческое обоснование, исторические параллели — обязательная атрибутика важнейших международных документов: договоров, пактов, соглашений, коммюнике. К истории апеллируют эпигоны современных политических пертурбаций и движений. К историческим аргументам обращаются лидеры политических партий, народов, стран и коалиций государств при обосновании программ и доктрин развития, при формулировке национальных интересов и приоритетов внутренней и внешней политики. История все больше становится ресурсом политики, политических технологий, ключом к власти.

В США эта тенденция определяется как всепроникающий storytelling. Она возникла в 1980-е, во время президентства Р.Рейгана, когда в официальных речах политиков на смену статистике развития пришли логика и аргументация истории. История для современной элиты (не только политической, но и в целом интеллектуальной, включая бизнес-элиту) становится форматом дискурса, обязательной для нее «дисциплиной». Американский образец «вбивания» истории в человеческий мозг (в десятиминутном представлении журналистам своих министров по поводу своего вступления на пост президента Дж.Буш употребил слово «history» (история) не менее десяти раз!) становится универсальным ресурсом достижения элитой своих стратегических и тактических целей (политических, коммерческих, информационно-технологических и даже военных). К истории часто обращаются при поиске формул согласия для развязки конфликтных узлов, погашения «горячих точек» на планете. Неточность или некорректность обращения с историческими документами или фактами и тем более их фальсификация часто служат катализатором напряжения, ухудшения климата межнациональных, межконфессиональных и даже межгосударственных отношений.

Мы не собираемся давать развернутую оценку феномена «поворота к корням», тем более в категориях «хорошо» или «плохо», а только отмечаем, что историзм как стержень мыслительного процесса и базовый элемент мировоззрения становится приметой современной эпохи.

Формы и цели исторической рефлексии, возврата к исходным историческим корням различны, поэтому характер и последствия этого феномена неоднозначны. Дело в том, что историческое «пробуждение» приводит в движение самые тонкие нервы национального, этнокультурного,

религиозного, регионального и цивилизационного самосознания. Оно нарушает привычный строй мыслей и устоявшиеся стереотипы в когнитивном пространстве. Вскрываются дремавшие в глубинах исторической памяти факты (односторонних, двусторонних, многосторонних) обид, унижений, несправедливостей, без которых не обходилась и не обходится сегодня историческая практика. Исторический ренессанс не только их «освежает», обостряет, но и настраивает если не на сведение старых счетов, то на восстановление справедливости, былого величия, национальной гордыни. Настрой на подобную ревизию может материализоваться в самых неожиданных вариантах: в форме революций и террористических актов, национально-освободительной войны и сепаратизма, экстремизма и религиозного фанатизма, вспышек ксенофобии и расизма, ультранационализма, интеллектуального, экономического и духовного прорыва.

Многие современные завалы и тупики в сфере межкультурных, межнациональных, межконфессиональных и межгосударственных взаимодействий именно потому и образовались, что на стыке тысячелетий обозначилось ментальное явление, направленное на пересмотр итогов деятельности предыдущих поколений, стремление «поправить», «улучшить» историю культур, религий и народов, отказаться, проигнорировать неудобные факты и события прошлого. Начался поиск аргументов, чей хан, князь или царь был храбрее и мудрее; чья культура «выше», а чья «ниже»; какая из религий толерантна, а какая агрессивна; кто первым встал на «тропу войны»… Независимо от конкретики форм, обращение к корням обостряет проблему идентификации личности, народа, страны.

Почему так происходит? Да потому, что процессам восстановления исторической памяти, активизации исторического самосознания зачастую присущ взрывной характер, ибо при этом создается мощная историческая энергетика, которая подпитывает и усиливает не только цивилизационно-преобразовательные процессы, но порой ускоряет прорастание всходов национализма, ксенофобии и религиозной нетерпимости. Примером тому является еще неостывшая «война карикатур», начавшаяся с пародийного изображения пророка Мухаммеда в датских, а потом и других печатных изданиях европейских государств, что спровоцировало не только масштабную волну протеста мусульман, но и актуализировало проблему взаимоотношений исламского и христианского миров в целом. Об этом свидетельствует и та  реакция протеста мусульманского мира, которую вызвала речь папы римского Бенедикта XVI, в которой он лишь процитировал слова одного из последних византийских императоров Мануила II Палеолога, где пророк Мухаммед характеризовался в воинствующем духе.

Многовариантность, противоречивость и сложность природы современного «поворота к корням» усиливаются соединением противоположно направленных тенденций общемирового развития: глобализации, регионализации, усиления культурно-цивилизационного многообразия мира, миграционного «бума», роста конфликтогенного потенциала в мире, усложнения характера взаимоотношений между народами, культурами, цивилизациями и государствами. Все эти явления имеют свою причинность и закономерность, сохраняют свою автономность, самостоятельность. Но, переплетаясь в рамках эпохи постмодерна — «всемирной смены ценностных порядков», они образуют диалектическую смесь единства в многообразии, затрудняя процессы протекания транзитного этапа, феномена осмысления «корней» и одновременно еще более усиливая непредсказуемость форм и последствий исторического «пробуждения». Так, глобализация, стимулируя многообразие во всех сферах общественной жизни, вызывает ответную реакцию самозащиты в форме консервативного традиционализма, религиозного или ценностного фундаментализма, национализма, этноренессанса. Терроризм, который спекулирует на идеологии и практике антиглобализма, также является одной из форм расплаты за цивилизационную динамику и универсализацию мирового сообщества, за однолинейную социальную и геополитическую направленность современного этапа глобализации.

Действительно, глобализация несет в себе опасность самим «истокам» национального, культурного, языкового, религиозного, психологического, ментального и всего видового многообразия. Суть современного этапа глобализации в том, что современный мир оформляется в единое планетарное мировое сообщество, где взаимозависимость приоритетнее, чем дифференцированность, автономность и суверенность. Возрастает роль тенденций, механизмов и институтов сближения, объединения. Но одновременно и параллельно с этими процессами ослабевает привязанность людей к своим ареалам проживания и происхождения, территориям — единственным источникам воспроизводства национального образа жизни, традиций и духовности.

Вынужденный «отрыв» огромной массы людей, целых народов от своих исторических корней в науке рассматривается как «разрушение оснований замкнутости» (Э. Шилз). «Необходимо четко осознавать, что речь идет о разрушении веками формировавшихся принципов взаимодействия в этническом биологического и социального, о разрушении особенности культур, своеобразия биосоциокультурных пространств». Тех просторов, «в которых судьбы… повертываются к целительности родины, или к гибельной безродности, или уже к равнодушию перед лицом обеих» (М.Хайдеггер). Сознание опасности равнодушия к родине и гибельной безродности становится доминирующим настроением в современном глобализированном мире. Его ясно отражает А.Филиппов

в послесловии к книге У.Бека «Что такое глобализация?». Послесловие озаглавлено «Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места».

Это, конечно, гиперболизация угроз глобализации. Многое будет зависеть от степени «вооруженности» историческим опытом формулирования ответов на вызовы интернационализации (глобализации), накопленным человечеством в течение тысячелетий. Дело в том, что глобализация в целом, как и глобализация в культурной области, — не уникальная новация современной эпохи. «Процесс глобализации протекает теперь уже более пяти столетий, на самом деле он берет начало с того момента, когда человек достиг мастерства в навигации. Но то, что происходит ныне, — это полное драматизма ускорение процесса глобализации, что является сложной проблемой, требующей массированного ответа. Этот ответ должен даваться с должным уважением к культурному разнообразию и идентичности — этому бесценному компоненту, в котором и состоит подлинное достоинство наших многих народов».

Регионализация — одна из форм ответа на вызовы глобализации. Она выливается в процесс выхода на арену самостоятельного творчества новых субъектов, новых акторов — народов, локальных сообществ и регионов. Многие из них в силу целого ряда причин были в стороне от главной артерии общемирового цивилизационного развития и поэтому в наибольшей степени заинтересованы в возврате к целительным истокам бытия и истории малой родины. В обращении к историческим корням, в восстановлении этнокультурных традиций, в апеллировании к опыту предшествующих поколений они ищут способы адаптации к сложности, противоречивости и динамике трансформационного времени, усматривая в нем ресурс самоидентификации, самоопределения и самоутверждения. Общим знаменателем форм реакции на глобализацию выступает возросший интерес народов и региональных сообществ к прошлой и будущей судьбе своей цивилизации, культуры, к своей аутентичности и идентичности.

Однако регионализация открывает «шлюзы» для многих вариантов действий. На глобальном уровне новые субъекты мировой политики (государства или государственные образования в рамках федераций), получив более высокий политический статус, нередко, обладая мощным энергетическим, природно-ресурсным или лидерским потенциалом, испытывают самые различные соблазны, например, соблазн потребовать компенсации «отнятого», «завоеванного», «присвоенного» или наращивания своей мощи путем военизации экономики, милитаризации общества, установления диктаторских режимов. Своими действиями они зачастую серьезно усложняют архитектонику международных отношений, усиливают нестабильность в мире, подталкивают к новому витку напряженности.

На региональном уровне процесс исторического «пробуждения» народов, культурного возрождения, роста национального самосознания и восстановления исторической памяти также протекает неоднозначно, противоречиво и вариативно. При этом он имеет ряд особенностей, затрудняющих работу мысли и действий у народов, имеющих обрывы, разрывы в ткани исторического самосознания. Так, коллективная память российского общества в целом (или его русской части) принципиально отличается от коллективной памяти других народов, составлявших имперскую Россию, Советский Союз. Особенно это характерно для народов, пострадавших от репрессий, русификации, депортации, у которых события такого порядка составляют один из опорных моментов национальной консолидации, протекающей «от противного».

Таким образом, регионализация вызывает к жизни мощный поток эмоций, явлений, движений, инноваций, стремительно меняющих темп исторических преобразований, задающих новый вектор цивилизационным переменам. Поэтому как исход всемирной трансформации, так и вся перспектива эволюции человечества во многом будет определяться уровнем исторического самосознания, состоянием духовности, величиной культурного слоя народов и регионов мира. Превращение регионального «бума» в культурный ренессанс и всесторонний расцвет регионов, превращение регионов в прогрессивные и демократические субъекты мировой и региональной политики создадут, на наш взгляд, предпосылки для вступления мирового сообщества в новую фазу исторического развития, определяемую как постиндустриальная цивилизация. Главным условием и содержанием такого перехода является смена ценностных и мировоззренческих систем, а стало быть, политических, экономических, социальных и внешнеполитических ориентиров развития в пользу утверждения идей, норм и принципов демократии, культуры мира, мирного сосуществования и соседствования, диалога и сотрудничества народов, стран и цивилизаций.

Однако этот переход не может вылиться в единовременный акт. Поиск освоения ценностей постиндустриальной цивилизации, философским ядром которой являются культура мира, толерантность, этноконфессиональное согласие и диалог цивилизаций, будет протекать легче и интенсивнее там, где для этого имеются объективные исторические предпосылки. Наиболее подготовленными «площадками» и пионерами такого перехода являются регионы, которые обозначают себя как «точки роста», превращаются в модернизационные центры. Именно там, в зонах «малых родин», где берут начало истоки парадигм нравственности, духовности народов мира, рождаются не

только образцы высоких технологий, но и формулируются ответы на многие вызовы времени. В них аккумулируется опыт, усиливается потенциал толерантного стиля мышления и исторического действия, создаются неконфликтные модели цивилизационных перемен («татарстанская модель» в России, «швейцарская модель» в Европе, модели «экономических чудес» и интеллектуальных прорывов «азиатских тигров»).

Регионализация — явление столь же историческое, как и глобализация. Оба явления — это форма и суть объективных тенденций к интернационализации и дифференциации, интеграции и федерализации, развитию и взаимодействию центростремительных и центробежных сил. Поэтому, насколько опасно упрощать или односторонне оценивать глобализацию, настолько опасно и методологически неверно сводить регионализацию лишь к восстановлению «иссохших» исходных корней, определению национально-региональной идентичности, возобновлению процесса жизнедеятельности территорий.

«Парадокс в том, — отмечает И.Я.Левяш, — что известные регионы — территории, но далеко не всегда территории — регионы. У них предыстория тысячелетий существования и эволюции внешне связанных, но самодостаточных «одноклеточных» макрокосмов. Регион, как культурно-цивилизационный феномен, обретает смысл только в контексте глобализации. Являясь относительно самостоятельным, регион абсолютно не самодостаточен как подсистема глобальной целостности и вне ее взаимосвязи и взаимообусловленности — просто территория». Речь идет не только о разных масштабах проявления или пространственного «господства» этих двух тенденций, а об их разных предметах и целях — смыслах воздействия. Глобализация более связана с цивилизацией, а регионализация — с культурой.

Регионализация, являясь «последним прибежищем историко-культурной самобытности», «ядром» идентичности народов, тем не менее набирает историческую силу больше всего в коллизии процессов интернационализации — глобализации. Институциональное напряжение между процессом глобализации как движения к обезличенным универсалиям и процессом национально-территориальной регионализации как способом сохранения уникального в человеческой цивилизации создает живую ткань общественного развития. Достижение динамичного равновесия между процессами глобализации и регионализации, несомненно, будет усиливать тенденцию устойчивого развития человечества.

Представляется, что именно в контексте такого широкого понимания особенностей и перспектив современного феномена «поворота к корням» определяется императивность поиска новых подходов к осмыслению санирующего эффекта, мудрости и назидательности опыта, накопленного предшествующими поколениями, освоения новых технологий анализа крупиц исторического материала, национальной и всемирной истории.

В такой актуализации проблемы воссоздания полной и объективной картины исторического прошлого в принципе ничего сверхъестественного нет. Овладение мудростью и ценностью исторического капитала всегда являлось метаидеей народов. Но человеческому сознанию свойственно возведение границ между познанным и непознанным. И поэтому оно каждый раз заново ставило перед собой задачу добраться до глубинных истоков истории, которые, как бы воплощаясь в бесчисленном множестве потоков, вновь ускользали от направленного взора, не в силах уместить все богатство истории в рамках исследовательского фокуса. Мы и сегодня вынуждены констатировать факт множественности тайн, загадок, неясностей, неизвестностей и непредсказуемостей как в мировой истории, в складках, изгибах и морщинах которой огромная глыба не тронутых вниманием исследователя пластов, срезов, наслоений, так и в ее составляющих частях — национально-региональных историях, где остается много неизведанного. Ведь и представители блистательной плеяды историков древности, классический ряд мэтров и талантливые историки новейшей генерации жаловались, что история — это мрак и ее занавес лишь приоткрыт.

Но следует ли делать из этого трагедию, признаваясь в интеллектуальной неполноценности, инновационной неспособности или слабости исторической науки? Скорее всего надо согласиться с тем, что история безмерна, безгранична во времени и пространстве, многогранна, мозаична в своем содержательном наполнении, и потому всякому двигающемуся ей навстречу дано видеть лишь ограниченную ее ипостась, грань. Очевидно, каждое поколение историков будет пытаться по-новому открывать глубинный философский смысл истории, «схватить» из ее мощного и масштабного потока ту часть драгоценного материала, ту ее сторону, которая зачастую остается за чуть приоткрытой завесой времени.

В прошлом и наука и преобразовательная практика могли ограничиваться достижениями частного, отдельного порядка, шаг за шагом осваивая бездну истории, поэтапно расшифровывая код универсальности инструментального предназначения ее опыта. Ограничиваясь аналитическими возможностями главным образом формационной теории, задачу исторической науки исследователи сводили к изучению приоритетных, «материализованных» областей общественной жизни. Потому история излагалась как социальная, экономическая, политическая или военная (внешнеполитическая) история.

Большинство национальных исторических школ (в том числе и российские) традиционно были ориентированы на анализ преимущественно базовых сфер общественной жизни. В тени политической, экономической и иной событийно-отраслевой истории оставалась история эволюции интеллекта, духовных ценностей, ментальности, культурно-исторических типов и образа жизни народов в режиме их динамичного взаимодействия и взаимовлияния. Такой вульгаризованный материалистический подход к истории — пример «взгляда из туннеля» (Дж.Хекстер). Конечной целью исторического исследования является познание жизни реальных творцов истории — людей и народов во всем их разнообразии или, если воспользоваться выражением, ставшим девизом школы «Анналов», создание «тотальной истории», т.е. панорамно-объемной, полисюжетной истории.

Императивы решения современных проблем человечества, а также выработки глобальных футурологических прогнозов-сценариев его развития актуализируют задачу выхода из «туннеля», требуют реконструкции картины прошлого в полноформатном виде, изучения и «возвращения» в современную социальную практику опыта истории во всем его объеме, т.е. в его реальном масштабе. Речь идет о необходимости создания интегральной модели изучения как универсальной («большой») истории человечества, так и истории конкретных народов и цивилизаций, причем в фокус исследовательского внимания должны попасть все сферы и формы жизнедеятельности, в том числе духовная, интеллектуальная и миротворческая деятельность народов. Историческая наука нуждается в своеобразном эффекте перехода от микроскопа к телескопу, как образно выражался Марк Блок, пояснивший, что «микроскоп — прекрасный инструмент для исследований, но куча сделанных с его помощью слайдов еще не является произведением искусства». Когда историк «отступает на несколько шагов», чтобы «разглядеть проблему, явление, феномен в целом, он сталкивается с гораздо более острыми проблемами интерпретации — необходимостью соединить множество сюжетов в связный рассказ, оценить значение различных факторов». Необходимость расширения традиционного ряда базовых областей общественной жизни путем введения в него культуры, знания, науки и всей совокупности духовных ценностей как продукта — результата миротворчества диктуется соображениями не только важности восстановления «тотальной» целостности истории, но и особой значимости мира, миротворчества как фактора, придающего смысл всем другим видам деятельности, обеспечивающего процесс непрерывности и воспроизводства самой жизни.

Мы исходим из убеждения, что непрерывность и целостность всех форм жизнетворения, ценностное содержание единого исторического бытия во многом обеспечивались благодаря способности человеческого духа и разума сопрягать разнополярно заряженные начала и превращать их в единый исторический поток, направленный на развитие. Это достигалось за счет умения вырабатывать и усиливать энергию толерантности, гуманитарности и миротворчества. Непрерывность нити истории — это результат развивающегося стремления человеческого сообщества к солидарному взаимодействию и коллективному творчеству перед лицом постоянно усложняющихся и возрастающих в своих масштабах вызовов времени. Духовные, интеллектуальные усилия человечества по постоянному подавлению инстинктов агрессивности, воспроизводство «генов» мира и наращивание миросозидательного потенциала являлись главным условием сохранения жизни как высшей ценности, продолжения исторического творчества людей во всех формах и сферах бытия.

Логика исторического развития убеждает в том, что миронастроенность, миронаправленность мыслей и деятельности, ориентир на толерантность, консенсус, согласие и взаимодействие оборачиваются, превращаются во вполне измеримую, ощутимую и духовно и материально инвестицию, в многообразные формы ценностного капитала. Установка на мир, политику взаимополезного контактирования с другими цивилизационными сообществами как во внутреннем, так и во внешнем измерении социума постепенно становилась моральным и материальным эквивалентом философии мира, противостоящей культу насилия. На основе такой трудной и сложнопротиворечивой трансформации системы ценностей, движения от культуры войны и насилия к культуре мира и согласия все более рельефно выявлялась рациональность, прагматичность и эффективность всех сфер и направлений жизнедеятельности людей, народов и государств. Именно потому отнюдь не случайно, что по мере накопления жизненного опыта, исторической мудрости установка на мир, миротворчество, диалог и сотрудничество между людьми, народами и государствами постепенно возводилась в статус базовой этической нормы, всеобщей философской и сакрально-мировоззренческой ценности.

Значимость ориентации гуманитарных наук на специальное и системное изучение означенного опыта диктуется усложняющимся характером общественного развития, усилением его антиномичности и непредсказуемости. Принципиальное значение в этом плане имеет отказ от конфликтной модели анализа бинарных оппозиций (хаос и порядок, дезинтеграция и интеграция), переход к изучению истории в контексте модели мультикультурализма, интегрального взаимодействия и взаимовлияния народов, диалектики созидательного и разрушительного, интеграционно-объединительного и центробежного, техногенного и гуманитарного начал, а также иных разнополярных процессов-тенденций, в своем взаимопересечении образующих целостность глобальной человеческой общности.

На это обращают внимание и политики, умудренные опытом, способные измерить цену «побед и поражений». «Можно по-разному писать историю, — отмечает Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев, — как историю непрерывных войн или же как взаимообогащение культур. Нам нужны исторические труды, показывающие Евразию не только как походы, пусть даже и знаменитых завоевателей, а как историю великих открытий, культурных достижений, вошедших в сокровищницу мировой культуры».

На это ориентирует и вся совокупность программных документов, принятых ООН и ЮНЕСКО. Совсем не случайно каждый год в XXI в. получает ту или иную миротворческую «маркировку»: Международный год культуры мира, Международный год диалога цивилизаций, Международный год сохранения историко-культурного наследия человечества… Весьма знаменательно, что 2007 год объявлен Международным годом планетарного сознания и этики диалога народов, культур, религий и цивилизаций. Во всем этом прослеживаются признаки всеобщего беспокойства по поводу перспектив человечества перед угрозами-вызовами грядущей эпохи и одновременно востребованности включения накопленного исторического миротворческого потенциала в трансформационные процессы современности.

Культура мира, толерантности, этноконфессионального согласия и диалога цивилизаций как система гуманистических, миросозидательных, миротворческих ценностей, идей, норм и принципов имеет разные уровни становления, формирования и развития: глобальный, локально-региональный, национально-местный. На местном, региональном уровне закладываются исходные основы социокультурной, генетической матрицы культуры мира. Здесь накапливается историческая энергетика (интеллектуальная, социальная, экономическая, этнокультурная), которая, по законам сообщающихся сосудов, передается и питает своей силой все последующие пространственные уровни культуры мира. Чем выше и мощнее исходная энергетика, тем больше оснований для утверждения культуры мира в качестве образца-ориентира образа жизни, стиля мышления и практического действия народов и стран мирового сообщества.

Именно так понимается автором значимость межнационального, межконфессионального согласия, диалога цивилизаций и культуры мира в социальном прогрессе человечества. При этом неоценимо высока роль в создании, сохранении и воспроизводстве этих базовых, ориентационных ценностей локальных цивилизаций, регионально-местных, этнокультурных сообществ, как тех исходных мест, где берут начало родники миротворческого таланта, интуиции народов. Это и послужило мотивом-обоснованием для предпринятия попытки такого целенаправленного «взгляда» на исторический путь, пройденный татарским народом.

## § 2. История татар: на пути к истине

*В высшем значении История есть летопись обороны Истины против возрастающего на нее, явно и тайно, отрицания. Видимо, действующие в этой борьбе личности и народы суть не что иное, как сознательные и бессознательные орудия движений Духа Правды и двуликого духа неправды.*

*А. Вельтман*

Приведенная выше цитата принадлежит автору «прорывной» для России середины девятнадцатого столетия книги «Аттила и Русь IV и V века» историку А.Вельтману. Пожалуй, она могла бы стать эпиграфом как для всемирной истории, так и для всего свода национальных историй. Но она предназначена для осмысления прежде всего истории татарского народа, которая была и пока в значительной мере остается в плену негативистских мифологем, предвзятых субъективистских мыслительных схем и этноцентристских фобий.

Откуда и когда возник негативный отсвет на историческом образе татар? Наиболее ранние корни татарофобии восходят к хуннской эпохе, когда в китайских источниках было отмечено появление грозной военной силы — племен под названием «та-та», впоследствии получивших название «белых татар». Возведение Великой Китайской стены также связывается с необходимостью обеспечения безопасности от «белых татар», совершавших набеги на территории соседей.

В XII в. в Европе происходит второе возвращение понятия «татары» в том же нарицательном смысле, каким были в свое время «белые татары» для китайцев. Оно было связано с выходом на историческую арену новых молодых империй — Монгольской империи и Золотой Орды. Но при этом необходимо сказать об особенности европейской культурной почвы, которая была готова и способствовала прорастанию семян «антитатаризма». Различные варианты негативистской оценки татар как разновидности «варварской» («дикой») культуры, как фактора регресса и исторического тормоза утвердились в западном общественном сознании на основе традиционного для европейцев

стереотипа восприятия чужой, иной культуры как либо заведомо агрессивной, либо второсортной, но, во всяком случае, не вполне равноценной и, стало быть, «нецивилизованной».

В более широком сопоставительном контексте Запад — Восток европоцентризм исходит из представлений о самодостаточности, самоценности закрытых систем, «где, — как считает известный ориенталист Э.Саид, — объекты раз и навсегда являются тем, что они есть, потому что они есть то, что они есть, так как по онтологическим соображениям эмпирический материал не может ни менять свое место, ни видоизменяться. Соприкосновение европейцев с Востоком, в частности с исламом, усилило эту систему изображения Востока… и превратило ислам в олицетворение чужака… Многие идиоматические выражения, связанные с Востоком, заняли прочное место в понятийном аппарате европейской академической науки. Все они сходились в представлениях о так называемом восточном характере, восточном деспотизме, восточной чувственности… ориентализм был именно такой системой истины. И поэтому будет справедливо сказать, что каждый европеец, высказываясь о Востоке, неизбежно проявлял себя как расист, империалист и почти полный этноцентрист».

Можно соглашаться с такой оценкой, а можно ее не принимать, но европоцентризм по своему концептуальному содержанию и предназначению препятствовал, да и сегодня мешает утверждению взгляда на конкурентоспособность и «модельность» культур незападных народов. Такой подход чаще всего применялся к истории кочевых народов, которым было отказано в праве и способности создавать высокие, развитые формы государственности, хозяйственных систем, культур. А так как татары в подобной трактовке выступали как представители классических форм кочевой культуры (вспомним клише «пантюркизм» или «татаро-монгольское иго»), то они по определению попадали в список нецивилизованных, агрессивистского типа народов.

Понятие «татары» в европейском сознании изначально «засело» как явление, угрожающее самим основам классической цивилизации. Начиная с момента выхода на историческую арену Монгольской империи и Золотой Орды, когда Европа действительно впала в ужас и содрогание от реальной опасности разделить участь многих завоеванных народов и испытать негативные последствия завоевательных походов этих государств, а затем все последующие кочевнические «выходы» в европейском направлении, шире — все восточноазиатские ужасы стали определяться через понятие «татаро-монголы», или просто «татары». Татары становились собирательным образом и воплощением варварства всего кочевого (азиатского) мира. Как татарское деяние воспринималось все то, что рушилось на пути движения Чингизидов к олимпу славы. С татарами связывался весь длинный шлейф разрушений и опустошений, неизменно сопровождавших завоевательные походы монголов, тюрков, и не только их. Татары вошли в европейское сознание не как конкретное этнокультурное явление, а как некая дикая тьма, варварская масса, двигавшаяся из глубин Азии и одержимая целью испепелить европейскую цивилизацию. Европейцы оценивали эти походы не иначе как межцивилизационную войну. Несколько поколений детей было воспитано в духе страха перед татарами. В таком «педагогическом» арсенале главной мерой наказания детей за непослушание являлась угроза: «Отдадим татарам».

На верхних этажах европейского цивилизованного мира также витала тень татарской угрозы. Не случайно европейские монархи начинали свои утренние молитвы восклицаниями «О господи, спаси нас от татар». При этом название «татары» идентифицировалось с древнегреческим термином «тартар», что означало самый глубокий уровень ада, где обитают наиболее опасные и отвратительные громадные чудовища. Это представление, например, подтверждает письмо, написанное французским королем Людовиком IX его матери, в котором он писал следующее: «Нам с небес послано утешение, что эти тартары должны были прийти, поэтому мы должны быть в состоянии или отправить их назад в Тартару, откуда они появились, или иначе мы сами должны вступить в небеса, чтобы радоваться восторгу, который ожидает избранных».

Именно такая проекция восприятия татарского фактора объясняет его глубокую внедренность в европейский менталитет. Этим объясняется и непреодоленность в европейской традиции негативистского подхода к историческому прошлому татар. Даже в самых последних поколениях европейских и американских школьных и университетских учебников по истории анализ исторических процессов почти пяти столетий (вплоть до середины XVI в., т.е. до падения Казанского ханства) дается через понятие «татарское иго». В них даже современный так называемый «исламский терроризм» или «исламский фашизм» имеет татарские предтечи.

Европоцентристская традиция восприятия иных незападных социокультурных форм задавала научным школам соответствующие мыслительно-аналитические ориентиры. Она устраивала и российские историко-политические институты, облегчая решение идеологической задачи «потопления» татарского вопроса в одноцветном темно-негативном тюрко-кочевническом или монгольском прошлом. С таким историческим имиджем в «респектабельные» народы попасть было трудно. Но именно это и требовалось носителям великодержавного взгляда, да и всем, кто придерживался принципа «divide et impera» («разделяй и властвуй»). Выводить русские исторические

корни из общего многоэтничного, во многом тюркоязычного, евразийского «плавильного котла», тем более признавать историческую родственность с тюрко-татарским миром означало бы противоречить мессианской идеологии Московской Руси, объявившей себя в момент становления Российского государства «третьим Римом».

Реалии изменившегося мира побудили советскую систему видоизменить постулаты национальной политики. Появилась формула дружбы народов вокруг и во главе с великим народом — старшим братом. Но в самых «жестких» идеологических документах татарам было предписано забыть о глубине древности исторических корней, о сопричастности к процессам мировой истории, об участии в создании передовых и конкурентоспособных форм цивилизаций, культур, государственности, укладов и образов жизни. Синдром «татарской опасности» не преодолен и в современном самосознании российского общества. Он проявляется в самых разных формах. В исторической науке это возрождающаяся и набирающая силу русская историографическая традиция, представляющая российскую историю как историю русского национального государства. В политике это непризнание права на суверенитет или отрицание существования татарского вопроса как части нерешенной в целом национальной проблемы. В культуре это атавизмы запретительных мер, связанные с сохранением и развитием татарского языка, получением образования на татарском языке, сменой кириллицы на латинскую письменность… Коррекция «русскоцентристской оптики» видения прошлого, настоящего и будущего — назревшая проблема. Многонациональные державы-империи не могут позволить себе такую роскошь — в течение десятилетий игнорировать национальные проблемы. Чтобы понять опасность возможных последствий, достаточно все национальные проблемы, накопленные в Советском Союзе, и сам его распад соотнести с более масштабным историческим контекстом, ввести в контекст причин гибели всех многонациональных империй. Преодоление такого рода синдрома этноцентризма и разных форм фобий в XXI в. оформляется в фундаментальную не только российскую, но и глобальную проблему человечества.

Во всеобщую копилку созидательно-преобразовательного опыта человечества, в обеспечение непрерывности и поступательности его движения по пути цивилизационного развития внесли вклад все народы мира. Волею исторических судеб татары изначально были включены во всеобщий процесс становления и развития человеческой цивилизации. Последовательно, не пропуская ни одну из ступеней исторического становления, пройдя все основные этапы эволюции, татары постепенно становились значимой социокультурной силой, фактором развития, системообразующим «ферментом» тюркской и российской цивилизации. Татарский опыт поиска и творения рациональных форм жизнеустройства, культуры и цивилизации в совокупном виде (включая не только достижения, но и неизбежные в историческом порыве ошибки, потери, неудачи), накопленный за многие тысячелетия на масштабном евразийском геополитическом «майдане», не мог не стать интернационально полезным историческим капиталом, поэтому «татарский след» обнаруживается в сложных исторических перипетиях многих народов, во многих общезначимых историко-культурных ценностях, источниках, памятниках, составляющих общее историческое наследие человечества. Но татары, имея полное основание гордиться величиной своего вклада во всеобщий прогресс, в одинаковой мере со всеми остальными мировыми этнокультурными «единицами» несут и ответственность за потери общецивилизационного характера, исторические трагедии и гуманитарные катастрофы.

История татар — это вовсе не победное шествие от одной взятой исторической высоты к другой. Как и история многих других древних народов, она сложна, противоречива и драматична. Она уникальна, но одновременно поучительна универсальностью спрессованного в ней многогранного опыта, в котором «проглядываются» многие признаки, оттенки, линии и контрасты общей исторической судьбы человечества. В ней пассионарные взрывы и угасания, озарительные взлеты и падения, блистательные победы и сокрушительные поражения, совпадающие в целом со схемой «большой», всеобщей, глобальной истории.

Весомость и значимость татарского компонента в мировой истории определялась в прошлом и определяется в настоящем совокупностью факторов. Исходным среди них является временной параметр.

Вопрос о первоистоках народов мира и человечества в целом был и остается одним из предметов растущего интереса, анализа и дискуссий в науке. Еще Томас Манн по этому поводу писал: «Прошлое — это колодец глубины несказанной… Поэтому практически начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так и не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоистоке».

Глубина «колодца» прошлого, исторический возраст человеческого рода, до сих пор измеряется в весьма широком диапазоне — от нескольких миллиардов до 500 — 100 тыс. лет. Менее спорным является вопрос о времени становления первобытного общества. В настоящее время одни считают, что древнейший человек (а тем самым и первобытное общество) возник 1 — 1,5 млн. лет назад, другие

относят его появление ко времени более 2,5 млн. лет назад. Верхняя грань первобытнообщинного строя колеблется в пределах последних 5 тыс. лет, различаясь на разных континентах. В Азии и Африке первые классовые общества и государства сложились на рубеже IV и III тысячелетий до н.э., в Африке — в I тысячелетии н.э., в других областях ойкумены — еще позднее.

Из этой всемирной генеалогической схемы (конечно, не бесспорной) вытекают первоистоки тюркской цивилизации, соответственно, и татарского народа. Следует сразу оговориться, что в каждой попытке приблизиться к началу своей истории — первоистоку нельзя видеть лишь стремление к искусственному удревнению исторического возраста своего народа и попытку обоснования его исключительности, мудрости, значимости. Время выхода на арену истории само по себе не имеет решающего значения в определении роли, которую играет тот или иной народ. Как известно, волной истории в реку небытия сметено немало цивилизаций, процветавших еще в доисторическое время. Верно и то, что народы, ставшие субъектами истории значительно позже своих древних предшественников, и сегодня продолжают задавать тон и ритм историческому процессу.

В данном случае мы исходим из важности всеобщего положения о том, что необходимость знания родословной от и до (своего рода, народа, человечества) относится к категории этической нормы, нравственного императива.

Длительное время исторические корни татарского народа ученые «выводили» из VI в. н.э., связывая их с образованием Тюркского каганата. Сейчас этот тезис устарел. Науку уже не устраивает и то, что его первоистоком определяется хуннская эпоха. «В таком случае получается, — замечает С.Х.Алишев, — что тюрки не имели своего родового первобытного общества, не жили в палеонтологическом и неолитическом периодах».

Известный тюрколог и татаровед на основе анализа широкого круга источников вносит свою лепту в изучение вопроса о первоистоках татар, которые начали свой путь в историю с первобытно-родового строя, т.е. с того же исторического рубежа, с которого открывается исходное начало начал всего человечества. На последующем этапе, в эпоху древности, в недрах тюркского этнокультурного сообщества формируется духовное ядро татар.

Вводя в свою систему аргументации результаты исследований многих поколений историков, С.Х.Алишев находит «следы» древнетюркской цивилизации не только на территориях традиционного их расселения — в Южной Сибири, Монголии, Центральной Азии, в районах Волго-Камья, но и в более широком пространственном диапазоне — на Мальте и даже на Американском континенте, куда в доисторические времена тюркоязычные племена перебрались через Камчатку, Чукотку и острова Тихого океана. Исследователь солидарен с мнением сибирского ученого В.Е.Ларичева о том, что предки современных индейцев сиу, майя, ацтеков долгое время жили среди тюркских племен Сибири или сами были тюркоязычными, затем перекочевали в Северную Америку, открыли ее 40 тысяч лет назад, то есть задолго до Колумба. С еще большей степенью полноты и достоверности С.Х.Алишев характеризует историю тюрок эпохи энеолита, медного (VI—III тысячелетия до н.э.) и бронзового веков (IV — начало I тысячелетия до н.э.).

Крупным вкладом в изучение древнейших пластов тюркской культуры, первоистоков тюрко-татар явились труды таких представителей казанской исторической школы, как М.Ф.Закиев, И.Р.Тагиров, А.Х.Халиков, С.Х.Алишев, Р.Г.Фахрутдинов, А.Г.Мухаммадиев, М.А.Усманов, Д.М.Исхаков, Ф.Ш.Хузин, И.Л.Измайлов, Я.Ш.Шарапов, Д.К.Сабирова, С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова, Г.М.Давлетшин. Этапно-обобщающим исследованием являются два тома книги «История татар с древнейших времен».

Результаты изысканий целой плеяды ученых Казани подводят науку к обобщениям более широкого характера, прежде всего к стержневому выводу о разделении народов Азии древности на ираноязычные (индоевропейцы) и тюркоязычные (тюркские) народы и их равнозначном вкладе в прогресс общечеловеческой цивилизации. Важность вышеозначенного вывода определяется тем, что, согласно европоцентристскому подходу, относящему тюрок к «неисторическим» народам, «диким варварам», весь исторический прогресс в Евразии обеспечивался только ираноязычными (индоевропейскими) народами.

Современное историческое сознание должно быть свободно от оценочных крайностей. Некорректно, вредно и опасно пытаться «зачистить» евразийское поле от других этнокультур, оставив на нем только тюрок в качестве единственных творцов истории. Не менее бесперспективно продолжать трактовать культурно-цивилизационный феномен Евразии как плод усилий лишь индоевропейцев. Евразия, как географическо-геополитическое и культурно-цивилизационное пространство, осваивалась в процессе постоянного и тесного взаимодействия (мирного, военного, культурного, торгового, хозяйственного) множества этнокультурных величин, как аборигенов, так и пришлых. Материальная культура степных народов — это достояние всей цивилизации Евразии и народов, которые в дальнейшем создали на территории Восточной Европы древние государства, в том числе и Древнюю Русь. И конечно, шел колоссальный процесс заимствований друг у друга культурных ценностей,

военных технологий, бытовых традиций. «Это был котел восточно-европейский, который приводил к перемещению племен и народов, и в этом смысле тут кого-то выделять в лидирующую группу, которая являлась бы основополагающим звеном развития Восточной Европы, было бы бессмысленно и антинаучно». Мы разделяем точку зрения члена-корреспондента РАН, директора Института отечественной истории РАН А.Н.Сахарова. Процессы освоения Евразии, создания там первых точек цивилизационного роста, региональных модернизационных центров необходимо рассматривать как результат взаимодействия всех реально действовавших субъектов истории.

Таким образом, мы участвуем не в конкуренции за пальму первенства в истории человеческого рода, а в решении таких проблем глобальной истории, как генезис и первоистоки человечества. Ведь, отрывая жизнетворные исторические корни от ствола и кроны культуры в данном случае татарского народа, мы обедняем саму историческую почву становления и развития тюркской, российской и всеобщей человеческой цивилизации в целом, искажаем представление о сложном, но весьма продуктивном характере их сопряжения, взаимосвязи, взаимовлияния и о многокорневой природе каждой из этих цивилизационных величин.

Своего рода зенитной точкой в длительной работе многих поколений историков по выяснению тюрко-татарских первоистоков, места и роли татарского фактора в мировой истории явился тысячелетний юбилей Казани. В ходе его подготовки, вписавшись в контекст всеобщего процесса «возврата к корням», удалось найти философско-методологический ключ, который был необходим для выполнения задачи более широкого формата — прояснения вопроса об исторических корнях и первоистоках татарского народа, восстановления исторической правды о нем, снятия негативной «вуали» с его облика и возвращения в ряд народов-творцов общемировой культуры. О древности и автохтонности татар на территории Волго-Камья свидетельствовал и тот факт, что древнюю Казань окружала целая гирлянда других крупных культурных центров, являющихся или ее историческими сверстниками, или имеющих еще более древний исторический возраст. Это Булгар, Биляр, Елабуга…

Каждое достижение на пути поиска первоистоков, конечно, уплотняло хронологию татар на века и тысячелетия, но самое главное состояло в том, что оно расширяло представление о их месте не только в координатах времени, но и в иерархической системе народов, выстроенной по критерию величины вклада в становление и развитие общечеловеческой цивилизации. В результате такой длительной интеллектуальной работы удалось доказать, что татары — народ исторический и по степени древности, и по яркости следа, оставленного на столбовой дороге цивилизационного развития человечества, и по роли, которую они играли в качестве миротворческого фермента, влиявшего на содержание и темпы всеобщего исторического процесса.

Татары — народ исторический еще и по форме, стилю мышления, по степени развития исторического самосознания и исторической памяти, в глубинных складках которой на уровне рефлексии сохранялись представления об образе своего народа, о сложном, но достойном уважения историческом пути, пройденном им. Историзм мышления как способ самопознания и самоутверждения, мировосприятия и мироизменения был присущ ему изначально. «Возникнув в глубокой древности, — отмечает Ф.Н.Шакуров в работе «Развитие исторических знаний у татар», — как проявление потребности осмыслить окружающий мир и свое место в нем, исторические представления развивались от мифов и легенд, где мир еще статичен и отсутствует грань между тем, «как было» и «как не было», через исторические предания, выражающие идею единства поколений родоплеменной общности, к попыткам воспроизвести былое в памятниках письменной истории первых классовых обществ, и далее по пути все более полного и разностороннего постижения прошлого».

Особенность исторического стиля мышления накладывала отпечаток на процессы формирования образа жизни, менталитета, национального характера и психологии, философско-мировоззренческой системы, на все формы деятельности, связанные с созданием материальной и духовной культуры. Историзм мышления как важная черта цивилизационной характеристики татар — это не статичное явление, которое, однажды возникнув, не подлежало потом изменению, не готовый и тем более не заимствованный или «отобранный» культурный продукт, овладение которым можно было бы отнести к какому-то определенному времени. Это живой, постоянно развивающийся процесс количественного и качественного наполнения сознания образными представлениями о сотворенном, достигнутом, преодоленном и одновременно об утерянном, прерванном, упущенном.

Кочевой образ жизни, в рамках которого прошло становление основ мировоззренческой системы, духовной культуры татарского народа, способствовал формированию способности масштабно-пространственного, философско-образного восприятия окружающего мира. Подчеркивая развитость историзма в мыслительной системе татар уже в древнее время, автор книги «Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа» профессор Г.М.Давлетшин с полным основанием пишет: «Нет сомнения, что история писалась не только на надгробных памятниках, но и в специальных исторических произведениях. Профессиональные исторические знания для тюрок стали повседневной необходимостью. Они играли важную роль в укреплении, развитии государства тюрок, образовании

единой идеологии, в деле сохранения тюркского этноса… Исторические знания в древнетюркском обществе стали важной основой официальной идеологии».

Историзм как метод мышления и действия, оформившись в недрах древнетюркской эпохи, в последующем становится закрепленной в ментальности чертой национального характера татарского народа. Героические образы далеких предков, не один раз «перешагивавших» границы целых континентов, связавших Европу с Азией крепкими нитями информационных, культурных, торговых и научных связей, оседали в недрах исторической памяти и транслировались во времени от поколения к поколению. Ощущение своей сопричастности к славным деяниям своих этнопредков являлось и остается твердой основой не только национальной гордости и патриотизма, но и философского осмысления прошлого и настоящего, сохранения исторического оптимизма и умения прокладывать маршрут дальнейшего движения во времени и пространстве даже после крупнейших исторических катастроф. Этим объясняется непрерывность цепи его цивилизациестроительного творчества, начиная от наиболее известной в науке исходной хуннской державы до империи гуннов, тюркских каганатов, а затем от средневековых форм цивилизаций Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и до современной Республики Татарстан. «Татарстанская модель» как форма ответа на вызовы XXI в., ставшая ориентиром-образцом осуществления современных трансформационных перемен в обществе на основе гражданского мира, политической стабильности и этноконфессионального согласия, несомненно, также базируется на историческом миротворческом, миросозидательном, цивилизациестроительном опыте, накопленном на длительном пути к прогрессу.

Масштабная интеллектуальная работа, которая была проведена многими поколениями историков по восстановлению исторической правды о татарском народе и возвращению ему объективно заслуженного статуса — субъекта истории, равнозначного другим народам — сотворцам культурно-цивилизационных систем, может быть обозначена как прорыв. Ибо безнравствен тот, кто не знает своей истории, живет, как Иван, не помнящий родства. Но этот прорыв задает некий вектор возрождения нравственности. Став знаковым явлением, он ориентирует и другие народы, потерявшие свои «следы» в вихре времени, еще не возвратившие свою «утерянную», «украденную» или залитую теменью негатива историю, на совершение «поворота к корням» в полноформатном варианте.

Не менее важно и то, что из этих «возвращенных» тысячелетий мы еще больше узнаем и убеждаемся в том, как много, оказывается, было уже в этом исходно-древнем историческом материале общего, единого, объединительного. Это обусловило трансформацию, казалось бы, разрозненных по многим философским, ценностным, религиозным параметрам этногрупп, социокультурных единиц, народов в единое тюркское, евразийское, российское, мировое сообщество, через всплески исторической энергии которых и «ткалось» всемирное полотно истории.

Принципиально важен еще один урок истории, суть которого состоит в том, как важно сохранение самобытности, национальной и культурной идентичности в процессе растущего единообразия, унификации образов жизни, стилей мышления, форм бытования народов. Эта опасность всегда подстерегала народы в ходе осуществления ими в прошлом великих переселений, миграционных волн, смешения этносов и культурного синтеза. Мировая история знает множество примеров образования этноплавильных «котлов», но результаты везде и всегда были разными. Так, в процессе аналогичных процессов, происходивших в ходе формирования американской нации, историческая практика нивелировала, стандартизировала образы жизни всех народов-участников великого американского проекта. Длительное время опыт американизации коренных и пришлых народов континента считался, как и всякий другой американский эксперимент, эталонным. Только на рубеже XX–XXI вв. стало понятно, насколько значительны и невосполнимы последствия утраты самобытности и сокращения до критической отметки спектра многообразия этносов, культур цивилизаций на американской экспериментальной площадке.

Анализ истории татар обогащает представление о значимости сохранения самоидентичности, культурно-цивилизационного самосознания. История татар — это история борьбы за сохранение своей культурной уникальности и цивилизационной самоценности в самых разных ее формах (мирных и торговых, научных и культурных, информационных и интеллектуальных). Она превращалась в движущую силу, становилась философским ядром национальной идеи. Речь идет о том, что в громадном евразийском геополитическом котле этнокультурного смешения образов жизни, укладов хозяйствования, типов политического устройства государств в процессе активного и длительного взаимодействия и многогранного взаимовлияния социальных страт и этноначал татарскому народу удалось на социогенетическом уровне сохранить, развить главные свойства, и сегодня определяющие его цивилизационную характеристику, — национальную самобытность, культурную уникальность, особенности национального характера, психологии и менталитета. Со степенью умения их сохранения во многом связана и дальнейшая историческая перспектива татар.

В основе сохранения своей культурно-национальной идентичности и способности обеспечивать цивилизационную эволюцию лежала неизменная забота о развитии духовности, о приумножении

потенциала культуры мира, толерантности и межнациональной коммуникации. Более того, уважительное отношение к представителям другой, иной культуры, национальности, религиозной или цивилизационной системы, выступавшее непременным атрибутом образа татар в представлении других народов, являлось приоритетом в системе ценностей, важнейшим постулатом татарской народной педагогики и принципом воспитания молодых поколений. Принятие ислама как мировоззренческой системы, формы идеологии, культурной ценности и религиозной доктрины, вхождение в еще одно культурное поле взаимодействия — в мусульманский цивилизационный мир также способствовало превращению миролюбия, толерантности, добродушия и уважительности в нравственный императив, этическую норму, моральный кодекс татарского народа.

Смысл еще одного этического урока всеобщего характера, вытекающего из истории татар, сводится к положению о том, что успех историко-преобразующей деятельности народов внутри своих государств, так же как и величина, значимость их вклада в общемировой прогресс, во многом предопределяется степенью и способностью организовать функционирование и развитие своих обществ на мирных, цивилизованных началах. Ориентация на сохранение мира, достижение согласия, стабильности внутри страны (внутренний диалог) и постоянное расширение контактов и связей с внешним миром (внешний диалог) — вот главное условие их процветания, усиления мощи, обеспечения безопасности и укрепления позиций на международной арене.

История становления и развития таких народов, стран и цивилизаций — это история непрерывной работы над собой по подавлению инстинктов агрессивизма и формированию деятельностного, миронастроенного образа жизни, толерантного характера и менталитета. Подъем, расцвет и рост влияния во внешнем мире, так же, как и длительность исторического срока жизнедеятельности любой цивилизации, в значительной мере зависят от степени внедрения философии, идеологии, принципов, норм и ценностей культуры мира в глубинные пласты сознания народа, во все «клеточки» и структуры общества. Победа культуры войны и насилия над культурой мира и согласия, напротив, подводила их к распаду, а порой и к исчезновению как самостоятельной национальной и мировой единицы. История знает множество примеров «ухода» с мировой арены и исчезновения во мгле времен даже крупных империй и цивилизаций, народы которых не сумели изменить воинствующий образ жизни. Опьяненные результатами военных побед, уверенные в безошибочности выбранных жизненно-смысловых ориентиров, они канули в бездну истории. Такая же участь (рано или поздно) ожидает все нации и империи, не способные учиться на уроках истории, продолжающие делать ставку в своей гегемонистской, великодержавнической амбиции на сугубо силовой фактор.

Емкость и ценность уроков миротворчества, вытекающих из истории татарского народа, определяются длительностью, многогранностью, масштабностью и эффективностью его действия на исторической арене в качестве активного субъекта творчества, осуществлявшегося им на громадном межконтинентальном пространстве в координатах Запад — Восток, Север — Юг. Значимость татарского миротворческого капитала определяется и тем, что он складывался, множился и укреплялся не просто за счет механического сложения-суммирования или калькирования опыта других народов, а путем этапного творческого освоения, синкретизации, а затем и развития этого опыта. Миротворческий ресурс татарской нации — совокупный результат сложного взаимодействия и взаимовлияния самых разнополярных этнокультурных, социально-политических, религиозных, цивилизационных величин, систем и образований на всем протяжении истории человечества, начиная с древности и до современности.

«Модельность» и содержательная емкость миротворчества татарского народа определяются совокупностью причин и обстоятельств как объективно-субъективного, так и внутреннего и внешнего характера, множеством географических, природно-климатических, геополитических, культурных, религиозных, цивилизационных и других факторов, влиявших на выбор вектора исторического движения и способов решения назревших проблем и, самое главное, на процесс формирования образа жизни, стиля мышления и действия, национального характера и менталитета.

Прежде всего мы имеем в виду геополитическую составляющую процесса эволюции татар, становление, жизнедеятельность и развитие которых всегда протекало на стыке различных культурно-цивилизационных миров и историко-политических систем. В силу такой геополитической заданности инстинкт самовыживания и саморазвития народа подсказывал ему рациональные, прагматично-выгодные формы и нормы поведения как со своими ближайшими соседями, так и с «транзитными» народами. Постепенно на этом «мосту» между Европой (Западом) и Азией (Востоком) оформился ряд крупных контактных исторических зон (Южно-Сибирско-Алтайская, Волго-Уральская, Центрально-Азиатская), где науке и искусству взаимодействия учились в силу необходимости и целесообразности многие народы, вовлеченные в орбиту межцивилизационного диалога и сотрудничества. Татарскому народу приходилось выступать одновременно в роли ученика и учителя, осваивая и утверждая принципы и нормы совместной жизни людей, поклонявшихся разным богам, идеологиям и культурам. Но главная его задача состояла в медиации, в примирении разных культур и характеров.

Формирование социогенетического «эмбриона» татарского народа происходило в рамках древней тюркско кочевой культуры. Развитие кочевого цивилизационного мира в координатах масштабного временно-пространственного измерения требовало выработки и оттачивания искусства организации жизни на основе философии и практики «соразвития». В течение тысячелетий в рамках евразийского «прямоугольника степей» (сопоставимого с аравийским и североафриканским) в зоне пересечения со многими цивилизационными мирами протекала жизнедеятельность десятков этнокультурных общностей, входивших в единое тюркское кочевое сообщество. Этот исходно полиэтничный тюркский кочевой мир граничил на севере с большой культурной зоной, куда входили ангарская бронзовая, енисейская, металлообрабатывающая алтайская и многие другие культуры. К северо-западу и к юго-западу от рубежей кочевого мира открывалась Европа, которая сама сопрягалась со средиземноморским культурным миром. На юге тюркский кочевой мир граничил с культурами иранского и индийского ареала, а на юго-востоке ближайшими соседями были этносы китайской культурной зоны.

В огромном геополитическом котле шел интенсивный процесс коммуникации, взаимодействия, смешения и синтеза многих этноначал как внутри, так и вне «прямоугольника степей». Народы этих культур были включены в процессы первой, а затем и последующих в истории Евразии больших этнокультурных «перекличек». Если в геополитическом смысле этот объединенный степной мир противостоял средиземноморскому союзу государств, то в этнокультурном смысле у народов «прямоугольника степей» границ не существовало. Более того, преобразовательная энергетика вырабатывалась тем сильнее, чем шире и глубже развивались межкультурные связи на перекрестке различных цивилизационных миров. Значительную роль в этом сыграли первые миграции, переросшие в великие исторические переселения народов, волны которых были растянуты в огромном геополитическом (от Алтая до Средиземного моря) и временном (от III–II вв. до н.э. до IV–V вв. н.э.) пространстве и «разбудили» великую историческую энергию, направленную на освоение и обустройство целого континента, на создание там рациональных форм и типов культур, государственности и цивилизаций.

Длительное время в прошлом, да и поныне целый ряд научных школ считали и продолжают оценивать великие эпопеи переселения народов только как великие исторические катастрофы, виновниками которых являются неутоленная жажда, генетическая склонность кочевников-тюрков к захватам, походам и войнам. Но великие переселения подготовили человечество к великим географическим и научно-техническим открытиям, к его прорыву в индустриальную цивилизацию. Тем самым они ускоряли темпы, обогащали содержание и смысл жизнедеятельности народов, а интеграционным, объединительным тенденциям придавали новый импульс. Именно тогда, через оживление цивилизационного эмбриона Евразии — Великой степи, впервые была установлена связь между народами двух континентов, двух различных культурно-исторических систем. «Оседлав коня», тюрки «первыми в мире установили связь между народами. Именно их посредничество «сыграло главную роль в сближении Востока с Западом». Языком общения, посредничества, дипломатии и торговли между ними стал древнетюркский язык. Неоднократно обращаясь к этим сюжетам, патриарх концепции пассионарности Л.Н.Гумилев отмечал притягательную силу культуры древних тюрок. «Еще больше, чем материальная культура, — писал он, — поражают исследователя сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрок: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран». Племена и народы тюркского сообщества он считал посредниками, транзитным ферментом и стимулятором межэтнической коммуникации. Создание тюркских государств он относил к «переломным моментам в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали друг друга».

Процессы переселения-расселения древних народов потому и не превращались в нескончаемую череду войн, что с ростом потенциала цивилизованности в обществе (внутри системы), межцивилизационного взаимодействия (между системами) одновременно возрастал уровень навыков и культуры толерантности, соседствования, взаимодействия. Формирующееся в «прямоугольнике степей» тюрко-татарское социоэтническое сообщество впитывало живительные соки этой культуры в свою иммунную систему, фиксировало в исторической памяти, воспроизводя ее в еще больших масштабах на новых межцивилизационных геополитических площадках. В результате волго-уральский ареал, где завершился процесс культурно-цивилизационного оформления татар современного типа, стал соединительным мостом, местом встреч цивилизаций Запада и Востока, Севера и Юга и формирования на этой основе особой субкультуры, главными свойствами которой были и остаются уважительность, комплиментарность, диалогичность.

Другим не менее важным условием формирования миронастроенного типа национального характера татарского народа выступает природно-географический фактор. Географический фактор —

это совокупность многих компонентов: климата, природного ландшафта, флоры и фауны. Но особую роль в формировании основополагающих свойств и черт национальной психики и менталитета народов играли великие исторические реки. Дело не только в том, что великие исторические реки облагораживали жизнь народов, утончали их нравы и т.д. (воздействие природы на человека многогранно и неизмеримо), но и в том, что они способствовали формированию у них рациональной, прагматично-созидательной логики действий, предоставляли возможность процветания на основе мирного сотрудничества, и прежде всего развития торговли. Великий камско-волжско-каспийский путь выступал сильнейшим и постоянно действующим фактором «лепки» цивилизованного облика татар. Купеческое искусство строить отношения с людьми, умение торговать и ладить с конкурентами, овладение наукой и практикой дипломатии во всех ее проявлениях — все это выступало основой становления и развития их миростроительной традиции.

Среди множества других факторов, определявших и составляющих сегодня содержательную направленность и ориентиры исторического действия татарского народа, — национальная идея, эта своего рода политическая философия жизни, которая на протяжении столетий вдохновляла его развитие, никогда не носила название национальной идеи. В действительности четко и исчерпывающе сформулированная идея никогда не существовала как некая официальная доктрина. К тому же, будучи набором коренных национальных ценностей и принципов, она имела как неизменную базовую, так и адекватную требованиям каждого нового отрезка времени эволюционную часть. Поэтому в представлении разных слоев общества в разное время национальная идея обретала то форму утопии или мифа, то становилась реальной сплачивающей, мобилизующей и вдохновляющей силой. «Национальная идея играет роль того общего солнца, которое в равной мере обогревает каждого, — и богача и бедняка, и сановника и рядового гражданина, и православного и мусульманина, и русского и еврея. Национальная идея имеет либо форму целевых универсалий, либо форму символов». Поэтому наличие национальной идеи — атрибут цивилизованности народа, а ее постоянное «обновление» есть условие его перевода из уходящего в наступающее — новое время. Она часто становится духовным мостом для перехода над пропастью, обычно обозначающейся при революционной смене исторических времен, эпох.

Национальная идея татар, как, собственно, и любого другого народа, — это формула его самосохранения и развития, в ней сгусток незыблемой, сохраняющейся во времени и пространстве совокупности идей, этических норм, философско-мировоззренческих и нравственных ценностей; в ней сконцентрированы опыт и уроки истории, выступающие предметом гордости и одновременно неизбывной горечи; в ней неизменно хранится образ свободолюбивого, деятельного, целеустремленного народа.

Определяя национальную идею татар в качестве своего рода Столпа, Опоры и Надежды, необходимо заметить, что она оформлялась на основе взаимодействия двух основных общественных начал: стихийного и рационального. Первое зарождалось, существовало и существует в народе, в его толще и вместе с народом видоизменяется, наполняясь содержательно по мере течения исторического процесса, представляя собой набор интуитивно вырабатывающихся потребностей, реакций и ценностей. В науке это называется «низовым, иррациональным уровнем национальной идеи», эмоциональным ответом на изначально важные вопросы: «Кто мы, откуда идем, чего мы хотим и каковы наши цели?».

Второе начало — это уже почти исключительно рациональный момент. Он представляет собой базовый идеологический элемент, сознательно создаваемый элитой народа, которая призвана улавливать низовые народные чувства и ощущения, понимать их ценность, уметь их сопрягать с задачами нации, синтезировать, сплавить воедино и формулировать тем самым ответы на выдвигаемые временем вызовы. Национально-государственный элемент, обобщая и систематизируя массовые надежды и чаяния, как бы отвечает на следующий круг вопросов: «Что нам, как нации, следует делать, учитывая запросы времени?» и «Каким образом мы должны это сделать?». Имевший возможность изучать особенности национального характера татар «изнутри», Максим Горький писал: «Татары — народ трезвый, чистоплотный, трудолюбивый, умеющий соединять душевную мягкость с упорством в достижении цели». Под целью писатель имел в виду не просто очередные жизненные проблемы, а задачи стратегического порядка, вытекающие из национальной идеи и отвечающие ей.

Вот эти два начала (рационалистическое и государственническое) всегда находились в процессе перманентного взаимодействия. Область их встречного взаимопроникновения, срастания была и остается почвой, «материей» национально-государственной идеи. Чем шире область данного взаимодействия, чем органичнее оно протекает, чем сильнее и крепче сочетание этих двух начал, тем мощнее и жизнеспособнее возникающая из такого взаимодействия национально-государственная идея, тем она долговечнее и действеннее.

Но оба начала объединительной идеи имели вполне конкретное общее исходное, базовое основание — язык, историю и культуру народа. В своем органическом единстве они создавали виртуальный образ

народа-первопроходца и обустроителя своей земли-родины, народа-созидателя многих форм государственности, своей цивилизации, прочного духовного основания.

Если государственнический смысл национальной идеи был предметом осмысления и заботы национальной элиты, интеллектуального слоя общества и политиков, то ее смысл на массово-бытийном уровне был прост и доступен каждому: сам живи, помогай и давай жить другим. Отсюда в качестве базовых ценностей национальной идеи всегда выступали уважительность, толерантность, компромиссность, согласие и солидарность. Ее важным компонентом являются такие качества, как стремление к добру и справедливости, возвеличивание земли и честного труда на ней, особо уважительное, почтительное отношение к родителям, старшим, детям и женщинам.

Национальная идея для татар была и остается основанием их самоидентификации. Она влияет на формы и нормы цивилизованного поведения, является механизмом спасения от цивилизационной деструкции. Проблема национальной идеи сопрягалась с проблемой сохранения и развития самой жизни татарской цивилизации.

Вот те основные факторы, что детерминировали способность татарского социокультурного сообщества обеспечивать равновесие между растущей материальной, инструментально-технологической мощью и его духовно-гуманитарным потенциалом, нравственным, культурно-духовным состоянием.

Развитая этика, духовность и культура, искусство взаимодействия с другими народами и цивилизациями лежали в основе сохранения запаса и воспроизводства исторических сил, которые были особенно необходимы татарскому народу в рубежные, поворотные моменты истории, когда рушились одни и создавались другие системы ценностей, формы культур и государственности. Накопленный за тысячелетия опыт и выученные уроки миротворчества, соседствования и взаимодействия с инокультурными мирами — это его бесценное философское, интеллектуальное, духовное сокровище. Возвращение этого сокровища и введение в жизненный оборот — предпосылка и гарант его самосохранения и исторического развития в XXI в., в эпоху всеобщей глобализации, когда соседями и контактирующими являются все народы мира, в условиях резкого усиления интеграционных, объединительных тенденций и одновременного роста культурно-цивилизационного многообразия мира. Оно служит и глобальным целям человечества — сохранению мира, обеспечению его устойчивого и безопасного развития.

Всеобщая значимость татарского историко-преобразовательного опыта и его миротворческой составляющей вытекает из методологического положения о диалектическом единстве собственно национального, локального, регионального и общемирового. Прорыв к универсальному, всемирно-историческому началу обеспечивается через развитие цивилизаций в пределах, внутри отдельной (локальной, региональной, национальной) и последующее их взаимодействие, синтез. Пространственная изолированность цивилизационных очагов и межцивилизационных контактных зон, как убедительно показал К.Ясперс, не мешала им быть (стать) исторически всеохватными, продуцировать формы человеческого бытия, излучать всемирную или общечеловеческую духовность. Универсальное рождается и утверждается через процессы и тенденции развития, происходящие и выливающиеся в прорывы в локальных (региональных) культурно-цивилизационных модернизационных центрах (культурно-цивилизационных комплексах). Татарский историко-преобразовательный опыт в целом и его духовный стержень — миротворческая философия и практика, генезисно ограниченный во времени и пространстве, также создавались как местный, региональный творческий продукт. Но из-за масштаба, глубины и ценности поднятого на-гора истории материала он оказался глобально-историческим, мировым. «Делая историю, мы превзошли собственную историю». Замечание А.Тойнби, касающееся оценки европейской цивилизации, вполне применимо ко всем тем историческим свершениям любого народа, которые оказываются столь крупными, что приравниваются к культурно-цивилизационному прорыву.

Любого исследователя, взявшегося за анализ национальной истории, можно уличить в стремлении поставить в центр общественного внимания историю своих — «малых» народов, ранее угнетенных или по разным причинам вынесенных на периферию общемировых потоков цивилизационного развития. Каждая национальная история в отдельности тяготеет к тому, чтобы историческую судьбу собственного народа, своей этнической группы представлять как нечто уникальное, неповторимое, считать ее единственной в своем роде. Нацио-патриотическое осмысление каждой этносоставляющей истории многонациональной России объективно и легко объяснимо. Дело в том, что история Российского государства до сих пор сплошь и рядом неправильно воспринимается и трактуется исключительно как русская национальная история. В традиционную «русскоцентристскую оптику» видения истории не вмещаются «этносы периферий».

Предпринимая попытку дать общую картину истории России как истории многонациональной страны, известный немецкий ученый, профессор, руководитель семинара по истории Восточной Европы Кельнского университета Андреас Каппелер предлагает весьма продуктивную

методологическую парадигму. Ее смысл заключается в том, чтобы уйти от крайностей в исследовательской практике, преодолеть русскоцентристский подход к истории России, скорректировать его посредством «полиэтничной оптики». Свою главную задачу автор книги «Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад» видит в том, «чтобы и русскоцентристской оптике, направленной на рассмотрение истории Российской империи как «национального государства», и узким проекциям национальной историографии нерусских народов противопоставить взгляд на Россию, позволяющий выявить супернациональный, полиэтничный характер Российской империи. При этом по достоинству должен быть оценен и тот вклад, который внесли нерусские народы в историю Российской державы, что в русской историографической литературе, как правило, недооценивается. Наконец, надо иметь в виду, что предшествующая эпохе модернизации история этнических групп — народностей России имеет также большое значение как предыстория наций, которые в XIX и XX вв. вовсе не возникли из ничего».

В рамках вышеозначенной парадигмы и выполнялась данная работа, в которой нет переоценки — преувеличения ценностей татарского цивилизационного феномена. Есть лишь желание принять участие в общем процессе восстановления реальной исторической субъектности одной из национальных составляющих истории многонациональной страны — России и всемирной истории — татарского народа.

Путь в историю, начатый татарским народом с участия в создании первых традиционных обществ и тюркских каганатов, а затем продолженный им в форме творения собственных крупных государств и процветавших в эпоху средневековья цивилизаций, обозначен множеством прорывов в приоритетных направлениях прогресса. В рамках истории нового и новейшего времени он продолжал совершать то, что, несомненно, важно для всеобщей истории. Его работа на всемирную историю продолжается и в XXI в.

# Концептуально-методологический контекст

## § 1. Мыслительные единицы исследования

> *У состоявшейся истории нет ни врагов, ни друзей. Она на всех смотрит одинаковыми глазами. Только у тех, кто пишет эту историю, иногда ошибаются перья.*
>
> *Риза Фахрутдинов*

Концептуальная цель данного исследовательского проекта состоит в попытке осмысления истории татарского народа через призму анализа накопления опыта осуществления преобразовательной деятельности преимущественно с ориентацией на общечеловеческие ценности, среди которых для татар главными были и остаются миролюбие, созидательный труд, духовность, гуманитарность, солидарность. Ориентация на такие базовые ценности не исключала ни ошибок в выборе ориентиров, направлений движения, методов и средств развития, ни конфликтов внутри сообщества и с окружающим их внешним миром. Являясь органической частью истории эволюции человечества, которая, как известно, не была «прогулкой по Невскому проспекту», татары не избежали воздействия закона сложности, противоречивости и конфликтогенности как самой природы человека, так и исторического процесса. К сожалению, конфликты, противостояние и противоборство не искоренены из жизни и в настоящее время. Их воспроизводство объясняется сохранением объективных и субъективных предпосылок, усложнением характера, содержания и целей общественного развития. Рост зон напряженности и «горячих точек» в современном мире свидетельствует именно об этом.

Речь идет о попытке взглянуть на историю татарского народа как на сложное сочетание, взаимодействие и взаимопереплетение множества форм, методов и принципов — мирных и немирных, демократических и насильственных способов организации общественной жизни, политических, культурных, государственных систем и цивилизаций. Говоря о татарском народе как субъекте истории, можно утверждать о его приоритетной приверженности идеалам, нормам и принципам цивилизованности, гуманизма, просвещения, духовности. Татары, как и многие другие народы, чья история восходит к первоистокам человеческой цивилизации, не избежали многих социальных недугов — ни мании миссионерства, ни необоснованных претензий на лидерство, ни пороков национализма и нарциссизма. Но в самой их ментальности, культуре, в системе этико-нравственных, религиозно-

мировоззренческих, культурно-цивилизационных ценностей в процессе исторической селекции, конкуренции противоположно направленных начал оседали, прорастали и крепли «всходы» культуры миролюбия, консенсуса, компромисса, толерантности, диалога, солидарности и сотрудничества.

История татар в этом ракурсе — это история стремления к достижению социального согласия, понимаемого прежде всего как определенный социально-психологический климат, климат благожелательности, терпимости и разумного подхода к решению конфликтных ситуаций, взаимопонимания, взаимоподдержки, более высокий уровень социальной совместимости, когда уходит доминанта враждебности, антагонизма, агрессии, минимизируются такие формы и мотивы социального взаимодействия, как своекорыстие, эгоцентризм, зависть, злоба, самоутверждение любой ценой, желание подавить оппонента или конкурента силой. Стремление к переориентации сознания и исторического действия в гуманистическом направлении не означает наступления всеобщего и вечного мира, спокойствия, эмоциональной «благодати», чувства симпатии всех ко всем. Это в принципе утопия.

В татарском социокультурном мире такой «благодатности» так же не было, как нет и сегодня. Ибо социальное согласие на любом уровне — «это не столько состояние, сколько движение, динамика, процесс. Проблема в том, в каком направлении идет это движение, каковы его реальные результаты». На степень миронастроенности, консенсусности помимо внутренней борьбы в самой природе человека оппозиционно заряженных начал (добра и зла, жестокости и милосердия) существенно влияет постоянная смена ситуаций (внутри и вне общества) как результат той же борьбы противоположностей. Поэтому можно говорить не об однозначно и навечно «повернутом» к миру национальном характере татар, а скорее об ориентации на максимум возможного. О их стремлении устранить, минимизировать или «сублимировать» склонность к вражде и жестокости, преодолеть доминанты конфронтационного сознания, культивируя при этом установку на мир и согласие как наиболее выгодную, рациональную форму организации жизни общества, ведения политики, осуществления практических действий, соответствующих принципам, нормам и философии оптимального образа жизни, приоритета в шкале системы ценностей.

Автор вполне представляет степень методологической и концептуальной трудности осмысления истории в контексте диалектического взаимодействия бинарнооппозиционных начал: гуманизма и антигуманизма, национализма и интернационализма, конфронтации и сотрудничества, варварства и цивилизованности, культуры войны и насилия и культуры мира и согласия. Концепт «взаимодействия» значительно шире как уже устоявшихся понятий — «влияние», «воздействие», так и вводимых в оборот новых дефиниций — «диффузия» или «трансисентация». Сущность концепции взаимодействия состоит не в противопоставленном рассмотрении разнополярных начал (явлений, событий, процессов, тенденций), а в их единстве как процессе сопряжения, соразвития. Наиболее полно и точно смысл взаимодействия определяется через понятие «диалог культур» (диалог цивилизаций). Взаимодействие народов всегда было и остается диалогическим. Исторический процесс от самого исходного начала человечества — это процесс взаимодействия от внутриродовых, межобщинных до международных и межцивилизационных форм. Диалог уже в эпоху древности перестает быть эпизодом, постепенно войдя в число долго действующих факторов эволюции человечества.

Достоинство такого подхода к изучению истории, в данном случае истории татарского народа, состоит в том, что, во-первых, он позволяет оценить диалог в качестве медиатора — инструмента примирения, достижения консенсуса, согласия. Во-вторых, диалог — это катализатор, усиливающий социокультурную, преобразовательную энергию народов-участников диалога. И в-третьих, диалог предполагает равенство участников коммуникативного процесса. При таком подходе растущая потребность и рост культуры взаимодействия выступают условием и предпосылкой общецивилизационного (интеллектуального, социокультурного, политического, технологического) роста и общеисторической значимости каждого и любого народа. Таким образом, неизбежные исследовательские изъяны могут быть объяснены постановочным характером данной работы, неразвитостью методик, инструментария и традиции миротворческого анализа истории.

Авторская гипотеза подхода к истории человечества и истории татарского народа как истории сложного и противоречивого взаимодействия и противоборства двух тенденций, во многом определяющих направленность, характер, масштабность и результативность цивилизационного развития, состоит в рассмотрении дихотомии культуры войны и культуры мира. Мы пытаемся акцентировать внимание на поиске механизмов и ресурсов для обеспечения не только баланса этих тенденций и разнохарактерных интересов в обществе, но и постепенной трансформации культуры войны в культуру мира. Поэтому работа построена на основе определения логики и смысла исторического творения, вектора и результатов развития человеческого сообщества. Главным результатом развития человечества, на наш взгляд, является то, что оно на протяжении многих тысячелетий сумело удержаться от соблазна и риска самоуничтожения. Несмотря на тенденцию неуклонного роста населения и увеличения его плотности, усиления экологической, социальной,

этнокультурной и иных форм дискомфортности, повышающих потенциал всеобщей напряженности, озлобленности, агрессивизма и военно-технической вооруженности, оно сумело выйти на «столбовую дорогу» исторического прогресса, научилось создавать механизмы обеспечения внешней и внутренней устойчивости, усиливать нравственные преграды для выражения крайних проявлений агрессивности, укреплять культурный потенциал и в целом удерживать вектор исторического движения в гуманитарном направлении.

Встречающиеся довольно часто в литературе, даже в работах крупных мыслителей, высказывания о том, что человек с периода палеолита ничуть не изменился с точки зрения якобы его генетической приверженности к агрессивизму, воинственности, при сопоставлении с реальными результатами и масштабами прогресса, достигнутыми на всех его направлениях, выглядят небесспорными и малоубедительными. Осмысление истории татарского народа в заданном исследовательском ключе убеждает в том, что она отражает общую закономерность развития человечества и является историей трудного, длительного и не завершившегося в наше время процесса «прощания» с культурой войны и насилия, самоутверждения на основе ценностей культуры мира.

История не просто событийный ряд на фоне времени и пространства. Она в большей степени арена борьбы, соперничества и конкуренции различных точек зрения, эмоций, позиций и идеологий, в которых выражаются интересы всего многообразия субъектов социального творчества. Это постоянно разрастающийся клубок разноплановых, но взаимосвязанных процессов, тенденций. Поэтому его «разматывание» и полноформатный анализ каждого из его узлов возможны лишь на основе использования инструментария, методики, технологии и понятийного аппарата широкого спектра гуманитарных наук.

Категориальный аппарат в науке — это совокупность наиболее емких, инструментально плодотворных понятий, вмещающих в себя суть и особенность явлений и процессов, которые они отражают. Понятия в исторической науке (и вообще в интеллектуальной практике познания мира) «как были «формой человеческого мышления, в которой выражаются общие, существенные признаки вещей, явлений объективной действительности», так, в сущности, и остались». Поэтому степень его богатства и совершенства выступает признаком развитой методологической культуры, позволяет точнее и полнее познать природу и содержание исследуемых явлений. В формирующемся в исторической науке миротворческом направлении, призванном изучать опыт прошлого в контексте утверждения в социальной практике идей и ценностей мира, толерантности, согласия, сотрудничества, используются категории не только сугубо исторической науки, но и широкого междисциплинарного спектра. Это дает возможность, с одной стороны, не фиксировать внимание на проясненных дефинициях, с другой — вводить в исследовательский оборот новые понятия, которым еще нет однозначных трактовок. Определения в подобных случаях часто неконвенциональны, но обойтись без них невозможно.

Начиная с эпохи древности, точнее, с неолитической революции, и до появления первичных цивилизаций человечество вполне могло уместить содеянное, сотворенное им в понятие «культура». Со временем слово «культура» стало вбирать в себя все более широкий круг явлений, предметов, действий, общим свойством которых было их «человекотворное», а не божественное происхождение. Соответственно и сам человек, как плод преобразования благодатного природного материала, попадал в сферу культуры, которая все больше становилась синонимом образования и воспитания. Появление понятия «культура» стало закономерным этапом в осмыслении человеком своей истории, позволило отличить рукотворное от первозданного, человеческое от природного, духовное от инстинктивного. Таким образом, реализовалась потребность в осмыслении преобразовательных достижений человека и приспособлении природы к нуждам самого человека. Вместе с тем различение натуры и природы стало первым шагом на пути самосознания, самопознания и самооценки человечества. «С введением этого термина мир для эллинов разделился на тех, кто живет в окультуренном мире, и варваров. Таким различением эллины уже закладывали основы цивилизационного подхода к осмыслению исторических процессов, хотя до появления самого термина «цивилизация» было далеко, ибо термин «культура» вполне охватывал весь спектр свершившихся к тому времени и попавших в поле зрения человека перемен. Никакой принципиальной надобности во введении еще какого-то термина для характеристики социальных процессов на макроуровне тогда просто не возникало.

Но по мере эволюции человечества и смены этапов его исторического созревания, особенно тогда, когда сформировались основные сферы его общественного бытия (экономическая, социальная, политическая, идеологическая), а социальные процессы начали трансформироваться из одного состояния в другое, впервые в мыслительный процесс вошло представление о цивилизации. Характеризуя значимость феномена цивилизации, Б.Рассел отмечал: «Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное появление цивилизации в Греции… Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели

математику, науку и философию; на место простых летописей они впервые поставили историю, они свободно рассуждали о природе мира и целях жизни, не обремененные путами какого-либо ортодоксального учения».

Во всемирной истории есть множество событий, ускоривших и одновременно усложнивших исторический процесс. Среди них особое место занимают: формирование первых в истории крупных полиэтнических, поликультурных империй («воюющих царств») на территории евразийской ойкумены, протянувшейся от Тихого океана на востоке до Атлантического океана на западе; первые великие переселения народов мира; установление первых международных транзитных торговых путей (Великий шелковый путь, Великий волжско-каспийский путь), а также великие географические открытия. Эти события открыли эпоху реальной интернационализации (первой фазы глобализации) человечества, впервые обозначив значимость феномена цивилизации и актуальность проблемы межцивилизационного взаимодействия народов, культур и цивилизаций.

По своему происхождению термин «цивилизация» восходит к латинским словам «civilis» (гражданский, государственный), «civitas» (гражданское общество, государство, город) и акцентирует внимание на специфическом влиянии на человека городских условий жизни и полиса как формы государства. «Это иной ракурс видения общественной жизни, нежели с позиции культуры, когда на первое место выступает уже не традиция, а новация, не этика, а право, не материальные предметы сами по себе в их эстетическом восприятии, а технические достижения и технологии». Появление категории «цивилизация» позволило основательно, «объемно» посмотреть на общественное устройство и исторический процесс, так как дало возможность увидеть их в пространстве и времени. По мере развития методик и традиций исторической аналитики цивилизация стала рассматриваться как основная типологическая единица исторического измерения. Причиной тому — «самая большая длительность» (Ф.Бродель), самая глубокая протяженность совокупного человеческого творения во времени и пространстве. «Своим долгожительством они (цивилизации) превосходят все иные формы коллективной жизни, они их переживают».

В осмыслении термина «цивилизация» существует значительный разброс мнений. В литературе имеются десятки разных определений цивилизации, что свидетельствует о синтетичности, емкости и развивающемся характере этого понятия. По этому поводу Н.Я.Данилевский отмечал, что данное понятие «более обширно», нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает. Для историков привлекательность понятия «цивилизация» — в его концептуальной неопределенности, в отсутствии в нем жестких, ограничивающих пределы явления границ. «Идея цивилизации принципиально открыта. Она открыта в онтологическом и гносеологическом плане. В онтологическом отношении ее «открытость означает, что мы не можем найти абсолютную точку отсчета возникновения цивилизаций… Открытость человеческой цивилизации означает также, что новые закономерности развития локальных цивилизаций не обязательно являются выражением общей исторической закономерности, но возможны случаи, когда закономерности в экстремальных условиях порождаются заново».

Объемность и открытость понятия «цивилизация» для анализа истории татар, как, пожалуй, и всех тюркских народов, имеют особое значение. И потому, что многие тюркские этносы, часто расширительно называемые татарами, длительное время рассматривались как не способные к созданию собственных цивилизаций, и потому, что в целом тюркская цивилизация по своему формату и многим существенным критериям не умещается в рамочные схемы закономерностей европейской цивилизации. Но такая «неумещаемость» не есть признак ее второстепенности. В каждой локально-региональной цивилизации всегда присутствуют признаки всеобщности, универсальности.

Конечно, концептуальная свобода наполнения содержания цивилизации не может быть безграничной. «Понятие открытости цивилизации, — отмечает Ю.Г.Нигматуллина, — имеет и уязвимые моменты, ибо зачастую приводит к слишком расширенному толкованию его содержания: в это понятие стремятся включить самые различные аспекты жизни общества. И это приводит нередко к отождествлению «цивилизации» и «культуры».

Культура есть базисный элемент цивилизации, определяющий ее духовное богатство, выступающий средством обеспечения единства и системности всех остальных ее компонентов. «Цивилизация — это сообщество людей, объединенное основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющее устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу». В этом определении Л.И.Семенниковой «схвачена» органическая взаимосвязь понятий «общество», «цивилизация», «культура». Однако каждое из этих понятий требует не только определения своей специфики, разграничения, но и уточнения их местоположения в категориальной иерархии.

Содержание понятия «общество» в литературе уже не вызывает принципиальных споров, общество определяется как самоорганизующаяся многомерная система, включающая в себя совокупность

субъектов, сфер и способов человеческой деятельности, выступая своеобразным фундаментом категориальной иерархии. Культура в этой системе выступает универсальным механизмом самоорганизации общества, выполняет роль многофункционального мотора, обеспечивающего его полноценную, полнокровную жизнедеятельность. Культура — это животворный дух, интеллект цивилизации. Если, согласно Ю.А.Бореву, цивилизация — это «предметно закрепленная человеческая деятельность, материальный аспект существования общества, материальное тело человечества», то культура — это духовное тело цивилизации.

Степень взаимосвязи и органического единства культуры и цивилизации настолько значительна, что в литературе допускается их взаимозаменяемость. В данном исследовании эти понятия также варьируются, часто взаимозаменяются. Но это вовсе не означает их тождественности. Речь идет не о полном соответствии, а более сложном характере их взаимопроникновения, взаимодействия. Вполне возможны разные варианты их соотношения. «В рамках одной цивилизации, — как отмечает Ю.Г.Нигматуллина, — могут существовать несколько типов культур диахронно или синхронно, особенно в тех случаях, когда типы культур определяются по региональному признаку». К «адаптивному типу» цивилизации относятся как культуры мусульманского Востока, так и культуры христианские — восточно-славянские. И наоборот, культура, возникшая в условиях определенного типа цивилизации, может продолжать оказывать воздействие на духовную жизнь окружающего мира, несмотря на то, что породившая ее цивилизация давно исчезла. Таковыми являются античная культура, культура древнего Востока. К этому же ряду примеров можно отнести и татарскую культуру, которая, выйдя из лона материнской (тюркской) цивилизации, впоследствии вошла в состав иных типов цивилизаций (восточно-мусульманской, золотоордынской, российской), но, тем не менее, сохранила свою идентичность, а потому и способность воздействовать на духовную жизнь человеческого сообщества.

Концептуальная схема данного исследования предполагает, во-первых, рассмотрение истории татар как народа-творца многих форм цивилизаций, которые, в зависимости от их географического местоположения и характера взаимодействия цивилизации и культуры, могут быть одновременно отнесены ко всем трем типам цивилизаций: стационарному, адаптивному, динамическому. Изначальная полиэтничность тюрко-татарской цивилизации, кочевой образ жизни тюркских народов и их активная роль в прокладке и «обслуживании» межрегиональных и межконтинентальных торговых, научных и культурных путей — все это способствовало синтезированию свойств всех вышеуказанных типов цивилизаций. Но, пожалуй, правильнее было бы в ней видеть не столько симбиоз разных типологий, сколько ее эволюцию от стационарного к адаптивному и динамичному.

Во-вторых, мы исходим из того, что цивилизация, как любая системная целостность, делима на составляющие ее субцивилизационные единицы. Так, современная западная цивилизация делится на европейскую (романо-германскую) и североамериканскую. Европейская цивилизация также имеет сложную структуру. В ней выделяются условные подсистемы: славяно-сибирская, транскавказская, южноазиатская. В азиатско-тихоокеанской цивилизации особо значимы китайская и японская субцивилизационные единицы. Из тюркской цивилизации, длительное историческое время выступавшей в качестве «модельера» на широком евразийском геополитическом пространстве, выделились тюрко-татарская, тюрко-турецкая, тюрко-азербайджанская и ряд других субцивилизаций.

В-третьих, в авторской концепции эволюция татар рассматривается как движение по пути к историческому прогрессу через усиление цивилизованности (образованности, просвещенности, культурности, интеллектуальности).

Здесь мы подошли к одному из ключевых общенаучных понятий — «прогресс». Оно широко употребляется во всех сферах и отраслях общественной жизни и науки, и поэтому уже кажется бесспорным это определение. Мы исходим из того, что понятие «прогресс» имеет относительное, но не абсолютное значение. Прогресс в природе разнится от прогресса в обществе. И совсем иные критерии необходимы для определения прогресса, скажем, Вселенной. Но любую форму прогресса (прогресс экономический, культурный, общественный прогресс в целом) можно в общем виде рассматривать как движение вперед с переходом от низшего к высшему состоянию, от менее совершенных к более совершенным формам. Такое понятие прогресса возникло еще в глубокой древности. «Конечно, — отмечает В.К.Егоров, — оно не анализировалось тогда столь обстоятельно, не рассматривалось как научная дефиниция, как категория во всех своих связях и отношениях. Однако общее понимание прогресса как более совершенного состояния, более желательного устройства человеческой жизни, людского общежития было уже у древних мыслителей».

Такая трактовка прогресса была заложена и в Марксову концепцию прямолинейно восходящего развития истории. К.Маркс предупреждал: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе… и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике». Но весьма важно заметить, что он уже тогда, как бы оставляя место и для иного понимания прогресса, писал: «Понятие прогресса

не следует брать в обычной абстракции», то есть он уже тогда выражал сомнение в правомерности одностороннего отношения к прогрессу как своеобразной культурно-исторической лестнице, где при подъеме каждая ступень находится выше предыдущей.

Во-первых, в истории нет такой лестницы, а во-вторых, при самокритичном подходе каждая «новейшая форма» «способна осознать» относительность или даже сомнительность своей прогрессивности. Полагаем, что будет правильнее рассматривать прогресс в качестве сложного и противоречивого процесса развития. Прогресс — это не траектория, направленная исключительно в восходящем направлении, но ломаная линия движения с крутыми подъемами и резкими падениями, с прорывами вперед и откатами назад, с масштабными достижениями и трагическими потерями. Это процесс накопления, обогащения и расширения исторического наследия человеческой цивилизации на основе закона «отрицания отрицания», через последовательную смену фаз подъема и кризиса, через чередование реформ и революций, войны и мира.

Формула «татары на пути к прогрессу» также не означает прямолинейного и победного восхождения к некоей исторической вершине-цели. Она отражает сложный, противоречивый, но беспрерывный процесс укрепления масштабности и потенциала цивилизованности. Под цивилизованностью понимается более высокая, «продвинутая» ступень общественного развития, форма исторического мышления и действия, усиления степени воздействия фактора культурности на все сферы общественной жизни, стремление обеспечить приоритет интеллекта, духовности, гуманитарности.

Война и мир. Вокруг этих двух базовых для нашего исследования понятий, социальных явлений и исторических феноменов шли вечные споры, продолжаются дискуссии и сегодня. Характер, степень сочетания и отрицания, диалектического взаимодействия и противоборства этих двух метаидей, ресурсных источников развития, мировоззренческих и ценностных начал всегда и во все времена предопределяли экономико-материальное, культурно-цивилизационное, нравственное и психологическое состояние человечества, темпы и уровень прогресса, направленность его исторической перспективы.

В таком измерении вся история человечества — это история конкуренции, противоборства и взаимодействия двух глобальных тенденций развития и одновременно двух его исторических альтернатив как на микроуровне, т.е. на уровне конкретных обществ, так и на макроуровне, т.е. на уровне взаимоотношений между народами, государствами. За время эволюции человеческого сообщества накапливался опыт постоянного усиления потенциала каждого из них при сохранении баланса между этими разнополярными тенденциями — альтернативами. Этот баланс никогда не был постоянным, соотношение постоянно менялось, и часто в пользу войны.

Именно этим объясняется введение двух многофункциональных и взаимосвязанных дефиниций в рамки понятий «культура войны» и «культура мира». Нельзя считать эти словосочетания бесспорно удачными, в них есть определенная двусмысленность. В данном случае культура берется не столько в качестве узкокультурологического, сколько антропологического, общесоциологического измерения и понимается не только как результат творческой активности и наивысшего достижения интеллектуальной деятельности, но включает в себя сумму разнообразных видов человеческой деятельности, знания, опыт, традиции, нравственные установки, этические ориентиры.

Отмечая обоснованность введения двух систем ценностей в единое пространство культуры и одновременно указывая на их системную несоразмерность, А.С.Капто пишет: «культура войны» и «культура» и «война» — понятия неравнозначные. В «культуре войны» («культуре насилия») понятия «культура» и «война» не являются автономными, существующими самостоятельно, но они и не рядоположены. Как и в «культуре мира», понятие «культура» здесь выступает в качестве имманентного элемента по отношению к «войне». Словосочетание «культура войны» образует единое понятие, в то время как другое словосочетание — «культура» и «война» состоит из двух самостоятельных и взаимодействующих понятий (по аналогии «культура демократии» — «культура» и «демократия»; «культура управления» — «культура и «управление»; «культура мира» — «культура» и «мир»…).

Такому же широкому подходу к проблеме соответствуют и определения культуры как уровня воспитанности и образованности (М.Коган), как предмета всеобщего консенсуса (Д.Роуз), ткани смыслов, вытканной в процессе человеческой деятельности (К.Гиртц), как символического универсума, в котором люди формируют свою жизнь и придают ей смысл (Э.Кассирер), важнейшего фактора не только становления единого глобального этноса, но и формирования многообразных моделей образа жизни (Х.Кинг).

Эволюция понятия «культура» шла не только и не столько через механическое «схватывание», поглощение в свою содержательную ткань все большего круга явлений и свойств, но прежде всего по мере осознания человеком своей роли в истории — как творца материального и духовного, как источника добра и зла, прогресса и регресса. И война, и мир в этом смысле находятся в сфере

культуры, это осознанные формы культурной деятельности. Они берут начало и опираются на культурный базис, вдохновляются культурными традициями и одновременно их создают. Культурный фактор срабатывает в пользу войны или мира не напрямую, а опосредованно, играя роль «балансира» двух переменных. Он во многом предопределяет типологию государства, содержание «философского камня» национальной идеи, уровень технологического развития, величину интеллектуального потенциала, демографический или экологический коэффициент, степень внутренней устойчивости общества… Он окультуривает эти два крайних состояния, увеличивает их нравственное ядро, усиливает гуманитарный контекст. Культура — «сторож» мира, ибо имеет свойство сдерживания, умиротворения «гена» агрессивизма.

Культурные революции, культурные прорывы, сменяющие друг друга культурные эпохи, сохраняя жизнеспособность, усиливая миросозидательный потенциал, обеспечивали преодоление «естественного» (дикого) состояния человечества и его движение по пути прогресса, корректировали вектор его движения в сторону мира. Культура не способна исключить из жизни войны, насилие, но она способна гуманизировать отношения между людьми, народами и государствами через нормы морали, этики, права и смягчать последствия войн. Именно поэтому, несмотря на рост количества войн, на последовательное наращивание убойной силы оружия и демографического ущерба, число жертв мирного населения в процентном отношении к общей численности населения в долгосрочной ретроспективе не только не возрастало, но в целом снижалось.

Военные конфликты из века в век уносили приблизительно одинаковый процент человеческих жизней, за исключением ряда особенно кровопролитных войн и эпох (галльские войны, Тридцатилетняя война, две мировые войны). Подсчеты специалистов показывают, что уровень военных потерь в истории человеческой цивилизации, начиная с «осевого времени» (период между 800 и 200 гг. до н.э., когда произошли кардинальные перемены в области духовных основ человечества, равносильные «взрыву человеческого духа») и до XX в., не превышал 1,5% от общего числа населения мира. В двадцатом столетии он составлял около 1% жителей Земли. В тот же 1% оценивается доля погибших в войнах XIX в. Таким образом, культура, не снимая причин возникновения войн, сдерживает критический порог агрессивности, создает приемлемые формы сублимации агрессии.

В отношении понятия «культура войны» применяется множество словосочетаний: *«культура насилия», «искусство войны», «культура завоевания», «культура смерти»,* но и *«инструмент развития цивилизации», «культура организации и порядка»* и другие разносмысловые формулировки. Все это убеждает в том, что «культура войны» — явление многогранное, сложное и противоречивое, потому она не может измеряться сугубо негативными показателями. Война как исторический, общецивилизационный феномен вобрала в себя опыт (негативный и позитивный), традиции — собирания и разрушения, мобилизации и расщепления, героизма и предательства, гуманитарности и бесчеловечности; самых различных форм деятельности — военной, технологической, хозяйственной, организаторской, интеллектуальной. Она ощутимо влияла на все сферы человеческой жизни и содержит не только уроки «побед и поражений», но и существенные преобразовательные начала.

Еще на рубеже VI—V веков до н.э. греческий мудрец Гераклит говорил: «Война — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными».

Древние мыслили более образно, чем мы. Поэтому для Гераклита война — это не только фаланги, сходящиеся на поле битвы, но и борьба весны и зимы, теплых ветров с холодными, дня и ночи, мужского начала и женского. Война — начало жизни и источник рождения. Гераклит добавляет: «Гомер, молясь о том, чтобы вражда сгинула меж богами и меж людьми, сам того не ведая, накликает проклятие на рождение всех живых существ».

Война — это вечная тень истории, ее «повивальная бабка». Но войны разнятся по причинам, характеру, результативности и последовательности.

Доисторические типы войн, описанные, например, в поэмах о Гильгамеше или эпосах «Махабхарата» и «Илиада», были походами за славой, добычей, которой можно было бы гордиться. Это было соревнование вождей и воинов в силе, храбрости, сноровке. Русские былины, германские саги, китайские повести о легендарных доисторических государях, египетские хвалебные надписи времен Среднего царства или тюркские руны и древнетатарские сказания посвящены войне, которая делает победителя богоподобным и славным, войне, которая испытывает симпатии богов.

После того как древние племенные союзы и города-государства сменились рабовладельческими империями, война стала более «правильной», регулярной. Именно тогда увеличилось количество жертв и стало больше жестокости. Но война все равно предоставляла шанс утвердиться, прославиться, послужить богам своего отечества. Появились целые сословия, которые жили войной. Одни наемники, питаясь за ее счет, добивались положения в обществе, становились порой владыками стран, которые их наняли. Другие, подобно большинству средневековых рыцарей, жили войной потому, что не видели для себя иного образа жизни. Постепенно война становилась средством реализации самых разных

целей: политических, экономических, геостратегических… Война, таким образом, становилась формой жизни для множества людей и даже народов.

Хотя феномен войны стал предметом познания с того момента, когда она стала «исключительно человеческим свойством» (У.Ментагю), наше знание о нем остается совершенно недостаточным. Согласно одной группе теорий, война и борьба являются основным фактором прогресса человечества и имеют ряд полезных следствий, согласно другой война — это ад, она оказывает разрушающее влияние на многие стороны социальной жизни. Оба мнения находят сторонников и оппонентов среди известных мыслителей, и спор между ними продолжается до настоящего дня. Действительно, война, неся разрушение, уничтожая «лучшую кровь нации», деформируя экономическую жизнь, социальное и психологическое состояние людей, одновременно являлась и строительным ферментом. Совсем не случайно на протяжении длительного исторического времени войны были средством решения крупных этапных задач: создания империй и колонизации территорий; форму военных походов, интервенций носило освоение новых континентов и осуществление великих географических открытий. Даже если цели и средства войн были ориентированы на захват новых территорий, материальных богатств, ресурсов, их результаты и последствия зачастую выступали фактором преобразований, реформ и трансформаций.

Так, в результате завоевательных походов гуннов была до основания потрясена Римская империя, но с этого рубежа началось становление новой Европы и эра феодализма, а крестовые походы подготовили эпоху великих географических открытий и колониального освоения Европой других континентов. Война порождает и свой антипод — мир, является мощным инструментом вовлечения общественных сил в мирные области жизнедеятельности: «Целью закона является мир, но дорога к нему — война».

Развивая мысль американского коллеги М.Джеринга, известный социолог П.А.Сорокин пишет, что «без войны и насилия едва ли возможен процесс объединения многочисленных враждебных групп в более мирные сообщества». Война и другие средства принуждения в этом смысле выступают орудием. С их помощью стало возможным объединить воедино победителей и побежденных, держать их вместе, установить интенсивный контакт между ними, нивелировать их различия и «через несколько поколений совместной жизни сделать из них социальную группу, в которой предыдущие различия и враждебность уничтожены, стерты».

Война как инструмент мира была, да и сегодня остается легитимным средством разрешения многих региональных и международных конфликтов. Поэтому представлять войну абсолютным антиподом мира было бы упрощением проблемы: это не статичные полюса с противоположными знаками, а постоянный и противоречивый процесс перехода одного качества в другое.

«Культура войны» в понятийном аппарате науки — принципиально новая философско-мыслительная категория, в основу которой заложен комплекс исторических, социальных, политических, экономических, психологических, юридико-правовых, нравственно-этических и культурологических базисных факторов. Именно этим объясняется целесообразность введения понятия «культура войны» в процесс исследования исторического прошлого в целом и истории татарского народа в частности. Осмысление истории в рамках этой категории дает возможность более глубоко и всесторонне проанализировать процессы переселения народов, освоения территорий, внутрисистемных и международных конфликтов, мировых, региональных, локальных, межэтнических, межконфессиональные войны как социально-культурное явление. Без этого невозможно объективно раскрыть их природу, побудительные причины применения насилия и развязывания войн (в широком наборе их форм — экономических, технологических, идеологических и т.п.) и их влияние на общецивилизационное развитие.

Понятие «культура мира», как и «культура войны», многогранно, в нем присутствуют многозначность, сложность и противоречивость самого человеческого бытия. Впервые термин «культура мира» прозвучал в 1989 г. на Международной конференции «Мир в умах людей» в Ямусукро (Котт-д-Ивуар). С тех пор ведется интенсивная интеллектуальная работа по содержательному наполнению идеи «культуры мира», ее концептуальному оформлению и реализации грандиозного международного проекта — Программы «На пути к культуре мира» ЮНЕСКО.

Хотя институализация понятия «культура мира» произошла недавно, культура мира и согласия как социокультурный феномен и процесс является неизменно воспроизводимым духовным продуктом, системообразующим элементом культуры человечества на всем протяжении его истории.

Под культурой мира понимается совокупность прогрессивных, демократических, гуманистичных философско-этических ценностей, принципов и норм отношения людей друг к другу, к природе и окружающему миру, традиций и обычаев, стилей поведения и образа жизни, базирующихся на историческом опыте выживания, самосохранения и развития всего человеческого сообщества.

Эти ценности находят свое выражение в уважении к жизни, человеческой личности, ее достоинству и правам; в отказе от насилия и его недопущении; в признании равенства в правах мужчин и женщин; в

признании права каждого на свободу слова, мнений и информации; в приверженности к принципам демократии, свободы, справедливости, солидарности, толерантности, понимания и принятия различий между людьми в культуре, правах и обычаях, в убеждениях и верованиях, взаимопонимания между народами, а также между этническими, религиозными и иными группами.

Культура мира часто характеризуется как закономерный, естественно-исторический процесс. Действительно, это глобальная тенденция и соответствующий вектор развития человечества. Но как метаидея, как ценностный ориентир и стратегическая цель для всех эпох и поколений она всегда требовала осуществления глубоких изменений в умах, а также практических действий (системных, программных) и преобразований как на национальном, так и на глобальном уровне, направленных на укоренение в сознании людей идей мира, на переход от логики силы и страха к этике ненасилия, логике разума и рационализма.

История культуры мира знает множество проектов установления мира, начиная от мира человека с самим собой до мира во вселенском масштабе. Большинство из них остались утопией, несбыточным мировоззренческим конструктом, но само их наличие, само развитие человеческой мысли в этом направлении вдохновляли, составляли философскую и идеологическую основу практических действий, политики мирного сосуществования и сотрудничества народов и стран мира.

История цивилизационного освоения и обустройства Евразии в силу сложения многофакторных начал (географических, геополитических, природных и т.д.) стала уникальной экспериментальной социальной площадкой, где протекала «отработка» самых разных форм «встреч», а затем совместных действий, сожительства и сотрудничества людей и народов, принадлежащих к разным культурно-ценностным и историко-цивилизационным системам. Евразия — это не только огромное поле конкуренции, соревнования-соперничества, противоборства и войн, но и рождения, творения множества форм мира. Уже в эпоху первобытного общества для минимизации негативного эффекта войн изобретались способы разрешения споров, щадящие жизнь мирного населения. Поединок вождей (вместо войн целых племен) — один из таких способов.

Одним из общественных нововведений древнего времени для сохранения жизней является установление практики исключений из общих правил войны — например, в отношении женщин и детей, представителей нейтрального племени и посланцев противника. Если прежде пленные уничтожались в массовом порядке, то по мере становления производящего хозяйства их стали использовать как рабочую силу. Такая практика снижала число убитых на войне. «Это был штрих в форме мира первоволновой цивилизации».

Древняя Евразия довела войны до уровня искусства, но она же открыла миротворческую вакцину — апробировала и ввела в обиход кочевнической жизни договорную практику. На последующих стадиях эволюции тюркских сообществ и государственных образований заключение договоров, оформление договорных отношений становилось нормой взаимодействия между народами.

Таким образом, становление основ, норм и традиций культуры мира протекало одновременно с формированием культуры войны, являлось своего рода ответом на очередную угрозу самоуничтожения, на потребности цивилизационного развития. Рост технологической оснащенности, военного потенциала, совершенствование военной технологии, военной мысли и военной стартегии синхронно вызывали к жизни более высокие формы миротворчества. Появление разнообразных форм движения за мир (в том числе таких, как гандизм или толстовство) является более глубокой и эффективной составляющей борьбы за мир.

В исследовательскую практику историков, конфликтологов, социологов и политологов все больше входит понятие «культура толерантности» как моральный норматив, социальный и нравственный код, один из стержней культуры человечества в целом и важнейший принцип культуры мира в частности. «Толерантность» является ключевым понятием, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных, исторических процессов и тенденций прошлого и настоящего. Осмысление совокупного опыта человеческого творения за все время существования цивилизации невозможно без учета фактора толерантности.

Анализ исторической практики убеждает в том, что устойчивость и целостность социума (отдельно взятого и общемирового), его способность давать ответы на вызовы конфликтогенного, катастрофического характера, двигаться к прогрессу через преодоление антитезных тенденций (войны и мира, распада и интеграции, конфронтации и солидарности и т.д.) во многом определяются степенью утверждения культуры толерантности.

В отечественной науке и общественно-политической лексике термин «толерантность» закрепился с конца 80-х гг. XX в., чему способствовали академические исследования гуманитарных наук, необходимость сохранения культурного плюрализма России, а также политические инициативы, стремившиеся адаптировать к российским условиям западный опыт формирования гражданского общества. Философскому осмыслению и определению толерантности способствовали идеи представителей западной культурной антропологии и этнологии, показавшие наличие «другого»

вместо «единого» разума. Так, известный этнограф и философ К.Леви-Стросс своей критикой европоцентризма положил конец этноцентризму западного мышления. Его философско-мировоззренческое обоснование межкультурного диалога, ценности сохранения самобытности, взаимосвязи культурного разнообразия и исторического прогресса выступает в качестве методологической основы понимания толерантности. «Мировая цивилизация может быть только коалицией культур в мировом масштабе, каждая из которых сохраняет свою самобытность… Надо спасти факт разнообразия, а не историческое содержание, придаваемое ему каждой эпохой… Толерантность не является созерцательной позицией, раздачей индульгенций тому, что было, и тому, что есть. Это динамическая установка, она состоит в предвидении, понимании и продвижении того, что желает быть…».

Трудность в изучении толерантности состоит в том, что среди представителей социогуманитарных наук отсутствует единство в понимании сущности этого феномена, а также в сложившейся исследовательской традиции. Так, в краткой философской энциклопедии толерантность понимается как терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции. Аналогичное определение толерантности содержится в новой философской энциклопедии, где толерантность определяется как «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие». Такое понимание толерантности допускает восприятие другого, не оказывающего никакого взаимодействия.

Аналогичная трактовка толерантности получила отражение и развитие в современной политологии. Так, в энциклопедическом словаре по политологии политическая толерантность определяется как «позиция тех или иных политических сил, выражающая их готовность допускать существование инакомыслия в своих рядах в случае, если эти силы находятся у власти». Здесь акцент делается на допущение деятельности оппозиции в конституционных рамках.

К рассматриваемому понятию активно стали обращаться социологи и психологи, изучая его через личность, включенную в этническую группу, т.е. это понятие применяется исследователями межэтнических отношений. Толерантность ими рассматривается не как позиция самоограничения и намеренного невмешательства, согласия на взаимную терпимость, а как принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними.

Толерантность — феномен исторический. Возникнув на заре становления человеческой цивилизации на основе инстинкта самосохранения, она постепенно обретала статус нормы, принципа, устойчивой традиции. Необходимость культивирования толерантности диктовалась динамичным ростом количественного и качественного этнокультурного, конфессионального, мировоззренческого и иных форм многообразия. Фактор плюрализма (от лат. *множественность*) требовал предельной заботы и активизации усилий по поиску формул согласия, способов координации разных не только по форме, но и по сути ценностных, культурных, религиозных, идейных, философских ориентаций. Задержка или тупики в процессе поиска координирующих, согласительных механизмов в исторической практике оборачивались снижением преобразовательных темпов, задержкой на исходных ступенях социального прогресса, увеличением конфликтных ситуаций, узлов и зон, усилением тенденции конфронтации, агрессивности и учащением числа войн. Проблема создания объединительной платформы, поиска общего знаменателя для растущей множественности, межкультурного, межэтнического, межконфессионального, все больше превращала толерантность в фактор сохранения и развития общества. Общечеловеческий прогресс обеспечивался именно тем, что в «складках» истории накапливался потенциал культуры толерантности, сдерживавший применение сугубо силовых способов решения проблем и усиливавший ориентацию множащегося числа общностей, народов, культур, религий на мирное сосуществование, солидарность, взаимодополняемость, соразвитие. Толерантность, таким образом, является неизбежным и постоянно воспроизводимым продуктом всемирного исторического процесса.

Евразия в этом плане была одной из «прародин» возникновения, становления и развития наиболее ранних форм толерантного мышления и действия индивидов и человеческих сообществ. На путь толерантной коммуникации и взаимодействия евразийские сообщества «толкало» множество факторов: масштабность территории, контрастность природы и климатических условий, «срединность» и пограничный характер географического, геополитического и геокультурного контекста развития, поэтому Евразия стала колыбелью одной из первичных мировых цивилизаций — тюркской.

В тюркско-татарском мире толерантность проявлялась во множестве форм. Создавая полиэтничные, поликультурные, поликонфессиональные и полицивилизационные империи, тюрки не только воевали, но и мирно соседствовали, сотрудничали с другими народами. Внедряя многие элементы своей культуры в сопредельное пространство, они усваивали достижения других народов. Здесь соседствовали, перемежаясь, культура войны и нетерпимости и культура мира и согласия. Толерантность при этом выступала между ними своеобразным «мостом».

Такая постановка не должна упрощать проблему генезиса, утверждения и развития толерантности как духовного явления, принципа взаимодействия. Дело в том, что постановка вопроса о толерантности в «прямой» форме не свойственна субъекту исторического действия. Конфликты и военные столкновения, завоевание новых территорий и водных просторов зачастую занимали человечество больше, чем проблемы мира. Целые исторические эпохи (древность, средние века и даже новое время) обходились без специального внесения в повестку дня вопроса о толерантности, без принятия деклараций и воззваний по этому поводу. Но толерантность как имманентное свойство природы человека, как состояние мироощущения и миропонимания все более превращалась в осязаемую материю, обретая форму гуманистической социальной политики внутри общества и миролюбивой внешней политики в межгосударственных отношениях. Человечество по мере своей эволюции все более отчетливо понимало, что если продолжать развитие на основе логики и философии эгоцентризма (этноцентризма) и не пытаться совместными усилиями ослабить процессы отчуждения и дегуманизации, чтобы выстоять перед учащающимися духовными, социальными или природными катаклизмами, то оно может подойти к порогу самоуничтожения. Страх перед возможным «концом» отражен и в мифологии, и в религиозных учениях многих народов. Поэтому сам факт обращения к феномену терпимости и его культивирования был формой ответа на вопрос о том, как в условиях растущего многообразия, усложнения характера и масштабов решаемых задач можно выжить и двигаться вперед. Первой наиболее заметной фазой такого исторического «прозрения» считается «осевое время». Именно тогда человечество впервые задумалось о своем единстве, в том числе с природой, о своей судьбе и предназначении и сделало первый шаг от локальных историй к началу истории мировой.

Вопрос о толерантности мыслители разных эпох увязывали с исследованием базовых форм социальных связей, с решением вопроса о том, что движет людьми в обществе, — конфликт, «война всех против всех», классовая или социал-дарвинистская борьба за выживание, или все-таки первичными являются отношения солидарности, взаимопомощи и взаимопонимания. В зависимости от решения этого принципиального вопроса толерантность интерпретировалась в самом широком смысловом диапазоне. Как инструментальная норма, возможность игнорировать другого, «позволять» ему сохранять свою специфику и автономно сосуществовать с ним или же как одна из базовых культурных ценностей, универсальных поведенческих образцов, предполагающих не только сохранение и приумножение многообразия социокультурной реальности, но и живую заинтересованность в специфике другого, ее творческое использование и приумножение ради общего блага. Толерантность нередко понимается как «последствие инклюзивности, т.е. способности принять иные ценности и нормы, не отказываясь от своих, а структурно встраивая их в собственную культуру, расширяя, таким образом, ее потенциал».

Мир, основанный на принципах толерантности, как об этом свидетельствует и история взаимоотношений тюрков и славян, — это отнюдь не выбор между жизнью и смертью, прозябанием и процветанием. История доказывает, что толерантность была и продолжает быть высшей ценностью и атрибутом высокоморальной жизни человечества. Расширение собственных интеллектуальных и нравственных горизонтов, выход за пределы индивидуального и коллективного эгоизма и нарциссизма. Накопление и интеграция всего лучшего, накопленного в многовековом опыте человеческих интерсубъективных и интернациональных отношений. Взаимное уважение и интерес одной цивилизации к другой, а отнюдь не «столкновение цивилизаций» (С.Хантингтон). Состояние, когда каждая цивилизация «смотрится», как в зеркало, в другую цивилизацию, чтобы лучше разглядеть и понять себя, чтобы обогатить себя знанием другого, контактами с другим, чтобы усмотреть в иной цивилизации не опасность, а новую возможность расширения сотрудничества, взаимного развития, поскольку цивилизации не альтернативны, а, скорее, взаимодополняемы.

Обеспечение беспрерывности и результативности исторического процесса объективно было связано с тем, что толерантность все в большей мере становилась нравственной основой жизнедеятельности как отдельно взятого социума, так и всего мирового сообщества, моральным императивом, нормативом, социальным и нравственным кодом, одним из стержней культуры человечества. В силу своей природы толерантность встраивалась во все виды социальных связей — от межличностного до международного, от внутригосударственного до глобального уровня. Процесс решения этой исторической задачи, конечно, не выглядел как победное «шествие» идей, норм и принципов толерантности. Работа человеческой мысли и историческая практика имели немало

обрывов, откатов, поражений. В истории развивались и прямо противоположные тенденции. По многим причинам люди, целые народы и государства надолго делали ставку на силовые ресурсы развития, агрессию, единообразие, а не на различия.

Все это в полной мере относится и к тюркско-татарской истории. В прошлом да и в настоящем многих народов, в том числе татар, были периоды доминирования интолерантных установок, идейной непримиримости, расовой, классовой и религиозной ненависти, закрытости, то есть неприятия и отторжения иных систем, иных культур и религий.

Для Евразии формирование толерантности всегда было одной из злободневных проблем общественного развития, решение которой связывалось с сохранением идентичности, суверенности и целостности государства, исходом цивилизационных преобразований, судьбой регионов и этносов. Полиэтничная, поликонфессиональная, полицивилизационная структура евразийского мира всегда остро ощущала моменты утончения культурного слоя толерантности, угрозу дефицита культуры в целом, культуры мира в особенности. Опыт усиления потенциала толерантности, накапливаемый в так называемых межцивилизационных «контактных зонах», имел особую ценность и значимость. Речь идет прежде всего о таких зонах межцивилизационного взаимодействия в евразийском пространстве, как Поволжье, Урал, Сибирь, Алтай, Средняя и Центральная Азия, т.е. те территории, где и состоялась история татарского народа.

Одной из классических форм «контактной зоны» является геополитическое пространство между Волгой и Уралом, где первые очаги тюркской цивилизации возникли в рамках «осевого времени». Исходной предпосылкой и фундаментом формирования культуры мира, ненасилия и толерантности выступали здесь многовековая традиция и опыт мирного проживания и сотрудничества многих народов, принадлежавших к разным культурам, религиям и цивилизациям.

В силу геополитической заданности и географического положения татарский народ с начала процесса этногенеза и до наших дней играл и продолжает играть роль связующего «моста», посредника и медиатора между двумя крупнейшими культурно-историческими системами — Европой и Азией. Здесь проходила великая водная артерия межцивилизационных встреч, международных контактов, межконфессионального, межсоциального и межкультурного диалога. Материализованными формами и одновременно результатами такого исторического взаимодействия двух цивилизационных систем стали освоение Великого волжского пути и Великого шелкового пути, научно-технические и интеллектуальные прорывы, великие географические открытия, великие переселения народов.

Волго-Урал по сей день олицетворяет собой единственный в мире ареал, где за многие тысячелетия (во всяком случае со времени появления здесь первого цивилизационного очага) не происходило кровавых столкновений и войн на межнациональной, межконфессиональной основе. И это не случайно. Динамизирующиеся темпы цивилизационного роста, все более расширяющиеся и ускоряющиеся потоки межчеловеческих, научных и культурных связей, торгово-посреднических миссий и экономического партнерства требовали выработки общепринятых правил игры, норм общения и сотрудничества. Именно поэтому здесь, на этом «мосту», становилась возможной не только «встреча», но и взаимодействие двух диаметрально противоположных историко-культурных систем — Европы и Азии. Здесь происходила их «притирка», примирение, соединение. На базе интеграции двух контрастно-противоположных начал создавалась и развивалась особая цивилизационная казанско-поволжская субкультура, «философским камнем» которой, отличительным и одновременно возвышающим признаком являлась толерантность. Ее воздействие на окружающий мир неоценимо. Можно со всей уверенностью утверждать, что Евразия как некая культурно-цивилизационная целостность состоялась  во многом благодаря татарскому фактору.

Толерантность часто упрощенно трактуется как терпимость. Да, действительно, это терпимость во взаимоотношениях людей с разными социокультурными и социополитическими характеристиками, веротерпимость, межнациональная уживчивость лежит в основе толерантности. Но, развитая и испытанная в перипетиях исторического бытия, терпимость предполагает и включает в себя способность слушать и слышать людей с другим образом жизни, системой мышления, характером, вероисповеданием, принимать и уважать их систему этико-нравственных, философских, политических и культурных ценностей, обогащаться самим и обогащать других.

Имея в виду толерантность татарского народа, одного из исторических творцов казанско-поволжской субкультуры, следует сказать, что этот базовый цивилизационный принцип организации жизнедеятельности проявляется в конкретных социальных свойствах его национального характера: в открытости, компромиссности, диалогичности, комплиментарности, солидарности, сопереживании.

Речь не идет о какой-то особости, исключительности его национального характера и исторической роли. Богоизбранных народов нет в природе и не было в исторической практике. Были и есть народы ведущие и ведомые, пионеры, лидеры и идущие вслед за ними, древние и молодые, авторы-создатели цивилизаций и калькирующие их. Но ни у одного народа нет патента на вечность исторических ролей.

Часто бывает так, что труднее не завоевать славу, обрести мощь и величие, а удержать и приумножать их.

Толерантность как цивилизационное свойство татарского народа была предопределена совокупностью объективных и субъективных факторов. Строительство, обустройство и постоянное совершенствование своего цивилизационного «дома», ориентация на внутренние ресурсы саморазвития, обеспечение благоприятных внешних условий жизнедеятельности и безопасности, ориентация на контакты с внешним миром — все эти сознательно выбранные приоритеты превращали толерантность в источник прогресса народа, в условие его самосохранения и развития. Не умозрительные идеи и религиозные откровения лежат в основе формирования толерантной философии мышления и действия, а практические идеи создания семьи, воспитания детей и продолжения рода, рациональной организации торговли, развития экономики, обеспечения конкурентоспособности государства.

На перекрестке материков, миров и цивилизаций толерантность становилась наиболее выгодной формой исторического поведения людей, фактором здравого смысла и морали. Миротворчество в широком смысле слова постепенно становилось философской и практической базой всего образа жизни народа, стереотипом его повседневного поведения. Толерантность постепенно приобретала нормативный характер. Она «проглядывала» во всем содержательном и внешнем облике общества: в чересполосном (соседском) принципе формирования национальных посадов и слобод, религиозных общин и конфессий, в архитектурной и градостроительной культуре, которая создавалась и развивалась на основе сочетания национального и интернационального опыта, в полиэтническом хоре голосов, раздававшемся в общественно значимых социокультурных рекреациях: на базарах и многочисленных ярмарках, в зрительных залах театров и местах массового гуляния.

Во все времена в поволжско-уральской контактной зоне нормой было не только сожительство и мирное сосуществование, но и сотрудничество, взаимопомощь между представителями разных конфессий и общин, поселений и слобод. Причем оно было присуще как верхнему «этажу» общества, так и его низам. Для этой зоны не характерна вражда между купцами и ремесленниками, банкирами и деловыми людьми, студентами и клерками на чисто религиозной или национальной основе. Если и возникали в общетатарском «доме» «трещины» или зоны расслоения, то они имели скорее социально-имущественную или психологическую окраску.

Никем и никогда не было подписано ни одной конвенции, не было принято ни одной хартии о толерантности, но соблюдение принципов взаимоуважения, стремление к взаимодействию, готовность к взаимопомощи — все это входило в «кодекс» чести, имело силу выработанного обществом нравственного эталона, становилось образом жизни.

В такой оценке нет стремления приукрашивать, тем более возвеличивать «ценность» народа на весах истории. Речь идет лишь о своеобразии формирования и эволюции казанско-поволжской цивилизационной субкультуры, о ментальности и характере ее творцов.

В тысячелетней истории татарского этноса, в повседневной жизни людей, конечно, были разлады, ссоры, малые и большие конфликты. Но уже на уровне саморефлексии доминировала установка на согласие, примирение, компромисс. Такая установка была выгодна и по прагматическим соображениям. Многообразие становилось не помехой, а украшением и основой усиления «транзитной» культуры. Миссия примирителя и посредника требовала подавления в себе агрессообразующих компонентов и взращивания в характере, структуре мышления и стиле поведения миролюбивых начал.

Еще одной важной структурной единицей изучения истории в миротворческом контексте является понятие «диалог цивилизаций», обозначающее содержание одной из глобальных тенденций исторического развития, начало которой восходит ко времени появления первых очагов человеческого общежития. С тех пор ни одна цивилизация не могла развиваться без взаимодействия или диалога с другими. Диалог цивилизаций — объективный исторический процесс, развитие которого не могло быть стихийным, механистическим. Если исключить события спонтанного или военного характера, то это, как всякий диалог, — осознанно-творческий процесс, хотя в ходе войн и колонизаций также расширялись сферы и возможности межцивилизационного контакта.

Пожалуй, одним из первых исторически зафиксированных примеров межцивилизационных контактов стали персидские завоевания середины I тысячелетия до н.э. Характерно, что персы на завоеванных территориях намеренно ликвидировали исторически сложившиеся границы между этносами и создавали новые административные единицы с максимально полиэтническим населением, что вело к усилению процессов межцивилизационного взаимодействия.

Таким же образом можно оценивать целый исторический этап освоения тюрками евразийского пространства, которое осуществлялось комбинацией средств и методов, насильственных и мирных, торгово-экономических, культурно-просветительских. Еще более динамичными и целенаправленными

в смысле усиления межцивилизационных контактов оказались римские завоевания, гуннские военные походы, войны Монгольской империи и Золотой Орды.

Многочисленные волны великих переселений народов, продолжавшихся с разной интенсивностью и перемещавшихся из одного конца ойкумены в другую на протяжении II–I тысячелетий до н.э. и I тысячелетия н.э., создали смешанный тип диалога цивилизаций, в котором начал доминировать компонент духовности и культуры.

Эпоха средневековья ознаменовалась тремя масштабными акциями культурной глобализации в истории человечества. Речь идет о распространении трех мировых религий — буддизма, христианства и ислама. «Экспансия каждой из них в разных случаях имела разные формы, но по степени унификации основных параметров культур народов, вошедших в зону влияния каждой из этих религий, по уровню нивелирования черт местного этнокультурного своеобразия названные явления, несомненно, превосходят все аналогичные события на протяжении истории».

С началом нового времени тенденция культурно-цивилизационного взаимодействия приобретает более сложный и динамичный характер. В ходе образования полиэтничных империй межцивилизационный диалог ускорился и разнообразился как на внутреннем уровне социума, так и между разными цивилизациями, на международном уровне.

Исторический анализ позволяет выделить, определить зоны с повышенной интенсивностью и многообразием форм межцивилизационных контактов как ареалы постоянного и устойчивого взаимодействия цивилизаций. Это зона Индийского океана и атлантическая межцивилизационная зона, африканская и американская сферы межцивилизационных связей. Мостом между месопотамской и индийской цивилизациями является зона Персидского залива. В качестве сферы межцивилизационного взаимодействия можно определить Великий шелковый путь и Великий волжский путь, соединившие наиболее развитые типы цивилизаций (персидскую, китайскую, тюркскую).

Активной сферой межцивилизационных контактов, как уже отмечалось, была территория между Волгой и Уралом, через которую осуществлялась связь самых разных культурно-цивилизационных миров. Специальное историческое исследование проблемы дало бы возможность найти и другие примеры развитых межцивилизационных зон. В данном случае необходимо подчеркнуть, что на протяжении всей истории человечество сталкивалось с опытом многочисленных форм диалога, развивавшихся самыми разными средствами, методами и способами: военными, торговыми, миссионерскими или посредством осознанного формирования межцивилизационных контактных зон.

Таким образом, диалог цивилизаций — это, несомненно, фактор исторического прогресса. Но не всякий диалог и не все контакты между цивилизациями приносили позитивные плоды. В череде сменявших друг друга эпох в истории человечества в разной форме и масштабности проявляло себя взаимодействие народов и цивилизаций, по-разному сопрягались в истории центростремительные и центробежные, интегративные и разъединительные тенденции. Сложный, противоречивый характер имела трансформация культуры войны и противостояния в культуру мира, диалога и партнерства. Диалектика этих глобальных тенденций, степень их противоборства или «соразвития», преобладание той или другой всегда предопределяли облик, степень прогресса и цивилизованности в целом человечества, а равно и его составных частей — народов, государств.

Тенденция нарастания многообразия развивающегося мира, берущая начало с древности, от одного этапа исторического времени к другому выводила проблему взаимоотношений людей, народов и цивилизаций на новый уровень сложности, постоянно требовала увеличения и усиления культурного слоя толерантности человечества. На этом фоне умение находить язык и способ общения, соседствования и сотрудничества, так же, как овладение наукой и искусством предупреждения, урегулирования или разрешения конфликтов, всегда имело силу категорического императива.

«Для диалога между цивилизациями, — как точно замечает почетный профессор Казанского института культуры мира, действительный член Международной гуманитарной академии «Европа — Азия», генеральный директор ЮНЕСКО К.Мацуура, — в центр наших забот снова попадает фундаментальная этическая концепция, и интуиция нам подсказывает, что она является сердцем всей системы ООН, а именно: самое драгоценное, чем мы обладаем, — это мир на земле. Необходимость диалога между цивилизациями покоится на постулате мира, для чего требуется по крайней мере понимание того, что люди и культуры не могут существовать в изоляции. Без диалога культуры и цивилизации клонятся к закату и будут приговорены к исчезновению с лица земли. Эта истина была изречена с замечательной ясностью французским интеллектуалом Полем Валери после окончания первой мировой войны, когда он заметил: «Мы, цивилизации, теперь знаем, что мы смертны». Это предостережение с еще большей убедительностью может быть обращено ко всем культурам и цивилизациям: в эпоху ускорения темпов глобализации и возрастания зависимости друг от друга цивилизации и культуры крайне нуждаются в установлении контактов, инновациях, взаимодействии, обмене и диалоге, основанных на равенстве в контексте достоинства и потому на терпимости».

Таковы наиболее важные для реализации концептуальной цели мыслительные единицы исследования. Рамки понятийного аппарата, предназначенного для изучения в целом истории и истории татар в частности в ее миротворческом варианте, постоянно расширяются, обогащается историко-философское содержание каждой из категорий мыслительного процесса. В данной работе была сделана попытка дать краткую характеристику лишь основного круга базисных понятий.

## §2. Методологические подходы: единство многообразия

*Вековые пласты культурных предрассудков… старше нас, но моложе правды.*

*Олжас Сулейменов*

Методология исторической науки представляет собой совокупность методов, принципов, теорий и подходов, применяемых в процессе познания истории. Это система наиболее общих установок, принципов, взглядов, позиций, ценностных ориентаций, определяющих подходы к изучению и анализу исторического процесса, исторического материала, накопленного опыта. Но это открытая, развивающаяся и постоянно наполняемая новациями система. В гносеологическом смысле это путь научного исследования, движения исторической мысли во времени. Начав свое движение в форме провиденционализма, в дальнейшем она прошла все ступени, направленные на достижение системности, полноты и истины от марксизма до постмодернизма.

Для достижения исследовательской цели была предпринята попытка творческого сочетания различных методологических подходов, среди которых особо выделяются формационный, цивилизационный и ориенталистский.

Марксистская формационная концепция объяснения истории базируется на четырех основных принципах: принципа единства человечества и, следовательно, единства исторического процесса; принципа исторической закономерности; принципа детерминированности (признание существования причинно-следственных связей и зависимостей) и принципа прогресса, т.е. поступательного движения человечества от исходно-первобытного до более высоких уровней развития.

Вплоть до начала XX в. формационная теория оставалась одной из ведущих научно-политических идеологий. Сильная сторона концепции состоит в том, что на основе определенных критериев она создает четкую объяснительную модель исторического развития. История человечества предстает как объективный, закономерный поступательный процесс. Четко обозначены движущие силы этого процесса, основные этапы и т.д.

Однако формационный подход в познании и объяснении истории не лишен недостатков. Прежде всего формационный подход предполагает однолинейный характер исторического развития. Он пригоден для обобщения исторического пути Европы. История многих стран не укладывается в эту схему чередования пяти формаций. Формационный подход создает определенные трудности и в отражении многообразия и многовариантности исторического развития. В его рамках недооценивается роль духовных факторов исторического развития.

Многие недостатки формационного подхода к истории стали преодолеваться в рамках методологии цивилизационного подхода. Но вряд ли правы те, кто спешит списать формационный способ анализа истории в архив. Цивилизационный подход не отрицает формационного и не противостоит ему. В каждом из подходов есть множество рациональных зерен, способствующих движению исторической мысли в направлении к истине. К тому же цивилизационный подход в объяснении исторического процесса начал складываться в XVIII в., т.е. задолго до марксизма. На рубеже XIX–XX вв. он получает наиболее полное развитие.

Основной структурной единицей исторического процесса, с точки зрения этого подхода, является цивилизация. Первоначально термином «цивилизация» обозначали определенный уровень развития общества, наступающий в жизни народов после эпохи дикости и варварства. «Civil» противопоставлялось «silvaticus» — дикий, лесной, грубый. Отличительными признаками цивилизации, с точки зрения этой интерпретации, является появление городов, письменности, социального расслоения общества, государственности.

В более широком плане под цивилизацией чаще всего понимают высокий уровень развития культуры общества. Так, в эпоху Просвещения в Европе цивилизация связывалась с совершенствованием нравов, законов, искусства, науки, философии. Существуют в этом контексте и противоположные точки зрения, при которых цивилизация истолковывается как конечный момент в развитии культуры того или иного общества, означающий его закат, или упадок (О. Шпенглер).

Однако для цивилизационного подхода к историческому процессу более существенное значение имеет понимание цивилизации как целостной общественной системы, включающей в себя различные -

элементы (религию, культуру, экономическую, политическую и социальную организацию и т. д.), которые согласованы, коррелируются друг с другом и тесно взаимосвязаны. Каждый элемент системы несет на себе печать своеобразия той или иной цивилизации. Это системное своеобразие весьма устойчиво. И хотя под влиянием внешних и внутренних воздействий в цивилизации происходят определенные изменения, их некая основа, внутреннее ядро остается неизменным.

В исторической науке отмечаются многие достоинства и аналитические возможности цивилизационного подхода:

— его принципы применимы к истории каждого народа, любой страны или группы стран. Этот подход ориентирован на познание истории общества с учетом специфики стран и регионов. Отсюда проистекает универсальность данной методологии;

— ориентация на учет специфики предполагает представление об истории как многолинейном, многовариантном процессе;

— цивилизационный подход не отвергает, а, напротив, предполагает целостность, единство человеческой истории. Цивилизации как целостные системы сопоставимы друг с другом. Это позволяет широко использовать сравнительно-исторический метод исследования. В результате такого подхода история страны, народа, региона рассматривается не сама по себе, а в сравнении с историей других стран, народов, регионов, цивилизаций. Открывается очевидная возможность глубже понять исторические процессы, зафиксировать их особенности;

— выделение определенных критериев развития цивилизации позволяет историкам оценить уровень достижений тех или иных стран, народов и регионов, их вклад в развитие мировой цивилизации;

— цивилизационный подход отводит подобающую роль в историческом процессе человеческому духовно-нравственному и интеллектуальному факторам. В этом подходе важное значение для характеристики и оценки цивилизации имеют религия, культура, менталитет.

Цивилизационный подход термин «цивилизация» трактует не просто как стадию развития, приходящую на смену варварству, а как временную и пространственную совокупность материальных и духовных достижений человеческой общности, характеризующуюся определенным уровнем развития со своими закономерностями социально-политической, экономической жизни, а также духовного и культурного прогресса. В рамках такого подхода всемирная человеческая цивилизация имеет следующие уровни: глобальный (общемировой), локально-региональный (группы стран — группы этносов), локально-страновой (одно государство — один народ), локально-субцивилизационный (отдельные группы территорий и этносов в составе крупных локально-страновых цивилизаций). Локальные цивилизации представляют собой сложные системы, внутри которых взаимодействуют друг с другом различные элементы: природная среда, экономика, политический строй, социальные структуры, законодательство и нормы поведения, религия и церковь, общественное сознание, наука и искусство, философия и литература, быт и традиции, обычаи. Локальные цивилизации, с одной стороны, уникальны и неповторимы, с другой — они не могут развиваться изолированно, и поэтому каждая из цивилизаций проходит общие закономерные периоды мирового исторического процесса развития, демонстрируя при этом многообразие проявлений и форм. Одной из крупных локально-страновых цивилизаций мира, безусловно, следует признать российскую цивилизацию, развивающуюся в течение тысячелетий на обширных территориях востока Европы, а затем и Азии.

В различных исторических эпохах в составе российской цивилизации существуют локальные субцивилизации, проявляющиеся в неповторимом сочетании культурных, духовных, материальных, социальных, политических традиций, стилей, форм. К числу таких субцивилизаций, очевидно, можно отнести и тюрко-татарскую (татарстанскую) субцивилизацию, центр которой ныне локализуется в Волго-Уральском регионе. С момента возникновения она являлась составной частью огромной тюркской цивилизации, которая поначалу принадлежала к восточному, азиатскому цивилизационному сообществу, а затем, распространившись на обширных территориях Европейского континента, вошла в диалог и постоянный контакт с западной, европейской цивилизацией, а с принятием более тысячи лет назад мусульманства вошла в ареал исламской цивилизации и заняла особое место в христианско-исламском цивилизационном пограничье.

На протяжении всей истории тюрко-татарская субцивилизация развивалась в регионе традиционного торгового и культурного диалога европейской и азиатской цивилизаций, продолжавшегося и после завоевания Россией Поволжья, и смогла сохраниться и трансформироваться в составе Российского государства. В течение последних столетий татарская культура испытала возрастающее российское цивилизационное влияние, разделяя вместе с другими народами России закономерности и перипетии российского исторического процесса, однако продолжала сохранять свою национальную самобытность, чем обеспечила выживание и свое дальнейшее развитие. В период новейшей истории татарский народ, сохраняя свою идентичность, активно включается в процессы индустриализации и модернизации, адаптирует европейский и азиатский опыт, все более активно

включается в межцивилизационный диалог Восток — Запад, Север — Юг, активно влияет на процессы федеративного переустройства и цивилизационной трансформации России.

В современной исторической науке все больше укрепляется новое направление гуманитарной мысли, в рамках которого история рассматривается как сложный процесс взаимодействия людей и народов, представляющих разные культуры, идеи, традиции, цивилизации. Речь идет о становлении более емкой и гибкой методологической парадигмы — ориентализма, в рамках которой открывается возможность более плодотворного изучения истории цивилизаций на всех уровнях — глобальном, локально-региональном, локально-страновом, локально-субцивилизационном.

Значимость и перспективность ориентализма определяются прежде всего тем, что он базируется на философии взаимодействия, взаимовосприятия и взаимоидентификации народов, относящихся к разным культурно-историческим системам, т.е. Востоку-Западу. «Чтобы извлечь пользу из сильных сторон ориентализма, — отмечает кавказовед В.Дегоев, — целесообразно трактовать его не как непреодолимую культурную дихотомию, тотально пронизывающую все и вся, и не как духовный гегемонизм кого-то над кем-то, а как открытость к восприятию «другого», создающую предпосылку для органичного сплава идей, взглядов, образов, социально-исторического опыта, иначе говоря, — культур». Разделяя такую точку зрения, необходимо отметить, что ориентализм является не только просторным, но и более результативным методологическим полем, позволяющим глубже исследовать безграничное разнообразие культурно-цивилизационного мира Евразии, России и всего планетарного сообщества в историческом и современном измерениях. Историю татар в контексте ориентализма также целесообразно представлять не как сугубо автономную историю, развивавшуюся в своем собственном этнокультурном эмбрионе, а как историю народа, всегда находившегося на перекрестке мировых культур, религий, цивилизаций, вовлеченного в процесс сложного и во многом плодотворного взаимодействия с ними.

Главная ценность ориенталистского подхода состоит в ориентации на приоритетное изучение роли интегративных факторов в истории народов и всего человечества, а не только ее военно-конфронтационной составляющей. Он формирует глубоко диалектический взгляд на межкультурные, межконфессиональные, межцивилизационные границы «не как на непроходимые барьеры, а как на стыковые зоны непростого, но все более интенсивного и благотворного общения, которое постепенно изменяет изначальный тип взаимонеприязненного восприятия, закладывая предпосылки для взаимопроницаемости, взаимообогащения и компромиссного сосуществования в рамках сверхструктур. Диалектика внутренней жизни этих сверхструктур выражается в сложном взаимодействии центробежных и центростремительных сил, образующих парадоксальное единство: чем больше разноименных элементов, заряженных энергией взаимоотталкивания, тем выше потребность в смягчении, примирении их с помощью емкой государственной оболочки, выполняющей функцию третейской инстанции и плавильного котла». Ориентализм, таким образом, создает новые возможности для постижения эволюции всех сложносоставных, гетерогенных по своей природе этнокультур, цивилизаций.

Методологический арсенал исторического исследования имеет тенденцию к расширению, постоянному пополнению. Это открывает путь к конкуренции и взаимодополняемости методов и подходов анализа исторического материала. Все обозначенные подходы — формационный, цивилизационный и ориенталистский дают возможность рассмотреть исторический процесс генезиса и развития человечества и отдельных народов под разными углами зрения, в многосюжетном варианте и, что особенно важно, в контексте их постепенной эволюции от философии, политики войны и насилия к ценностям культуры мира, солидарности и партнерства. Каждый из этих подходов имеет преимущества и недостатки, но смысл и предназначение методологической культуры в том и состоит, чтобы суметь избежать крайностей, взять лучшее, что имеется в той или иной методологии, для успешного достижения исследовательской цели.

## §3. Периодизационная схема: постановочный вариант

*Без знания истории мы должны признать себя случайностями… механическими куклами.*

*В.О.Ключевский*

Вопрос о периодизации истории всеобщей, равно как и истории отдельных народов, стран и регионов, был и остается одним из дискуссионных в науке. Распространен подход, при котором основные этапы истории человечества выделяются по принципу форм орудийно-хозяйственной

деятельности, развития материальной культуры. Согласно этим критериям история делится на эпохи дикости, варварства и цивилизации (Л.Г.Морган).

Марксистская формационная теория выделила пять основных эпох в истории человечества. Основой выделения каждой из них в самостоятельную стадию — формацию являются критерии развитости (уровни) производительных сил, характера производственных отношений, форм собственности и степень конфликтогенности классообразующих групп в обществе.

Сторонники цивилизационного подхода видят в общемировой истории три основные стадии (доиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная), разделяемые промежуточными, переходными этапами. В основе каждой из них — степень зрелости всех системообразующих цивилизацию компонентов.

Исследователи истории локальных цивилизаций измеряют исторические эпохи продолжительностью их существования, уникальностью и степенью их воздействия на ход мировой истории.

Насколько совместимы в исследованиях столь, казалось бы, противоречащие друг другу подходы? Выше уже отмечалась необходимость и эффективность интегрального подхода к истории. Такая точка зрения все больше утверждается в современной исследовательской практике. На первый взгляд может показаться, что сторонники различных подходов к истории должны коренным образом расходиться и в ее периодизации, но в действительности этого не происходит. Споры возникают лишь по отдельным вопросам. Дело в том, что время перемен можно называть по-разному — сменой формации, крушением локальной цивилизации, наступлением новой фазы развития. Суть же описываемых событий от этого не меняется. Каждый новый период исторического развития, как правило, связан со сменой форм хозяйственной деятельности, отношений собственности, политическими потрясениями, глубокими переменами в характере духовной культуры.

В данной схеме периодизации предпринята попытка синтезировать известные подходы. Ее особенностью является то, что хронологические периоды выделяются соответственно критериям цивилизационного развития. Предлагаемая схема периодизации истории татарского народа является попыткой выделить наиболее крупные хронологические периоды с учетом общепринятых в науке критериев: государственно-политического устройства, социально-экономического строя, культурного развития и взаимодействия с другими народами мира. В ней национальное совмещается с интернациональным, особое — со всеобщим. Содержательный контекст каждого из периодов выясняется путем сравнения с историческими формами творчества народов и стран Европы и Азии определенного времени, обозначая наиболее заметные на данном отрезке времени их цивилизационные влияния на эволюцию татар. Важным при этом представляется акцентирование внимания на степени их приверженности и результативности утверждения на жизненной практике принципов мирного - сосуществования, толерантности, этноконфессионального согласия и сотрудничества между народами на каждом из этапов пройденного ими исторического пути.

Другим принципиальным моментом данной периодизационной схемы является изучение истории татарского народа в контексте всемирной истории. В событиях и процессах всеобщей истории мы видим не просто внешний фасад, исследовательский фон. Исходим из того, что содержание каждого этапа татарской национальной истории влияло на степень богатства, яркости и масштабности общемировой истории. Пользуясь такой логикой периодизации, можно условно выделить девять наиболее крупных хронологических периодов в татарской истории:

**1.** ***Древнетюркский период (IV тыс. до н.э. — VIII в.).*** Это период формирования древних очагов тюркской цивилизации и образования раннегосударственных тюркских племенных союзов: Хуннская держава, гуннское государственное объединение, Тюркский каганат, Великая Болгария, Хазарский каганат, печенежские и кыпчакские племенные объединения. Общественный строй древнетюркских племенных объединений развивается от военной демократии к раннему классовому обществу. В экономике преобладают кочевническо-земледельческие методы хозяйствования, успешно развиваются ремесла, торговля, возникают города. Общей духовной основой для древних тюрков является язычество. Формируется мировоззренческая система и складывается основа тюркской (тюрко-татарской) традиционной культуры и духовности. Появление письменности повысило информационно-коммуникативную культуру и вывело структуру тюркского общества на качественно новую ступень, открыло возможность трансляции опыта, традиций и духовных ценностей предков приходящим в жизнь новым молодым поколениям, обеспечило непрерывность роста этноисторического самосознания, поэтому, хотя тюркские государства на протяжении этого длительного исторического времени то объединялись, то распадались на отдельные части, часто и воевавшие между собой, возникшее этническое единство, ощущение сопричастности к общей этнокультуре (цивилизации) не прерывалось. Архаичность древнетюркских мировоззренческих представлений не мешала им оставаться в культурно-историческом, цивилизационном самосознании татарского народа, исходным архетипом на протяжении всей его истории, вплоть до современности.

В это время в Центральной и Восточной Европе также появляются раннегосударственные племенные образования германцев, славян, мадьяров, занявших новые территории в ходе «Великого переселения народов». Восточные славяне также создают государственные племенные объединения — прообраз будущего древнерусского государства. В восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке сосуществуют две великие империи — Византийская империя и Арабский халифат, наследовавшие культурные традиции древнейших цивилизаций Европы и Азии.

Древнетюркские этносы испытывают на себе цивилизационные влияния: в ранний период это влияние восточной цивилизации древнего Китая, с выходом в Центральную Азию — влияние ираноязычной скифо-сармато-сакской кочевой цивилизации, а затем Сасанидского Ирана и Арабского халифата; с выдвижением тюркских народов на восточную периферию Великой Римской империи ощущается влияние западной цивилизации — византийской, наследницы традиций европейской греко-римской античности. Древнетюркские цивилизации также воздействуют на народы Азии и Европы, с которыми оказываются в контакте, что наиболее заметно в трансформациях этносов — алтайских Центральной Азии, угро-финских Поволжья и Приуралья, иранских Прикаспия, германских и славянских на периферии Римской империи.

Рубежом между двумя периодами являются распад Тюркского каганата, его «распыление» на дробные части и образование Волжской Булгарии как качественно нового исторического типа цивилизации.

**2.** ***Булгарский период (IX–XIII вв.).*** На базе племенных союзов формируется раннефеодальное государство с развитыми политико-управленческими структурами. В экономическом укладе жизни закрепляется разделение земледелия, скотоводства, ремесла и торговли. Важным результатом развития сельского земледельческо-скотоводческого и городского ремесленно-торгового хозяйства является образование торговых центров и рост городов Волжской Булгарии. С принятием монотеистической религии — ислама происходит консолидация булгарского этноса, одновременно укрепляется веротерпимость и усиливается потенциал его толерантности.

В русской истории этого периода общественные и экономические процессы в значительной мере развиваются синхронно: формируется раннефеодальная Киевская Русь. В Европе также оформляются и развиваются феодальные монархии. На Ближнем Востоке после распада Арабского халифата на его месте образуются феодальные исламские государства, одним из которых становится Государство сельджуков.

Основные цивилизационные влияния проявлялись как результат расширения внешнеполитических, торговых, хозяйственных и культурных связей булгар: с юга это арабо-персидское влияние, с востока — тюркско-монгольское, с запада — древнерусское и варяжское. Булгары, в свою очередь, также оказывают заметное цивилизационное влияние на иные культурные миры, но прежде всего на своих соседей: тюрков, угро-финнов, славян.

Особенностью данного периода является тенденция сохранения базовых элементов древнетюркского мировоззренческого архетипа и одновременного его обогащения системой ценностей исламской цивилизации. Сплав двух начал ориентировал булгарско-татарское общество на консервативно-традиционалистскую модель развития.

Рубежным водоразделом между булгарским и последующим периодами истории татарского народа являются регионально-континентальные и глобальные потрясения, вызванные выходом на историческую арену Монгольской империи, а затем и Золотой Орды.

**3.** ***Золотоордынский период (XIII–XIV вв.).*** Это период создания крупного феодального многонационального государства, в состав которого вошла, наряду с другими территориями, потерявшая независимость Волжская Булгария. Булгарский улус оказывается одним из наиболее развитых в политическом и экономическом отношении регионов Золотой Орды, которая испытывает сильное влияние центробежных сил и входит в фазис феодальной раздробленности. Хозяйство золотоордынских земель успешно развивается по феодальному типу. Происходит заселение и освоение новых территорий. Сохраняется особая роль булгарских городов как центров ремесла и транзитной торговли.

В истории Руси это период зависимости от Золотой Орды, период феодальной раздробленности и ее преодоления, время укрепления Московского княжества. В Европе это эпоха преодоления последствий феодальной раздробленности и усиления крупных централизованных государств, период великих географических открытий, нарастания кризиса феодализма, возникновения феномена Возрождения. На Ближнем Востоке это период складывания вокруг турецкого политического центра в Малой Азии Османской (Оттоманской) империи.

Характер межцивилизационного взаимодействия на территории края усложняется. Золотая Орда, образовавшаяся на перекрестке главных мировых цивилизаций, оказалась под воздействием региональных культурных центров. С одной стороны, это восточные цивилизационные влияния, отчасти монгольско-тюркское и более заметное арабо-исламское, с другой стороны — русско-

славянское и с третьей стороны — волго-булгарское (восточноисламское) цивилизационные влияния на все население Золотой Орды и на соседние угро-финские и славянские народы Восточной Европы.

В рамках золотоордынского периода истории татарского общества сформировалась инновационно-модернизаторская модель развития общества, которая вместе с тем сохраняла культурно-историческую преемственность древнетюркских традиций и синтезировала булгарскую ориентацию на традиционалистский консерватизм.

**4.** ***Период Казанского ханства (XV в. — середина XVI в.).*** Казанское ханство появляется как новое феодальное государство в результате децентрализации и распада Золотой Орды. В политико-административном устройстве казанские ханы воспроизводят ордынскую государственную модель в уменьшенном масштабе. Динамичнее, чем в ордынский период, развивается хозяйство. Растет роль Казани как центра ремесла и активной внутренней и международной торговли. Казанское ханство становится одновременно и субъектом, и объектом геополитической конкуренции за гегемонию на востоке Европы, в которой активно проявляют себя три политические силы: Русское государство, Османская империя (чаще всего действовавшая через посредство вассального Крымского ханства), а также Великое княжество Литовское. Усиливается классовая дифференциация населения Казанского ханства, растут численность и влияние городских ремесленно-торговых слоев, развиваются образование и культура. Увеличивается население Казанского ханства, происходит этническое оформление и консолидация поволжских татар. Определяются основные элементы тюрко-татарской (казанской) цивилизации: неограниченная власть монарха, безусловный авторитет государственной власти и ее носителей, сословная и территориальная корпоративность, общинность и авторитет старейшин, коллективизм и личная свобода, исламское мировосприятие и религиозная веротерпимость.

В России в этот период завершается образование централизованного феодального государства, происходит его территориальное расширение — пока что за счет присоединения ранее самостоятельных русских княжеств к Москве. Централизация выражается в укреплении монархической власти, однако развиваются и политические институты сословно-представительной монархии (боярская дума, земские соборы). Складывается централизованный аппарат управления (приказы, система местного «кормления» на местах). Усиливается крепостная зависимость крестьян. Складываются и развиваются традиционные основы российского типа цивилизации: неограниченная власть монарха, особая роль государства, сословный строй, помещичья система землевладения и крепостное право, общинностъ крестьянского мира, своеобразие русского православного мировоззрения и духовной жизни.

В Западной Европе в XV–XVI вв. идет интенсивное разложение феодализма и развитие капиталистических отношений. В ряде стран развиваются сословно-представительные монархии, в других — оформляется абсолютизм. Важным общественным явлением становится движение Реформации. В Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке устанавливается гегемония Османской империи, которая в середине XVI в. достигает пика своего влияния на внешний мир.

С момента своего основания Османское государство было военно-феодальным, типологически сходным с другими военно-феодальными империями Востока. Военно-ленная система земледелия предусматривала передачу государственных земель феодалам-воинам при условии несения ими службы. Османский феодализм, базируясь на военно-феодальной системе, мог существовать лишь при условии расширения военной экспансии. Но, в отличие от феодального строя европейского типа, османский строй не порождал в процессе своего разложения новых, более прогрессивных, экономических форм.

Расширение связей Казанского ханства XV–XVI вв., традиционно находившегося на исламско-христианском пограничье, оказавшегося на пересечении евро-азиатских торговых путей и в связи с этим — в зоне столкновения интересов крупных восточноевропейских стран, делает его активным участником межцивилизационного диалога. Казанское ханство оказывает заметное цивилизационное влияние на жизнь соседей: народов Поволжья, Приуралья, Сибири, России, Крыма, Литвы, Средней Азии. В этот период активизируются русское цивилизационное влияние, европейское влияние (в большинстве случаев при посредстве российского) и восточное цивилизационное влияние Османской империи (в основном при посредстве Крымского ханства).

Богатый исторический опыт строительства различных форм государственности и цивилизаций (начиная от древнетюркских до империй раннефеодального типа), а также выгодное срединное геополитическое положение между различными мирами предоставляли Казанскому ханству исторический шанс превратиться в модель развитого централизованного национального государства, в субъект самобытной цивилизации, равной другим мировым величинам. Но воспользоваться этим шансом не удалось.

**5.** ***Русский колонизационный доимперский период (XVI–XVII вв.).*** Происходит военное присоединение Казанского ханства к Русскому государству, которое проводит демонтаж государственно-политических и социально-экономических основ самостоятельности Казанского

государства. Ликвидируются ханская администрация, самостоятельная система управления, суд, армия, финансы. Ускоренными темпами проводится колонизация края, ее инструментами становятся насильственная христианизация и русификация населения, а также унификация административного управления (Казанский приказ). Происходит задержка и серьезное деструктурирование сложившихся ранее национальных хозяйственных моделей развития. Параллельно ликвидируется существовавшая в ханстве феодальная классово-сословная стратификация общества. Татарские феодалы как класс вытесняются из политической и хозяйственной жизни, татарское купечество отстраняется от наиболее доходных сфер внутренней и международной торговли, мусульманское духовенство теряет привилегии и испытывает притеснения и гонения. Татарское население изгоняется из Казани и отселяется из наиболее удобных в хозяйственном отношении мест, а также от крупных рек и дорог. Завоевание Казани и военное подавление продолжавшихся десятилетия национальных выступлений и восстаний привели к хозяйственной разрухе и потере Казанью роли крупнейшего в регионе центра международной ярмарочной торговли.

В России в XVI–XVII вв. завершается процесс складывания единого централизованного государства, обозначается тенденция к дальнейшим территориальным приращениям (Поволжье, Украина, Сибирь) и превращению в многонациональную империю. Колонизируемые территории активно втягиваются в процесс формирования общероссийского рынка. Усиливается разложение натурального хозяйства. Обозначается стремление России участвовать в общеевропейской политической жизни и международной торговле. Сословно-представительная монархия сменяется самодержавным абсолютизмом, что становится особенно заметным после преодоления кризиса начала XVII в. Происходит окончательное законодательное оформление государственной системы крепостного права. Централизованное самодержавное крепостническое государство планирует усилить свою власть церковными реформами, стремясь превратить русскую церковь в центр мирового православия. Для обоснования державных и церковных претензий усиливающегося Русского государства выдвигается концепция «Москва — третий Рим».

Европейское развитие XVI–XVII вв. характеризовалось прорывом к новым социально-экономическим, политическим, религиозным явлениям новой эпохи, эпохи утверждения капиталистических отношений. В странах-лидерах капиталистического развития, в Голландии и Англии, произошли буржуазные революции, реализовавшие принципы конституционализма, ограничения абсолютизма, разделения властей, равенства всех перед законом. Во многих странах Европы ослабло влияние католицизма и заметно укрепились позиции протестантизма — религиозно-идеологической опоры антифеодальной борьбы. Важнейшим фактором новой экономики становится мануфактурное промышленное производство. Активно развивается торговый и промышленный капитал, складываются мировые хозяйственные связи. В странах с менее динамичным развитием капитализма еще сохраняются феодальные формы государственного устройства — абсолютные монархии (Франция), раздробленные княжества (Германия, Италия). На Ближнем Востоке в XVI–XVII вв. обозначаются признаки упадка Османской империи: распад военно-ленной феодальной системы, истощение ресурсов страны постоянными войнами, трудности управления огромной многонациональной империей, неравномерность развития различных территорий, открытие морских путей на Восток и в Новый Свет, ослабившие средиземноморскую торговлю, военное и экономическое усиление европейских держав.

XVI–XVII вв. — это период покорения народов Поволжья и Приуралья, время жесткой цивилизационной конфронтации и попыток добиться через христианизацию и русификацию управляемости присоединенными народами и унификации их традиционной экономической, политической и культурной жизни. Самодержавно-православно-крепостническое давление ликвидирует национальный компонент власти, деформирует социальную структуру местного населения, изменяет способы хозяйствования и географию расселения народов, дискриминирует национальный язык и традиционную религию. Несмотря на это, сохраняется национальная идентичность татарского этноса, возможно, сопротивление давлению даже способствует национальной консолидации и создает предпосылки для появления в будущем некоторых новых компонентов в цивилизованном самосознании татарского общества. С конца XVI в. заметным становится усиление русского цивилизационного влияния в крае (политическое, экономическое, культурное, бытовое, языковое), и в то же время обозначается объективное татарское цивилизационное влияние на русское население Поволжья (хозяйственное, экономическое, культурное, языковое, топонимическое). Весьма интенсивным оказался процесс пополнения российской дворянской элиты выходцами из татарской аристократии, которые не могли не оказать своего цивилизационного воздействия на русский культурный мир.

В целом для татарского народа это был период поиска идейных столпов — опор и стратегий выживания. Их конкуренция и в конечном счете синтез хотя и не ослабляли степень и не

преуменьшали масштабов национальных потерь, но подготовляли социальные, психологические и духовные основы его предстоящего возрождения.

**6.** ***Российский интеграционный имперский период (XVIII — начало XX вв.).*** В начале XVIII в. Казань становится центром Казанской губернии — крупной административной единицы, включившей в себя все Поволжье и Приуралье. Усиливается параллелизм важнейших процессов политической, экономической и культурной жизни в истории России и Казанского края. Предпринимавшиеся в XVIII в. в России попытки европеизации и модернизации российского традиционного общества оказывают заметное воздействие на политическое, экономическое и культурное развитие народов. При поддержке государства начинает развиваться промышленность. Казань становится крупнейшим в Поволжье сосредоточением казенных, государственных мануфактур. Восстанавливаются и развиваются проходящие через губернию водные и сухопутные транспортные пути, способствующие формированию всероссийского рынка. Расширение границ Российской империи превращает Волго-Уральский регион из пограничного во внутренний, а поволжских татар — в мусульман «внутренней России». В конце XVIII в., в период так называемого просвещенного абсолютизма, в России впервые декларируются принципы религиозной веротерпимости и снимаются наиболее явные дискриминационные ограничения в отношении мусульман.

Обозначается новая роль татар в диалоге российской, европейской и восточной культур, происходит заметное усиление социально-политического, хозяйственного и культурного взаимодействия народов. В XIX в. этому способствует не только развитие Казани как крупного административного и экономического центра, но и превращение города — с открытием университета — в важнейший для всей восточной части империи научно-образовательный и культурный центр. Начало индустриальной эпохи и промышленной революции открыло новый этап цивилизационного развития татарского народа. Развитие предпринимательства, становление буржуазных отношений, активизация процессов культурной модернизации и реформаторско-просветительского движения в татарской среде — все это открывало перспективу национального самоопределения татарского общества.

С началом индустриальной эпохи западное цивилизационное влияние в среде татар активно проявляется не только при посредстве российской культуры, но и через расширение прямых контактов с центрами и носителями европейских политических, экономических и культурных традиций. В свою очередь при посредстве татарской диаспоры оказывается экономическое, политическое и культурное воздействие на тюркские мусульманские народы России и сопредельных стран. Усиливается цивилизационное взаимодействие татар и турок.

Татарская политическая элита поддерживала систематические контакты с турецкими либеральными деятелями, взаимодействовала с ними в выработке общих концепций и подходов к осуществлению широкой модернизации всех сторон жизни тюркских народов. В период революций в России (1905–1917 гг.) татары Поволжья и Приуралья активно включаются в политическую жизнь с требованиями национально-религиозного равноправия и культурной автономии. Первая татарская политическая партия выступала за эволюционный демократический путь развития России, поддерживала требования гарантий прав и свобод, установления в стране конституционной монархии и правового государства. Национальный вопрос был одной из самых острых политических проблем Российской империи. Самодержавная власть, вплоть до своего краха в 1917 г., отказывала нерусским народам, составлявшим 57% населения, в равенстве прав и в политическом, и даже культурно-национальном самоопределении.

В Европе в XVIII–XIX вв. происходит промышленный переворот и становление индустриального общества, складывается мировой рынок и оформляется мировая колониальная система, происходят буржуазные революции и создаются демократические политические режимы (конституционные монархии, республики), формируются основы гражданского общества и правового государства. Османская империя в XVIII–XIX вв. переживает эпоху заката. Военные поражения и распад империи явились следствием кризиса османского феодализма. К концу XIX в. в Турции усиливается западное европейское цивилизационное влияние, сторонники которого выступают за преодоление феодальных пережитков и установление в стране конституционной монархии, ограниченной парламентом.

Таким образом, к началу XX в. усиливаются как цивилизационная самоидентификация татарского этноса, так и его цивилизационный диалог с другими странами, народами и интеграция в общеевропейскую цивилизационную систему. Интенсифицируется межцивилизационный диалог в связи с общими потребностями экономической и политической модернизации и национально-государственного переустройства. Однако нарастание кризиса российской самодержавной государственности, последствия военных неудач, тупик самодержавной модернизации и нежелание власти последовательно идти по пути эволюционного развития усилили позиции сторонников радикального выхода из кризиса и конструирования советской общественно-политической системы.

**7.** ***Советский автономный период (1917–1990 гг.).*** Октябрьская революция 1917 г. представляла собой попытку разрешить многофакторный общественный кризис и синтезировать новый тип социально-экономических, политических и национальных отношений на основе классового союза эксплуатируемых слоев народов страны. Жестокая классовая конфронтация периода революции и гражданской войны происходила на фоне поиска способа решения национального вопроса в России. Вариантами разрешения национальной проблемы могли быть культурно-национальная автономия (без территориальной автономии), национальная территориальная автономия, национальная республика. После Февральской революции 1917 г. тюрко-мусульманские политики декларируют принципы культурно-национальной автономии для татар, а в конце года разрабатывают концепцию создания автономного штата «Идель — Урал».

Развитие татарской культуры и государственности происходит в контексте формирования принципиально новой советской модели модернизации общества, основанной на отрицании частной собственности, рыночных отношений, разделения властей и многопартийности, принципов свободы идеологического выбора и плюрализма. В основу новой системы кладутся идеи господства государственной собственности, диктатуры пролетариата, советской государственности и пролетарского интернационализма. На территории бывшей Казанской губернии и уездов соседних губерний, населенных преимущественно татарским населением, после завершения гражданской войны впервые воссоздается татарская национальная государственность. Политический облик национальной автономной государственности определяется характером новой социально-политической системы — советского социализма. Создание Татарской Автономной Советской Социалистической Республики как автономии в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики является поворотным моментом в развитии татарского культурно-исторического самосознания, национального самоопределения в целом. Воссоздание татарской государственности в форме Татарской республики явилось этапным результатом борьбы татар за свое национальное, политическое и социальное освобождение. Оно имело и символическое значение в смысле продолжения прерванной в XVI в. истории государственности татарского народа.

С конца 1920-х гг. по мере усиления командно-административной системы Центр все более ограничивает права республик, союзные республики приближаются по своему положению к автономиям, а автономные республики имеют не намного больше самостоятельности в решении политических и экономических вопросов, чем края и области. Советская Татария в рамках советского варианта модернизации проходит те же этапы развития, что и все советское общество: 1920 — 1930-е гг. — проведение форсированной индустриализации и насильственной коллективизации сельского хозяйства, обретение обществом нового социокультурного состояния; 1941 — 1945 гг. — участие в Великой Отечественной войне; конец 1940-х гг. — послевоенная реконструкция; вторая половина 1950-х — 1960-е гг. — индустриальное развитие и попытка модернизации системы управления экономикой и демократизации общества; 1970 — 1980-е гг. — укрепление и консервация сложившейся политической и экономической системы, кризис командно-административной модели развития, нарастание противоречий в системе «Центр — регионы».

В советский период в СССР происходит реализация коммунистической программы ускоренного рывка от аграрного общества к индустриальному и социалистического переустройства всех сторон жизни. В мире это эпоха противоборства различных моделей развития: рыночной демократической, военно-фашистской, советской социалистической. В этой связи обозначается усиление цивилизационной изолированности СССР, в послевоенный период усиливается советское социалистическое цивилизационное воздействие на близлежащую европейскую и азиатскую периферию.

В Западной Европе в последней трети XX в. развивается рыночная экономика, совершенствуется демократическая политическая система и происходит рывок из индустриальной цивилизации в постиндустриальную. Турция и арабские страны Ближнего Востока стремятся адаптировать опыт западной цивилизации и создать свои национальные модели развития.

Татарское общество модернизируется по советской схеме, испытывает заметное влияние российской цивилизации, шире и глубже интегрируется в политику, экономику, культуру многонационального советского цивилизационного конгломерата. Расширяются границы татарской диаспоры, сама татарская нация также оказывает воздействие на историческое развитие народов Поволжья, Приуралья, Сибири, Казахстана, Средней Азии и других частей Советского Союза.

Несмотря на все перипетии исторического развития татарского общества в рамках советской модели были созданы предпосылки для его выхода на новый этап национального цивилизационного самоопределения, связанный с началом «суверенизации» Татарстана.

**8.** ***Постсоветский период суверенизации (1990-е гг.).*** Политика «перестройки» и демократизация политической жизни оказывают особое воздействие на рост национального самосознания народов СССР. Усиливается внутренняя напряженность в функциональных и структурных связях союзной и

российской систем по линии Центр — регионы. В Татарстане, как и в некоторых других республиках, обозначается новый общественный курс на суверенизацию и культурно-цивилизационную самоидентификацию. В условиях усиливающегося кризиса национально-государственного устройства СССР разворачивается движение за новый статус Татарстана — союзной республики, декларируется республиканский суверенитет. После распада СССР Татарстан выступает инициатором формирования новых федеративных отношений в рамках Российской Федерации, впервые оформляя их в договорной форме. Идут глубочайшие процессы одновременной трансформации практически всех сторон общественной жизни: развитие рыночных отношений, становление демократических институтов, возрождение национальной культуры.

В России 1990-х гг. ставятся задачи кардинальной смены модели общественного развития, расширения рыночных преобразований, структурной перестройки экономики и промышленности, формирования новой политической системы, федерализации отношений Центра и регионов, налаживания международного сотрудничества со странами СНГ и дальнего зарубежья, вхождения в европейское и мировое сообщество. В процессе их решения проявляются серьезные трудности модернизации в области политики и экономики, в социальной и национальной сферах.

В развитых странах Западной Европы, Северной Америки и Азии конец XX в. явился периодом развития постиндустриального общества, одновременного усиления мировой интеграции и конкуренции мировых цивилизаций.

Усиливаются цивилизационные влияния на татарскую нацию. Наиболее заметным становится западное цивилизационное влияние (европейско-американское). Обозначается и определенное влияние европеизированной турецкой модели восточной цивилизации — в экономике, политике и культуре и более фундаментальной арабской модели восточной цивилизации, проявляющейся отчасти лишь в сфере религии. Татарстанское цивилизационное влияние становится все более заметным фактором политической, экономической и культурной жизни на постсоветском пространстве, особенно в условиях возросшей роли Татарстана в демократическом обновлении Российской Федерации. Заключение договора с Россией открывает перспективу перехода татарского народа и Татарстана на новую ступень самоопределения.

**9.** ***Постсоветский период интеграции (2000-е гг.).*** На смену периоду суверенизации и регионализации в Российской Федерации приходит период усиления централизации и интеграции. Эта тенденция отражается в усилении «вертикали власти», создании федеральных округов, гомогенизации политико-правового пространства. Положения правовых документов субъекта Российской Федерации приводятся в соответствие с Конституцией России. Реорганизуется система государственной власти и управления. Синхронизируется большинство социально-экономических и политических процессов в России и Татарстане.

В мире складывается новая политическая ситуация, основной угрозой мировой безопасности становится международный терроризм. Усиливается глобализация. Важнейшие явления европейского развития — расширение Европейского Союза и европейская модель сочетания интеграции и регионализации. Одновременно обозначаются признаки исторического пробуждения народов Азии. Они демонстрируют модели осуществления экономических чудес, информационно-технологических и культурно-цивилизационных прорывов.

В новых исторических условиях происходит усиление цивилизационного взаимодействия Татарстана с мировым сообществом. Один из его результатов — признание мирового значения татарстанской модели трансформации общества на основе демократических принципов и ценностей культуры мира, толерантности, диалога культур и народов.

Таковы основные очертания периодизационной схемы. Она также имеет постановочный характер и не претендует на законченность. И еще. Структура данной книги не привязана жестко к этой схеме. Жанр и стиль работы ориентированы на более «вольный» вариант периодизации.

# «Стрела» времени: от древности к современности

*В мире есть только два владыки – меч и дух. И в конце концов дух всегда одерживает победу над мечом.*

Исторический фундамент тюркской цивилизации закладывался в рамках первобытной эпохи, когда на громадных пространствах Евразии стали возникать первые очаги человеческого общежития. Первобытная эпоха — самый длительный период, период своеобразной предыстории. Поэтому методологически оправдано стремление вывести из этого продолжительного отрезка исторического времени исходно-матричные, генотипные параметры, общие закономерности становления тюркских общностей, определить особенности их социокультурной, хозяйственной деятельности, быта, антропологического и этнографического облика. Но это не попытка искусственного «удревнения» тюркской культурно-исторической системы, а уточнение времени выхода тюркоязычной этнокультурной единицы на арену евразийской истории.

Тюркская этнокультурная общность в первобытную эпоху прошла по крайней мере три крупных периода историко-культурной эволюции. Первый период — время первобытного стада, предыстория формирования хозяйства и материальной культуры. Он открывается появлением целеполагающей орудийной деятельности, возникновением людей-архантропов, образующих первые, пока еще аморфные, производственные коллективы. Основное содержание периода — преодоление в процессе трудовой деятельности остатков животного состояния, упрочение социальных связей, завершение биологического развития самого человека. Он характеризуется началом складывания первичных форм прототюркской общности и расселением древних людей в разных ареалах евразийского пространства.

Второй период ознаменован возникновением первых упорядоченных форм социальной организации — рода и родовой общины. Именно здесь получают полное выражение основные черты первобытнообщинного строя — более или менее последовательный коллективизм в производстве и потреблении, общая собственность и уравнительное распределение. Это период зрелости, в рамках которого совершается переход от присваивающего к производящему хозяйству, когда наряду с общинами собирателей, охотников и рыболовов стали появляться общины земледельцев и скотоводов. Частая смена природно-климатических условий требовала постоянного поиска новых, более благоприятных для жизни, территорий. С вызовами природы было связано и формирование кочевого скотоводческого образа жизни. «Долгое время было принято думать, — пишет В.А.Тишков, — что пастушеское кочевое скотоводство как одна из форм жизнеобеспечения возникло даже раньше примитивного земледелия. Но… животноводство появилось в тех же местах и параллельно с земледелием весьма рано, а пастушеское кочевое скотоводство сформировалось в качестве особого уклада гораздо позднее». Новый образ жизни сформировался уже на основе развитого земледельческого уклада хозяйствования, которое предполагало разведение животных, увеличение животноводческих продуктов питания. Но по мере того как в ряде мест скота становилось все больше, а пастбища все дальше отдалялись от местожительства людей, происходил отрыв скотоводов от земледельцев. «Такой отрыв вполне может быть объяснен тем притяжением, которое должны были оказывать на оседлого (у воды) скотовода травянистые водоразделы».

Таким образом, в III—II тыс. до н.э. в разных регионах Евразии медленно и постепенно совершалась одна из самых важных революций в социально-экономической истории человечества: происходило первое великое разделение труда — между племенами, которые преимущественно практиковали земледелие, и племенами, главным хозяйственным занятием которых стало скотоводчество. С развитием кочевого образа и уклада жизни связано и становление Великой степи, которая к концу третьего тысячелетия до нашей эры «приобрела современные очертания, и к этому же сроку для нее настало время человечества». Основанием возведения степи в статус великой являлась не только масштабность, необъятность евразийского пространства. Великой она стала благодаря величию подвига ее первооткрывателей. Человечество могло надолго задержаться в своем развитии без подключения пионерско-подвижнической энергии народов континента Азия. К сожалению, долгое время (целые века) народы, открывшие Азию и создавшие там целую сеть цивилизаций, «были вполне умышленно оклеветаны, оболганы, провозглашены примитивными дикарями, на которых «цивилизованная», «высококультурная» Европа просто-таки обязана взирать сверху вниз с нескрываемым превосходством и вполне объяснимой (для самих заносчивых европейцев, понятно) брезгливостью. Меж тем азиатская действительность старых времен, как показывает даже довольно-таки поверхностное изучение, была весьма далека от сфабрикованного европейцами убогого лубка». Великое изобретение — номадизм, принадлежащее им, являлось формой ответа на вызов природы. Окончательное сложение номадизма как формы хозяйствования и образа жизни происходит в конце III — начале II тыс. до н.э.

Какие условия подготовляли формирование кочевого образа жизни? Кому первому пришла мысль «все свое положить на повозки — с тем, чтобы отныне, в поисках травы и воды, стать независимым от оседлости? Кто бы он ни был, — пишет один из основателей концепции «евразийства» П.Н.Савицкий, — эта мысль стала одной из чреватых последствиями человеческих мыслей. Тем самым создался хо-

зяйственный уклад, который доныне остается наиболее рациональным укладом на миллионах квадратных верст; создался уклад, в течение тысячелетий имевший огромные военные преимущества, сделавший историю кочевого мира одной из замечательных страниц истории…».

В этнографическом плане этот период был также знаменательным, ибо с этого момента берет начало одно из первых крупных передвижений, переселений кочевых сообществ и освоение ими масштабных территорий. По мере отступления ледника и формирования основных речных систем нарастала культурная и хозяйственная поливариантность развивающегося прототюркского сообщества.

Третий период — эпоха классообразования, время разложения первобытного строя, которое принято связывать с освоением металла и внедрением его в хозяйственную жизнь. Это период наиболее крупных социокультурных сдвигов: смены родовой общины семейной, родовых связей соседскими; формирования начальных форм частной собственности, социальной стратификации общества и установления системы военной демократии.

Финальный этап существования первобытного строя, который характеризуется заменой каменной культуры на железную, становится временем взрывного центробежного развития древнейших протоцивилизационных общностей Евразии. В их формировании участвовало множество этнических групп: тюркских, тюрко-монголоидных, европеоидных, иранских, угро-финских и др. Это был длительный процесс адаптации этносов друг к другу и к местам совместного обитания. Уже тогда отчетливо проявилась такая важная особенность формирования и функционирования прототюркских цивилизаций, как их органическая связь с природно-климатическими условиями. Вместе с другими цивилизациеобразующими факторами она определяла неравномерность их социокультурного и хозяйственного развития.

Окраинные территории с неблагоприятным суровым климатом, скудным потенциалом жизнеобеспечения развивались медленнее. Люди в этих районах занимались преимущественно охотой и рыболовством и, если позволяли природные условия, примитивным собирательством. В таких условиях присваивающий тип хозяйственной деятельности длительное время не претерпевал серьезных изменений. Территории же, находившиеся в условиях более мягкого климата, имели больше возможностей для ускоренного перехода к производящему типу хозяйства. В этом процессе природный фактор играл огромное значение. Так, наличие сырьевых ресурсов, запасов металлических руд, строительных материалов, а также земель, пригодных для занятия земледелием и скотоводством, и речных систем во многом предопределяло тип ментальности, мышления, особенности экономического уклада, хозяйственной культуры и образа жизни. Бесспорна зависимость между ландшафтом и типом жилища, как индивидуального, так и поселения, рода, общины.

Несомненна обусловленность природно-экологической средой характера одежды, пищи и быта. Во многом степень развитости таких базовых элементов духовной культуры, как мифология, обрядность, искусство, письменность, зависела и от природной среды. Среди многих составляющих важную роль в возникновении и поддержании активной формы жизнедеятельности людей играли реки, водные системы, особенно торговообразующие реки. Есть прямая связь между цивилизациями и историческими реками, которые играли роль фермента в формировании типологических черт и особенностей образа жизни, национального характера, менталитета, психологии, стиля мышления и действия народов. Они, несомненно, усиливали позиции толерантных, гуманистических коммуникативно-диалогичных, миростроительных начал в характере людей и народов.

Для раннего динамического процесса складывания основ тюркской цивилизации имелась достаточно благоприятная природно-климатическая, эколого-экономическая и географическо-геополитическая база: разветвленные речные системы, широкий набор природно-сырьевых источников, обширные площади евразийских степей и лесов, растянувшихся на пространстве от Средиземноморья до Китая. В результате тюркская цивилизация имела возможность укрепить корни в самых глубоких пластах истории и вступить на арену исторического творчества одновременно с такими культурно-цивилизационными величинами, как китайская, шумерская, египетская, индийская и др. Частота и содержание исторических циклов эволюции тюркской цивилизации также во многом определялись экологическим фоном и природно-климатическими факторами.

Тесная связь геополитических и этнических факторов с географической средой, взаимно влияющих на формирование социокультурных характеристик тюркской цивилизации, основателями концепции евразийства П.Н.Савицким, Г.В.Вернадским, Н.С.Трубецким запечатлена в формуле «месторазвитие». «Под месторазвитием человеческих обществ, — писал Г.В.Вернадский, — мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общности… Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга». Культура, которая рождается в сложном процессе взаимовлияния народа и осваиваемой территории, всегда носит отпечаток месторазвития.

Важно отметить еще одну особенность формирования тюркской цивилизации: при всей автономности и самодостаточности она сохраняла ее до той степени, которая позволяла не быть

размытой, рассеянной в составе других общностей, но развивалась в горниле смешения многих этнических субстратов. В огромном евразийском «плавильном котле» шел сложный процесс взаимной притирки в режиме динамики в рамках дихотомий «притяжение — отторжение», «отрицание отрицания», велся постоянный поиск путей и механизмов формирования толерантности, преодоления нетерпимости, познания уроков противостояния и консолидации сил и ресурсов субъектов, причастных к историческому процессу эволюции тюркской цивилизации. На территории Евразии сформировалось множество несхожих и разнотипных этнокультур, но в силу того, что условия жизни и характер исторических задач во многом совпадали, различия между ними касались скорее техники обработки камня, железа, орудий труда и предметов быта. Такая историческая особенность становления евразийских этнокультур создавала возможность и одновременно диктовала необходимость взаимодействия.

Было бы крайностью упрощать или идеализировать формы и способы взаимодействия сообществ, принадлежавших разным типам хозяйствования, имевших разный исходный уровень культурно-цивилизационного развития. На весьма сложный и противоречивый процесс формирования их коммуникативной культуры неизбежный отпечаток накладывало и содержательное своеобразие эпох. Растущая конкуренция форм и укладов жизни, незавершенность исторического процесса раздела евразийского мира и освоения территориального пространства, приверженность своим традиционалистским культурам, обычаям, способам обеспечения защиты и реализация этноинтересов — все это рождало и поддерживало почву для возникновения споров, конфликтов и войн как внутри, так и на межобщинном уровне. Но логика самовыживания постоянно порождала новые, более рациональные, формы взаимодействия и согласования действий, имеющих принципиальную значимость, влияющих на сохранение и развитие этноса. То, что тюркский мир в исторических рамках первобытной истории успел получить уроки организации совместной жизни на основе принципов ненасилия, толерантности, сожительства, соседствования, солидарности, взаимоуважения, не раз спасало его от уничтожения или самоуничтожения на последующих этапах существования. В известной степени тюркский мир был подготовлен к нарастанию культурно-цивилизационного многообразия, к разделению людей не только по хозяйственным или культурным, но и по этническим и расовым признакам.

Такой методологический подход к проблеме генезиса и предыстории тюркской цивилизации облегчает решение задачи определения местоположения исторических прародин тюркской цивилизации. Как известно, общей прародиной всех тюркских сообществ — племен и народов — является Евразия. Но этот огромный географический ареал не мог быть освоен одновременно и в полном объеме. Наиболее готовыми и благоприятными историческими плацдармами формирования первичных тюркских протоцивилизаций явились территории Волго-Уралья, Центральной Азии, Южной Сибири и Алтая.

### *Волго-Урал: начало пути…*

Поволжско-Уральский регион, по данным археологических исследований, начал осваиваться человеком в глубокой древности, в эпоху палеолита. Возможно, первые люди появились здесь 80–100 тысяч лет назад. Одна из наиболее древних стоянок первобытных людей обнаружена в урочище Красная Глинка близ села Бессоново, а также на территории села Долгая Поляна Тетюшского района. Древнейшие люди, появившись здесь около 70 тыс. лет назад, научились пользоваться огнем, обрабатывать камень, главными их занятиями были охота и собирательство. Эволюция древних людей в этом регионе определяется тем, что ко времени позднего палеолита здесь уже имелись своеобразные механические мастерские, где из подручного сырья изготовлялись многочисленные орудия труда — скребки, тесла и предметы, необходимые для обработки дерева, кожи, кости. Вооружение луком и стрелами с каменными или костяными наконечниками выводило первобытных людей из состояния пассивности, всеобъемлющей подчиненности окружающему миру. «Открытия этой эпохи стоят по своей значимости в ряду величайших достижений человечества: впервые человек поднялся над природой и с помощью своих изобретений мог получить все для своего существования. Этот период можно сравнить с выходом человека в открытый космос: осознанное, целенаправленное движение к новому, неизвестному, бесстрашный путь в историю». В целом этап жизнедеятельности первобытных людей Поволжского региона не отличался, а во многом совпадал с содержанием фазиса первоначального расселения и освоения евразийских территорий другими прототюркскими сообществами.

Формирование нового культурного пласта в волго-уральском ареале восходит к V–IV тысячелетиям до н.э. Во многом оно связано с отступлением ледника, радикальным смягчением климата и прорывом человеческого сообщества к более высоким формам организации жизни. Впервые люди познали

возможности и свойства металлов, первым из которых была медь. О новом уровне жизнедеятельности людей свидетельствует множество археологических памятников. Одним из них является Тенишский могильник. Его уникальность состоит в обилии украшений, выполненных из калия, разнообразных орудий труда, ритуальных фигурок и металлических предметов обихода. Ярким примером культурного роста является и «глиняная посуда — вылепленные руками горшки больших размеров, вмещавшие до 20 литров воды… затейливый орнамент, нанесенный разнообразными штампиками, палочками, покрывал всю поверхность сосудов…».

Неолитическая революция, будучи закономерным этапом прогресса человечества, имела в поволжском ареале евразийской ойкумены все основания для быстрой и полной реализации своего потенциала. Она имела не только технологические, но и культурно-цивилизационные последствия. Резко расширяется поле хозяйственного и культурного взаимодействия людей; раздвигаются общинные границы, усиливаются соседские контакты, связи с племенами близкого и дальнего окружения, а также миграция племен. Обмен произведенной продукцией и опытом жизнеутверждения все более становится традицией, нормой, приметой времени. В результате интенсификации процессов культурного синтеза, смешения субстратов, прежде всего монголоидных и европеоидных этносов, происходит формирование поволжско-уральского переходного антропологического типа человека.

Качественно более высокий этап развития волго-уральской прототюркской общности открывается с III тысячелетия до н.э. Он связан с последствиями так называемой «железной революции», то есть с освоением технологии обработки металла, меди и бронзы. Из них производятся орудия труда, оружие, предметы быта, посуда и украшения. Используя выгодное геостратегическое положение и близость к источникам медных и оловянных ископаемых, местные племена обмениваются металлическими орудиями труда, оружием, предметами быта. Возникает древнейший вид торгового рынка с конкуренцией и соперничеством, часто выливающимися в военные столкновения.

В формировании волго-уральского регионального центра в качестве одного из очагов древнетюркской цивилизации участвовали многочисленные племена. В Волго-Уралье они стекались преимущественно с юга, юго-запада и юго-востока Евразии, то есть с территорий, которые в культурно-хозяйственном отношении были сравнительно развитыми. Соединение в одной протоцивилизационной точке разных достаточно развитых форм и типов культур ускорило процесс превращения волго-уральской общности в более крупную и устойчивую этнокультурную величину, которая позднее стала одной из основ формирования тюркско-татарской субцивилизации. Главную системообразующую роль в этом процессе сыграли сменявшие друг друга племена эпохи бронзы, — волосовские, балановские, абашевские, срубные, приказанские и ананьинские, каждое из которых вносило свою лепту в культурно-социальный прогресс.

Эти достижения, будучи результатом слияния опыта, навыков и умений множества этнокультурных общностей, оказали активное влияние на ход социокультурного развития не только волго-уральской прародины тюркской цивилизации, но и на историческое развитие других племен в широком геополитическом диапазоне. В течение 500 — 600 лет достижения поволжско-уральской протоцивилизации распространялись на восток — до Забайкалья и Маньчжурии, на запад — до Дуная и Карпат, на юг — до Передней Азии. Широкое внедрение элементов этой культуры на просторах Евразии позволило универсалировать образ жизни многих тюркских — и не только тюркских — племен. Интернационализационное свойство волго-уральской культуры, видимо, во многом объясняется тем, что в ее цивилизационном эмбрионе содержались элементы культуры будущих тюркских этносов, включая гуннов и их потомков — татар, булгар и хазар.

Воздействие поволжской субкультуры осуществлялось в процессе миграции, установления и развития контактов и связей с другими центральноазиатскими, алтайско-сибирскими тюркскими и с множеством инокультурных сообществ. Фиксируя начавшееся «волнодвижение» в направлении Волга — Урал — Сибирь, историческая наука ставит вопрос об уточнении времени и направления первого Великого переселения народов, под которым традиционно имелся в виду прорыв в IV в. н.э. большого потока тюркских, прежде всего гуннских, финно-угорских и ряда других племен с востока на запад. По определению «отца» истории Геродота, именно понятие «первого Великого переселения народов» вошло в анналы истории как бесспорный постулат. Теперь есть серьезные основания утверждать, считает И.Р.Тагиров, что первые великие переселения народов (минимум два или три) проходили в периоде со II тысячелетия до н.э. до II тысячелетия н.э. в направлении с запада на восток. Первыми «возмутителями» исторического спокойствия народов были волго-уральские тюркские племена, которые, направившись на восток и осваивая транзитный коридор Волга — Урал — Алтай, создали основу для диалога и взаимодействия народов, культур и цивилизаций в координатах культурно-исторической системы Европа — Азия. Этой же позиции придерживается известный специалист в области антропологии В.П.Алексеев. Он считает, что за 2,5 тыс. лет до современности (до нашей эры) наблюдалось несколько переселенческих волн европеоидных тюрков из Восточной Европы в Азию, за Урал.

***Алтай — колыбель тюркской цивилизации***

Другим очагом формирования тюркской цивилизации является обширная территория Алтая — Южной Сибири. Древнейшие следы предков человека найдены на стоянке близ реки Улалинка (Горно-Алтайск), а также в пещерных жилищах в бассейнах рек Енисея и Чулыма. Поселения людей каменного века встречаются также в речных зонах южносибирских рек Катунь и Абакан.

После отступления ледника социокультурное и хозяйственное развитие южносибирских племен ускоряется. Исторически значимые изменения во многом связаны с воздействием направлявшихся сюда хозяйственных и этнокультурных потоков, движущей силой которых были европеоидные (прежде всего афанасьевские и андроновские) племена с запада, в основном из Волго-Уралья. В ходе мощных переселенческих волн их взаимодействие приобретает более глубокий и многогранный характер. Важнейшим историческим продуктом такого синтеза является появление нового культурного пласта, который позволил южносибирскому тюркскому сообществу выйти на качественно новый уровень своего исторического развития. В его истории открывается этап становления классовых отношений, формирования первых государственных объединений и рождения цивилизаций.

Одним из важнейших системообразующих элементов цивилизации является государство. Наиболее известную древнеевразийскую форму государственного образования представляет хуннская держава. По многим культурно-цивилизационным характеристикам она определяется как хуннский социальный феномен. Эта тема в советское время была запретной, как, собственно, и тюркско-татарская проблематика в целом. На рубеже XX–XXI вв. стало возможным «прикоснуться» к древнейшим истокам истории тюркской цивилизации и татарского народа. Сегодня уже можно говорить о возникновении целого направления в исторической науке — хуннологии. Главная его миссия состоит в возрождении из пепла истории образа народа — одного из первооткрывателей «евразийской целины», в восстановлении исторического достоинства хуннов (не в терминах «лучший» или «худший», а в исторической беспристрастности) и исходно-начального звена непрерывной цепи исторического творчества тюркских народов, которое, осуществляясь в тесном взаимодействии с другими народами, вливалось и усиливало общечеловеческий цивилизационный капитал.

Хуннское государство создается на базе весьма масштабной евроазиатской культурно-исторической общности, сложившейся в VIII—VII вв. до н.э. на обширной территории от Северного Причерноморья на западе до Ордоса на востоке. Но «сердцевинной» точкой формирования образа жизни, хозяйственного уклада, быта и основных черт характера хуннов является Горный Алтай. Алтай — естественная природно-экологическая ниша, где зарождалась основа хуннской культуры, которой потом суждено было стать мировоззренческо-ценностным ориентиром в процессе формирования тюркской цивилизации в целом. Алтайско-хуннская культура предопределила многие параметры образа жизни, стиля мышления, религиозно-культовых воззрений тюркоязычных народов. Отсюда же, с Алтая, подавались незатухающие «сигналы» цивилизациестроительства, воспринятые народами многих других континентов. Именно здесь археологами обнаружены памятники материальной и письменной культуры, которые дали возможность совершить мировоззренческий переворот в представлениях о месте и роли кочевых народов и их культур в истории становления и развития тюркской цивилизации в общеисторическом процессе эволюции человечества в целом. Ведь историческая наука на протяжении многих столетий находилась в плену стереотипа, созданного еще Аммианом Марцеллином, утверждавшим, что кочевые народы — это дикие варвары, не умеющие ни сеять, ни пахать, не знающие родины, сокрушающие все, что встречают на своем пути, и занимающиеся только войной.

Вопреки традиционно европоцентристскому подходу к оценке хуннского этапа тюркской кочевой истории, современная историческая наука предлагает и основательно доказывает, что хунны уже к концу III в. до н.э. представляли собой внушительную силу, контролируя Великую степь от Алтая на западе до Большого Хингана на востоке, от Байкала на севере до Китая на юге. Мощь хуннского государства (как, собственно, и всех последующих тюркских империй) создавалась не столько в результате походов и завоеваний, сколько в процессе нарастания динамизма его развития. История его становления — это история смены волн реформ и прогресса в искусстве управления страной.

Одним из крупных реформаторов той эпохи считается Шанью (царь) Модэ. Это одна из крупных исторических фигур в тюркском европейском пространстве. Не случайно некоторые историки называют его «Чингисханом древности». «Для такого определения, — считает А.Доманин, — есть основания. Он создал великую державу, просуществовавшую около трехсот лет, установил жесткий порядок в общественной и политической жизни, провел крупнейшие реформы, добился огромных успехов на военном поприще… Многие установления Модэ на тысячелетия пережили своего создателя, легли в основу социальных отношений в Великой степи, вплоть до Чингисхана во многом

определяя систему жизненных ценностей в этом регионе мира. То, что было сделано Модэ в Великой степи, по своему размаху и последствиям превосходит деяния Юлия Цезаря или Карла Великого».

Исполинская фигура Модэ открывает исторический ряд великих реформаторов тюркско-татарского мира: Аттила, Ашин, Бумын, Истеми, Кюль-Тегин, Кубрат, Айдар (Алмыш), Узбек, Тохтамыш, Улу-Мухаммед, Сююмбике...

В целом комплексе реформ особое значение не только для хуннов, но и для исторических судеб человечества имеет опыт структурирования общества. Усиление государства обеспечивалось созданием трехзвенной аристократической системы: наследственные родовые вожди, родовая аристократия и служилая знать. Это была одна из форм политики — рассредоточение власти, создание своего рода системы сдерживания «ветвей» власти, конкуренции между ними и усиления роли центральной власти.

Изменения коснулись и многих других сфер жизни хуннского общества. Особое значение имела военная реформа, согласно которой все мужчины боеспособного возраста объявлялись воинами, они были обязаны учиться военному делу, подчиняться приказам военачальников. На укрепление дееспособности были сориентированы спортивные игры, конные скачки, соревнования лучников-стрелков. К дисциплине юноши приучались с ранних лет. Консолидация общества вокруг идеи сильного и централизованного государства превратила хуннов в конкурентоспособную экономическую, социальную, культурную и военную силу Великой степи.

История хуннов, как и история кочевников в целом, — это прежде всего военная история, составившая «одну из огромных и замечательных глав всемирной истории» (П.Н.Савицкий). Выдающееся изобретение тюрков-кочевников — легкая колесница с вооруженными воинами и лошади в упряжке (II тыс. до н.э.); воин-всадник на боевом коне (I тыс. до н.э.); конница (кавалерия) как особый, очень мобильный, ударный род войска, как правило, обеспечивавший решающий вклад в успех сражения. Эти достижения постепенно перенимались оседлыми народами, становясь важной частью вооружения их армии.

Народы, входившие в контакт с тюрками, заимствовали у них многие элементы военного снаряжения, одежды и быта: жесткое седло, уздечки, стремена, шлем, кожаные сапоги, пояс. С хуннами связано появление кованого меча, защитных доспехов и свистящей стрелы (иногда называлась музыкальной), имевшей не только большую дальность полета, но и чисто психологический эффект, наводя страх на противника.

Военная история тюрков-кочевников — это история, примечательная по многим параметрам. По выражению П.Н.Савицкого, прежде всего с физической точки зрения. « Количественно небольшие группы кочевников, — отмечал он, — добивались величайших политико-милитарных результатов… Все население гуннского царства не превышало по численности населения нескольких китайских округов (и одной пятой китайских богатств было достаточно, чтобы купить весь целиком гуннский народ). И эта горсточка (организованная на основах кочевого быта) держала в страхе Китайскую империю и временами добивалась политического над ней перевеса… Военная история кочевого мира — это как взрыв атома. Но за этой «физической» стороной скрывается, конечно, другая. Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной гордости и доблести, какие дает кочевой мир».

Наверное, под впечатлением действительно революционно значимых достижений в военной сфере в исторической литературе до сих пор сохраняется оценка хуннов лишь как завоевателей, занятых главным образом ведением войн со своими соседями. Европоцентристская модель восприятия хуннов как воинственного, агрессивного и варварского народа и сегодня воспроизводится в самых различных вариациях.

Но в рамках цивилизационного подхода к исторической оценке хуннов методологически важно исходить, во-первых, из того, что освоение военного дела, совершенствование военной техники и технологии, военной стратегии и тактики было главным условием самоорганизации, самоутверждения, обеспечения безопасности и дальнейшего развития не только кочевых, но и всех древних сообществ. Война, военные походы, умение воевать, доведенное до уровня боевого искусства, для них были весьма важной частью образа жизни. Военное дело было престижным, культовым занятием хуннов. Так, китайские источники отмечают проведение военных спортивных игр, состязаний, конных скачек. В хуннской поэтической культуре возникает даже военный музыкальный жанр, т.е. песни и гимны, восхвалявшие воинскую доблесть и отвагу, верность клятве и данному воином слову-обещанию.

Во-вторых, превращение патриархального общества хуннов в крупную военную державу, способную на протяжении более трех веков конкурировать за лидерство в центральноазиатском регионе с самым тогда мощным государством — Китаем, также объясняет приоритетность военного дела в структуре образа и уклада их жизни. Каждый хунн был воином, имел начальника, был обязан подчиняться ему. Он рождался и заканчивал свою жизнь воином.

В-третьих, развитость военного дела объясняется и тем, что оно выступало фактором роста эффективности хозяйственной жизни, ибо хунн-воин одновременно был и скотоводом (пастбищное хозяйство), и земледельцем (пашенное земледелие), и коневодом (конь — основная тягловая сила, средство транспортировки и передвижения). Не агрессивность, не кровожадность и жестокость, как генотипные черты характера, превращали тюрка в воина. Экономический мотив, возможность переключения и применения достижений военной мысли и техники в быту и хозяйстве нельзя исключать из спектра причин культивирования военного образа жизни.

В-четвертых, степень военизированности образа жизни древних тюрков во многом предопределялась задачами поиска наиболее удобных и выгодных территорий «месторазвития» в целях обеспечения природно-климатического, географического и геополитического преимущества. Конечно, нельзя исключать и такой серьезный мотив, как решение проблемы обеспечения безопасности, независимости и реализации амбиций мессианского лидерства и имперского господства. Имперскость — это обозначившийся вектор цивилизационного развития всех азиатских и европейских этнокультурных сообществ в эпоху древности. Такая направленность была характерна и для евразийско-тюркских государственных образований эпохи «архаических» империй.

В-пятых, в рамках цивилизационного подхода к исторической роли хуннов методологически важно подчеркнуть, что, хотя постановка военного дела в хуннском обществе была приоритетной и хунны часто вели войны со своими соседями, а военное искусство всячески культивировалось, из этого не вытекает вывод о их воинственности, беспощадности, склонности к захватничеству, разбою и агрессивном типе характера кочевых тюркских сообществ.

Считаем важным отметить, что в хуннском обществе укреплялась тенденция постоянного увеличения удельного веса интеллектуальности, гуманизма и гуманитарности. Так, война, военные походы начинают приобретать более цивилизованный характер. Устанавливается целый ряд этических, правовых, административных норм и принципов организации армии, ведения военных действий и правил поведения на захваченной или колонизированной территории. Совершенствуется дипломатия, результаты которой часто предотвращали или задерживали начало войн, способствовали их завершению принятием документов, устанавливавших мир, т.е. заключением мирных договоров (соглашений). В практику входит заключение межплеменных и международных соглашений, по форме и сути похожих на клятвы. «Так, например, — отмечает известный филолог-ориенталист М.Х.Бакиров, — в «Цяньхань-шу» описано заключение в 47 г. до н.э. правителем-шаньюнем восточных хуннов Хуханье соглашения с китайцами посредством клятвы. Там же приведен текст клятвы, произнесенной обращением к небу». Заключение клятвенных договоров как самой высокой формы в практике межгосударственных отношений в последующем становится нормой тюркской дипломатии. На основе такой же традиции, например, был заключен договор между западными хуннами и Кавказской Албанией. То, что эти клятвы совершались в горах путем простирания рук вверх, к небу, в целях приближения к Тенгре, придавало им сакрально-мистический характер.

О совершенствовании миротворческих методик и технологий в практике международных отношений можно утверждать и на основании анализа копии точных текстов письма правителя хуннов Мете китайскому императору Хиао-Вену.

*Письмо великого Мете императору Китая Хиао-Вену*
*(176 г. до н.э.)*

«Великий гуннский Тенгри-Кут, возведенный на престол Богом (Тенгре), приветствует императора Китая и желает ему здоровья. Недавно мы получили от Его Всемогущества императора послание об устройстве мирных и родственных отношений. Этот вопрос разрешился в соответствии с обоюдным желанием сторон и содержанием писем.

В последнее время по причине того, что ваши чиновники на границе оскорбили (нашего) Западного Токи, он без моего разрешения и по наущению Ху-Хеу Нанчжу и других вступил в конфликт с китайскими чиновниками и, таким образом, совершил действия, противоречащие договору, заключенному между двумя правителями. Он нарушил существующие между нами отношения братства и поставил Ханьскую династию в положение врага соседнего государства. Были получены два письма, в которых император Китая выразил недовольство. Отправленный нами с ответным письмом посол пока не вернулся. Также не вернулся и китайский посланник. Это положение, это недоразумение между двумя соседними государствами явилось причиной некоторых нежелательных действий.

Так как действия, противоречащие договору, произошли из-за ошибки нескольких мелких чиновников, я повелел принцу Токи идти в поход на юэчей.

С помощью Тенгре и благодаря тому, что наши воины были здоровы, а кони сильны, наша армия одержала над юэчами большую победу. Острота наших сабель заставила их нам подчиниться. (Кроме того) в последнее время мы привели в Средней Азии к подчинению лоланов, усуней, хукутов и других

— всего 26 народов и стран. Все население этих стран стало воинами нашей армии, все народы составили с нами один дом (один народ).

После установления безопасности и порядка в северных странах я намереваюсь прекратить войну, дать отдых воинам, а коней пустить на луга для откормки. Я хочу, забыв о событиях, имевших место между нами (и вами), чтобы население на границах жило, как и раньше, в мире, дети росли, а старики до конца своих дней пребывали в спокойствии. Пусть (народы) из поколения в поколение пользуются миром и порядком.

Так как от императора Китая до сих пор нет ответа, я посылаю это письмо с придворным министром Хе-у-Ценом. Я также отправляю с ним верблюда, двух верховых и восемь ездовых коней. Если император не хочет приближения гуннов к границам Китая, он должен дать повеление пограничным чиновникам и приграничному населению удалиться от границы».

Это письмо расширяет наше представление о политико-правовых взглядах правившего две тысячи лет назад тюркского государственного деятеля и военачальника Мете Багатура и показывает характер международных обязанностей и отношений. Причем оно отражает не только его образ мыслей, но и всех тюрков того времени, умевших серьезно размышлять.

Об этом же свидетельствует содержание еще одного исторического документа миротворческого характера. В нем мы находим отражение более высокого уровня договорной практики между двумя великими государствами и коммуникативной культуры в целом и, конечно, благотворное воздействие китайской цивилизации на процесс эволюции хуннов и других евразийских этнокультурных сообществ.

*Договор, заключенный между гуннским правителем Хуханье*
*и китайскими послами Хан Чангом и Чанг Мунгом в 47 г. до н.э.*

«Начиная с сегодняшнего дня и на все будущие времена китайцы и гунны заключают между собой союз с целью составить единый (быть братьями), не обманывать друг друга и не нападать друг на друга из поколения в поколение (и устанавливают следующие принципы):

1. В случае, если подданные одной из договаривающихся сторон совершат воровские или разбойные действия, потерпевшая сторона тотчас сообщит об этом другой стороне, и виновный будет наказан и (потерпевшему) будет возмещен ущерб.

2. Если одна из двух сторон подвергается нападению третьей страны, другая страна должна оказать ей военную помощь посредством отправки войска. Пусть падет проклятие небес на того, кто осмелится нарушить договор. Пусть последующие поколения обоих народов уважают это соглашение».

Переписка хуннского предводителя Мете с китайским императором, договоры и соглашения, заключенные между двумя государствами, а также многообразные формы и методики миротворческой практики вошли в золотой фонд искусства тюркской дипломатии.

Особенность хуннского этапа древнетюркской истории в этом плане состоит в общественном сознании весьма важной мысли-идеи о сопоставимой цене мира как ценности по сравнению с войной. «Подобно тому, — отмечает классик тюркологии Садри Максуди Арсал, — как тюрки умели отличиться на поле боя, когда это было необходимо, при соответствующих условиях они могли быть и защитниками мира. Периоды культурной жизни, которые мы видим в истории тюрков… были возможны благодаря «тюркскому миру» (pax turcica), т.е. миру и спокойствию, гарантом которых была тюркская сила. Как миролюбивость, так и воинственность не являются неким психологическим состоянием, в котором пребывают народы. Это всего лишь результаты, порожденные историческими, климатическими и экономическими условиями».

Внешняя политика хуннов со временем все больше подчинялась задаче обеспечения условий мирной жизни. Ее приоритеты перемещались в сферу торговых, культурных и деловых отношений. На это были направлены и усилия по упрочению обычаев и традиций соседствования, гостеприимства, партнерства и дипломатии. В соответствии с ними, например, гарантировалась защита жизни и имущества гостей, торговцев, послов и парламентеров. Ценность мира и горечь военных потерь отражались и в древнехуннской поэзии, особенно в таких ее жанрах, как сыктау-плач, плач-причитание, историко-лирических и исторических песнях.

Таким образом, исторический прогресс хуннской культурно-исторической системы во многом связан с обеспечением техно-гуманитарного баланса между культурой войны и культурой мира. Именно этим объясняется, что тюркская цивилизация в хуннском варианте не «провалилась» в бездну, пучину войн и не растворилась в процессе динамической колонизации территории ойкумены, а, обозначая себя в форме частых пассионарных «толчков-выбросов» в пределах своего распространения, «прорвалась» в новые исторические эпохи и дала «всходы» на европейском культурном поле.

Место народов в истории определяется не арифметической суммой военных побед и поражений, а мерой их конкретного вклада в обеспечение исторического рывка человечества в разных направлениях

прогресса. Для объективного измерения этого вклада необходим комплексный подход, обеспечивающий охват всего многообразия форм творчества, а также учет степени новационности, пионерства и востребованности их достижений историческим временем.

Ориентиром для цивилизационного подхода к вопросу о роли хуннского фактора в эволюции человечества является оценка, данная Л.Н.Гумилевым. Он считал, что основным достижением хуннов было освоение степных просторов Евразии, особенно ее пустынных площадей, долгое время разделявших народы, являвшихся непреодолимым препятствием на путях их сотрудничества. Огромное песчаное море в степях Монголии, например, разделяло целые континенты — Европу и Азию. В китайских источниках сообщается, что делалось много попыток преодолеть горно-скалистый проход и песчаный коридор, затруднившие транзит между двумя континентами. Каждая такая попытка завершалась неудачей, чаще имела трагический финал. Люди не выдерживали сурового экзамена на терпение, умение и сноровку. Сказывались недостаточный уровень технического снаряжения, отсутствие надежных видов транспортных средств и особой породы лошадей, приспособленных к трудным и долгим переходам через пустыню.

Хунны были первыми, кто совершил прорыв через пустыню, позволивший продлить Великий шелковый путь от Китая до Европы и связать, таким образом, восток с западом. Л.Н.Гумилев оценил это как великий цивилизаторский подвиг. «Заслуга их перед культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводчество, они сумели перебраться через пустыню — песчаное море Гоби, т.е. открыли Сибирь, как их современники-финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу. Оба открытия важны для судеб истории, и трудно сказать, какое из них более значительно».

Этот цивилизаторский подвиг был немыслим без такого достижения, как доместикация (одомашнивание) лошади. В жизни скотоводческих народов Евразии лошадь имела особое значение: она была основной хозяйственной единицей, главным средством организации кочевой жизни. Лошадь являлась основополагающим элементом военной доктрины хуннов. Можно сказать, что именно одомашнивание лошади радикально изменило быт, культуру, мировоззрение, весь уклад жизни степного населения. Через тысячи лет насильственной эволюции дикая лошадь стала выполнять социальную функцию, без которой прогресс на Азиатском континенте был немыслимым. «К 1000 году центральноазиатская лошадь была главным образом транспортным средством, помощником пастухов, без нее невозможно было бы представить охоту, нельзя было вести военные действия — лошадь стала становым хребтом степной экономики».

Пионерство хуннов в этом направлении имело неоценимое значение: если мы взглянем на историю общечеловеческой цивилизации, то увидим, что многие поворотные моменты в древнее время и в средние века прямо или косвенно были связаны с появлением и использованием коня. Получив возможность «удесятерить» силы благодаря приручённой лошади, человечество смогло осваивать огромные пространства, а у степных народов это вызвало появление кочевого способа хозяйствования, первых крупных передвижений народов. Скорость и выносливость, недоступные человеку, преданность хозяину делали коня не просто средством передвижения, а другом и «соратником». Древние степные народы считали, что конь имеет неземное, божественное происхождение, потому конь был предметом культа. Недаром в представлениях большинства народов конь олицетворял Солнце и был посвящен его богу.

В памяти многих народов долго сохранялись живые образы реальных и вместе с тем мифических кентавров — кавалерии евразийских народов, которые наводили ужас на оседлых жителей Европы и Ближнего Востока. «С конями мчащимися, огнем пышущими, искры копытами высекающими» передвигались древние тюрки, скифы, гунны. Оценивая значение окультуривания лошади как революционного «прыжка» в прогресс, можно сказать, что оно явилось одним из грандиозных достижений человечества, без которого едва ли не вся история была бы иной.

Другим весьма важным направлением «цивилизационного подвига» (Л.Н.Гумилев) хуннов является совершение железной революции. Они первыми освоили сыродутный способ выплавки железа, получая из него сталь и чугун. «Восстановление железа путем химического соединения его окиси с окисью углерода давало губчатую металлическую массу, так называемую крицу. Качество кричного железа даже теперь считается выше доменного». Напомним, что в Египте — признанном общемировом цивилизационном центре в тот период металл получали более трудным способом — только путем выжигания.

На реках Селенге и Чикое найдены целые поселения (городища) хуннских шахтеров, металлургов, литейщиков, кузнецов и других мастеров, снабжавших население предметами быта, украшениями, хозяйственным инвентарем. «Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготовляли однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, а также железные котлы двух типов: круглые — подвесные и стоящие на конической ножке». Эти поселения нередко разрастались до масштабов города. Согласно археологическим данным, для них была характерна достаточно развитая инфраструктура. В частности,

в раскопанных недалеко от Улан-Удэ развалинах хуннского города были обнаружены дома с отопительной системой, плавильные печи, ремесленные мастерские. В центре крупных ремесленно-земледельческих поселений имелись дворцы-резиденции, храмы, молельни. Для развития межобщинных связей строились мосты, совершенствовались средства передвижения, в практику внедрялись колесные повозки, совершенствовалось караванное снаряжение.

Железная революция, открытие новой отрасли хозяйствования — металлургии дали сильный импульс для качественного скачка тюркского общества в цивилизационном измерении. Металлургия способствовала дальнейшему развитию домашних промыслов (т.е. производства изделий для собственных нужд) и возникновению ремесел (производства изделий для обмена или продажи). Из металла выделывались орудия труда, оружие, предметы домашнего обихода, украшения. Больших высот достигло хуннское ювелирное дело, о чем свидетельствуют найденные археологами изделия из золота, серебра и драгоценных камней. Железо не только расширило ассортимент металлических изделий, но, что особенно важно, способствовало развитию ремесла как особой сферы деятельности, появлению особого профессионального слоя населения — ремесленников. Оно же ускорило становление других видов ремесленной деятельности. Развивалось гончарное искусство, чему в особенности способствовало изобретение печей для обжига керамики и гончарного круга. Получило стимул развитие ткацкого производства. Входила в обиход и кожаная обувь (плетенки, сандалии).

У цивилизаторского подвига, совершенного хуннами, есть и серьезная культурная составляющая. Речь идет о том, что на данном этапе в древнетюркском сообществе был совершен качественный скачок в идейно-мировоззренческом духовном плане. Об этом свидетельствуют сложившийся общетюркский протоязык, возникшая письменность, развитое музыкальное искусство, художественное мастерство, исторические знания, познания в астрономии, химии, географии.

Необходимо отметить и сравнительно высокий уровень развития правовой культуры хуннского общества. На основе проведенных Шанью-Мете реформ в хуннском обществе действовало как гражданское, так и государственное право. Как члены общества (граждане), хунны имели систему обязанностей — поголовная воинская обязанность, обязанность подчиняться начальникам, уважать землю (земля рассматривалась как основа создания государства). Смертью каралось нарушение дисциплины и уклонение от воинской повинности. В число преступлений, карающихся смертью, входило, например, обнажение оружия. Кража наказывалась конфискацией имущества не только вора, но и его семейства. За мелкие преступления делали порезы на лице. «В последующем эти законы вошли в жизнь почти всех тюркских народов, которые создали свои государства. Обобщенные гражданские права кочевников и государственные права, сохранившиеся со времени Мете, вошли в законы Чингиз-хана, в его знаменитую «Ясу».

Динамический характер исторического развития хуннов в значительной мере определялся постоянным наращиванием межкультурных связей и благотворным воздействием могущественного соседа — Китайской империи. История взаимоотношений с ним содержит периоды как мирного сотрудничества, так и жестоких военных столкновений. Основной причиной последних было то, что в сфере влияния хуннов оказалась определенная часть территории, по которой пролегал Великий шелковый путь. Безусловно, это вносило сложности и затруднения во внешнюю торговлю Китая, доход от которой был велик.

Поначалу решение данной проблемы Китайская империя видела исключительно в военной плоскости, поскольку не желала признавать все народы, живущие за ее пределами, равными себе. Хунны, наоборот, в большой мере были заинтересованы в мирных отношениях, нежели в войне. Это позволяло им в обмен на скотоводческую продукцию импортировать недостающее в государстве зерно, ремесленные изделия и ткани.

Военные действия шли с переменным успехом. Китайцы долгое время не могли ничего противопоставить хуннской тактике разящих рейдов небольших отрядов, часто заставлявших китайских воинов врасплох. Для того чтобы огородить свою империю от кочевых народов, в том числе и хуннов, китайцами была возведена стена протяженностью в сотни километров, известная нам как Великая Китайская стена. Но взаимодействию китайско-тюркско-хуннских культур она не мешала. Китайский фактор на протяжении древнего и средневекового времени был важнейшим системообразующим компонентом всей тюркской цивилизации. Признание важности этого фактора закрепилось в афоризме «Держись от Китая подальше. Не отходи от Китая слишком далеко».

В целом результаты взаимодействия хуннов с другими культурными мирами на основе конкуренции, сопоставления, сравнения элементов-традиций поражают воображение. Формирование хуннского цивилизационного феномена стало возможным в процессе выработки образцов заимствования; противостояния обаянию (ассимиляции), особенно китайской «модельной» цивилизации, а также восприятия — обработки достижений могущественного скифо-евразийского культурного комплекса (скифского «звериного» стиля искусства). Во многом именно поэтому хунны

сумели занять свою нишу в культуре и искусстве всего кочевого континента от Дуная до Желтого моря.

С высоты достижений современной цивилизации обозначенные выше новые явления в хуннском образе и укладе жизни не всегда воспринимаются как качественные сдвиги, прорывы, выводившие на новый уровень жизнедеятельности не только собственно тюркские и евразийские сообщества. Они существенно влияли и на жизнь соседних народов, воздействовали на темпы и содержание европейского цивилизационного прогресса. «Когда кочевые племена Азии, — отмечал еще в XIX в. этнограф и исследователь Сибири Н.М.Ядринцев, — имели большие распространения и могущества, естественно, их культура была богаче. Это доказывается как находками, так и свидетельствами путешественников. Одежда, вооружение варваров перенимались греками и римлянами. Византийцы много переняли у гуннов. В эпоху Юстиниана заимствованы у варваров накидки, штаны и обувь. Оружие варваров — мечи, копья, топоры, кольчуги, щиты перенималось, даже ткани фригийские шли от варваров-скифов. Императоры Византии и аристократия усваивали богатые головные уборы, шейные ожерелья и другие предметы, которые носили варвары. Археологические данные открывают ныне, как искусство и орнаментика передвигались с востока на запад Европы вместе с восточной роскошью».

Приведем еще один пример того, насколько хуннские культурные результаты входили в европейскую жизненную практику. Известно, что феномен средневекового рыцарства в традиционной историографии оценивается как недосягаемо высокое достижение европейской цивилизации. Это, несомненно, так. Но верно и то, что оно является историческим продуктом, базировавшимся на «вливании» в него результатов усилий и творения множества этносов и Европы, и Азии. Оно выросло на «плечах» достижений многих инокультур. «Возникновением средневекового рыцарства Запад обязан Востоку, прежде всего… скифо-сарматам». «Ветер степи шумит в древе европейского рыцарства». Эта метафора итальянского историка Франка Кардини относится не только к анализу конкретного феномена рыцарства, в ней плод аналитической мысли по поводу влияния восточного фактора в целом на европейский прогресс. При этом в содержание восточного фактора он включает тюркский (тюрко-хуннский) культурный компонент, относит скифов к родственному им тюркоязычному сообществу. Тем самым он закладывает основу для объективного подхода к вопросу о роли тюрков в древней истории Евразии, обосновывает в исторической науке альтернативную, в отличие от европоцентристской версии, точку зрения на эту проблему.

Скифская тема далека от исчерпывающего изучения и сегодня. За два с половиной века интенсивный мыслеобмен по этой проблеме не уменьшил, а увеличил количество непроявленных вопросов. Но бесспорно одно: оформление скифов — активных субъектов истории происходило в глубинах Азии, где они в эпоху древности совместно с тюркоязычными и другими племенами осваивали Евразию. Появившись в VII в. до н.э. на исторической арене Европы, они создали развитую полифоническую субкультуру, которая длительное время оказывала воздействие на весь окружающий культурный мир. Непобедимый на протяжении почти четырех веков (VII — IV вв. до н.э.), этот многочисленный и воинственный народ оставил свой неповторимый «звериный стиль искусства» на культурном полотне древней истории. «Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, — пишет известный российский археолог А.Ю.Алексеев, — оказывали на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200 — 400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII в.). Тем не менее культура скифов не имеет, пожалуй, равных среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведенному ею резонансу».

Скифы, конечно, были кочевниками. Но, как и у любого кочевого народа, у них была «база» в виде оседлой части общества, которая и придавала скифам образ многогранной талантливости. Скифы были не только непревзойденными воинами, ими «был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь серьезных изменений вплоть до изобретения огнестрельного оружия. Деревянное, обшитое кожей седло — тоже, кстати, изобретение скифов». Но скифы были и умелыми землепашцами, у которых греки закупали зерно. Они были мастерами строительства деревянных и каменных домов, изготовления ковров и искусными ювелирами.

Итак, скифам нельзя отказать в уникальности их культуры. Но в литературе, начиная от Геродота и до новейших исторических изысканий, сохраняется традиция умолчания или полупризнания достижений скифов. Почему «скифское золото» экспонируется в крупнейших музеях мира, но умалчивается их принадлежность к кочевой культуре? «У меня есть сильное подозрение, — замечает по этому поводу А.Бушков, — что корень зла в том и кроется — в азиатском происхождении скифов, подсознательно раздражающем европоцентристов, а если совсем точно, европейских шовинистов от

истории. С их точки зрения, «азиатам» не полагается «государств» и «городов», на каковые имеет право лишь цивилизованная Европа».

Как бы ни были велики и славны скифы, но в конце концов они так же, как многие другие легендарные народы, трансформируясь во времени и растекаясь в пространстве, сошли с арены большой истории. Но скифо-тюркский, как и гуннский, «след» обнаруживался в разных точках мира спустя столетия. Так, известный историк допетровского времени А.Лызлов корни татар, Чингисхана и Батыя возводил к скифам. Совсем недавно вышло в свет двухтомное исследование М.Аджи «Средневековая история тюрков и Великой Степи». Автор доказывает, что тюрки-скифы добрались не только до Центральной Европы, но и до Британии. Этот оригинально мыслящий историк даже ввел в оборот понятие «английские кипчаки». То есть ни скифы, ни хунны и гунны в последующем не выпали в «осадок» истории. Тюркский фермент оставался системообразующим в процессе рождения и становления многих новых культур и этносов. Очевидно, поэтому виртуальный образ «скифов» в массовом сознании продолжает перманентно транслироваться во времени и пространстве. «Мы — те, о ком шептали в старину с невольной дрожью, эллинские мифы: народ, взлюбивший буйство и войну, сыны Геракла и Эхидны, — скифы», — писал поэт В.Брюсов. Знаменитая формула самоидентификации А.Блока: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!» также не имеет временных границ в своем применении.

Результаты самых последних археологических раскопов на территории современного Алтая и Северного Китая («ледяные» гробницы, феномен «алтайских мумий», городища) усиливают аргументы в пользу гипотезы о тюркоязычности скифов, способствуют решению «хуннской головоломки», проясняют роль древних тюрков в становлении общечеловеческой цивилизации в целом. «Нет народа, — пишет тюрколог А.И.Куркчи в предисловии к книге Л.Н.Гумилева «История народа хунну», — который не углядел бы своей части исторического наследия в биографии хунну. История хунну — начальная часть истории многочисленных этносов, населяющих нынешнюю Внутреннюю Евразию, ту Центральную или Высокую Азию, которая до недавнего времени упорно являлась фактической границей русско-европейской ойкумены».

О чем идет речь? Насколько прав А.И.Куркчи, утверждая, что многие народы Евразии — это «птенцы гнезда хуннов»? Мы согласны с этим мнением. Во-первых, потому, что Алтай по своим природно-географическим и экологическим характеристикам — одна из благодатных и благоприятных пространственных зон для оформления здесь «гнезда» — колыбели уникальной цивилизации. Во-вторых, его динамичное становление и удивительная жизнестойкость, способность героического противостояния внешним врагам во многом определялись исходно-этноинтернациональным составом создателей-обустроителей алтайского цивилизационного «гнезда». Хуннское государство — это одно из самых древних форм федераций народов — племенных союзов, в которой рано и быстро вызревало осознание важности общности и единства. И в-третьих, помещенность хуннского общества во всемирно-исторический контекст, а точнее, «в определенную дидактическую схему синхронных и диахронных сравнительно-сопоставительных связей с теми или иными конкретными субъектами истории» (Р.М.Гибадуллин), способствовала внедрению в его этнокультурный код ценностей самобытности, самотождественности и одновременно общности исторической судьбы всех его составляющих.

Более обобщенно можно сказать, что историческая основа способности и традиции этнокультурной самоидентификации большого семейства тюркских, и не только тюркских, народов возникла в недрах хуннского общества. «Именно хунну, представ на мировой арене как военно-патриархальное государство-народ, впервые определили собой существование особой геоисторической целостности, особой цивилизации, находившейся в оппозиции как Древнему Китаю, так и ираноязычному Турану и далее Западу. Хунну и их соседи, находившиеся в подчинении или в соседской тяжбе и вражде, вошли в историю, составляя самостоятельный регион развития культуры, искусства, религии, экономики и политики. Эта самостоятельность началась очень рано и отразилась… в первобытных петроглифах, рисунках на камне, в грандиозных росписях в пещерах, на скалах, в скульптуре».

Совсем не случайно, что к могуществу степи именно тогда проявили интерес народы Европы, и особенно наиболее цивилизационная ее часть — древние греки, римляне. Образ Великой степи олицетворялся и конкретизировался через преобразовательные действия хуннов. «Они были первыми, кто проникся беспокойством пространства, кто испытал волнение перед территорией ужаса, — кентаврами, конными всадниками, перемещавшимися со скоростью ветра. Китаецентрический взгляд на кочевников понятен: он статичен, недаром против них построена Китайская стена. Европейский искус, древнегреческий прежде всего, вырос из огромного любопытства к новизне и переменам. Царские грифы где-то в Сибири стерегли золото, гипербореи жили в снегах, исседоны подпирали золотоносные горы, одноглазые аримаспы на золотооблаченных конях покоряли равнины».

«Кто они были?» — спрашивает А.И.Куркчи и отвечает так: «Античный странник и поэт Аристей из Проконесса увидел дикий мир неравнодушных людей азиатской Скифии и описал их. Время — VI в.

до н.э. «Берегись остроклювных, безгласных псов Зевса, грифов и одноглазой конной рати аримаспов, которые живут у златоносного Плутонова потока» — так написал Эсхил в «Прикованном Прометее» в 475 г. до н.э. Все отметили фантастически необузданный мир конной Азии: Скифии или Хуннии — Геродот, Клавдий Птолемей, Плиний».

В середине II в. до н.э. хуннская держава вошла в фазис распада. Воспользовавшись этим, местные племена освобождались от хуннской зависимости, а Китай даже заставил хуннов признать себя вассалами империи. Но в последующие века хунны продолжали соперничать в военном и экономическом отношении с Китаем и другими соседними народами. Первый этап этой конкуренции завершился в конце I в. н.э. тем, что восемь южных родов хуннов окончательно подпали под власть китайцев. Северные хунны отступили на запад, покорив племена южной части Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана, и, смешавшись там с тюркскими, угорскими и ирано-сарматскими племенами, положили начало формированию новой мощной этнокультурной общности — гуннов. Значительная часть гуннов продолжила движение на запад и, преодолев Урал и Волгу, вышла в восточноевропейские степи, ознаменовав начало нового периода мировой истории, именующегося Великим переселением народов, — эпохи грандиозных общецивилизационных перемен.

Интересен вопрос: почему хунны при своем отступлении выбрали именно западное направление? Почему целый народ решился на столь опасное переселение, не имея при этом и малейшего представления о том, что ожидает их впереди? В литературе есть мнение, что хунны, прародиной которых является горная система Куньлунь на западе Китая, сошли с гор в силу свершившегося «взрыва» от переизбытка масс людей в одной точке. При таком подходе выбор европейского направления для их дальнейшего движения определяется желанием сменить географическое местообитание.

Есть и другой подход к этому вопросу. Он вытекает из анализа археологических раскопок в кургане Ноин-ула. Среди найденных вещей оказалось много привозных изделий. По мнению Г.И.Боровки, оказавшиеся среди них фрагменты тканей имеют греческое происхождение. Если дело обстоит действительно именно так и хунны пользовались вещами, сделанными в странах западной цивилизации, то логично предположить, что хунны знали и о самих странах, в которых были изготовлены те или иные изделия. В этом случае выбор направления их пути был обусловлен вполне конкретными причинами, базировавшимися на знании того, что на западе живут народы, которым есть чем торговать, а условия обитания их более чем пригодны. Видимо, хунны понимали, что, оттесненные от Китайской империи, будут обречены на постепенный регресс, поэтому переселение на запад, где, по имеющимся у них сведениям, находилась высокоразвитая цивилизация, было обдуманным и, скорее всего, наиболее оптимальным решением.

Поиск ответа на вопрос, казалось бы, имеющий конкретно-частный характер, выводит нас на размышления более глубокого порядка.

Кочевой мир принято рассматривать как некое текучее, постоянно движущееся явление. В течение многих веков истории кочевые волны прокатывались в самых разных направлениях. Хотя общим вектором движения, независимо от территориально-исходного положения, был всегда запад, ни один из кочевых народов не проник на запад далее срединноевразийских степей.

Гуннское движение выбивается из этой схемы. Аттиловы походы знаменуют собой исторический прорыв тюрков-кочевников в культурный массив Европы. Он состоялся потому, что гунны продолжили и развили хуннскую традицию завоеваний-переселений. «Нужно отделять, — отмечал П.Н.Савицкий, — завоевания-расширенья от завоеваний-переселений. В первом случае завоеватель не бросает той базы, от которой он первоначально исходит; он расширяет свои владения, не отказываясь от прежних. Во втором случае первоначальная база оставлена завоевателем». При сравнительно-сопоставительном подходе можно утверждать, что если монгольское движение XIII в. относится к типу завоеваний-расширений, то хуннско-гуннское движение является завоеванием-переселением.

Переселенческая идеолого-мировоззренческая установка влияла на выбор направления и характер гуннских миграций, усиливала эффект коммуникации и взаимодействия гуннов с европейской культурой. Потому трудно согласиться с утверждением о том, что гунны несли в Европу беду, сея разорение и смерть римской цивилизации. Французский историк Луи Альфан пишет: это была «лавина азиатов, более диких, чем все прочие варвары… Нашествие гуннов… вызвало такое потрясение, после которого она долго приходила в себя, так что это нашествие косвенным путем упростило задачу другим варварам». Деятельность гуннов в Европе автор квалифицирует как действия «аттиловской банды», погром «азиатских орд». Видимо, даже маститому ученому было трудно расставаться с философией «высоты» европейской и «примитивности» тюркской культур, цивилизованности европейцев и варварства азиатов. Хотя надо признать то, что Луи Альфан успел многое сделать и для того, чтобы последующее поколение историков смогло совершить «переоткрытие» Азии с точки зрения признания ее прогрессивной роли в формировании средневековой Европы.

***Гуннская держава: время Аттилы***

По пути своего следования, а также в процессе жизнедеятельности на новом месте обитания хунны быстро и легко общались и даже смешивались с другими народами и племенами. Так, к моменту переселения гуннов в Поволжье и Приуралье здесь жили угорские племена. По словам Л.Н.Гумилева, «приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов и дал им возможность вновь собраться с силами». В результате такого синтеза некоторые изменения претерпели внешний облик и культура хуннов. В этой связи принято различать центральноазиатских хуннов и восточноевропейских гуннов. Если о первых мы знаем благодаря китайским источникам, то о вторых нам известно из трудов европейских авторов. Примечательно, что с момента своего первого появления в Восточной Европе в середине II в. и до середины IV в. о гуннах нет каких-либо сведений. По всей видимости, в течение двухсот лет продолжал идти поток кочевых народов с востока, который вливался в гуннский этнос, до той поры, пока этот конгломерат не достиг критической массы, требующей выплеска вовне.

Такой выплеск происходит в 60-х гг. IV в., когда гунны переходят Волгу и начинают продвигаться в Европу. Здесь они в первую очередь столкнулись с аланами и готами. Несмотря на ассимиляцию, гунны сохранили хуннскую тактику ведения боя, основанную на легкой и маневренной кавалерии. Гуннские всадники, вооруженные луками, способными поражать дальние цели, не сближаясь с противником, осыпали их градом стрел. При попытках противника сойтись с гуннами в ближнем бою те, обладая прекрасной маневренностью и мобильностью, рассыпались в разные стороны. Аланы и готы, имея более тяжелое вооружение, так и не сумели приспособиться к тактике гуннов и к 375 г. были ими разгромлены.

В конце IV в. гунны, преодолев Кавказский хребет, стали совершать походы в страны Ближнего и Среднего Востока. Однако в этом регионе им так и не удалось углубить свое продвижение и в начале V в. они под натиском персов были вынуждены покинуть пределы Передней Азии.

После относительной неудачи в персидских владениях гунны снова направляются на запад.

Переправившись через Дунай, они проникают в пределы Центральной Европы, пытаясь установить отношения с Римом. К этому времени контролируемая ими территория простиралась от Рейна до Волги.

Наивысшего расцвета гуннская культура достигла в так называемую эпоху Аттилы, который сумел не только объединить в одно целое западную и восточную части союза гуннских племен, создать мощное государство, простиравшееся от Кавказа до Эльбы, но и придать ему новое качество, с точки зрения культурно-цивилизационного измерения.

Аттила приходит к власти в 445 г. С этого времени он входит в поле зрения многих известных на европейском поприще государственных деятелей, военачальников, а также историков и исследователей-географов. Его имя становится знаковым на фоне исторически дряхлеющей Римской империи, кризиса отживающей и рождающейся новой исторической эпохи. Вот какую характеристику дает ему историк середины XIX в., специалист по древней истории А.Вельтман: «Положим, что Аттила был варвар в греческом смысле, т.е. язычник; но варвар-политик, который, прежде чем брался за оружие, состязался переговорами; варвар, по сознанию просвещеннее врагов своих, мудрый в советах, снисходителен к просьбам, верный данному слову».

Классик древней истории Иордан писал о нем: «Был он мужем, рожденным на свет до потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился». Л.Н.Гумилев, опираясь на высказывания современников, оценивает Аттилу так: «Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходящие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его талант и отвагу. Поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна». Приск Панийский также высоко оценивал предводителя гуннов: «Никто из царствовавших до сих пор над Скифией и над иными странами не совершил столько великих дел и в столь короткое время, как Аттила».

Многие притягательные черты характера Аттилы, особенно мужество, справедливость и толерантность, рождали желание воевать под его началом. Поэтому гуннская армия постоянно пополнялась представителями других народов. В ней сражались остроготы, гепиды, руги и акациры, нередки были случаи, когда римляне и греки также действовали на стороне Аттилы, «предпочитавшие справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников». Интернациональный состав гуннской армии отмечается и в трудах современных европейских историков.

В оценке крупных исторических фигур всегда присутствует множественность подходов. Противоречивую оценку давали Аттиле уже при его жизни. Но имя этого гуннского полководца вошло в летописи и легенды многих народов. В скандинавском эпосе «Эдда» он обозначен под именем Атли. Наиболее известным и значимым произведением о нем, в котором он выведен под именем Этцель, является немецкая поэма «Песнь о Нибелунгах», вошедшая в знаменитый сборник «Vilkina Saga». Как масштабная историческая фигура Аттила осмыслен в историческом романе М.М.Хабибуллина «Атилла».

По историческим меркам, гуннская держава просуществовала недолго. Но, базируясь на достаточно крепких исходных хуннско-тюркских культурных основаниях, гунны успели и сумели создать собственную культурную традицию, элементы которой явились ферментом формирования многих культурно-исторических типов, общностей, систем, в том числе западноевропейской и русской культуры.

Материальная и духовная культура гуннов, будучи результатом многочисленных и весьма длительных межцивилизационных контактов, представляла собой новый тип евразийской культуры. В историографии бытует традиция недооценки, а порой и негативной трактовки роли и значимости гуннского этапа тюркской культуры и ее роли в мировой цивилизации.

Модель подобного прочтения гуннской истории сконструировал античный историк первой четверти IV в. н.э. Аммиан Марцеллин. Согласно его концептуальной схеме, гунны не были способны к цивилизованным видам жизнедеятельности: хлебопашеству, земледелию и искусству. Они сохранили в себе только пристрастие к лошадям и верховой езде, умение пользоваться арканом, мечом и луком. Смысл и содержание их жизни — это кочевье с семьями в колесных кибитках, разведение домашнего скота, захват и освоение новых территорий. Подобная версия выпячивала военную, завоевательскую сторону уклада жизни гуннов. Иные сферы жизни, характеризующие уровень их духовности и культуры, выносились за скобки или им придавался сугубо негативный оценочный оттенок.

Современный уровень исторического познания, историографической и методологической культуры позволяет на основе цивилизационного подхода заключить, что гунны открыли новую страницу не только в истории тюркского мира, но и в летописи мировой истории народов. Анализ солидного интернационального по происхождению и авторскому составу источникового корпуса позволяет утверждать, что с именем гуннов связано «окультуривание» многих сфер общественной жизни в общецивилизационном измерении. Достигнутый гуннами уровень военной мысли и техники, политической, правовой, экономической и культурной систем стал достоянием и предметом заимствования как для формирующихся локальных тюркских сообществ, так и для европейских народов. Но если для родственных и соседствующих племенных образований гуннские культурно-цивилизационные достижения были примером, образцом для введения их в свою жизненную практику в явочном, оперативном порядке, то для европейцев гуннский опыт становится сначала предметом осмысления, изучения и анализа. И только тот «осадок», который оставался после европейской культурной фильтрации, приобретал материализованную форму. Но творчески осмысленное восприятие культурных результатов деятельности народов, принадлежащих к иным цивилизационным мирам, всегда имеет большую эффективность, чем их механическое копирование. В этом плане, несомненно, гунны стали тем «светом с востока» (ex oriente lux), который многому научил Европу, способствуя подготовке к исторической роли центра мировой культуры.

Диапазон вклада гуннов в развитие общетюркской, общеевропейской и зарождавшейся древнерусской культур, несомненно, весьма широк. Это тема отдельного и специального изучения. В рамках данного исследования считаем важным заметить, что гуннская культура являла собой исторический продукт, сформировавшийся на протяжении нескольких тысячелетий эволюции древнетюркской цивилизации в постоянно расширяющихся территориальных границах необъятного геополитического пространства. Ее потенциал усиливался не только благодаря постоянному поиску путей совершенствования системы и механизмов организации внутренней жизни тюркского сообщества. Не меньшее значение имело воздействие внешней среды, как природной, так и социальной. Постоянно меняющаяся внешняя среда выступала реактивом, стимулирующим и ускоряющим процессы внутреннего самосовершенствования системы.

Учащение контактов, усиление взаимосвязей и взаимодействия с большим многообразием родственных и иных этнокультурных сообществ перманентно актуализировали проблему обеспечения жизнеспособности, безопасности и конкурентоспособности, подталкивали на путь дальнейшего развития. Поэтому гунны, впитав в себя опыт многих эпох, поколений и этнокультурных общностей, были подготовлены к встрече с европейским культурным миром. Тем более что Европа для них не была некоей неизвестностью. Представители многих аристократических родов, в том числе Аттила и его брат Бледа, жили и учились в Риме, осваивали основы римского права и дипломатии, несли военную службу, а некоторые из них даже возглавляли римские легионы. Поэтому их роль в зоне европейской культуры нельзя объяснить в рамках лишь таких ценностных понятий-антитез, как

«завоеватели — освободители». В разное время для разных народов и в разной степени они выступали не только в этих ролях, но и выполняли историческую миссию более широкого формата.

Такая многофункциональная роль определялась сочетанием множества факторов. Одним из них, несомненно, является фактор развивающегося имперства, который начал складываться еще в древнехуннское время. Стремление к объединению всех тюрок в рамках большого, сильного централизованного государства-империи во многом влияло на характер внешней политики, в значительной мере подстегивало сохранение и усиление военизированного образа жизни.

Но такой образ жизни типичен для эпохи, когда рушились одни и возникали новые империи. Претензии на мировое господство, идеи вселенского миссионерства являлись идеологическим обоснованием ведения военных походов, расширения зоны влияния и господства многих могущественных государств Европы. Той Европы, которая, задержавшись на стадии формационного загнивания и духовного кризиса, в римском перекрестье культурно-цивилизационных миров искала новые направления-ориентиры дальнейшего исторического развития. Гунны лишь ускорили процесс выхода Европы из состояния бифуркации и обретения ею иного качества.

Забота о поддержке высокого уровня военного дела вытекает из кочевого характера государства гуннов, она выступала формой ответа на вызовы своего времени. Она отвечала их мировоззрению и практическим жизненным потребностям. «Так как гунны сформировались в народность на основе военной общины, — отмечает Садри Максуди, — война и подготовка к войне занимали в их жизни важное место. Дети гуннов с малых лет обучались верховой езде и стрельбе из лука. Прежде чем учить детей верховой езде на лошадях, их тренировали в езде на овцах, а при обучении охоте мальчики сначала стреляли по полевым мышам и по хорькам».

Гунны в мирное время очень любили охотиться; они устраивали облавы на оленей и хищных животных, представляя их врагами на войне. Таким образом гунны и древние тюрки в целом учились воевать с врагами лицом к лицу.

Гунны воевали в конном строю. Все они были отличными всадниками. Каждый гунн имел доспехи. Перед военными походами они регулярно занимались военными маневрами. У гуннов были особые, очень серьезные методы тактики. Основой их тактики были мощные и стремительные атакующие действия. Причинами военных успехов гуннов были мастерство в стрельбе из лука и внезапность нападения. Гунны использовали такие виды оружия, как лук, стрелы, копье и сабля. Во время боя на дистанции они использовали лук и стрелы. В ближнем бою сражались с саблями и копьями. Еще одной важной особенностью тактики гуннов был при необходимости стремительный отход. Иногда их отступление было ложным, и, когда враги увлекались погоней за ними, гунны стремительно поворачивали коней навстречу противнику и обрушивались на него. Главный смысл тактики был в том, чтобы ошеломить противника. Враги гуннов во время боя не могли до конца понять, отступают они или наступают.

Главными факторами военного успеха гуннов можно назвать безграничную храбрость, стремительность действий и умение соответственно ситуации постоянно обновлять традиционный тактический арсенал. «Мы можем предположить, — отмечал Садри Максуди Арсал, — что почти все военные традиции тюрков были заложены в гуннский период».

Поэтому не случайно, что длительное время на европейском военном театре гуннский вариант организации армии, стратегии и тактики ведения военных действий считался образцовым. Важным элементом военной политики была дипломатия, искусность которой не раз предотвращала, прекращала войны или снижала уровень человеческих, материальных, культурных потерь. Так, Анатолийский мир (Соглашение), заключенный Аттилой с римским императором Феодосием II, предотвратил возможное кровопролитие. Победа, одержанная на Каталаунской равнине, служит ярким примером не только высокого военного искусства гуннов, но и великодушия победителей. Эту победу можно было бы довести до логического конца, т.е. взять столицу легендарной империи — Рим. Столица, народ, сенат и папа — все были в панике. Не видели решения, кроме как сдаться.

Тогда к Аттиле выходит римский папа Леон в полном облачении апостольского наместника, сопровождаемый всем духовенством Рима и посольством императора Валентиниана, и от имени всего христианского мира умоляет не трогать город, в котором были накоплены культурные ценности общемирового значения: прекрасные памятники архитектуры, знаменитая Александрийская библиотека, в хранилищах которой были собраны уникальные документы-источники по истории Европы и Азии начиная с древних времен.

Аттила сохранил Рим в целости, предотвратив крах мировой культуры. Таких миротворческих актов, совершенных гуннами, немало. Аттила не один раз участвовал в переговорных процессах и дипломатическом улаживании межгосударственных конфликтов в Византии, Паннонии (Венгрии), Северном Причерноморье, на Северном Кавказе.

«Признанный искусный дипломат, Аттила вел челночную дипломатию, — пишет В.В.Николаев, — чем обеспечивал взаимодействие регионов и народов огромной державы, от Рейна до Волги, в том

числе между гуннами в Паннонии, в придунайских районах (отметим, это было еще в самом начале V в., т.е. до переселения туда аспаруховых болгар в VII в.), «черными гуннами» донских степей и Приазовья (болгарские народы), «белыми гуннами» Прикаспия (савиры). Он посетил восточных хуннов в Центральной Азии на северо-западе Китайской империи, подкупил их тем фактом, что западные хунны (гунны) и восточные хунны говорили на одном языке… Затем посетил Китай и установил с ним дружеские дипломатические отношения, обеспечив таким образом безопасность восточных границ державы. Уже будучи правителем, во время вояжа по своей империи с целью наведения порядка в Западной Европе перед решающими сражениями в Западной Европе, подавил восстание акациров… Аттила изменил мир».

Опыт организации дипломатической работы, посольских структур, ведения переговоров и заключения мирных договоров и соглашений, так же, как и многие элементы военной технологии, военного быта, принципы организации войск, были предметом подражания для последующих тюркских государственных объединений и их ближайших соседей, в том числе и Киевской Руси.

Менее всего известно, к сожалению, то, что гунны были не только превосходными воинами, но и лучшими для своего времени кожевниками и ткачами. Даже огромная армия воинов одевалась в холщовую рубаху, обеспечивалась кожаной обувью и меховой шапкой. Непревзойденного для своего времени мастерства достигло изготовление женской одежды. Вот как описывает ее византийский посланник Приск Паннийский: «Одежда их женщин весьма опрятна и ловко сделана, она состоит из исподницы и кофты темно-синего цвета, обшитых светлой каймой, и белой рубахи, спущенной ниже юбки и убранной складками около шеи и рук, с оборкою, похожею на кружева; девушки ходят с открытой головой, убирая волосы различными монетами. Все они носят серьги, запястья и кольца даже с трехлетнего возраста».

Важным элементом общей культуры для военного кочевого образа жизни была банная культура. То, что для римлян баня была «инструментом» поддержания чистоплотности, здорового духа и эмоционального настроя, не является открытием. Но великолепие бани Аттилы, построенной из камня и выглядевшей как шедевр зодчества, покоряло и римлян, и послов из самых разных стран. Необходимо отметить, что если римские бани сооружались на основе использования теплых термальных вод, то гуннская банная система по своей технологии была рассчитана на бесперебойное функционирование в любых походных условиях. Она выступала важным условием поддержания санитарной гигиены и физического здоровья, а стало быть, и боеспособности воинов. Надо иметь в виду то, что в военных действиях принимала участие огромная масса людей. По данным Иордана, войско Аттилы достигало примерно 500 тыс. человек. Зародившаяся тогда банная культура стала фактором сохранения здоровья, оптимизма и жизнеспособности общества в более широком контексте. Освященная в последующем идеологией ислама в качестве важного элемента духовной жизни волжских булгар, она твердо вошла в повседневный быт татарского народа, стала культовым явлением, внедрилась в практику национального гостеприимства.

Музыкальные традиции и инструменты гуннов — арфа, гармонь, кобыз, барабан, комуз (балалайка) впоследствии стали частью культурной жизни многих народов мира. Музыка сопровождала гуннов не только во время праздников и пиршеств. Возможно, именно тогда общемировая дипломатическая практика обогатилась традицией встречать высоких гостей — правителей или послов других стран — оркестровым маршем и песней, исполняемой женским или большим смешанным хором. Нормой дипломатического этикета считалось и знание иных языков, особенно языков соседствующих или покоренных народов. В дипломатическом корпусе обязательно были толмачи — переводчики, посредники. Многие авторитетные исследователи той эпохи (Иордан, Приск Паннийский и даже Аммиан Марцеллин) отмечали, что развитая коммуникативная культура, знание многих языков (кроме родного тюркского еще и греческого, латинского, германского, ругского, готского и многих других) вообще было присуще гуннам.

Традиции, нормы, обычаи, уклад и образ жизни любой общности, достигшие статуса этнической культуры, оказавшей воздействие на жизнеустройство других народов на огромных пространствах Евразии, не могут быть бесследно рассеянными ветрами истории, а их опыт служит «источником и началом» (fons et origo) истории и культуры последующих эпох.

Оценивая историческую роль гуннов, А.Н.Бернштам полагал, что сила влияния гуннской культуры такова, что она в сильнейшей мере способствовала уничтожению античных рабовладельческих отношений и утверждению феодальных социально-экономических отношений. Хотя этот тезис оспаривается, вряд ли можно умалить историческое значение целого среза культуры, впитавшей в себя опыт организации хозяйственной, военной и духовной жизни предыдущих эпох и цивилизаций. Гунны ускорили развитие многих социально-экономических и духовных процессов на евразийском геополитическом пространстве. Для Европы гуннское государство стало фактором ускорения цивилизационного развития. Его влияние обнаруживается во многих сферах европейской жизни: в экономике, культуре, музыке, языке. Тюркский язык на длительное время стал языком

международного общения и переписки. К примеру, в романо-германском языке около 800 слов с тюркскими корнями. Тюркизм крепко «засел» в тезаурусе многих европейских народов.

Неоценимо высока роль гуннов и с точки зрения определения путей, направлений и перспектив последующего развития тюркской цивилизации, которая при ином стечении обстоятельств, без гуннского «капитала», могла бы иметь совершенно другой исход. Вся последующая нить истории свидетельствует о том, что распад гуннской державы не пресек корней тюркской культуры, а явился важной составляющей той исторической почвы, на которой в последующем стала возможной консолидация множества локальных групп и сообществ вокруг одного организующего идейно-политического, культурно-цивилизационного ядра — Тюркского каганата. Гунны завершают целый этап исторического созревания тюркской культуры, тюркского этнокультурогенеза, «этап легендарных предков» (С.Г.Кляшторный). Культурно-историческое самосознание гуннов хотя и опиралось на императивы исходно хуннского традиционализма, но оно уже обильно «орошалось» цивилизационными достижениями европейской реальности.

Цивилизационный подход к оценке роли гуннского фактора сквозь призму не только общетюркского, но и общемирового контекста актуализирует задачу более предметного анализа феномена «Великого переселения народов мира» (Геродот). Известно, что первые две крупные переселенческие волны, инициированные прототюркскими сообществами еще до нашей эры и имевшие направление с запада на восток, значительно изменили темпы и масштабы эволюции человечества, ускорили процессы межрегиональных, межэтнических и межкультурных контактов, что, естественно, повлияло и во многом определило результаты расогенеза, культурогенеза и глотогенеза в общемировом масштабе.

Великое переселение народов, первотолчок которому дали гунны, изменило не только направление их движения (теперь уже с востока на запад), но и содержание. Вряд ли целесообразно продолжать рассматривать великие переселения народов как историческую катастрофу, вызвавшую экологический, экономический и демографический кризисы. Это был многофункциональный, многофакторный, многоэтапный, длительный (II–III вв.), сложный и противоречивый исторический процесс. Великое переселение стало первым великим смешением образов и укладов жизни народов континентального порядка, формой самого масштабного синтеза культур, открывшего новую, более высокую, фазу движения человечества. «В действительности оно охватило большую часть полуострова, восток и запад, — отмечает Дэвис Норман, — и продолжалось все первое тысячелетие н.э. и позднее, вплоть до того постоянного пристанища… Переиначивая более позднее выражение, мы могли бы назвать его Drang nach Westen (натиском на запад) или походом к территориям постоянного поселения. Без этого не было бы ни Европы, ни европейцев».

Динамизм глобализации современного мира также питается опытом, потенциалом и силой исторической инерции, которые были накоплены на протяжении нескольких веков. Великое переселение народов содержит в себе и великие уроки сожительства, соседствования, совместной организации жизнедеятельности людей и обществ, находившихся на разных уровнях исторического развития, имевших в своих культурах много несовпадающего, особого и даже единичного, на основе принципов мирного сосуществования, сотрудничества, кооперации и соразвития. Но в нем же содержатся ценные уроки сохранения и развития своей уникальности, самоценности и этнокультурной идентичности.

К сожалению, опыт осуществления и результаты первой исторической «переклички» народов мира, первой крупномасштабной исторической «встречи» двух разнополярных типов цивилизаций — восточной и западной еще не стали предметом специального научного анализа. При этом необходимо подчеркнуть, что смысл данной дихотомии заключается не в географии, а в содержании материальной, духовной и структурной составляющих цивилизаций.

Как удалось избежать столкновения культур, межцивилизационных войн в условиях всеобщей неуспокоенности народов мира, активизации поиска своего окончательного местообитания, своего места и роли в геополитической и культурной системе координат; в условиях продолжавшегося изменения климата и учащения экологических катастроф, на фоне роста значимости конкурентно-соревновательного начала, расширения зон напряжения, появления «горячих точек» на евразийском пространстве?

Если удалось сохранить необходимый баланс сил в процессе противоборства тенденций культуры войны и культуры мира в ходе Великого переселения народов, то почему трудно решить эту проблему в условиях современного исторического транзита человечества? Актуализация этой ключевой проблемы с точки зрения ее влияния на будущее, на историческую перспективу как каждого народа в отдельности, так и всего мирового сообщества ориентирует науку на углубленное изучение рубежных, поворотных моментов в истории человечества, каким является Великое переселение народов мира, на поиск новых методик и технологий исследования, на расширение ракурса постановки проблемных вопросов.

Современная глобальная трансформация рубежа XX–XXI вв. вызвала к жизни такие же явления и проблемы, которые были свойственны эпохам первых великих переселений народов мира. Масштабность нынешней миграции, приливов и отливов людских потоков (беженцев, иммигрантов, туристов), научных и культурных обменов и т.д. сопоставима, пожалуй, лишь с первыми великими переселениями. Но нынешнее великое переселение сопровождается нарастающим валом глобальных проблем и возникновением конфликтов нового исторического типа — межкультурных, межконфессиональных, межцивилизационных. Обостряется напряжение не только по оси Запад — Восток, но и в координатах Юг — Север, Юг — Запад. Эти вызовы XXI в. еще более актуализируют востребованность включения миротворческого потенциала, накопленного в те переломные эпохи, в современные трансформационные процессы.

***Великий Тюркский каганат: «время собирания камней»***

Гунны как наиболее мощное историческое поколение прототюрков не исчезли. Тот же французский историк-европоцентрист Луи Альфан вынужден признать, что «история гуннов на том не кончилась: великий народ не исчез целиком и полностью с мировой арены, на которой его деяния гремели в течение целого века». Но, будучи подверженным волнам перемен в процессе смены формаций, в ходе великих смешений этносов и культур, он нашел свое продолжение и развитие во многих новых государственных общетюркских кочевых образованиях.

С образованием Тюркского каганата открывается следующий этап исторического развития тюркского этнокультурного и политического сообщества, этап «собирания камней», усиления объединительных тенденций, преобладающего господства центростремительных сил и строительства «архаических империй».

Причин и факторов, лежащих в основе объединительных процессов, «кристаллизации» тюркского мира, было множество. Это общность образа жизни, схожесть культур, языков, преемственность традиций, верований и мировоззренческих принципов. Понимание важности сложения сил, усилий и ресурсов для совместного расширения территорий и освоения новых пространств, успешного ведения торговых дел и решения хозяйственных задач. Необходимость совместной защиты своих материальных и духовных ценностей и своей независимости. Все это стимулировало и активизировало процессы единения и консолидации тюркоязычного мира.

Мощным инструментом формирования и сплочения этого мира выступал тюркский язык, который в процессе стирания различий между множеством диалектов и наречий приобретал единую форму и норму, становился языком межобщинного, межрегионального, межэтнического общения. Наличие письменности, многообразные формы устного и художественного творчества (мифология, поэзия, музыкальное и художественное искусство, письменная история) — все это работало на закрепление исторической памяти, связи и преемственности традиций и поколений. Создание генеалогических легенд и мифов, утверждавших общую для всех мистическую родословную, служило идеологическим обоснованием общетюркского единства.

Фундаментом сохранения этнокультурной наследственности, непрерывности истории тюрков и идейным инструментом укрепления общности их духовного мира стала единая для них проторелигия — тенгрианство, в основе которой было поклонение солнечному (небесному, космическому) божеству — Тенгре (Тангра, Тэнгре). Доктринальная сила тенгрианства состояла в том, что оно носило не частный, личный характер, как другие формы религий (иудаизм, христианство, ислам, буддизм), а общинно-коллективистский. Все его «обрядовые ритуалы имели коллективную форму», что значительно облегчало, упрощало процедуру общения с духом Тенгре. Но главная притягательная сила тенгрианства состояла в том, что оно отвечало характеру традиционного тюркского мировоззрения, соответствовало особенностям образа жизни и менталитета тюрков. Оно укрепляло общетюркский дух, выполняло роль своеобразного духовного скрепляющего «цемента». Поэтому не случайно, что именно на основе тенгрианства возникли главные для того времени общетюркские ценности, такие, как солнечный календарь, руническая письменность, алфавит и основные в жизни тюрков календарные праздники (Нардуган, Науруз, древние формы Сабантуя).

Такой весьма эскизно обозначенный спектр причин и факторов выхода тюркского этнокультурного сообщества на более высокую и масштабную интегративную форму государства — империю, после бесконечно длившихся завоеваний-переселений, во время которых рассыпались, казалось бы, приговоренные к вечности царства и державы, а на их месте возникали не менее амбициозные государственные образования, конечно, полно и законченно не объясняет такое явление, как Великий Тюркский каганат. Но многие изъяны данного эскиза могут быть восполнены путем выявления общих законов и закономерностей этногенеза и прояснения через их призму характера и особенностей исторической эволюции тюркского этнокультурного сообщества.

Методологическим ключом расшифровки тюркского феномена является теория пассионарности Л.Н.Гумилева. «Может сложиться мнение, — разъяснял он, — что пассионарность — благо, порождающее прогресс. Это не так. Пассионарность не генератор, а катализатор. Она так ускоряет этнические процессы, что многие этносы сгорают от собственных деяний, не дожив до спасительного гомеостаза. И наоборот, за пределами прямого воздействия мутации, там, куда пассионарность попадает с генетическим «дрейфом», этносы организуются, усиливаются и оставляют могучее потомство и устойчивую традицию».

Инерция этногенеза, набравшая историческую силу и динамику движения, способна сохранить, воспроизводить и развивать этнос. «Вихрь времени ломал дубы-империи и клены-царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она вставала неповрежденной. Рассеянные потомки хуннов… были геноносителями, и их пассионарность сплавляла отдельные популяции (субэтносы) — осколки былых великих степных народов в новые оригинальные, не очень похожие на своих предков этносы. И даже если последние исчезли, как гунны или тюркюты, в стихии степной войны… цепь превращений не прерывалась до тех пор, пока шел прогресс этногенеза и сохранялся пассионарный генофонд». Результатом одного из таких «перерождений» стала степная империя — Великий Тюркский каганат.

В свете пассионарного подхода становится возможным полнее и глубже объяснить факторы, определившие непрерывность линии этнокультурной динамики хуннского степного этнокультурного сообщества, не знавшего обрыва, а подвергавшегося лишь видоизменениям. Становится понятно, почему при всех исторических катаклизмах, даже при политической раздробленности, сохранилось идейное единство хуннов и гуннов, «была не нарушена этническая традиция, она же — сигнальная наследственность»; «западный поход Истемихана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II в., т.е. что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости. Эстетическое восприятие прошлого — это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершали, и теперь мы знаем почему: незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновили их на подвиг».

В составе совокупных предпосылок становления кочевой империи — Великого Тюркского каганата важное место принадлежит постоянно развивавшейся культуре коммуникации, диалога и соседствования.

Фактором единения различных тюркоязычных субстратов в рамках общетюркского цивилизационного дома, а затем и более динамичного развития всего тюркского культурного мира является рост интенсивности взаимодействия с инокультурными мирами. Процесс взаимодействия (соприкосновения, контактирования, тем более соседствования) разных общественно-культурных систем при всем многообразии его форм необходимо рассматривать не просто как случайность или необходимость, но как «один из генераторов развития», ибо рост такого взаимодействия, имеющего объективный характер, с одной стороны, предполагает выработку стремления к сравнению, сопоставлению своей этнокультурной общности с иной, а с другой — побуждает к сохранению своей самоценности, самоидентичности. Этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации, ибо это способ ее «бытия». В этом плане становление и развитие общетюркского цивилизационного дома, формой которого выступает Великий Тюркский каганат, является результатом не только собственно этнотюркских усилий, но и в значительной мере итогом-производным постоянного взаимодействия с самым разнообразным этнокультурным внешним миром.

Великий Тюркский каганат образовался в 552 г., когда вождь племени Ашин — Бумын был провозглашен каганом. С этого времени этноним «тюрк», дословно означающий «силь%ный», «крепкий», закрепился в качестве собирательного имени за всеми племенными объединениями-государствами. В последующие тридцать лет наследники-продолжатели дела основателя империи Бумына — Истеми, Мугань, Кара-Чурин Тюрка и Тобос внесли существенный вклад в реализацию общетюркской мечты — превращение Тюркского каганата в мировой колосс.

Наивысшего расцвета Великий Тюркский каганат достигает во второй половине VI в. в процессе освоения новых территорий и включения в него потенциала покоренных племен. Его территория простиралась от Маньчжурии до Северного Причерноморья, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Значительная часть Южного Урала и Нижнего Поволжья, включая территорию современного Татарстана, также входила в состав каганата. «Свое гигантское государство, простиравшееся от Черного моря до Тихого океана, тюрки назвали Вечный Эль, как бы утверждая этим свою власть на вечные времена».

Опираясь на военную и политическую силу, каганат пытался усилить влияние на соседей, развивал отношения с великими государствами раннего средневековья: на востоке — с Китайской империей, на западе — с Византийской империей, на юго-западе — с кочевыми племенами Средней Азии. Пограничное положение настраивало каганат на необходимость не только завоевательных походов, но и на ведение искусной дипломатии. В дипломатическую практику тогда вошли регулярные обмены посольствами, подписание политических и торгово-экономических договоров. Активность и

результативность внешней политики обеспечили включение Тюркского каганата в международную систему торговых, экономических, политических и дипломатических отношений. Это, в свою очередь, обусловило новый уровень этнических контактов и культурно-цивилизационного симбиоза. Но главной целью оставалась консолидация конгломерата тюркских народов Евразии и на этой основе усиление экономической, политической и военной мощи государства.

Отмечая результативность в достижении цели, А.Н.Гумилев писал: «Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее Хунну, ибо взял контроль над «дорогой шелка» — караванным путем, по которому китайский шелк тек в Европу в обмен на европейское золото». По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху Принципата, когда были завоеваны Пиренейская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакия, Каппадокия и Мавритания, — или как Англия и Франция в XVIII–XIX вв.».

Имперский характер государства требовал постоянного внимания к совершенствованию военного дела, усилению боеспособности армии. «Победы коктюрков, в результате которых они стали хозяевами половины мира, были не случайными: они создали эффективную систему управления армией». Войско коктюрков состояло из тяжелой и легкой кавалерии. Конница являлась основной ударной силой военных действий, она была приспособлена к действиям и в степи, и в горах. Соответственно ее предназначению воины-кавалеристы были хорошо вооружены. Вместо длинного скифо-сарматского меча у них появляются однолезвийная искривленная сабля, дальнобойные луки с трехлопастными наконечниками на черенке. Копье у конного воина становится более тяжелым, ибо оно предназначалось для того, чтобы вышибать противника из седла. Все эти новые формы вооружения стали необходимы в связи с изобретением стремян, которые делали посадку всадника более устойчивой, позволяли вести рукопашный бой.

Древнехуннско-гуннская традиция культивирования военного дела, воинской отваги получила дальнейшее развитие и была доведена до уровня боевого искусства. К нему тюрки приобщались с детства. Этому они учились в школах воинских и боевых искусств, в которых шла не только физическая и воинская, но и духовная закалка. Тюркское боевое искусство базировалось на философии и мировоззренческой системе ценностей тенгрианства, что помогало тюркам одерживать победу благодаря не столько численному, сколько духовному превосходству.

В литературе до сих пор сохраняется точка зрения, согласно которой Великий Тюркский каганат занимался исключительно ведением войн. Но ни одно государство ни тогда, ни позже не могло веками сохранять свое доминирование только за счет войны. Степень военного могущества каганата и множество победных сражений в ходе военных столкновений с армиями таких великих империй, как Китай, Иран, Византия, Арабский халифат, и многих других государств также во многом определялись уровнем его экономического и культурного развития. Поэтому правильнее говорить о перманентном изменении соотношения между военными и мирными формами, приоритетами и направлениями его развития, часто в пользу первых, т.е. военно-технологических.

Первоначальный имперский импульс, обозначившийся еще в эпоху хуннской державы, по мере роста стремления к расширению территории и освоения новых пространств набирал силу. У гуннов проявления имперской традиции обнаруживаются более четко. В Великом Тюркском каганате уже определенно обозначается преобладание имперских традиций над партикулярными, невоенными устремлениями. Во многом это было связано с трансформацией кочевого образа жизни, уклада хозяйствования и стиля мышления, сутью которой является смена «завоевательно-переселенческой» мировоззренческой установки на философию «завоевания — покорения — подчинения». С ней связаны все наиболее кардинальные перемены в решающих сферах жизнедеятельности. Уже на этом этапе можно говорить не только о синтезе кочевого и оседлого укладов, но и о том, что земледелие, ремесленное производство, ориентированные на рынок, становятся равнозначными традиционным кочевым видам хозяйствования. Важнейшим элементом трансформации кочевнической системы стала революция в духовной сфере.

Создание Великой Тюркской империи было, пожалуй, единственной и безальтернативной формой решения этапной исторической задачи — «собирания разбросанных тюркских камней» и завершения длительного процесса формирования общетюркской цивилизации.

Признаками-критериями развитости этой цивилизации является эффективность управления государством, армией, политическими институтами. Получают развитие и расцвет оригинальные элементы, новые формы и направления материальной и духовной культуры. Многие культурные явления той эпохи приобрели устойчивый характер и превратились в традиции для последующих поколений тюркских народов и государств. Тюркская традиционная культура, сложившаяся тогда как система, включала в себя широкий спектр народных знаний, связанных с практической деятельностью (календарь и счет времени, метрология и система счета); систему космогоничных воззрений и философских взглядов на время, пространство и смысл бытия; совокупность идейно-мировоззренческих установок и религиозных верований, самобытное искусство, отражавшие широту и

полноту духовного мира тюркского сообщества. Ярчайшим свидетельством ее высокого уровня явилось появление и развитие общетюркского языка и древнетюркской рунической письменности, которая стала предпосылкой для сильного культурного рывка общества. Культура и образованность для тюрков постепенно становятся явлением достаточно обычным и привычным.

«Впервые традиции общей письменной цивилизации оказались распространенными на территории, став достоянием не отдельного племени (какими были рунические письменности кочевников до тюрков), а всей империи». Расширилась социальная база письменной культуры и территория ее распространения. «Руническая письменность была распространена и активно использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племен… В сравнении с раннесредневековой Европой можно считать Тюркский каганат страной сплошной грамотности».

Этот вывод имеет исключительное значение для определения роли фактора образованности в формировании культурного облика татарского народа. В его иерархической системе ценностей образованность, просвещенность и цивилизованность всегда имели статус главных, приоритетных.

Материализованными формами тюркской письменности выступают орхоно-енисейские надписи, выполненные на камне, бумаге, строениях и предметах быта. Особый интерес представляют эпитафии, имевшие многожанровый характер и широкую функциональную нагрузку. Специалисты рассматривают их как средство монументальной пропаганды и источники изучения тюркского права; как своеобразное дидактическо-педагогическое наставление-завещание; как сборник идейно-нравственных и духовных ценностей и кодекс морали и этики, а также как памятники общетюркской поэзии. Памятники-эпитафии манифестировали идею вечного божественного эля, т.е. имперскую идею, слитую и неотделимую от истории.

«Записи на орхонских каменных книгах-памятниках мировой культуры VI — VIII вв. поражают величием духа, мощью слова, концентрацией сил древнего космоса, сечи кровавой, гулом битв и сражений предков, призывом к миру и добру, плачем, скорбью по погибшим героям, стремлением к объединению тюркских племен во имя благоденствия народа». Орхоно-енисейский памятник — это открытая книга мудрости, написанная на основе собственно тюркского алфавита, которым пользовались длительное время многие тюркские народы. Это послание создателей древнетюркской империи своим наследникам.

Рождение тюркской историографии как особого направления в системе научных знаний связано с именами двух отцов-основателей древнетюркской исторической школы — Тоньюкука (Апа-Тархан) и Йоллыг-тегина. Это выдающиеся мыслители и самые древние из известных нам тюркских историков. Но в самом факте появления историографии как наиболее высокой формы исторического самосознания, самопознания своей культурно-исторической идентичности необходимо видеть интегрированный признак осознанности единства, сплоченности и величия своего народа, своей цивилизации. Можно определенно сказать, что если длительный исторический процесс становления и внедрения чувства гордости, сопричастности достигнутой славе и величию в сознание, интеллект, память тюрков привели к созданию Великого Тюркского каганата, то его итогом, духовным продуктом — наследием является психологический феномен под названием «великодержавный дух». Под великодержавностью в первозданном смысле этого слова понимается способность к выживанию системы, обеспечивающая ее долговременную перспективу. Жизнеспособность системы в закодированном виде переходит в свойство членов общества, всего народа. «Великодержавный дух — это не что иное, как проекция выживаемости системы на индивидуально и социально-психологический субстрат ее элементов». Великодержавный дух совсем не случайно, но закономерно рожденный в Великой Тюркской империи значительно облегчил структурирование средневековых систем-государств, а затем и всех последующих империй.

Матрица общетюркской цивилизации, созданная в рамках Великого Тюркского каганата, во многом предопределила направленность этнокультурных процессов, типологию, характер и содержание всех последующих форм тюркских обществ и их культур.

Общетюркский цивилизационный дом за 200 лет своего существования подготовил к самостоятельной жизни целое поколение новых «потрясателей Вселенной». Могучий тюркский этнокультурный корень дал крепкие «побеги» в форме десятков каганатов (Уйгурский, Тюргешский, Карлукский, Караханидский, Кимакский и др.), государств и даже империй. Каждый из них имел исторический срок самореализации и формы самопроявления на исторической арене. «Эти государства решительно ни в чем не уступали по своему развитию существовавшим в то же самое время европейским, а то и превосходили их масштабами». Независимо от степени длительности их существования творение каждого из них работало на выполнение единой исторической задачи — обеспечение непрерывности и преемственности развития тюркской цивилизации. Создавая свои государства на стыке двух континентов, они выполняли роль связующего звена между Азией и Европой, Востоком и Западом, Севером и Югом и соединяли, «сплавляли» этнокультурные черты

населяющих их народов. Тем самым они оберегали от опасности взаимопоглощения этих глобальных культурно-исторических систем в процессе их конкуренции и стремления взять реванш.

### *Великая Болгария: наследие Кубрата*

Наибольшее значение с точки зрения формирования татарской субцивилизации имели такие наследники («отростки», «побеги») Тюркской империи, как Великая Болгария и Хазарский каганат. В литературе все больше утверждается традиция изучения истории народов этих государств в ключе органической (этнической и культурной) слитности их исторических судеб. Исторические корни культуры татарского народа набирали силу в синтезе этих этнородственных начал. Причастность болгар и хазар к процессам исторического становления татар неоднократно отмечал Ш.Марджани, один из классиков татарской истории. Газиз Губайдуллин писал: «Территория, на которой были созданы названные государственные образования, впоследствии стала местом обитания татар. И несомненно, что эти две тюркские общности сыграли впоследствии большую роль в формировании татарского народа».

Выход на историческую арену этих новых государственных образований являет собой не только продолжение политической, военной, экономической и этнокультурной истории тюркской цивилизации, но открывает начало качественно нового ее этапа — «этапа варварских государств» (С.Г.Кляшторный), которые в последующем преобразовались в классические типы раннефеодальных государств.

Особенностью содержания этого этапа является резкое ускорение развития всех сторон общественной жизни. Но динамика социально-экономических, политических и этнокультурных процессов задавалась преимущественным господством философии, идеологии и политики культуры войны. Эта тенденция, конечно, носила общемировой характер, но в жизнедеятельности кочевых империй она проступала более выпукло. В зонах, где военные действия имели частый или постоянный характер, процессы культурного синтеза, расового и цивилизационного симбиоза значительно ускорялись.

Отметим при этом, что культура мирного сосуществования, соседствования и взаимодействия, компромиссность и консенсусность как генотипные свойства тюркской цивилизации продолжали оставаться не только философской, мировоззренческой ценностью для тюркского сообщества, но и предпосылкой его самосохранения, саморазвития. Речь идет о таком этапе исторического развития, когда на процессы взаимодействия культуры войны и культуры мира сильное воздействие оказывали новые и весьма противоречивые факторы социально-политического, этнокультурного и особенно геополитического характера. Великая степь от размеренного темпа эволюции, свойственного эпохе древности и в какой-то мере архаичным империям, переходила к состоянию активного освоения, обустройства новых территорий, водно-речных систем, имевших важное торговое экономическое и геостратегическое значение, резко меняла ритмику и методику осуществления цивилизационных перемен, важнейшей и необходимой доминантой которых была военная составляющая.

Основателем Великой Болгарии считается хан Кубрат, который в причерноморских степях путем сочетания мирных — дипломатических и военных операций, уклоняясь от серьезных столкновений, предпринял попытку «собрания народа» (его имя с тюркского трактуется именно так: ты должен собрать народ.

Основной территорией Великой Болгарии стали земли, простиравшиеся от Кубани до Днепра, населенные болгарскими племенами оногуров, частично кутригуров и, по-видимому, древневенгерскими племенами. Столицей Великой Болгарии стал восстановленный после гуннского разгрома древний античный город Фанагория, располагавшийся на Таманском полуострове. Хан Кубрат, выросший при дворе византийского императора, получивший прекрасное образование, знавший многие языки народов Причерноморского региона, был приверженцем объединительной политики. С целью консолидировать тюрок хан Кубрат поддерживал союзнические отношения с Византией, которая, в свою очередь, стремилась использовать болгар как военный и политический противовес аварам. Поэтому поддержка Византии в борьбе болгар с Аварским каганатом за свою независимость была непрочной. Наверное, во многом этим объясняется недолговечность Великой Болгарии. После смерти хана Кубрата в начале 640-х гг. Великая Болгария была поделена между его сыновьями.

К сожалению, великоболгарский этап в отечественной историографии часто описывается лишь как кратковременный эпизод, как незначительное историческое явление. В действительности культура Великой Болгарии была не эпизодом или одним из ярких всполохов переходного от древнего к средневековому историческому времени, а связующим звеном, обеспечившим непрерывность

эволюции тюркской цивилизации, фактором сохранения и распространения ее сущностных черт под этнонимом «болгары» (булгары) в широких геополитических координатах.

Этот период характерен усилением нового государственного объединения — Хазарского каганата, ядром которого становится близкое болгарам тюркоязычное племя хазар, обитавшее после ухода гуннов и авар в западной части Прикаспия от Нижней Волги до реки Сулак. Хазары пытались подчинить своему влиянию все болгарские племена. Старший сын Кубрата хан Батбай, возглавивший приазовскую группу болгар, потерпел в середине VII в. поражение от хазар, стал их данником и вынужден был переселиться южнее к предгорьям Кавказа. Тюркскими потомками древних болгар считаются современные балкарцы.

Западная группа болгар во главе с младшим сыном Кубрата ханом Аспарухом ушла на нижний Дунай, где нанесла поражение войскам византийского императора Константина IV Погоната, который заключил с Аспарухом мир и обязался платить болгарам дань. Так в 681 г. хан Аспарух основал Болгарское государство. Его преемник хан Тервел получил от византийского императора Юстиниана II титул кесаря, а последующие болгарские правители заметно расширили границы царства за счет присоединения к нему бывших аварских земель на левобережье Дуная. Со временем эта группа болгар была ассимилирована славянским населением, однако сохранила этноним в названии государства — Болгария и оставила заметный след в истории болгарской государственности, значительно повлияв на этногенез болгарского народа.

Другая значительная по численности группа болгарских племен в течение последующего столетия перемещалась на север и, пройдя степи нижней Волги, на рубеже IX — X вв. создала свое государство — Волжскую Булгарию. Распространенная ранее в литературе версия о том, что это были болгарские племена во главе с сыном Кубрата Котрагом, в последнее время подвергается серьезному сомнению.

По всей вероятности, конгломерат болгарских племен, состоявший из собственно болгар, савир, барсил, беленджер и др., до обоснования в Волго-Камье рассеялся по обширной территории Хазарского каганата. Там эти племена создали совместно с тюркоязычными хазарами, ираноязычными аланами и другими местными этносами своеобразную земледельческо-кочевую цивилизационную общность, получившую название салтово-маяцкой археологической культуры. Этой культуре принадлежит несколько сотен разнообразных археологических памятников — остатков кочевий, поселений, замков, городов и могильников, датируемых VIII — IX вв. Они расположены на обширной территории от Волги до Дуная, хотя основная часть сконцентрирована по берегам Дона и в Приазовье.

Сложившись в зоне интенсивного цивилизационного взаимодействия многих тюркско-угорских и индоевропейских народов, эта культура представляла собой сочетание кочевой, земледельческой и городской традиций различных регионов Евразии. Известный археолог С.А.Плетнева считает располагавшуюся на славяно-хазарском пограничье салтово-маяцкую культуру «одной из наиболее ярких и высоких культур средневековья».

Закат салтово-маяцкой культуры, очевидно, можно связывать с уходом части составлявших ее племен на запад (в Причерноморье и на Дунай) и на север (в Поволжье), а также с ослаблением Хазарского каганата в результате военных ударов арабов, восточных славян и особенно печенегов.

Волго-болгарский срез культуры, обогативший мировое сообщество уроками как мирно-созидательного, торгово-экономического, так и военно-завоевательного характера, не канул в Лету. Он продолжал оказывать свое воздействие на многие стороны общетюркской цивилизации. И даже через многие столетия он подавал «культурные сигналы», проявлял себя в виде морально-этических норм, традиций и обычаев, вошедших в мифологию, в повседневную практику и духовную жизнь многих народов — исторических наследников и продолжателей болгар, в том числе и татарского народа.

### *Хазарский каганат: ступенька к зрелости*

Значительным явлением в тюркской и общемировой истории стал Хазарский каганат. Но история этого государства часто описывается в качестве фона или контекста истории других народов. Она все еще не вписана в систему общетюркской цивилизации и государственности татарского народа, хотя есть немало признаков-критериев (общность исторического происхождения, языка, образа жизни и т.д.), позволяющих рассматривать Хазарию как важную составляющую тюркской цивилизации и татарской субкультуры.

Хазарский каганат (с VII по X вв.) стал первым раннефеодальным государством на востоке Европы, возникшим к середине VII в. в прикаспийских степях в результате распада Западно-Тюркского каганата. Тюркоязычные хазары — кочевники и скотоводы появились здесь после гуннского «броска» в Европу. По свидетельству сирийского историка Захария Митиленского, на рубеже V — VI вв. в северо-западном Прикаспии обосновалось 13 тюркоязычных племен, среди которых были савиры,

авары, болгары, хазары. Хазары вместе с савирами проявляли себя как заметная военная сила, совершая походы на византийские и иранские владения в Закавказье.

В 560–570-е гг. хазарские племена подпали под влияние Тюркского каганата. Вместе с основными тюркскими группами каганата, заключившего союз с Византией, хазары участвовали в походах на Иран. После ослабления и распада Западно-Тюркского каганата хазары оказались одним из самых крупных и влиятельных племен Северного Кавказа, создав новый союз племен — Хазарский каганат. Власть в каганате сохранила в своих руках тюркская (тюркютская) династия Ашина. Во второй половине VII в. хазары, воспользовавшись разделением Великой Болгарии между сыновьями хана Кубрата, подчинили себе часть болгарских племен. В составе Хазарского каганата оказались также савиры, барсилы, беленджеры, аланы и другие местные племена.

В конце VII — начале VIII в. хазары смогли подчинить себе близлежащие восточнославянские племена и обложили их данью. В результате военного противостояния с Византийской империей на рубеже VII–VIII вв. хазары овладели Таманским полуостровом, Боспором, большей частью Крымского полуострова, за исключением Херсонеса. Во времена наивысшего расцвета в начале VIII в. Хазарский каганат включал в себя обширные территории Северного Кавказа, все Приазовье, большую часть Крыма, контролировал степные и лесостепные просторы вплоть до Днепра. Несмотря на усиление хазарского присутствия в Причерноморье, встревоженная арабскими походами Византия устанавливает с Хазарией союзные отношения.

VII — VIII вв. были периодом взрывоподобной экспансии арабской цивилизации, создавшей огромную империю — Арабский халифат, простиравшийся от реки Инд в Азии до Пиренейских гор в Европе. Уже в ходе первых военных кампаний арабы теснят могущественные державы того времени — Византийскую империю и Сасанидский Иран, ослабленные внутренними противоречиями и извечной взаимной борьбой. В середине VII в. завершилось арабское завоевание Ирана, а в начале VIII в. в состав арабского государства вошли Закавказье и часть Средней Азии. Центром процветающего халифата стал Багдад.

Хазары совершили несколько походов в контролируемые арабами земли Закавказья. В ответ арабы в 735 г., преодолев Кавказские горы, нанесли поражение хазарам. Хазарский каган и его окружение восприняли от арабов ислам, который затем распространили среди части населения каганата. Это результат арабского цивилизационного влияния, проникновения в страну арабских проповедников и мусульманских купцов.

После арабских походов центр каганата перемещается на север. Столицей каганата сначала был древний город Семендер в Северо-Кавказском Прикаспии, а затем город Итиль на Нижней Волге (неподалеку от современной Астрахани). Город располагался на обоих берегах Волги и на небольшом острове, где расположилась резиденция кагана. Он был обнесен стенами и имел хорошую систему укреплений. В восточной части города (Хазаран) располагался ремесленно-торговый центр с крупными ярмарочными площадями, караван-сараями, мастерскими, а западную населяли чиновная и военная аристократия, здесь же располагались административные здания и ханский дворец.

Население столицы, как и всего каганата, было пестрым в этническом отношении: кроме хазар здесь жили болгары и аланы, тюрки и славяне, арабы и хорезмийцы, евреи и византийцы. Многие приезжие купцы задерживались в Хазарии подолгу. Мусульмане имели мечети, христиане — церкви, иудеи — синагоги, а язычники — языческие храмы и места молений. По свидетельству современников, в городе насчитывалось не менее 30 мечетей, приходских училищ и школ. Жилые постройки состояли из деревянных домов или шатров, войлочных юрт и полуземлянок. Итиль просуществовал до 965 г., когда был разрушен киевским князем Святославом Игоревичем.

Крупнейшим городом Хазарии был город Саркел (от хазарского «белый дом»), построенный в IX в. на пересечении нескольких торговых караванных путей с водным. В 834 г. византийский император Феофил по просьбе хазарского кагана направил на Дон архитектора для строительства каменной крепости, которая и была возведена местными мастерами. Крепость защищала расположенный по соседству торговый город и была отделена от него рвом. На внутренней территории крепости, имевшей толстые кирпичные стены и башни, располагалась цитадель с двумя сторожевыми башнями.

Саркел быстро рос и вскоре превратился в крупнейший город Приазовья с разноязычным населением, заметную часть которого составляли болгары. Впоследствии город был сильно разрушен дружинниками князя Святослава, но просуществовал как южная русская твердыня под названием Белая Вежа вплоть до середины XII в.

Основным хозяйственным занятием населения Хазарии оставалось полукочевое скотоводство, но активно развивались земледелие, садоводство и виноградарство. Многие зерновые, огородные и садовые культуры пришли к земледельцам Хазарского каганата из Центральной и Средней Азии, с Ближнего Востока, из Южной и Центральной Европы. Близость Каспийского и Азовского морей, Волги, Дона и других рек сделала для населения Хазарии привычным рыболовство. Летом многие скотоводы отправлялись на временные кочевья, зимой жили в поселениях и городах. Стремительно

развивалось ремесло, которое перенимало наиболее прогрессивные технические приемы и технологии различных цивилизаций и народов.

Особое значение в формировании Хазарского каганата и расширении его международных связей играла торговля. Каганат оказался на пересечении традиционных торговых путей с востока на запад (Великий шелковый путь) и из Балтики в Каспийское и Черное моря (Великий волжский путь). С севера шли меха, скот, мед и воск, белужий клей, с юга везли арабскую сталь, ювелирные изделия, с востока — шелк, пряности, драгоценные камни, с запада — оружие, изделия из металла, ткани. Каганат был транзитным маршрутом в торговле невольниками, однако рабовладение не получило здесь заметного распространения и по своему типу было близко к патриархальному рабству.

Хазария, оказавшись в зоне геополитической конкуренции крупнейших империй и цивилизаций (Византия, Арабский халифат), втягивалась не только в их военное соперничество и политику, но и стала ареной культурно-религиозного противоборства. В связи с такой ролью Хазарского каганата в Прикаспийско-Причерноморском регионе вопрос о государственной религии приобретал ключевое значение. Изначально язычники — болгары и хазары подвергались влиянию арабов-мусульман, а византийцы внедряли христианство, создав в VIII в. на территории каганата митрополию с семью местными епархиями. Почти одновременно с принятием ислама часть хазар Северного Дагестана стала исповедовать иудаизм, который принесли на Кавказ евреи, изгнанные сначала из Сасанидского Ирана, а затем из Византии.

Хазары проявляли значительную веротерпимость, о чем свидетельствовали многие современники. Вероятно, поэтому попытки объявить одну из религий государственной не встречали сопротивления в обществе. Так произошло, когда на рубеже VIII—IX вв. каган Обадия сместил прежнюю тюркскую династию и объявил иудаизм государственной религией. Окружение кагана приняло иудаизм, а большая часть населения продолжала исповедовать язычество, ислам и христианство. В среде местных феодалов произошел раскол: хазарские князья — противники нового кагана решили опереться на помощь венгров, кочевавших в это время за Волгой, а Обадия нанял тюркские отряды печенегов и гузов (огузов). Началась междоусобная борьба, в результате которой проигравшие ушли на Дунай, а кто-то из них, вполне вероятно, откочевал в Среднее Поволжье.

В конце IX в. берега Дона и причерноморские степи заполняют новые тюркские кочевники — печенеги, серьезно затруднявшие хазарскую внешнюю торговлю. Еще более опасную угрозу для гегемонии Хазарского каганата и хазарской торговли представляла Киевская Русь, которая также стремилась поставить под свой контроль транзитную торговлю востока Европы: Великий шелковый путь и балто-черноморско-каспийский путь. В результате многочисленных русских походов были ослаблены основные жизнеобеспечивающие центры — города Итиль, Семендер и Саркел. Восстановить каганат оказалось невозможным. Племена и народы каганата переселились либо ассимилировались другими этносами, главным образом с печенегами, а затем с половцами. Этноним «хазары» некоторое время еще бытовал в Крыму, который итальянские источники продолжали именовать Хазарией вплоть до XVI в. По всей вероятности, дальними потомками хазар можно считать небольшой тюркоязычный народ караимы, исповедующий караимистскую версию иудаизма, проживавший в Крыму в средние века и частично переселившийся в XIV в. в Польшу, Литву и на Украину.

### *Тюркский цивилизационный узор: богатство и яркость красок*

В историческом процессе формирования и развития древнетюркской государственности и культуры участвовали многие тюркоязычные племена. Важную роль в этом процессе играли печенеги, объединенные в мощный союз племен.

Печенеги кочевали в VIII–IX вв. между Аральским морем, реками Яиком и Волгой и контролировали территорию, где проживали ираноязычные сарматские, угро-финские и другие племена. Столкнувшись с давлением хазар, огузов и половцев (кипчаков), печенеги двинулись на запад. Одной из причин, побудивших двинуться на восток Европы сначала печенегов, а затем огузов и половцев, явилась почти вековая засуха, которая резко сократила площади, пригодные для кочевья в Приаралье и Закаспии. В IX в. печенеги переправились через Волгу и расселились в Северном Причерноморье, контролируя обширную степную полосу от Дона до Дуная и воюя практически со всеми ближними соседями: хазарами, мадьярами, с Русью и Византией.

Византия нередко прибегала к военной помощи печенегов для ослабления Древней Руси. Так, в 972 г. печенеги встретили у днепровских порогов дружину Святослава Игоревича, которая возвращалась из Византии, и разбили ее.

Ожесточенная война продолжалась и при князе Владимире Святославовиче, который для защиты южных рубежей Руси создал несколько укрепленных линий, заключил против печенегов союз с огузами и сблизился с Византией. В 1036 г. Ярослав Мудрый разгромил печенегов вблизи Киева, после

чего печенежское военное объединение распалось. Довершили дело огузы-торки, а позднее половцы, которые вытеснили печенегов в середине XI в. к Карпатам и Дунаю. Группы печенегов постепенно растворились среди окрестного населения, а основная их часть слилась с половцами (куманами). Есть основания отдаленными потомками болгар считать печенегов, огузов и половцев, поселившихся и живших на Дунае, тюркоязычный народ гагаузов.

Гагаузы в XIII в. приняли христианство и во времена поздней Османской империи (конец XVIII — XIX вв.) переселились в Бессарабию. Ныне они образовали Гагаузскую республику в составе Молдовы.

Племена огузов упоминались в орхоно-енисейских надписях VIII в. под названием токуз-огуз (дословно — девять родов). Впоследствии они вошли в состав Тюркского и Уйгурского каганатов, где в процессе складывания уйгурского этноса название токуз-огуз сменяется этнонимом «уйгур». В IX — XI вв. под названием огуз образовывается тюркский союз племен Приаралья и Прикаспия с центром в городе Янгикенте в низовьях Сырдарьи. В X в. западные огузы (гузы, узы, торки) появились на востоке Европы, другая их часть двинулась в Среднюю Азию. Западные огузы-торки воевали с Хазарским каганатом, печенегами, совершили неудачный поход на Византию и в начале XI в. кочевали в степях Причерноморья.

Огузы-торки часто выступали союзниками киевских князей. Летопись впервые упоминает торков в 985 г., когда они участвовали в походе князя Владимира против волжских болгар. Позднее они участвовали в междоусобных войнах русских князей, воевали с половцами. Часть торков, поселенная сыновьями Ярослава по рекам Рось и Торч (город Торческ), со временем ославянилась, а оставшиеся в степях были ассимилированы половцами. Упоминаемое с конца XI — XII вв. племенное объединение «черных клобуков» также состояло из остатков тюркских племен — печенегов, торков, берендеев. Оно защищало южные рубежи Киевской Руси и использовалось конкурирующими в борьбе за власть русскими князьями в качестве военной поддержки.

Постепенно торки переходили к оседлому образу жизни. В XII в. киевский князь формально был «верховным сюзереном черных клобуков». Интересно отметить, что этноним «черные клобуки» перекликается с самоназванием каракалпаков — современного тюркского этноса, живущего в Каракалпакстане в составе Республики Узбекистан. Огузы Средней Азии, возглавляемые сельджуками, подчинили Хорезм, Иран, Азербайджан, двинулись в Переднюю Азию и на Ближний Восток, создав к концу XI в. огромное Государство сельджукидов. В XI—XIII вв. этноним «огуз» вытесняется в Средней Азии этнонимом «туркмен», а на Ближнем Востоке — этнонимом «тюрк». Огузы сыграли заметную роль в этногенезе современных туркмен, азербайджанцев и турок.

В XI в. народы Восточной Европы и Средней Азии становятся свидетелями следующей после великого гуннского переселения волны миграции кочевых народов, вызванной движением нового сильного союза тюркских кочевых племен, именуемых кипчаками, половцами или куманами. Термином «кипчаки» пользовались на востоке, половцами называли эти племена славяне, а куманами чаще всего их именовали в Европе. Кипчаки в VIII в. входили в состав так называемого Кимакского каганата, существовавшего в Западной Сибири, и были западной группой этого племенного союза. После обособления кипчаки заняли территорию Северо-Западного Казахстана и в X в. граничили на востоке с кимаками, на западе — с хазарами, на юге — с огузами. Уже в середине X в. кипчаки, вслед за огузами-торками, переправились через Волгу и широкой волной распространились по степям Восточной Европы, подчинив себе основную часть остававшихся там печенегов и торков-огузов. Огромная территория, контролировавшаяся кипчаками в XI–XIII вв., получила на востоке название Дешт-и-Кипчак (от персидского «степь кипчакская»), ее границы простирались от Иртыша до Дуная.

Исследователь М.Аджи полагает, что северная граница Дешт-и-Кипчака проходила по Москва-реке, где тюрки граничили с угро-финнами, и выводит топонимический ряд подмосковных названий: Коломенское — от «коллома» (охранение), Капотня — от «высокого поселения» («высокой травы»), Кунцево — от «пристанища» («заезжего двора»). Дешт-и-Кипчак условно делилось на западную и восточную часть, границами которых служили Урал и река Яик.

Западная часть кипчакских степей получила в русских летописях название Половецкая земля.

Основой хозяйства кыпчаков оставалось кочевое скотоводство, но под влиянием народов захваченных земель часть кыпчаков переходила к оседлому образу жизни, земледелию, ремеслу и торговле. Значительную роль играла военная аристократия, стремившаяся к расширению власти и пополнению богатств. Большая часть половцев оставалась язычниками. Господствующей религией, очевидно, был сохранявшийся у кипчаков с давних времен шаманизм. Половецкими археологическими памятниками причерноморских степей принято считать курганные погребения, на которых обычно устанавливались «каменные бабы» — изваяния человеческих фигур высотой от полутора до трех с половиной метров, имеющие ранние аналоги у скифо-сарматских и тюркских народов. Сохранившиеся в южнорусских степях изваяния позволяют представить детали костюма и вооружения половцев. Общественный строй половцев находился на стадии формирования раннефеодальных отношений.

Несмотря на обширность контролируемых кыпчаками территорий, государства, как оформленного политического института, у них не было. Отдельные племенные союзы, возглавлявшиеся ханами-князьями, составляли не более чем конгломерат. Но, расположившись на стратегически важных геополитических и торговых перекрестках, соединявших страны, культуры и цивилизации Востока и Европы, они сыграли важную роль в судьбе многих народов Евразии, особенно русского и татарского. Кипчакский фермент придал многоцветью тюркской цивилизации яркость и силу.

Таким образом, Великая степь к началу средневековья была не только заряжена энергетикой многоэтнического потока евразийских народов, но и превращалась в арену уникального исторического творчества и культурно-цивилизационного конкурентного соперничества. Уже в I тыс. н.э. происходит быстрое изменение этнического состава исторических акторов, среди которых преобладание тюркоязычных племен становилось все более заметным. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации подвигало их на создание разнообразных форм государственности — от родоплеменных объединений до «архаических империй» и «варварских государств», трансформировавшихся в «раннефеодальные державы». «Тюркская речь, — отмечает М.Аджи, — заглушала на Европейском континенте любую другую. Тюрки были самым многочисленным народом мира… Вот, пожалуй, главный итог Великого переселения народов! Один народ дал жизнь десяткам других народов».

Важнейшим культурным итогом древнетюркской эпохи является завершение процесса формирования этногенетической основы — матрицы тюркской цивилизации. Ее достижения проявлялись на многих направлениях прогресса: переход от кочевого образа жизни к оседлой городской жизни; эволюция социальной структуры общества; возникновение классовых образований, древних форм рынка и частной собственности; освоение передовых технологий во многих сферах экономики и градостроительства. Важнейшим достижением явилась революция в духовной сфере: создание письменности, литературы и искусства, приобщение к великим религиям — буддизму, манихейству, христианству, исламу.

Все выше отмеченное — далеко не полный перечень достижений древнетюркской цивилизации, обеспечивших исторический прорыв тюркского сообщества от архаичного к раннефеодальному времени.

Каковы были идейно-философские мотивы, устремления и ценностные ориентиры, которые способствовали появлению и историческому взлету тюркского цивилизационного мира? Каковы духовные скрепы, на длительное время обеспечившие цельность и историческую мощь тюркского фактора в мировой истории? Чем объясняется феномен масштабности, длительности и незавершенности процесса воздействия тюркского «социального эха» на умонастроение, эмоциональный настрой и психологию людей, народов? В чем секрет «вмонтированности» «тюркости» в историческую память, характер и национальное самосознание народов, в том числе татар, на уровне ментальной заданности?

В постановке такого рода вопросов нет претензии на завышение оценки роли тюркского, а стало быть, и татарского, фактора. Никому не подвластно ни произвольное возвышение народов на пьедестал славы, ни их «сбрасывание» с достигнутых вершин. Мы лишь подводим к мысли о том, что тюркский культурный материал не бесполезный шлак и отработанный исторический ресурс, а сохраняющийся и вводимый в оборот потребностями времени резерв развития современного мира. Ведь тюркское наследие (тюркское цивилизационное «родимое пятно») обозначается, актуализируется в наше время не только в связи с явлениями негативистского характера — фундаментализмом, экстремизмом, терроризмом. Человечество все больше вынуждено признавать, что вновь настает момент смены исторических ролей народов, континентов, цивилизаций. И сигналы-новации, идущие из Евразии, из исторической прародины тюрков — Азии (Востока), будут определять его облик в третьем тысячелетии.

Формулировка полновесных и тем более законченных ответов на вышеозначенный ряд вопросов не входит в круг задач данного исследования. Но важна сама постановка и введение их в контекст вызовов нового исторического времени.

Включаясь в аналитический процесс осмысления тюркского феномена в нашем концептуально-исследовательском ракурсе, считаем важным акцентировать внимание на следующих моментах.

Тюркский «узор» на полотне общемировой истории начал обозначаться в период разложения родового строя и зарождения раннегосударственной организации человеческого сообщества, когда патриархальные коллективы, объединяясь в крупные военно-политические союзы, начали создавать идеологическое подкрепление важности единства и могущества. Первоначальные формы идеологем были просты, но уже тогда эффективны. Создание генеалогических легенд, мифов, сказаний, в том числе надгробных памятников, было направлено на утверждение идей общности тюркских корней, легитимности и непрерывности (а стало быть, и историчности) тюркской реальной и мистической родословной. Такая духовная практика уже в более глубоко идеолого-исторически оформленном, чем в

хуннское, время — в эпоху тюркских каганатов получила особое развитие. Так, в VI в. в Великом Тюркском каганате военно-административная система «десяти племен» («десяти стрел»), представлявшая собой традиционную для кочевых евразийских империй десятичную организацию войска, была идеологически обоснована этногенетическим мифом о десяти сыновьях волчицы и гуннского юноши из рода Ашины, ставших основателями десяти тюркских племен.

На этапе раннего средневековья на базе хуннско-гуннского традиционализма возникают новые, более эффективные, варианты тюркской этногенетической мифологии. Так, вхождение в состав Волжской Булгарии юго-западных соседей — буртасов получило идеологическое оформление в создании соответствующей мифологической родословной братьев Булгара и Буртаса, отец которых Алып, наряду со своими братьями Тюрком и Гази, считался сыном Яфеса (Яфета), рожденного Нуком (Ноем).

Тот факт, что фольклорные версии генеалогических мифов сохранились в татарском национальном самосознании, является свидетельством изящности и эффективности философской и идеологической оформленности бытия и исторического действия тюркского цивилизационного мира.

В ценностной системе тюркского мира приоритетное место занимала этическая норма уважения старших, культ предков. Взывая к кровно-родственной солидарности и взаимопомощи, она цементировала союзнические межплеменные и родственные общинные отношения. Культ предков соединял поколения во времени и пространстве, обеспечивал непрерывность нити истории тюрков, позволял конституировать весьма важную сторону общественного единства — социально-политическую вертикаль — отношения как между поколениями, так и между «верхами» и «низами».

Еще одним ключевым элементом тюркской мифологии, предназначенной для формирования представления о величии, вечности, естественности и божественности исторической миссии тюрков, является идея космогонического функционирования тюркского государства (власти каганов). В таком контексте цели и смысл деятельности государства приобретали глобальное, общечеловеческое знание, поскольку они становились продолжением космогонического акта и установления такого порядка во Вселенной, в котором тюрки занимали центральное положение. Такой по сути эгоцентричный взгляд на себя и на окружающий мир способствовал мобилизации тюркского общества на совершение как завоевательных подходов, так и озарительных технологических, интеллектуальных и духовных проектов.

Весьма возможно, что именно из понимания величия своей исторической ответственности вытекала установка на укрепление единства, толерантности, межэтнического и межцивилизационного диалога, на поиск баланса между стремлением к сохранению этнокультурной, территориальной, хозяйственной автономности, самостоятельности и потребности в развитии контактов с внешним миром, между культурой мира и культурой войны.

Таким образом, в рамках древности и раннего средневековья сложился набор базовых элементов тюркской цивилизационно-ценностной системы, который вошел в культурно-историческое самосознание татарского народа «неким архетипом, придающим понятию «тюрки» значение самотождественной (то есть изначально не выводимой из тождества с другими и не сводимой к такому тождеству) самоценной мировой единицы, наделенной исходным природным качеством внутренней целостности и ориентированной на самореализацию и самоутверждение во внешнем мире».

*Привет, тебе, Булгар, большой славы город, прославившийся своей культурой на всю*
*Европу город.*
*Из «Баитов города Булгар»*

В таком баитном зачине (начале) булгарского раздела книги есть свой смысл. Во-первых, баиты — это одна из универсальных по жанровой емкости национальных форм народного творчества, в которых на уровне коллективного самосознания оцениваются наиболее значимые, в основном трагические для судеб народа, исторические события. Ценность баитов как специфических исторических источников состоит в том, что они, как правило, «создавались или во время события, которое они запечатлевали, или же вскоре после него». В данном случае обобщенное в баитной форме прославление Булгара не

личностная, субъективная исследовательская оценка, данная через временное расстояние, а образное представление значимости творителей булгарской цивилизации. Во-вторых, в такой форме коллективного определения Булгара проявляется высокая оценка роли фактора знания, образованности и культуры в жизни народа. «При этом, — как резонно замечает Ф.И.Урманчеев, — речь идет, по всей вероятности, не только о столице, но и стране в целом, что подтверждается и достоверными историческими данными (т.е. дальнейшими строками баита. — *Авт.*): «Твои славные дети взялись за свои книги, неграмотность, необразованность отбросили прочь».

Таким образом, баитное предисловие к истории Волжской Булгарии подводит к мысли о том, что сохранение традиционной для тюрков приоритетности духовности, просвещенности в системе ценностей являлось важнейшей особенностью и предпосылкой пассионарного взлета булгарской цивилизации. В-третьих, в том же баите мы находим определение масштабности и значимости постигшей народ потери — разрушение Булгара через объемное, вселенского характера понятие — «гибельное потрясение». Если при этом иметь в виду, что появление баитов как лиро-эпического жанра татарского народного творчества относится и связано с образованием Волжской Булгарии, становятся понятными мотивы появления «Баитов города Булгары», и степень горечи, и трагического восприятия булгарской катастрофы.

В середине первого тысячелетия нашей эры обширная территория Волго-Уралья находилась в орбите бурных этнополитических процессов эпохи «Великого переселения народов», развивавшихся на просторах степей Евразии. Однако в это время в Среднее Поволжье проникают новые этнические группы, главным образом с запада и, видимо, юго-востока. Они активно взаимодействуют с местными финно-угорскими и тюркскими племенами, создавая предпосылки для становления новых вариаций локальных культур, что известно по археологическим памятникам.

Качественно новый этап в цивилизационном развитии региона был связан с появлением в Волго-Камье булгарских племен.

На основе анализа источников и литературы вырисовывается следующая картина расселения булгарских племен: *савиры* поселились на левом берегу Волги, в бассейне рек Майна и Утка. В X в. они построили город Сувар, который был расположен недалеко от современного села Кузнечиха Спасского района Татарстана. К северу от савир расселились *булгары.* Они заняли территорию между реками Утка и Бездна, а в конце IX — начале X в. построили город Великие Булгары, который находился на окраине современного города Болгары Спасского района Татарстана.

К северу от булгар обосновались *эсегелы.* Их территория простиралась до места впадения Камы в Волгу. Центром племени, возможно, был город Ошель (Ашлы). Он располагался на правом берегу Волги, недалеко от современного села Богдашкино Тетюшского района Татарстана.

К востоку от булгар, в бассейне реки Малый Черемшан, расселились *барсилы.* Центром племен был город Биляр. В районе верхнего и среднего течения реки Большой Черемшан обосновались *баранджары.* Переселившиеся племена занимали первоначально небольшую территорию Среднего Поволжья. На юге граница проходила по реке Большой Черемшан, на севере — по Каме, на востоке — по реке Шешме, на западе — по Свияге.

В XI — XII вв. граница Волжской Булгарии продвинулась на север от Камы и на запад от Волги. На севере булгары освоили территорию между реками Кама и Казанка, а также в южной части рек Иж, Тойма и Вятка. На севере Волжская Булгария граничила с Вятской землей. Но граница была неопределенной. Малочисленное население проживало в редких поселениях, расположенных вдоль крупных рек. Недалеко от них булгары строили свои торговые фактории — центры торговли с местным населением.

На западе граница Волжской Булгарии проходила по реке Суре. Здесь она граничила с племенами мордвы. На юге к Волжской Булгарии относился район Самарской луки. Граница Волжской Булгарии на востоке проходила по реке Белой. Расселившиеся в Среднем Поволжье болгары имели опыт создания и развития государственности и культурных ценностей, приобретенный в Великой Болгарии и Хазарском каганате, а также навыки разнообразной хозяйственной деятельности. Их приход стимулировал ускоренное развитие всех сторон жизни многоплеменного и пестрого в этноконфессиональном отношении населения края.

Таким образом, на перекрестке континентов, культурно-исторических систем, религиозных и мировоззренческих потоков в стратегически важном, удобном и выгодном в геополитическом и природно-климатическом плане евразийском ареале сложилась и получила развитие уникальная цивилизация Волжской Булгарии.

Булгарская проблематика стала предметом междисциплинарного и интернационального интереса уже в момент становления основ этой локальной субцивилизации. Краткие сведения о том времени отражены у восточных авторов X в. — ал-Балхи, Гардизи, Ибн Русте, персидского анонима Худуд ал-алама и др. Наиболее полным источником с твердой хронологической и географической привязкой является описание ранней Волжской Булгарии Ахмедом ибн Фадланом от 922 г.

Исследовательская мысль к булгарской тематике неизменно возвращалась и в последующем. Одна из крупных временных «волн интереса» к тюрко-булгаро-татарской проблеме относится к XVIII в. Она была связана с потребностями модернизации Российского государства. Не случайно, что «булгаристами» стали отцы-основатели официальной русской исторической школы. Так, известный историк и крупный государственный деятель В.Н.Татищев впервые обосновал необходимость и важность изучения истории «малых народов России». Он дает характеристику истории Волжской Булгарии, причем значительное место уделяет характеристике ее культуры, экономики и торговли. Он пишет о булгарах, что это «народ был ремесленный и купечеством во всей стране главный… народ в хитростях, руководителях и купечестве весьма преизячествовал». Особое значение придавал В.Н.Татищев раскрытию связей Волжской Булгарии с Русью, причем не только политических, но и культурных, межконфессиональных и экономических. Предпринимая сравнительное описание образов жизни — русского и булгарского, он одновременно определяет главное занятие, которое укрепляло базу общности двух народов. Таким занятием он считает торговлю. Торговое сотрудничество булгар обеспечивалось, по мнению пионера российской истории, «посредством судоходных рек с Севером России». «Россию во времена недородов житами довольствовали, и более в ремеслах и купечестве прилежали».

О высоком уровне развития у булгар ремесел, в том числе кожевенного, пишет еще один представитель этой школы М.М.Чулков в своем крупном экономическом труде «Историческое описание Российской коммерции». Более тысячи лет волжские булгары «особливо с великим искусством и превосходством против других, выделывали кожи, поэтому многие называют юфть искусной выделки «аль-булгари», или «товар булгарский».

Достижением дворянской историографии начала XIX в. стали труды Н.М.Карамзина. В «Историю государства Российского» включено описание истории волжских булгар, где автор подчеркивает, что булгары — народ, занимающийся разносторонней торговлей, имеющей развитую экономику.

Булгарский этап истории татарского народа и сегодня остается в поле активного исследовательского интереса. Крупным вкладом в булгароведение является изданный недавно второй том «Истории татар». Актуализация булгарской проблематики вызвана множеством причин, но прежде всего тем, что в рамках сравнительно небольшого исторического времени существования Волжской Булгарии сконцентрирован огромный опыт созидательной, преобразовательной деятельности, опыт интеллектуального прорыва, культурно-цивилизационного скачка в иное историческое время, на более высокий уровень социального прогресса в целом. Воистину это редкий в мировой истории пример, когда в ходе одного исторического периода удалось решить множество проблем фундаментального порядка:

— обеспечить сравнительно мирный переход от примитивной языческой проторелигии — тенгрианства к исламу, которому было суждено стать одной из движущих интеллектуальных сил человечества;

— видоизменить стиль мышления, уклад и образ жизни всего этнического сообщества;

— осуществить переворот в социально-политической, торговой, культурной, экономической, военной сферах;

— сформировать общество, в котором приоритетами были не только военная доблесть и мужество в боях, но в той же мере уважались, культивировались, воспитывались и поощрялись ценности трудовой этики, духовности, толерантности, этноконфессионального согласия и взаимодействия.

Однако в практике изучения булгарской проблематики были и остаются оценочные крайности — от замалчивания или принижения значимости булгар до «дележки» булгарского наследия между многими тюркскими народами.

Проявлением еще одной крайности является то, что она остается «вещью в себе» и не помещена в общемировой контекст. Не ставятся вопросы и такого, например, порядка: в какой мере булгары обогатили человечество или что оно могло потерять без них? Случайно или закономерно их появление? Постановка подобных вопросов и поиск ответов на них вводят задачу осмысления, познания Булгара в контекст глобального процесса «возвращения к историческим корням».

Булгарский цивилизационный феномен не случайный «всплеск» пассионарной этноэнергетики, который мог возникнуть, а мог и не появиться. Исторические явления такого порядка никогда не бывают продуктами случайного или стихийного характера. Основу становления, усиления могущества и расцвета булгарской цивилизации составляет совокупность исходных предпосылок. Во-первых, пришедшие в Среднее Поволжье булгары, этноним которых и дал название государству, имели длительные традиции государственности, восходящие еще к хуннской эпохе. Во-вторых, возникновение и развитие Волжской Булгарии совпало по времени с крупнейшими социально-экономическими переменами в той части Евразийского континента, которая, в отличие от уже сформировавшихся регионально-модернизационных центров, оставалась еще в стороне от воздействия интенсивно развивавшихся преобразовательных процессов, протекавших в Азии и Европе.

Формирование булгарской цивилизации отвечало потребностям не только «пробуждения» Волго-Уральского региона, но и решению задач более широкого — общемирового плана. Речь идет о назревшей исторической задаче перехода от эпизодических, нестабильных форм связей между Европой и Азией к системному и всестороннему их диалогу и сотрудничеству. Волго-Уральскому региону через развитие Волжской Булгарии предстояло превратиться в надежный геополитический, геоэкономический и геостратегический «мост» встреч и обмена достижениями двух крупнейших культурно-исторических систем — Европы (Запада) и Азии (Востока). В процессе решения этой исторической задачи уже «в конце IX в. традиционная история Поволжья как периферии цивилизации была сломана и создалась совершенно новая политическая и культурно-историческая ситуация. Возникло государство, образовалась целая сеть городских поселений, стали регулярными торговые связи со странами Европы и Азии, ислам стал государственной религией. Иными словами, Среднее Поволжье стало неотъемлемой частью культурной ойкумены».

Булгарский цивилизационный феномен — это вовсе не «местечковое» явление, не имевшее существенного влияния на дальнейший ход общемировых процессов. От того, что такая позиция в его оценке еще сохраняется и «выплескивается» с волнами европоцентристских или иных этноцентристских эмоций, оценка исторических фактов не страдает, как известно, факты — упрямая вещь. Базируясь на этих «упрямых» фактах, сформулируем лишь положение о том, что расцвет могущества Волжской Булгарии не просто совпал с бурными общемировыми процессами средневекового цивилизационного пробуждения. Сам булгарский феномен вызвал к жизни многие социально-экономические и культурные новации. «Связав» две суперцивилизации Евразии (Европу и Азию), он ускорил темпы исторического развития человечества. Не случайно то, «что именно этот период истории у многих народов наполнен бурными процессами сложения средневекового общества: возникают и расцветают города, появляется письменность, утверждаются мировые религии и устанавливаются обширные торговые связи. Никогда еще мир не был связан так крепко торговыми путями, как в IX — X вв., когда в регулярный товарообмен были втянуты практически все народы — от Англии на западе до Китая на востоке и от Прикамья на севере и до Индии на юге». Отсюда можно сделать вывод о том, что булгарская субцивилизация по своей значимости и степени воздействия на внешний мир явилась стратегическим ресурсом в решении исторических задач эпохи средневековья.

Вот почему булгарский срез истории, вобравший в себя опыт создания наиболее рациональных моделей системных перемен, социальной трансформации общества древнего мира в эпоху средневековья, особенно востребован, актуален в условиях глобального перехода человечества от индустриальной к постиндустриальной цивилизации. Для трансформирующейся России он имеет особое значение. Для современного Татарстана булгарское наследие — мобилизующий образец решения новых, все более усложняющихся по характеру и масштабности, современных задач.

История Волжско-Камской Булгарии — первого раннефеодального государства на территории современного Татарстана подразделяется на *раннебулгарский* (VIII — начало X вв.), *булгарский домонгольский* (X — первая треть XIII вв.), *булгарский золотоордынский* (XIII–XIV вв.) периоды.

*Раннебулгарский период* был связан с появлением в Поволжье булгарских племен. Основными источниками их изучения являются археологические памятники, оставленные булгарскими племенами, и в первую очередь могильники — Больше-Танкеевский в Тетюшском районе и Кайбельский в Ульяновской области. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что в культуре булгарских племен много европеоидного «материала», но определяющими являются восточноазиатские элементы. Об этом свидетельствуют хозяйственный уклад и образ жизни раннебулгарских племен, нормы и традиции быта, отправления религиозных ритуалов.

Своих умерших соплеменников они хоронили, как правило, в глубоких ямах. Захоронения обкладывали костями лошадей, собак и других домашних животных, орудиями труда (железными ножами, иглами, глиняными пряслицами), оружием, украшениями (бусами, бисером, бронзовыми и серебряными нагрудными и поясными подвесками, накладками на ремни, браслетами, серебряными, реже золотыми серьгами и серебряными перстнями с сердоликом и цветным стеклом).

Обязательными элементами сопровождения в загробный мир были предметы быта — деревянные чаши, окованные медными и серебряными пластинами, костяными и бронзовыми пуговицами, бронзовыми зеркалами, а также керамические горшки и сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге. Погребальный обряд, большинство предметов и особенно керамика могильников раннебулгарского периода представляют собой один из самых северных вариантов средневековой салтово-маяцкой археологической культуры, созданной еще болгарами, аланами, савирами и другими тюркоязычными племенами во времена Хазарского каганата. Памятники Танкеевского и других могильников скорее всего принадлежат присоединившимся к булгарам тюркоязычным *эсегелам,* обитавшим ранее в Верхнем Прикамье и Вятско-Камском междуречье.

Результаты исследований убеждают в том, что различные группы раннебулгарского населения имели четко выраженные антропологические отличия. Так, большинство захороненных в Танкеевском

и Тетюшском могильниках были людьми с явно выраженными европеоидными чертами, в отличие от погребенных на Больше-Тарханском и Кайбельском кладбищах.

На ранних этапах булгарской истории прослеживается серьезная конкуренция местных племен за местообитание и источники жизнедеятельности, поэтому важным содержательным материалом раннебулгарского периода стала достаточно длительная борьба эсегелов с угро-венгерскими кочевыми племенами, располагавшимися в VIII–IX вв. в левобережье Волги и Прикамье. Это противоборство (военное, экономическое и культурное) завершилось в связи с уходом венгров на юго-запад. К тому времени конкурирующими сторонами уже был накоплен значительный опыт взаимодействия, взаимовлияния.

В IX–X вв. численность булгарских племен в Среднем Поволжье заметно увеличивается, активизируется их хозяйственная деятельность по освоению новых земель и внедрению в жизненную практику прогрессивной технологии.

Социально-хозяйственной революцией стал переход булгар к оседлому образу жизни и освоению плужного земледелия. Оно заметно потеснило кочевое скотоводство. Принесенные болгарами из Причерноморья и с Северного Кавказа навыки ремесла, металлургии, строительства, кузнечного и оружейного дела, ткачества и обработки кож, гончарного и ювелирного искусства органично соединились с местными промысловыми традициями.

В условиях интенсификации хозяйственной деятельности булгар и усиления конкуренции с соседними племенами возросли роль и влияние булгарской военно-племенной знати, возглавившей в свое время переселение болгарских племен на Волгу. С ускорением процесса социальной дифференциации классообразования в обществе складываются предпосылки объединения племен и формирования раннефеодального государства. Предпосылками этого процесса были переход к оседлому типу хозяйственной деятельности; освоение и закрепление за булгарскими племенами постоянных территорий; ускоренное развитие ремесла и торговли не только с соседними, но и с отдаленными племенами; усложнение социальной структуры общества; активизиция и актуализация роли базовых элементов духовной жизни: научных знаний (в том числе исторических, философских, медицинских), образования, письменности, литературы, поэзии и искусства.

По политическим параметрам раннебулгарский период можно характеризовать как *этап дружинной истории.* Шла конкурентная борьба между различными группами военно-племенной знати. Заметную роль в этой борьбе играло ближнее военное окружение конкурирующих князей. К X в. конкуренция двух главных центров — Биляра и Сувара завершилась объединением булгарских племен в булгарскую конфедерацию. Создание конфедерации стало важным и необходимым шагом на пути к образованию единого и сильного Булгарского государства.

*Домонгольский период (X в. — первая треть XIII в.)* можно считать временем окончательного становления и расцвета Волжской Булгарии, наиболее динамичного развития политической и социальной систем, хозяйства и культуры, налаживания международных политических, торгово-экономических и культурных отношений, роста международного авторитета Булгарии. Именно период, когда булгарская цивилизационная доминанта исключительно ярко и полно проявила себя на обширной территории и оказала заметное влияние на развитие многих соседних народов, очевидно, следует рассматривать как собственно булгарский. В этот период впервые отчетливо осознается степень влияния природно-климатических, географических и геополитических факторов на процессы формирования типологии государственности, культуры, религии, цивилизации, образа жизни, стиль мышления и национальный характер народа.

Всеобщая закономерность диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности общества и природы имеет особо важное значение для народов, чья жизнедеятельность протекает на перекрестке культур, религий и цивилизаций, не просто разных по своей природе, но и конкурирующих между собой. Историческая роль и судьба народов в решающей степени зависят как от степени таланта правильного выбора оптимальных моделей организации внутренней жизни общества, так и взаимодействия с внешней средой — природой и соседними народами, странами. Для таких народов умение обеспечивать баланс интересов внутри социума и с окружающим сообществом государств, своевременно вносить коррективы и уточнять приоритеты внутренней и внешней политики становится непременным условием развития, роста могущества и безопасности. Толерантность, комплиментарность, диалогичность и дипломатичность для них являются не интеллектуальным украшением, а свойством характера, запечатленного в менталитете, традициях. Превращение народов «контактных зон» в конкурентоспособные «модельные» исторические величины всегда связано с напряженной работой интеллекта, мысли, включением в преобразовательные процессы все новых, более эффективных, ресурсов саморазвития.

Претензия Волжской Булгарии на такую «модельность» базировалась на возможности использовать многовековой тюркский цивилизациестроительный опыт, потенциал многоэтничности и поликультурности общества, природно-географического, геополитического и геостратегического

преимущества. Хозяйственная специфика края, своеобразие географического положения и природно-климатических условий, многообразие этнокультурных общностей и поликонфессиональность населения предопределяли динамизм исторического развития булгарской цивилизации и в целом Волго-Уральского региона.

Многочисленные источники эпохи средневековья и материалы археологов дают возможность определить территорию и границы Волжско-Камской Булгарии в X–XIII вв. Среди первых письменных источников по истории Булгарии и булгар выделяются сочинения арабо-персидского географа Ибн Русте (X в.), который указывал, что «Булгарская земля смежна с землей буртасов. Живут булгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское (так на востоке в то время именовали Каспийское море. — *Авт.*) и прозывается Итиль, протекая между землями хазарской и славянской». Упоминал булгарские земли и географ-путешественник Аль-Мукаддаси в своем труде, изданном в 985 г. Восточные авторы X–XI вв. Ибн Хаукал, аль-Масуди и Гардизи свидетельствовали, что булгарские земли граничат на западе со славянскими. Ибн Фадлан описывает южных и юго-восточных соседей булгар: гузов, печенегов, башджардов (с ними многие исследователи связывают происхождение современных башкир). Аль-Истахри и Ибн Хаукал (X в.) сообщали, что язык булгар подобен языку хазар, и обозначали границу булгарского влияния по реке Яик, за которой начиналась страна гузов.

Археологическими данными убедительно подтверждено, что на севере булгарское население освоило территорию до бассейна Казанки, но очевидно, что влияние Булгарии не ограничивалось этими пределами. Таким образом, территориальными границами Волжской Булгарии в X — XIII вв. можно считать реки Суру на западе, Белую и Яик на востоке, Казанку на севере и Жигулевские горы, огибаемые волжской излучиной Самарской луки, на юге. Многочисленные булгарские поселения обнаружены археологами в современных Ульяновской, Самарской, Пензенской областях. Можно предположить, что булгарский тип образа жизни, государственности, социально-экономического строя, культуры толерантности и соседствования отвечал интересам исторического развития многих поволжско-уральских этнических сообществ.

Соседями волжских булгар на востоке, юге и юго-востоке в разное время были главным образом тюркоязычные племена огузов, хазар, печенегов, кипчаков и многих других; на севере, северо-востоке и северо-западе — угро-финские народности; на западе — угро-финские племена, большинство которых контролировалось восточнославянскими княжествами.

Такое «многогранное» соседство требовало постоянно поддерживать конкурентоспособность, но оно же выступало и фактором растущей полиэтничности и поликонфессиональности. Не случайна и пестрота этнического состава населения Волжско-Камской Булгарии. Ибн Русте писал о трех крупных племенах — булгарах, берсулах (барсилах), эсегелах; Ибн Фадлан добавил к ним племена суваров (савир) и баранджар (баланджар). Болгарские племена составили ядро булгарского союза племен, и со временем этноним «булгар» замещает и вытесняет прежние этноплеменные самоназвания. Наиболее заселенная территория Булгарии охватывала лесостепные районы Западного Закамья, ограниченные Камой, левобережьем Волги, Малым Черемшаном и Шешмой. На периферии своего государства булгары чересполосно и весьма мирно соседствовали с множеством племен тюркского и угро-финского происхождения на большом геополитическом пространстве Волго-Уралья.

Обычно процессы складывания основ государственности занимают столетия, однако они всегда замыкаются в определенной временной плоскости, связанной с деятельностью крупных исторических фигур. Особая роль в государственном объединении булгарских племен принадлежит эльтеберу-князю Альмасу (Альмушу), который в начале X в. превратился именно в такую знаковую для становления государственности историческую фигуру. Он предпринял решительные и необходимые шаги к объединению булгарских племен и оформлению государственного статуса Волжско-Камской Булгарии. Вплоть до начала X в. волжские булгары развивались в специфических политических условиях: пришедшие сюда в разное время племена были слабо связаны между собой и долгое время находились в зависимости от Хазарского каганата.

Булгары до укрепления своего государства выплачивали ежегодную дань каганату, для чего, как свидетельствовал Ахмед ибн Фадлан, необходимо было с каждого дома брать по шкурке соболя, а булгарский хан отправлял в Хазарию своих детей в качестве почетных заложников. Каганат был заинтересован в сохранении господствующего экономического положения на востоке Европы, политико-экономического контроля над северной частью волго-каспийского торгового пути. Эльтебер Альмуш сумел определить возможности и ресурсы для получения большей независимости набиравшего силы в этот момент Булгарского государства, которые мог дать политический союз с кем-то из сильных противников Хазарского каганата. Хазарский каганат на рубеже IX—X вв. конкурировал за влияние на евразийских торговых путях с Арабским (Багдадским) халифатом и Византийской империей. В это противостояние были втянуты кочевые объединения печенегов, гузов и кипчаков в степях от Волги до Дуная, Хорезм — в Средней Азии и Киевская Русь — на востоке Европы. Окончательный выбор политического союзника был сделан булгарами в пользу Багдадского халифата.

Почему был выбран такой вариант союзничества? Каковы были мотивы и последствия булгаро-багдадского политического контракта? Что это — случайность или стратегически продуманный и перспективный для булгар исторический шаг? И, наконец, в какой мере ориентация на Арабский халифат была связана с решением о принятии ислама в качестве государственной религии?

Принятие ислама в качестве государственной религии, вызванное потребностями внутреннего развития, во многом предопределившее культурно-цивилизационное самоопределение не только народа, но и Волго-Уральского региона, несомненно, представляло собой и внешнеполитическое решение. Оно было продиктовано в первую очередь стремлением Волжской Булгарии получить официальный статус эмирата, то есть вассальной территории багдадского халифа — верховного правителя всех мусульман с тем, чтобы, опираясь на его поддержку, избавиться от весьма обременительного и унизительного подчинения хазарским каганам. Как мы уже отмечали, дипломатия народов «контактных зон» эффективна тогда, когда умеет работать на опережение. Отсутствие у нее дара предвидения всегда чревато многими опасностями, потерей приобретенного. В этом смысле стратегический расчет булгарской дипломатии заключался в распространении суверенитета и на те территории, которые находились в хазарском подчинении. Восточная «тонкость» булгарской дипломатии заключалась в том, что акт перехода Волжской Булгарии под протекторат Арабского халифата должен был иметь лишь формальное значение, так как, из-за анклавного положения на пространствах немусульманского мира и большой удаленности от Багдада, не было речи о серьезном выполнении ею традиционных форм и норм вассальности.

Арабо-мусульманская ориентация Волжской Булгарии, конечно, давала определенные геополитические гарантии, а стало быть, способствовала сохранению ее статуса межконтинентального центра торгово-транзитного обмена. Но не менее важным, а может быть, и более важным было то, что арабо-мусульманский мир «подпитывал» булгарское общество опытом, результатами своего исторического «взлета». Многие ценности, рожденные в арабской «колыбели» цивилизации, были близки тюркским народам. Они быстро проникали и впитывались в ткань булгарского этнокультурного самосознания. На протяжении трех столетий арабо-мусульманское воздействие было столь глубоко и многогранно, что давало основание считать Волжскую Булгарию частью исламского мира. Однако его булгарская часть несла на себе печать специфичности (особости и даже единичности). Эта особенность вытекала из пограничного, периферийного положения Волжской Булгарии в исламском мире, находившейся, с одной стороны, на острие его взаимодействия с немусульманским миром, с другой стороны — в стороне от непосредственного участия во внутренних процессах и конфликтах мусульманского мира, которые очень часто определяли культурно-историческую идентичность его различных сегментов.

В булгарско-региональном сознании «оседал» идеализированный, «чистый» «остаток» виртуального представления об исламе без конфликтогенных его составляющих. В литературе существует мнение, что укоренением в булгарском обществе именно такого «препарированного» образа ислама объясняется плюрализмом булгар в вопросе масхаба, допускавший в их среде наряду с ханафитским и шафиитский толк, а также отсутствие в булгарском суфизме оппозиционности официальному правоверию, присущей классическому арабскому суфизму. Можно согласиться с тем, что такое восприятие ислама в булгарской «контактной зоне» было вызвано стремлением власти к большей внутриполитической централизации перед лицом внешней угрозы. По этой причине интегративная функция ислама превалировала над центробежными тенденциями в нем. «Булгарский» пласт в культурно-исторической самоидентификации современного татарского общества, — утверждает Р.М.Гибадуллин, — связан не просто с осознанием себя частью мусульманского мира, но и с наиболее интегрированным образом этого мира, сущностные стороны которого (и принадлежность к которому) реализовывались не столько в его внутренних процессах, сколько во взаимодействии его с внешним, немусульманским, миром».

Конечно, утверждение идей и ценностей исламского мира в волго-уральском ареале в либерально-демократическом (умеренном) варианте («покрое») объясняется не только вышеобозначенными внутриполитическими и геополитическими факторами. Булгарская этнокультура сама являлась наследницей тюркской традиции толерантности, компромиссности, цивилизованного соседствования. К развитию этих традиций, внедрению их в социальную практику, в том числе духовную, располагал и географический, природно-климатический фактор. Окружающий соседский мир (культуры, религии, цивилизации соседствующих народов и государств) играл роль не только конкурента, но и партнера, был не только военной угрозой, но и источником миролюбия. Народ, выбравший себе «месторазвитием» перекресток великих цивилизаций, генетически программирует свой образ жизни, стиль мышления и практического действия на умеренность, серединность (центризм) через отсечение крайностей и культивирование установок на толерантность, согласие, солидарность и сотрудничество.

Принятие ислама во многом предопределило суть, формы и направления не только последующих культурно-цивилизационных процессов и тенденций в жизнедеятельности будущего татарского

народа, но и его дальнейшую историческую судьбу. К сожалению, содержание этого нового исторического рубежа в литературе порой описывается упрощенно, ибо оно сводится к одномоментному акту принятия новой веры достаточно масштабным и «продвинутым» культурно-цивилизационным сообществом. На самом деле речь идет о сложном, драматически противоречивом и долговременном процессе смены системы ценностей, мировоззренческих установок, философских и этических мотиваций организации жизни во всех ее многообразных формах. Ведь ислам не только и не столько свод канонических догматов и предписаний. Это сложная мировоззренческая система и политическая доктрина, целая россыпь этических норм и принципов нравственности, это особый способ мироощущения, миропонимания и мироизменения.

Понятно, что любая смена системы ценностей — это прежде всего мучительный, весьма противоречивый и долгий процесс ревизии и отказа от сформированных и транслированных через века и поколения образов богов, идеалов и идолов; это разрыв ценностных и мировоззренческих тканей в системе мировосприятия, трудная смена убеждений, мотиваций, обрядности и традиций, складывавшихся на протяжении многих столетий.

Принятие ислама во многом изменило взгляды людей на окружающий мир и на взаимоотношения между ними. Языческому многобожию ислам противопоставил единобожие. Аллах един и нет у него никаких «сотоварищей», «сотворцов». Он сам сотворил мир, небеса и землю, ангелов и демонов, людей, растения, животных. Аллах вечен, не родил и не был рожден. Аллах доводил свои мысли о настоящей вере до сознания людей через пророков, последним из которых был Мухаммед (570 — 632 гг.). Кратчайший символ веры ислама гласит: «Нет никакого божества кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха».

До принятия ислама взаимоотношения между людьми строились на основе обычаев предков — *гэдэт*. С принятием ислама поведение булгар-мусульман определялось *шариатом.*

В доисламский период считалось, что булгарин мог попасть в загробный мир, если родственники хоронили его по традиционному обряду погребения. Теперь же, чтобы попасть в рай (*джаннат* — райский сад), булгарин должен был своей праведной жизнью подтвердить свое право. Для этого он должен в течение всей своей жизни выполнять шесть обязательных правил: платить налог в пользу бедных — *закят,* пять раз в день совершать молитву, перед молитвой совершать омовение, ежегодно в месяц рамазан держать *уразу,* точно выполнять мусульманские законы, проявлять усердие в усвоении истинной веры и хотя бы раз в жизни совершить *хадж* в Мекку. До ислама булгарские женщины были равны в правах с мужчинами и даже участвовали в сражениях. Теперь жена обязана была во всем подчиняться мужу и даже пищу употреблять отдельно от мужчин. Брак считался законным при совершении обряда *никах.*

До ислама ребенка воспитывали не отец и мать, а дед по материнской линии. Ребенок рос у него до совершеннолетия. После смерти отца сыновья не наследовали имущество родителей. Оно переходило к брату отца, т.е. к дяде. Теперь установился новый порядок. Дети воспитывались у родителей, а наследство отца стало переходить к старшему сыну. За воспитание детей в семье отвечал отец.

Раньше за нечаянное убийство соплеменника булгарина живьем помещали в деревянный ящик, рядом с ним клали три лепешки и ставили сосуд с водой. Затем ящик прочно заколачивали и вешали на дерево — преступник был обречен на медленную и верную смерть. По Корану за непредумышленное убийство мусульманина убийца должен был уплатить семье убитого штраф.

За прелюбодеяния булгары-язычники наказывали очень строго как мужчин, так и женщин. Виновных привязывали за руки и ноги к четырем столбам и топором рассекали тело от шеи до бедер. Затем каждую половину тела вешали на дерево, где она висела до полного разложения. По Корану за прелюбодеяние обоим виновным предписывалось сто ударов кнутом. Сверх того женщине — пожизненное заключение.

За воровство булгары-язычники наказывали как и виновных в прелюбодеянии. С принятием ислама за кражу отсекали кисть руки. Но если кражу совершал голодный, чтобы спасти свою жизнь, то его не наказывали.

С принятием ислама изменился и погребальный обряд. У булгар-язычников кладбища располагались за какой-либо естественной преградой (река, овраг), что означало ограждение живущих от умерших. Покойников хоронили в ящиках наподобие гробов. Некоторым женщинам связывали ноги, чтобы они не являлись с того света в виде *альбасты* (ведьмы). Покойников хоронили в одежде. Рядом клали оружие, пищу: мясо, кашу, напиток из ягод и фруктов. В могилу нередко клали конскую сбрую и часть туловища лошади, т.к. полагали, что умерший сможет въехать в загробный мир верхом на лошади. Во время похорон у булгар плакали не женщины, а мужчины. Они собирались у дома, где был покойник, и громко рыдали. У дома водружали знамя. Траур у ближайших родственников по умершему продолжался два года, потом устраивали поминки, и траур заканчивался.

Таким образом, некоторые доисламские языческие обряды и ритуалы были весьма необычными, не имеющими аналогов в иных культурах. Так, тела преступников, а также великанов-богатырей и людей

с необыкновенным умом не предавались земле. Тело умершего великана (алпа) оставляли на поверхности земли. Тело казненного преступника вешали на дерево. Если булгары встречали человека с необыкновенным умом и глубокими знаниями, то говорили: «Ему впору служить богу», после чего внезапно набрасывались на него, надевали на шею веревку и вешали на дерево. В таком состоянии он «служил богу» до тех пор, пока тело полностью не разлагалось.

Переход от тенгрианского мировоззрения к исламу, как и любую трансформацию веры, даже при неизменном варианте ее устремленности к прогрессу, правомерно оценивать как разновидность духовной революции, как форму компромисса в ходе противоборства многих идеологий. Исторический переход был начат задолго до официального принятия ислама. Он был давно известен и культивировался представителями коренного населения даже на «низовом» (народном) уровне. По мере усиления миграции приазовских болгарских племен и их укоренения в Волго-Камском регионе процесс исламизации проникал во все более глубинные структуры массового сознания булгарского общества. Можно утверждать, однако, что лишь с момента официального принятия ислама в 922 г. на уровне «политического класса» начался главный этап исламизации государства. «Прощание» со старой и становление новой системы ценностей как сложный процесс формирования нового стиля мышления и образа жизни булгарского общества протекало долго.

Исторический процесс перехода от проторелигий к развитым формам религий у всех народов мира был длительным. Переходные этапы в контексте осуществления духовных революций всегда представляли собой выбор историко-религиозных альтернатив. Анализ такого рода эпохальных актов дает основание считать, что выбор альтернатив только тогда оптимален, когда он осуществляется не на основе насилия или случайности, стихийно-фатальной обреченности, а выступает как результат длительного этнокультурного синтеза многих совпадающих и взаимообогащающих ценностных компонентов в процессе диалога культур, народов и цивилизаций. Результатом такого естественно-исторического отбора, этнокультурного синтеза является, например, принятие Хазарским каганатом иудаизма или принятие Киевской Русью православия. Именно таким результатом предстает и принятие булгарами ислама в качестве государственной религии.

Принятие ислама в государственном масштабе не означало одномоментного искоренения древнетюркских культов. Их остаточные формы, законсервировавшись в сознании людей, перешагнули из средневековья в современность. На протяжении многих веков мусульманско-языческий синкретизм характеризовал разные сферы образа жизни и культуры волжских булгар.

Принятие ислама и вхождение в лоно исламского культурного мира усилили преобразовательную энергию булгар в самом широком плане. Активизировался поиск модели государственности и определения своей культурно-цивилизационной идентичности. Решение этой важнейшей исторической задачи привело к возникновению нового культурного явления — феномена общемирового масштаба — исламской ветви тюркской культуры. Поскольку Булгария была тогда северным анклавом исламской цивилизации, то, начиная со времени раннего средневековья до начала XX в., Казань в представлении татар воспринималась как «врата Востока», а сами татары считали себя «детьми Востока» (Г.Г.Ибрагимов). Ислам на протяжении веков постепенно обретал черты не только религиозной системы философских, этических взглядов, становился кодексом регулирования общественной жизни и органичной частью национального самосознания. Он стал важным фактором политической, социальной, этнической консолидации и организации духовной жизни булгар.

Под воздействием арабо-мусульманской культуры постепенно вытесняется руническая письменность, распространяется арабская графика и литература. На этой культурной основе строятся мечети, формируется новая образовательная система, состоявшая из мектебов и медресе. На этой основе формируются и политические институты государства. Речь, таким образом, идет об уникальном историческом эксперименте ненасильственной, системной и масштабной переориентации религиозной, политической, образовательной, духовной и торгово-экономической сфер на адаптацию, освоение и утверждение в повседневной социальной практике моделей жизнедеятельности народов, которые были созданы в передовых для того времени странах — центрах исламской культуры Передней и Центральной Азии.

Какой же облик принимает Волжская Булгария в контексте воздействия государствостроительного опыта исламского мира и такого же опыта ее ближайших соседей, особенно Киевской Руси? Пограничность «месторазвития» Булгарии ориентировала на необходимость учета как общемировых тенденций, так и специфики регионального и национального развития. На этом этапе собственно тюркский опыт формирования государственности нуждался в трансформации в соответствии с потребностями эпохи средневековья.

Волжская Булгария в конце X — начале XI в. представляла собой типичное раннефеодальное государство. Высшая власть принадлежала эльтеберу, или малику (от арабского «царь»). Позднее главу государства стали именовать эмиром (от арабского «повелитель»). При эльтебере-эмире существовали специальные совещательные советы из местной знати. Нельзя не отметить, что политическая иерархия

властной элиты была переплетением тюркских традиций с арабскими заимствованиями, формируя особые булгарские цивилизационные модели власти и систему управления. Ибн Фадлан и другие авторы для характеристики булгарского общества использовали такие термины, как «царь», «предводители», «знатные жители», «приближенные», «старейшины», «простой народ», «друзья-дружинники», «рабы», что свидетельствует о системе вассальной зависимости и соподчинения.

На верхних ступенях феодальной пирамиды находились эльтебер-эмир и его жена, ближайшие родственники, ниже располагались князья четырех булгарских племен и ближайшие члены их семей. На следующей нисходящей ступеньке социальной иерархической лестницы помещались высшие чиновники, назначаемые эмиром. Еще ниже находились привилегированные представители родоплеменной знати и военные дружинники. Власть в селениях осуществляли старшины-старейшины. С укреплением ислама заметную общественную роль стало играть мусульманское духовенство — муллы, ходжи, шейхи, постепенно вытеснившие языческих жрецов. Основными законами Волжской Булгарии взамен традиционных родоплеменных, основывавшихся на обычаях предков, становятся законы шариата — свода мусульманских правовых и религиозных норм.

Феодализм в Волжской Булгарии возник и получил свое начальное развитие в государственной форме. Это означает следующее: до вовлечения крестьян в поземельную зависимость от светских и духовных феодалов практиковалось обложение свободного населения государственными повинностями. Налог государству люди платили лошадьми или вьючными животными. Любой булгарин, организуя свадьбу сына или дочери, был обязан выделить определенную долю своего состояния государству. Купцы должны были отдавать эльтеберу десятую часть привезенных товаров, в том числе десятую часть рабов. Кроме того, свободное население страны облагалось различными публично-государственными повинностями. Так, они должны были участвовать в строительстве военных крепостей на важнейших стратегических путях, в возведении больших оборонительных линий в пограничных зонах, в строительстве городов и важнейших поселений государственного значения. На этих работах, как правило, использовался труд военнопленных, но и на долю свободных общинников выпадали подобные повинности.

В Волжской Булгарии, как и в любой феодальной стране, была и частнопомещичья форма подчинения, хотя прямых указаний на этот счет в письменных источниках нет. Подавляющую часть населения Волжской Булгарии составляли свободные крестьяне — общинники. С созданием государственности, развитием хозяйства и усилением роли в транзитной международной торговле растет число городов и численность городских жителей, особенно за счет ремесленников и купцов. Рабы попадали в Булгарию либо как пленные, захваченные в результате военных походов самих булгар, либо с караванами работорговцев, транзитом из других стран. В последнем случае каждый десятый невольник должен был остаться в распоряжении хана в качестве таможенной десятины — пошлины ввозимых товаров. Поэтому общая численность рабов не составляла заметной части всего населения, как было характерно для рабовладельческих государств, а само рабство не имело настолько широкого распространения, чтобы стать основой экономического и политического развития страны.

Основными доходами государственной власти были, во-первых, регулярные ежегодные подати с каждой семьи (скотом и мехами); во-вторых, десятина со всех ввозимых в страну товаров; в-третьих, разовые подати (например, за свадьбу, званый пир и т.д.). По свидетельству арабского путешественника аль-Гарнати (XII в.), зависимые от Булгарии соседние племена платили булгарам поземельный налог — *харадж* и подушный налог с немусульман — *джизью*. Повинности булгарских крестьян поначалу были невелики и носили характер дани, но со временем стали все больше приобретать феодальный характер.

Особую роль в расцвете хозяйства Волжской Булгарии играли сельское хозяйство, ремесленное производство и торговля. Хозяйственным базисом являлось высокопродуктивное сельское хозяйство. Богатые черноземные земли требовали глубокой вспашки и использования совершенных орудий труда. Уже в VIII в. в булгарском хозяйстве на смену мотыге и деревянной сохе, сохранившейся для работ на более легких почвах, приходит плуг с железным лемехом (сабан). Главными хозяйственными культурами булгар были пшеница, рожь, ячмень, просо, горох, а также редкие сегодня чечевица и чумиза. Собранный урожай хранили в земляных зернохранилищах, стены которых укреплялись толстыми дубовыми досками, а также в больших глиняных корчагах. Зерно использовалось на пропитания для продажи и обмена. Даже на ранних этапах государственности хлебная торговля была важной статьей булгарского экспорта. Известно, что немалая часть зерна вывозилась в Северо-Восточную Русь, где для хлебопашества были менее благоприятные условия. Так, по свидетельству русской летописи, в 1024 г., когда на Суздальской земле выдался неурожайный год и разразился голод, «идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша». Русский историк В.Н. Татищев приводил сведения, что в голодном для Руси 1229 г. булгарские купцы привозили зерно в русские города по Волге и Оке, а булгарский эмир послал в дар великому князю Юрию Всеволодовичу тридцать ладей (речных судов), груженных хлебом. Традиционно высокая культура скотоводства у

булгар дополнялась новыми приемами пастбищного и стойлового содержания домашнего скота, чему способствовал торговый обмен с восточными и южными кочевыми соседями булгар.

Немалое хозяйственное значение для местных волго-уральских аборигенов сохраняли охота, рыболовство, бортничество, совершенствовались их приемы. Промысловый характер имела охота на пушного зверя — соболя, куницу, белку, бобра, лисицу и зайца. В малых и крупных реках вылавливалось немало рыбы, часть которой шла на продажу. Поскольку сахар еще не был известен, важное хозяйственное значение имело бортничество — сбор меда и воска диких пчел (борть — дупло дерева), а затем началось разведение пчел в выдолбленных дуплах деревьев.

Другим важным источником социально-экономического развития Булгарского государства стало *ремесленное производство*, вступившее в XII — XIII вв. в пору расцвета. Ведущую роль играли металлургия и металлообработка, кузнечное и оружейное дело. Археологические раскопки позволяют восстановить картину налаженного специализированного производства железа и изделий из него: плавку руды производили в сыродутных горнах, сложенных из сырцового кирпича, полученный металл (крицу) очищали от шлаков путем проковки тяжелыми молотами на крупных наковальнях, затем из железных заготовок кузнецы выковывали многочисленные предметы труда и быта. К XIII — XIV вв. в булгарских городах было налажено масштабное чугунолитейное производство — одно из самых ранних в Восточной Европе. Археологами обнаружены литейные печи, чугунные котлы, чаши. О высоком качестве продукции металлургов и кузнецов свидетельствуют не только изготовленные ими предметы труда (лемехи, топоры, пилы, косы, серпы, молотки, петли, цепи, гвозди), но и инструменты самих мастеров — различные по размеру и форме молотки и наковальни, зубила, щипцы, клещи, пробойники и т.д. Булгарские средневековые мастера использовали практически все известные в тот период приемы металлообработки и могли изготовить почти все необходимые изделия.

Особых профессионально-ремесленных навыков требовало *изготовление оружия*: мечей, клинков, топоров, булав, копий и дротиков (копий с длинной втулкой для пробивания щитов), стрел различной формы, кольчуг и шлемов, а также мелких рогаток с четырьмя шипами для защиты от конницы. Обилие найденных археологами сложных бытовых изделий — замков, ключей, ножей и ножниц, весов, чашечек для весов и гирь, медных и бронзовых котлов, чаш, кувшинов — кумганов, бронзовых зеркал, пуговиц, застежек свидетельствует не только о производственном потенциале булгар, но и о высокой для того времени культуре быта, богатстве и разнообразии образа жизни.

Особенно впечатляет уровень *ювелирного дела*. Кольца, перстни, браслеты, подвески и другие украшения из золота, серебра и драгоценных камней, выполненные в технике литья, ковки, штамповки, тиснения, чеканки, гравировки, пайки, зерни и скани, отличались высоким качеством и пользовались большим спросом на международном рынке, особенно в странах Восточной Европы. Булгарские ювелирные изделия обнаружены при раскопках в Смоленской, Киевской и Львовской областях. Один из сохранившихся булгарских бронзовых замков в форме фигурки животного можно датировать точно, поскольку он, помимо орнамента, украшен еще и надписью: «Работа Абу-Бекира, сына Ахмеда. Вечная слава и мирный успех и всеобъемлющее счастье и величие и благосостояние владетелю сего в летоисчисление 541 (1146—1147 гг. — *Авт.*)».

Весьма известной в сопредельных странах была *продукция булгарских кожевенников*. Развитое животноводство булгар и соседних племен обеспечивало ремесленников качественным сырьем, которое они умели отлично обрабатывать. Самая мягкая и прочная кожа в странах Востока в течение многих веков называлась «булгари». Выделанная кожа шла на изготовление поясов, ремней, конской сбруи, обуви. Из хроник русской летописи известно, что киевский воевода Добрыня во время похода на волжских булгар в X в. сказал князю Владимиру: «Соглядах колодник, и суть вси в сапозех; сим дани нам не платити, поидеве искать лапотник».

*Гончарное дело, ткачество и прядение, обработка шерсти и резьба по кости* в Волжской Булгарии также обеспечили массовое производство различных видов ремесленной продукции. Скотоводство и охота давали возможность изготавливать недорогие бытовые предметы из кости: пуговицы, гребни, наконечники стрел, швейные иглы и шила, различные украшения и талисманы. Булгарские гончарные мастерские XII — XIII вв. использовали качественную глину и были оборудованы ручными и ножными гончарными кругами, инструментами для покрытия изделий орнаментом, а главное, горнами — печами для обжига. После обжига булгарская керамика имела красноватый цвет, нередко покрывалась лощением и орнаментом. Глазурованная посуда имела зеленую поливу. Наиболее распространенные археологические находки — глиняные, реже медные или свинцовые пряслица для веретен свидетельствуют о широком распространении прядения и ткачества. Развитое овцеводство обеспечивало развитие производства шерстяных тканей и изделий из войлока.

С бурным развитием булгарских городов произошла специализация архитектурного и строительного дела, деревообработки, плотницкого и столярного ремесел. Осваиваясь в новой местности, булгары довольно быстро перешли от привычных для степей юрт и глинобитных домов к

строительству бревенчатых изб с печным отоплением. При строительстве использовался также местный камень и кирпич.

Особую роль в процветании Булгарского государства сыграла волжско-камско-каспийская транспортная система, которую ныне называют *Великим волжским путем*. Контроль за ним долгое время пытались удержать хазары, затем путь стал предметом политического интереса владимиро-суздальских князей, а позднее и монгольских ханов. Волжско-каспийский путь шел параллельно знаменитому пути «из варяг в греки» и открывал дорогу в русские и балтийские земли, вел в страны Востока. Поэтому в сферу булгарского международного товарообмена попадали не только Хазария, Закавказье, Иран, Средняя Азия на юге и Русь на западе, но также Индия, Китай, Византия, Прибалтика и Скандинавия. Через территорию Волжской Булгарии проходили два караванных пути: один вел в Хорезм, Среднюю Азию, другой — в Крым, к Черному морю. Арабский географ аль-Мукаддаси в своей работе, написанной в конце X в., подробно перечислил товары, вывозимые из Булгарии в Хорезм и далее в другие восточные страны: «Меха: собольи, беличьи, горностаевы, куньи, лисьи, бобровые; заячьи, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбьи зубы, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот» (рыбьими зубами арабы называли моржовые клыки, бобровая струя — секрет мускусных желез бобра, используемый в косметике и медицине).

На территории Волжской Булгарии существовало несколько ярмарочных центров — караван-сараев с помещениями для отдыха купцов и складами. Поблизости от крупных торговых центров возникали постоянные колонии-посады русских, арабских, армянских купцов. Все основные торговые пути и караванные дороги пересекались недалеко от столицы государства — Великого Булгара, на ярмарке Ага-Базар. Сюда из дальних и ближних стран везли самые разные товары: золото и серебро, драгоценные камни и монеты (главным образом арабские и среднеазиатские серебряные дирхемы), дамасскую сталь и клинки, шелка, парчу и другие ткани, одежду, ковры, посуду, пряности, благовония, фрукты и сладости. Ибн Фадлан упоминал, что в 922 г. послы подарили булгарским царю и царице благовония, одежды, халаты и жемчуг. Из русских земель привозили меха, оружие, украшения, из Европы — оружие (франкские мечи), ткани, а из Прибалтики — янтарь. В булгарских городах и поселениях археологами обнаружено значительное количество предметов восточного, русского и европейского происхождения, характеризующих диалогичность и параллели в образе жизни, экономике и культуре.

Среди восточных товаров выделяются дирхемы, китайские, персидские и даже кипчакские бронзовые зеркала, тонкая посуда из Средней Азии и Ирана, обработанные и необработанные драгоценные и полудрагоценные камни. Немало археологических находок, — это сделанные из закавказского, иранского и византийского стекла и бисера изделия. Русское происхождение имели женские украшения из серебра и золота, оружие. Сохранились западноевропейские монеты, а также франкские мечи, в том числе с клеймом мастера-оружейника «ULFBERTH», указывающим на его происхождение. В древнем Биляре была обнаружена целая мастерская по производству янтарных украшений и собрано несколько килограммов необработанного янтаря, месторождения которого, как известно, расположены в Прибалтике.

В Волжской Булгарии интенсивно развивались товарно-денежные отношения, в основу которых была положена арабская система. Уже в X в. начинается чеканка собственной монеты по типу арабской. Монеты сохранили имена булгарских правителей того времени.

Булгарские монеты вместе с булгарскими купцами и товарами проникали в различные страны. Так, на территории Древней Руси и стран Балтии булгарские монеты найдены, как минимум, в сотне мест. В качестве денежного эквивалента нередко использовались шкурки мелких пушных зверей — куницы или белки. Самая мелкая денежная единица, равная копейке, у казанских татар долго именовалась, да и по сей день именуется «тиен» (белка). Шкурка куницы, по свидетельству ибн Русте, в начале X в. приравнивалась к двум с половиной арабским дирхемам (серебряный дирхем весил в это время около трех граммов). В XI–XII вв. у булгар, как и у славян, были в ходу серебряные слитки — гривны или сумы (в современном татарском языке сум — рубль), а затем вновь налаживается чеканка собственных монет.

Интересно, что существовала и безденежная торговля, своеобразный заочный бартер с северными и сибирскими угро-финскими племенами вису (весь) и йура (югра), от которых булгары получали меха, шкуры, моржовые клыки. Аль-Гарнати сообщал, что вису жили в одном месяце зимнего пути от булгар, а йура — еще дальше. Потомки народности вису (весь, вепсы или чудь) сейчас проживают на юге Карелии, в Ленинградской и Вологодской областях, а йура (югра, угра) — предки современных хантов и манси. Немая торговля с этими народами происходила по установленному ритуалу: сначала булгарские купцы, прибыв в земли северных племен, оставляли свои товары — оружие, украшения — в известном месте и отходили на некоторое расстояние, после этого вису или йура подходили к булгарским товарам и складывали около понравившихся им вещей какое-то количество шкурок или

других предметов торговли и тоже отходили достаточно далеко. Вернувшиеся булгары, если их устраивала цена, молча предложенная вису или йура, забирали товары лесных племен и оставляли им свои. Если не были довольны предложенным для обмена эквивалентом, то забирали свои вещи и отправлялись искать других покупателей.

В караванных походах булгары использовали вьючных животных, для торговли по водным артериям имелись парусные и весельные речные суда различных размеров (насады, учаны, ладьи). По летним дорогам грузы перевозили на телегах, зимой использовали санный транспорт, а в труднопроходимой местности (например, во время торговых переходов к вису и йура) булгары применяли лыжи.

Крупным торговым партнером и одновременно конкурентом Булгарии на востоке Европы была Древняя Русь. О торговых отношениях славян с булгарами сообщал уже Ибн Русте (начало X в.): «Хозаре ведут торг с Болгарами, равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них, которые живут по обоим берегам помянутой реки (Итиль — Волга. — *Авт*.) везут к ним товары свои, как то: меха собольи, горностаевые, беличьи и другие». О существовании постоянного торгового пути из Волжской Булгарии в Киевскую Русь знал географ X века Эль-Балхи, указывая, что от Болгар до Куябы (Киева) было около двадцати дней пути, и добавляя при этом, что расстояние от хазарского Итиля до Булгара по степям — это около месяца пути. Вверх по течению Волги этот путь занимает около двух месяцев, а водная дорога назад в Итиль вниз по Волге требует около двадцати дней. Эти торговые пути были известны также хазарам, арабам, варягам.

Поначалу славянские и булгарские земли не имели прямой границы, поскольку чересполосно с ними в бассейнах Волги, Оки, Суры и Ветлуги издревле проживали угро-финские племена — мещера, меря, мурома, мордва (мокша и эрзя), мари (черемисы). Во времена расцвета Хазарского каганата эти племена упоминались вместе со славянами и булгарами как его данники. В 961 г. хазарский каган Иосиф писал кордовскому визирю Хасдаю ибн Шафруту, что ему служат и платят дань буртасы, булгары, савиры, черемисы и арису (эрзя), вятичи, северяне и словены. Западная часть этих племен находилась в зоне влияния русских князей и постепенно была ассимилирована славянами, а восточные племена с укреплением Волжской Булгарии попали под ее протекторат. Таким образом, территории двух крупнейших государств Восточной Европы заметно сблизились, поскольку и русские и булгары стремились распространить свое влияние на весь волжский путь и на всю сферу торговли пушниной с угро-финскими племенами Верхнего Поволжья и Севера.

Хотя длительное время Древняя Русь и Волжская Булгария были заинтересованы в освобождении от хазарской зависимости, они не заключили взаимного союза против общего врага. Более того, в 964 — 965 гг. во время военного похода на Хазарию двигавшийся через Оку и Волгу киевский князь Святослав совершил нападение на волжских булгар и буртасов, разрушил и ограбил их города, а затем спустился вниз по Волге и уничтожил хазарские города. Политическими последствиями похода стал не только разгром Хазарского каганата, но и ликвидация зависимости от него Булгарии и централизация Булгарского государства. Другим следствием разгрома Хазарии стало усиление конкуренции русских княжеств и Булгарского государства за контроль над волжско-каспийским торговым путем и пушной торговлей с народами северной лесной полосы. В 985 г. киевский князь Владимир Святославович при поддержке тюрок-огузов совершил поход на булгарские земли, в результате которого был заключен первый в истории русско-булгарских взаимоотношений договор о мире.

В этот период между Булгаром и Киевом велись интенсивные дипломатические переговоры о вере и, следовательно, о выборе стратегических союзников и цивилизационного пути развития. В 986 г. булгары отправили к князю Владимиру мусульманских проповедников с предложением принять ислам. Известно, что накануне официального крещения Древней Руси в 988 г. князь Владимир отправлял делегации в разные страны для ознакомления с крупнейшими религиями: православием, католицизмом, исламом. Он говорил своим послам: «Идите первое в Болгары... идите паки в Немцы... и оттуда идите в Греки». По мнению Ш.Марджани, князь Владимир, ознакомившись с прогрессивным содержанием ислама, имел желание принять его сам.

В 1006 г. мирный договор между Киевской Русью и Волжской Булгарией был возобновлен, и князь Владимир, по сообщению историка В.Н. Татищева, дал булгарским купцам разрешение торговать в городах по Волге и Оке «и дал им во все города печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатьми от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения». При этом Владимир, опасаясь, что булгары захотят торговать без посредников, стремился создать протекционистские условия для русского купечества: «А болгарам все их товары продавать во градах купцам и от них купить, что потребно, а по селам не ездить, тиуном, вирником, огневтине и смерди не продавать и от них не покупать». Тем не менее условия договора гарантировали взаимные интересы сторон и способствовали активизации торговли.

Важной статьей булгарского экспорта в русские земли стала поставка хлеба, о чем впервые упоминает летопись 1024 г. После образования в XI –XII вв. Ростово-Суздальского и Муромо-

Рязанского княжеств, немалую часть населения которых составляли угро-финские племена, их земли вплотную подошли к территории буртасов, живших по правобережью Волги и в бассейне рек Суры и Мокши. Активная колонизационная политика северо-восточных русских княжеств стала выходить к границам Булгарского государства. Столкновение их экономических и политических интересов за волжский торговый путь и за влияние на народы Поволжья и Приуралья принимало форму вооруженной борьбы. Противоборство усиливалось по мере усиления религиозных различий и, соответственно, включения славян в христианско-православную цивилизационную общность, а булгар — в обширный исламский мир. Но граница русских княжеств и Булгарского государства никогда не была зоной религиозных войн. Их столкновения не были сопряжены с лозунгами и призывами к священной войне с иноверцами. Это исторический факт, не оспариваемый ни одним из исследователей.

Историческое развитие Волжской Булгарии и в последующем в значительной степени зависело от характера и уровня развития коммуникативной культуры, складывавшейся между историческими соседями — христианской Киевской Русью и исламской Волжской Булгарией, почти одновременно стартовавшими в качестве самостоятельных субъектов исторического творчества, но выбравшими разные по типологии системы ценностей. Вообще для всех народов и государств, сформировавшихся и развивавшихся на межцивилизационном стыке, философия, идеология и политика культурного соседствования, взаимодействия и взаимовлияния имели стратегическое, а подчас судьбоносное значение, ибо в рамках одного и того же историко-временного и территориального пространства им приходилось одновременно выступать и в качестве партнеров, и в качестве конкурентов. Исторический опыт показывает, что далеко не просто было создавать основы миротворческой традиции, уберегать и развивать культуру соседствования, диалога и взаимодействия между народами на поволжско-уральском межцивилизационном перекрестке.

Географическая и геополитическая особенность волжско-камского ареала, который был «месторазвитием» многих народов Евразии, предопределяла предрасположенность культур этих народов к синтезу их различных цивилизационных компонентов. Развитие булгаро-русских культурных контактов обрело естественно-прагматический, целесообразный характер, отвечающий потребностям их исторической эволюции. Совпадение исторических целей развития соседствующих народов снимало барьеры взаимной отчужденности, нетерпимости, увеличивая базу общности, солидарности, взаимной отзывчивости. Эта общность все больше обнаруживалась в образе мыслей, укладе хозяйства, системе ценностей, духовности. Л.Н.Гумилев неоднократно отмечал множество совпадающих базовых начал в такой тонкой социальной материи, как культура двух народов. Различие между ними было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим. Отличия были лишь религиозными. «Но религиозно-мусульманский фанатизм еще не восторжествовал, и вера служила индикатором отличий волжских булгар от славян».

Различие в вероисповедании не могло служить и не стало сдерживающим фактором развития двусторонних отношений. «Тесные экономические, а затем и культурные, политические контакты между Волжской Булгарией и Древней Русью, — отмечает Г.М. Давлетшин, — начали устанавливаться очень рано. Торговля с Русью велась целенаправленно, о чем свидетельствует ряд торговых договоров между Русью и Булгарией. От Болгара до Киева существовал надежный торговый путь, оборудованный двадцатью остановочными пунктами». Религиозное различие отнюдь не стало серьезной помехой для болгаро-древнерусских культурных связей. Философия соседствования проникала и в такие тонкие сферы общественной жизни, какой является идейно-мировоззренческая практика. Например, считалось в порядке вещей пригласить болгарского мастера в Киевскую Русь для строительства христианской церкви. Было распространено также приглашение русских мастеровых и зодчих при сооружении культурных объектов в Волжской Булгарии.

«Сама давность соседства с древнерусским, а затем русским этносом, –справедливо замечают С.М. Михайлова и О.Н. Коршунова, — определяет значение связей между государствами Восточной Европы в различных сферах для последующего исторического пути народов. Древность традиций заимствования и знакомства с другими культурами увеличивает степень комплиментарности народов и культур».

Комплиментарность не означала, что «роза бывает без шипов». Вслед за торговлей часто вступают в действие армии, а бывает и наоборот. Нет необходимости идеализировать характер и формы взаимоотношений двух конкурирующих государств, действовавших на одном геополитическом поле — Волжской Булгарии и Киевской Руси. Важно, что обе стороны сознавали необходимость мира для обеспечения развития торговли, информационного обмена, культурных связей. «Геополитический паритет, установленный в 985 г. на Волге, — отмечает Р.Бухараев, — продержался до XII в. благодаря балансу сил и интересов обеих сторон. Каждая сторона при этом стремилась к собственному контролю над Волгой…». Синхронное в историческом времени превращение Казани и Ярославля в военно-торговые форпосты знаменовало продолжение геополитической конкуренции Волжской Булгарии и Киевской Руси.

Таким образом, векторы внешней политики Волжской Булгарии диктовались в первую очередь экономическими и политическими интересами: в X в. — стремлением освободиться из-под влияния Хазарского каганата и обеспечить независимость, в XI—XII вв. — желанием нейтрализовать усиление Владимиро-Суздальского княжества, сохранить за собой преимущественное влияние на Волжско-Каспийском торговом пути. Хотя булгарские феодалы, подобно всем правителям той эпохи, считали военную силу основным средством политики, историческая репутация булгар не запятнана разрушительными походами против соседей, беспричинными жестокостями, коварством по отношению к союзникам. Булгары в большей степени ориентировались на торговую и ремесленную деятельность, укрепление экономической силы государства, нежели на расширение территорий и получение военной добычи и «военной славы». Речь идет о преимущественной ориентации государства на поиск внутренних источников развития, на созидательную деятельность, мир и стабильность. Поэтому конфликты с северо-восточными русскими соседями после обоюдных походов друг против друга, как правило, заканчивались мирными договорами, гарантиями беспрепятственной торговли и, следовательно, усилением хозяйственных и культурных контактов.

Важнейшим критерием степени цивилизационного развития Волжской Булгарии был расцвет городской культуры, что не характерно ни для местного аборигенного населения, ни для тюрков-кочевников. Булгары использовали свой прошлый опыт строительства городов в Приазовье, Предкавказье и на Нижней Волге, а также применяли архитектурные приемы строителей Средней Азии, Ирана, арабских стран, Северо-Восточной Руси. Большинство крупных городов Волжской Булгарии развивалось по восточному типу, разрастаясь вокруг резиденции эмира или князя, поэтому немалую долю населения города составляли свита, военная и чиновничья бюрократия, духовенство. Однако основную часть населения составляли свободные горожане, ремесленники и купцы. Волжская Булгария в отличие от огромных империй Востока и Запада была относительно небольшим государством, а ее столица Великий Булгар не могла существовать за счет доходов от провинций и дани с подвластных территорий. В интересах благополучия требовалось поощрять ремесло и торговлю. На современной территории Республики Татарстан, как подсчитано археологами Р.Г.Фахрутдиновым и Ф.Ш.Хузиным, обнаружено более двух тысяч различных археологических памятников VIII — начала XV вв. Среди них 190 городищ, около 900 селищ, более 80 могильников, значительная часть которых относится к периоду расцвета Волжской Булгарии в X-XIII вв. Археологам известны около 100 городищ домонгольского времени. Подавляющее большинство располагается в Закамье, около 15 — в Предволжье и только 3-4 — в Закамье. Наибольшая плотность городищ отмечена по берегам малых рек Актай и Бездна.

Некоторые булгарские города располагались на месте более древних городищ, на высоких берегах рек, где склоны и овраги выступали естественной защитой от нападения. Другие строились в отдалении от рек, но, как правило, защищались рвами, земляными валами и стенами. Поэтому конфигурация городов различна: квадратная, треугольная, трапециевидная или округлая. Жилые здания в булгарских городах возводились из сосновых бревен, а городские стены, башни, мосты, колодцы, погреба — из дубовых. Ибн Якут в своем географическом словаре начала XIII в. сообщал, что «булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями». Какое-то время сохранялась старая традиция строить глинобитные дома, а летом на пастбищах или в местах остановки торгового каравана часто использовались легкие юрты. Все зимние дома имели печное отопление. Печи сооружались по типу прямоугольной кирпичной печки, близкой к современной, или по типу полукруглого среднеазиатского тандыра с купольным перекрытием. Каменные дворцы знати и общественные здания (караван-сараи, бани) обогревались сложной системой подпольного отопления. Деревянные и каменные дома имели двускатные крыши, покрывавшиеся досками, соломой или камышом.

Восточные географы и путешественники часто упоминают Булгар, Биляр и Сувар. С X по XII столетие наиболее крупным городом был Булгар. Общая площадь Булгара этой эпохи, по мнению археологов, составляла около 900 га. Булгар как столица Волжской Булгарии упоминался многими арабскими авторами X — XI вв. — аль-Балхи, аль-Истахри и повторявшим его ибн Хаукалем, ибн Фадланом. Аль-Балхи сообщал, что Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Основываясь на этих свидетельствах, можно предположить, что поначалу население Булгара насчитывало несколько десятков тысяч человек, а позднее увеличилось. К XII в. относятся известия Аль-Гарнати, который написал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а стены из дуба». Другой арабский путешественник, аль-Джавалики, в пересказе дореволюционного татарского историка М.Рамзи, увидел в древней столице Булгарии XII в. сходство с городами Византийской империи: «Их (булгар. — *Авт.*) строения похожи на строения Рума (очевидно, Византии. — *Авт.*). Они большой народ. Их город называется Булгар. Это очень большой город». Эль-Идриси свидетельствует, что в Булгаре жили не только мусульмане, но и

христиане. Авторы указывают, что важнейшую роль имел «внешний город» — знаменитый ярмарочный центр Ага-Базар.

Другим весьма развитым центром и длительное время столицей Булгарского государства был город Биляр. Билярское городище — самое крупное из булгарских поселений, оно занимает площадь около 800 га. Биляр отличался не только обширностью территории, но и мощной фортификационной системой. Он имел две линии укреплений, защищавшие внешний и внутренний город. Длина внешних укреплений в три ряда валов и рвов достигала более 10000 метров, а внутренних в два ряда валов и рвов — около 4800 метров. В цитадели, имевшей мощнейшую бревенчатую стену, обнаружена белокаменная Соборная мечеть, площадь молельных помещений которой составляла не менее 2500 кв. метров. Поблизости от мечети стояло двухэтажное кирпичное здание, располагались другие деревянные и глинобитные дома и аристократическое кладбище. Внутренний город был занят жилыми и ремесленными кварталами. Здесь жили феодалы, торговцы, обнаружены жилища и мастерские металлургов, кузнецов, оружейников, медников, ювелиров, стеклодувов, косторезов. Внешний город также имел жилую и ремесленную застройки: здесь жили мелкие торговцы и мастеровые, у восточных ворот внутреннего города располагалось кирпичное здание — часть одного из караван-сараев. Среди находок Биляра монеты, керамика, украшения, металлические изделия булгарского и привозного происхождения, в том числе свинцовая печать князя Всеволода Большое Гнездо или его сына Юрия, которая, как предполагают, крепилась к товарам. На территории Биляра выявлено не менее 30 кирпичных построек, обнаружены следы древних улиц и кварталов, площадей, водоемов, колодцев, кладбищ. Разрушенный монголо-татарами в 1236 г. город впоследствии не смог полностью возродиться.

Другим крупным городом Волжской Булгарии, возникшим в IX в. в верховьях левого притока Волги, реки Утки, был Сувар (поблизости от деревни Кузнечиха Спасского района). Сувар имел мощные крепостные стены, земляные валы и рвы. В центре города располагался кирпичный дворец, облицованный зелеными и голубыми изразцами, выстроенный, предположительно, с помощью хорезмийских мастеров. На месте города археологами обнаружены остатки множества деревянных и глинобитных домов торговцев и ремесленников. Расцвет Сувара как центра местного ремесла и торговли пришелся на домонгольскую эпоху, и после нашествия монголо-татар город пришел в запустение. Крупными городами Булгарии, центрами княжеств были Ошель (у села Богдашкино Тетюшского района), разрушенный во время рейда владимиро-суздальских отрядов по западной части Волжской Булгарии в 1220 г., Джукетау, или Жукотин в русских летописях (на высоком левом берегу Камы у села Данауровка близ Чистополя), Кашан (у деревни Шураны на границе Лаишевского и Рыбно-Слободского районов), Керменчук (на реке Кирменке у деревень Русские и Средние Кирмени Мамадышского района), Тубулгатау (на берегу реки Шешмы в Новошешминском районе).

Уже в булгарскую эпоху крупнейшим городом на северо-западе страны стала Казань, имевшая уникальные белокаменные и мощные деревянные стены. Сегодня доказано, что история Казани как города насчитывает не менее тысячи лет. В западной и юго-западной частях Волжско-Камской Булгарии археологами обнаружены следы древних булгарских городов и феодальных крепостей; Староалейкинское городище в Ульяновской области и Муромский городок в Самарской области, Тигашевское городище в Чувашии и Золотаревское в Пензенской области. Из русских летописей известны города Торск, Тухчин, Нухрат. Булгарские города XII — XIII вв. отличались развитым градостроительством, сложными фортификационными сооружениями, налаженным бытом.

Важнейшей приметой, отличительной особенностью и главным достижением Волжской Булгарии являлось ее превращение в крупнейший из расположенных на стыке Европы и Азии культурных центров. Образованность, просвещенность населения, интерес к науке как генотипные свойства, сформированные в тюркском обществе еще в древнехуннское время, получили не только развитие, но все больше становились условием обеспечения политической, экономической и цивилизационной конкурентоспособности. Новым мощным ресурсом поддержания и усиления потенциала образованности и просвещенности стал ислам. Все его каноны требовали массового и системного характера религиозной просвещенности. Арабский историк X в. ибн Даста по этому поводу писал: «Большая часть их (булгар. — *Авт.*) исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имами». Совсем не случайно, что именно после принятия ислама для письма на булгарском языке начинает применяться арабская графика, вытеснившая бытовавшую у булгар еще в VIII — IX вв. руническую письменность. Рунические знаки быстро трансформировались в родовые и семейные знаки — тамги, отмеченные этнографами у татар, чувашей и других народов. В этом историческом акте необходимо заметить общекультурную, просвещенско-образовательную востребованность, естественность и рациональность смены графики. Переход осуществлялся не на административно-декретной основе, а протекал как естественно-исторический процесс «выхода» булгарской культуры на уровень развитой письменной культуры, которая ускорила развитие всех других сфер общественной жизни: экономики, торговли, права, дипломатии.

По мере внедрения письменной культуры более динамично развивались все институты систем государственности и хозяйства. Известно также, что в ходе освоения письменной культуры активизируется дипломатическая деятельность булгарских царей. Начиная с Алмуша, различного рода дипломатические документы, торговые договора, соглашения оформляются на основе арабской письменности. В качестве письменного материала использовались привозимая из Средней Азии бумага, деревянные дощечки, покрытые воском, а также имевшаяся здесь в изобилии береста.

Освоение арабской графики вызвало цепную реакцию революционных по тем временам изменений в сфере духовности, в культурно-просветительской практике: возникновение литературы, тексты которой написаны на бумаге, освоение новой технологии полиграфии и книжного издательства. Известным археологом Е.П.Казаковым найдена целая коллекция книг, имевших металлическую обложку, украшенных орнаментом и инкрустацией. Книги были похожи на шкатулку: они запирались на крючки. Наиболее заметным следствием письменной революции стало то, что умение читать и писать стало характерным для широких слоев булгарского общества. Письменными надписями украшали свою продукцию ремесленники, ювелиры, оружейники, горшечники. Надписи наносились на различные бытовые предметы, монеты, кувшинчики, зеркала. Надписи-эпитафии на каменных надгробиях булгарского времени также носили массовый характер. Литературный, а тем более религиозный язык заметно обогатился за счет арабских и отчасти персидских заимствований. Это стало особенно заметно с распространением среди булгар новых мусульманских имен. С принятием ислама волжским булгарам стали доступны культурные достижения огромного арабо-мусульманского мира, простиравшегося в период своего расцвета от Инда и Тянь-Шаня в Азии до стран Магриба и Пиренейских гор в Европе.

Развивавшиеся в эпоху средневековья в арабском мире научные знания в области математики, астрономии, медицины, географии, тексты, заимствованные из античности и древности, широко осваивались в Волжской Булгарии. Центрами религиозного образования и грамотности становятся медресе и мектебы. В начальных училищах-мектебах давался набор элементарных знаний и умений: грамота, чтение, основы письма, важнейшие исламские догматы и нормы. В медресе, средних и высших религиозных учебных заведениях, преподавались не только богословие, арабский и персидский языки, литература, но и давались сведения по географии, астрономии, математике, истории и медицине. Лучшие шакирды-выпускники медресе отправлялись для продолжения образования в крупнейшие исламские учебные центры Бухары, Самарканда, Багдада, Нишапура, Газни и других городов и стран, а затем возвращались домой. Многие ближневосточные и среднеазиатские богословы и ученые заканчивали известные медресе Волжской Булгарии и распространяли информацию о самой северной исламской стране далеко за ее пределами. Выходцы из Булгарии или люди, долго прожившие в ее городах, обычно добавляли к своему имени приставку аль-Булгари.

По данным Г.М.Давлетшина, не менее двадцати ученых, богословов, писателей, широко известных в средневековье в восточном мире, были связаны с Волжско-Камской Булгарией. Арабский путешественник аль-Гарнати аль-Андалуси, родившийся в испанской Гранаде, сообщал, что, будучи в Булгаре, прочитал книгу «История Булгара» (не найденную до настоящего времени), написанную судьей Якубом ибн Нугманом Булгари, учеником знаменитого на Востоке богослова и философа Абу-масли аль-Джувайни из Нишапура (Северо-Восток Ирана). Ученый Бурхан ад-дин ибн Юсуф Булгари был известен как автор книги о лекарствах, трудов по богословию и риторике. На территории современного юго-восточного Афганистана около города Газни, средневековой столицы государства Газневидов (X-XII вв.), неподалеку от святого источника «Ходжа Булгари» сохранилась могила знаменитого богослова и лекаря шейха Ахмеда Булгари, почитаемая мусульманскими паломниками из многих стран. Известным поэтом XII в. был родившийся в Суваре Сулема ибн Даут Ас-Саксин-Сувари. Классиком тюркской литературы средневековья стал булгарский поэт начала XIII в. Кул Гали, автор знаменитой на востоке «Поэмы о Юсуфе» («Кысса-и-Йусуф»), рассказывающей о судьбе лишь двух персонажей — о любви Юсуфа и Зулейхи. В основу этого произведения действительно положен библейско-коранический сюжет об Иосифе прекрасном и его жене. Но содержательное богатство книги Кул Гали как выдающегося исторического памятника исламской культуры еще предстоит раскрыть. Растущий интерес к ней — это форма поворота к историческим корням, признак актуализации темы Востока. Как говорили древние: «С Востока — свет!».

К сожалению, до сих пор масштабность фигуры автора книги Кул Гали — исторической личности — всесторонне не оценена. В представлении современников нашего времени Кул Гали остается полумистической фигурой, по поводу реального существования которой немало сомнений и домыслов. Усеченно оценивается и значимость его творения. А ведь «Кысса-и-Йусуф» — не только поэтическое сочинение, но и философский трактат, посвященный осмыслению вечных проблем, сопровождающих бытие человека во все времена: любви и предательства, добра и зла, гуманизма и коварства, мира и войны. Автор не обходит вниманием и главный вопрос философии, склоняя читателя к мысли о первичности духа, идей, а не материи. Это и широкомасштабный исторический источник, в котором

художественным языком характеризуются многие особенности, привычки и традиции булгарского общества, наиболее распространенные в нем мифологемы и исторические предания. В книге Кул Гали сконцентрирована богатейшая информация об этике взаимоотношения поколений и этике любви, о семье и роли женщины-матери в тюркском сообществе. Это художественный, но достоверный источник для анализа состояния и динамики развития экономики, социальной структуры, дипломатии, внешней политики Булгарского государства. Поэма Кул Гали может быть оценена как этапный исторический продукт не только тюркской культуры булгарской эпохи, но и всего средневекового Востока.

Важнейшим приобретением булгарского периода истории тюрко-татарской субцивилизации является оформление из множества культурных элементов, берущих начало из древности, устойчивой традиции проведения национального праздника Сабантуй, впоследствии вошедшего в календарь традиционных праздников татарского народа. Обычно он проводился на стыке весны и лета и обозначал слитность двух самых радостных моментов в жизни булгар — завершение посевных работ и наступление весеннего равноденствия. Сабантуй, исторические истоки которого восходят ко времени возникновения первых, древних «олимпийских игр», пройдя испытание временем, стал интернациональным праздником, формой материализации идей культуры мира, толерантности и межконфессионального согласия, диалога культур, народов и цивилизаций. Не случайно праздник Сабантуй был предложен к внесению в Список шедевров устного и нематериального исторического наследия человечества, охраняемого ЮНЕСКО. Внесение народного праздника в этот Список стало еще одним признанием вклада татарского народа и всего тюркского сообщества народов в мировую культуру.

Волжская Булгария как самостоятельное государство просуществовало вплоть до 40-х гг. XIII в., когда оно было завоевано Монгольской империей, а потом включено в состав Золотой Орды. Эти исторические метаморфозы деформировали, но не изменили его цивилизационную типологию, и в изменившихся условиях булгарское историческое наследие продолжало оказывать свое воздействие на все стороны жизнедеятельности ордынского общества. Высокоразвитая булгарская культура стала важнейшей основой становления золотоордынской субцивилизации, которая, в свою очередь, явилась существенным фактором развития Русского государства и мировой цивилизации.

Булгария ордынского времени оставалась признанным центром торговли, культуры и науки. На ее исторической земле творило целое интернациональное сообщество мыслителей, просветителей и ученых. Так, во второй половине XIII в. в Булгаре и Сарае жил и творил беженец Ирана (Казвина) Абу ар-Режае Мохтар ибн Махмут ал-Казвини ал-Ханяфи — известный теолог и историк, автор книги «Рисалаи Насрия» («Описание победителей»). Эту книгу автор подарил хану Берке. Главой булгарских ученых, вольнодумцев, видным религиозным авторитетом был беженец из Гянджи Шейх-уль-Имам хаджи Хасан бин Гумер. За вольнодумство он был приговорен к сбрасыванию с минарета, но благополучно сбежал в Бухару, а затем в Тавриз. Один из педагогов Булгарии написал книгу о воспитании детей, которая оказалась в числе лучших книг XIV в. по педагогике. Это отмечено в библиографии мусульманских ученых, составленной в Багдаде. Возможно, ее автор значился под именем Махмуда ибн Фаттаха ас-Сараи (ум. в 1373 г.).

Булгарская культура в XIII-XIV вв. подпитывалась цивилизационными достижениями Востока: Египта и Сирии, Ирака и Ирана, Средней Азии и Индии, Китая. В эти государства ходили караваны булгарских купцов. А из этих стран прибывали ученые и поэты. Так, в конце XIV в. в Булгаре жил ученый и поэт из Ферганы Усман ибн Малик ал-Маргиани.

Гончарные изделия были одной из статей булгарского экспорта в соседние страны. С.М.Червонная пишет: «Раскопками в Суздале были обнаружены остатки гончарного горна с обломками типичной булгарской керамики». Очевидно, в суздальскую землю приглашались гончары из Булгарии.

В целом этноноосфера булгар в XI–XIII вв. достигла такого уровня, когда «заимствования из культур других народов — арабов, хорезмийцев, русских перерабатывались в булгарском духе и входили органической частью в быт и менталитет булгар».

Стремление к совершенствованию экономических и политических институтов государства, интенсивный духовный прогресс общества, а также межкультурный диалог с соседними народами и особенно с русским народом, активная внешнеэкономическая и внешнеполитическая дипломатия способствовали изменениям в общественном сознании и менталитете, который обогатился ощущением этнического единства, принадлежностью к восточному миру и мировой цивилизации. Булгарская субцивилизация складывалась и развивалась в зоне активного исламо-христианского взаимодействия, испытывая на себе влияние как западной, так и восточной цивилизаций, а также формирующейся русской цивилизации. Видимо, такая особенность геополитического фона во многом предопределила ее самобытность. Вот почему и на булгарском этапе не была прервана генетическая связь с исходной материнской общетюркской цивилизацией. Ориентация матричных, системообразующих элементов на

созидательность, историческое творчество стала основой для формирования базовых ценностей, характерных для булгарского культурно-цивилизационного феномена.

Совсем не случайно, что именно в булгарском культурно-цивилизационном домене проходил процесс формирования нового государства — Казанского ханства и нового этноса — казанских татар. Волжская Булгария не только продемонстрировала модель строительства развитой государственности, экономики и культуры, но и оставила «чертеж» для движения — перехода от средневековья к Новому времени в весьма сложном и масштабном геополитическом ареале, на значительно расширившейся территории межцивилизационного контакта, конкуренции и взаимодействия двух культурно-исторических систем Европы (Запада) и Азии (Востока).

# Золотоордынская средневековая модель цивилизации

*...Золотая Орда — явление общемирового порядка, если под этим миром понимать Азию и Европу.*

*М.Н.Тихомиров*

В 20-30-е гг. XIII в. в истории человечества происходят события эпохального характера, оказавшие влияние на судьбы многих народов Евразии и определившие многие процессы мировой истории. Эти события связаны, прежде всего, с выходом на историческую арену Монгольской империи, ее завоевательными походами, а затем и образованием нового государства — Улуса Джучи. Это был момент крутого исторического поворота в судьбах многих народов и государств Европы и Азии, который, бесспорно, определил формы и динамику их цивилизационного развития, видоизменил их культурно-цивилизационную специфику, ускорил процессы культурного синтеза и мультикультурации.

Глобальный Проект по созданию самой обширной на земле империи, простиравшейся от Китая до Западной Европы и включавшей 720 различных народов, имел поразительные геополитические, демографические и социальные последствия. Между Востоком и Западом были переброшены новые «мосты».

Чингисхан и его преемники создали «основы, на которых зиждутся современные Китай, Россия, Иран, Афганистан, Турция, Сирия, Тибет, развивающиеся страны Центральной Азии, Украина, Венгрия, Польша». Их «завоевания заставили сблизиться главные религиозные конфессии, оказали влияние на искусство, создали новые правила торговли. Их конечные результаты легли краеугольными камнями в основание Евроазиатской истории». Они потрясли Вселенную, изменили мир, продолжая влиять на него и в XXI в. Глобализация не стирает, а актуализирует в общественном сознании, в исторической памяти образы метаимперий. С соответственной прогрессией растет интерес и к создателю «модельной» империи — Чингисхану — «великому воителю», «стратегическому изменителю мира» (В.В.Серебрянников). Совсем не случайно в 1995 г. Всемирный информационный центр назвал Чингисхана человеком тысячелетия.

Весь отблеск яркости, масштабности, так же как и оценочной неоднозначности исторического прорыва Азии навстречу Европе, целиком и полностью отражается на истории Золотой Орды. Это и понятно. Ведь Золотая Орда, по выражению выдающегося русского историка, академика М.Н.Тихомирова, — «явление общемирового порядка, если под этим понимать Азию и Европу».

Наверное, именно этим объясняются сложность и прерывность процесса становления золотоордынской историографии. В то время как зарубежная традиция изучения истории Золотой Орды берет начало с середины XIX в. и нарастает во времени по восходящей линии, в отечественной историографии золотоордынская тема если и не была запретной, то нежелательной она была явно. Эта особенность объясняется тем, что в российской исторической науке длительное время господствовал подход, согласно которому монгольские, а затем и ордынские походы были сугубо разрушительным, деструктивным явлением, не только задержавшим всеобщий исторический прогресс, но и «опрокинувшим» цивилизованный мир, повернувшим историческое поступательное движение вспять. Их значение в становлении российского суперэтноса, в развитии российской цивилизации также оценивалось лишь в негативном свете. Подобная позиция обосновывалась концепцией асимметрии взаимоотношений кочевых и оседлых народов в истории человечества. Согласно этой концепции, кочевники — это маргиналы цивилизационного развития, которое традиционно связывается с земледелием, ремеслом, городской культурой.

Размышления о золотоордынском феномене всегда выносят на поверхность мыслительного пространства вопросы, связанные с поиском «секретов», источников-факторов, обеспечивших его пассионарный взлет, яркость и длительность «горения». Ведь историческая судьба большинства кочевых народов драматична: вспыхнув на историческом небосклоне ярким всполохом, они быстро «перегорали» от высокого энергетического перегрева. Каждый из них не только оставлял свой «след» на просторах степей Евразии, но шаг за шагом вносил вклад в осуществление евразийской метаидеи — объединения всех народов в мощное государство — империю. Великая степь, естественно, рождала великую идею интеграции. В, казалось бы, необузданной социально-преобразовательной стихии набирала мощь центростремительная сила, которая сквозь череду нескончаемых раздоров, междоусобиц, войн и противостояний все в большей степени становилась определяющей тенденцией исторического развития Евразии. И ни одна попытка (имеются в виду взлеты и падения, потери и обретения всего сообщества кочевых образований — больших и малых) не может быть отторгнута, «изъята» из мирового интегративного процесса, от всемирного потока событий, в конечном счете направленных к единению всего многообразия этносов, культур, цивилизаций. Каждая из них есть звено в цепи, ведущей к евразийско-континентальной макроидее — цели. Череда экспериментов, совершенных кочевниками в своей совокупности, есть тот подготовительный класс, обучение в котором в целом подготовляло человечество к организации более совершенных форм жизнедеятельности.

В этом контексте культура кочевников не может быть оценена в рамках таких сравнительно оппозиционных понятий, как «высокая» — «низкая» или «совершенная» — «примитивная». Она не отвечает стандартам-критериям, применимым к обществам европейского покроя. «Аршином» единым ее не измерить, у нее особые параметры. Она не низкая или ущербная, а специфическая, особая, часто несущая элементы универсализма и пионерства во многих сферах общественной жизни и социального прогресса. По многим причинам кочевые народы были изначально запрограммированы на поиск нестандартных решений проблем выживания и развития. Частота «вызовов — угроз», особенно со стороны природы (экологии), у кочевых сообществ всегда была намного выше, чем у западноевропейских народов. В древней и средневековой степи не случайно жили только кочевники, но не земледельцы. Характерно, отмечают авторы книги «Судьба степей», что до Золотой Орды Великая степь не была страной городов. Климат степей Евразии плохо приспособлен не только для земледелия, но и для жизни людей. Степь предопределяла типологию образа и уклада жизни, ориентиры и приоритеты в системе духовных ценностей, адекватные задачам выживания и развития. Если оседлость, привязка к земле, культивировала труд пахаря, то в степи каждый мужчина прежде всего должен был быть воином, что не исключало, а скорее предполагало пионерство, совершение прорывов в технологической, военной, хозяйственной и в иных сферах жизнедеятельности.

Нестандартность в формировании «ответов» на «вызовы» времени и природы была присуща и золотоордынской цивилизации. Проблема удержания и мобилизации покоренных народов в составе империи континентального масштаба не могла быть решена исключительно силовыми методами. Империя должна была позаботиться о своем реноме, имидже, о правопорядке, а также комфортности, свободе и безопасности подданных. Территориальная протяженность и мобильность кочевой цивилизации, связанные с масштабностью империи, вызвали к жизни функцию посредничества в торговой, информационной, коммуникативной сферах. С решением именно этих целеустановок, задач выживания и развития до уровня самодостаточности и конкурентоспособности объясняется взлет экономической мощи, градостроительства, ремесленничества и торговли в Золотой Орде.

В поисках ответов на вопросы об источниках-факторах, способствовавших созданию мировой империи, по своим параметрам не знавшей аналога, в исследовательской среде формируется взгляд об особо важной роли — миссии в ее становлении и развитии знаний, просвещения, информации. Возникновение кочевых империй (Монгольской империи и Золотой Орды) стало результатом интеллектуального, информационно-технологического рывка. Объединение в рамках единого централизованного государства многих этнокультурных величин и политико-административных единиц означало не только одномоментное резкое (в сотни раз) увеличение обмена информацией, знаниями, генетическим фондом, накопленными дальневосточной, ближневосточной и европейской цивилизациями, но и сохранение и стабилизацию достигнутого уровня информационного обмена на длительное историческое время. Эффект совершенного интеллектуального прорыва производит впечатление «термоядерного информационного взрыва» (Э.С.Кульпин). «Взрыв», который открыл шлюзы для тех направлений исторического творчества, которые в своем совокупном единстве и «слепили», сформировали золотоордынский цивилизационный феномен.

Если гипотеза о значимости информационно-технологического обеспечения и информационного обмена как стратегического ресурса развития золотоордынской империи длительное время недооценивалась (и даже считалась ошибочной), то на стадии становления информационного общества и представления о самой себе формула «владеющий информацией, владеет миром» приобретает силу

исходного методологического принципа для анализа вообще масштабных государственных (федеративных или конфедеративных) объединений. Информационный обмен, вызывая к жизни рынок, торговлю (важнейший соединительный «нерв» процесса коммуникации), строительство городов (важнейшей предпосылки создания цивилизации и критерия цивилизованности) и создание широкой инфраструктурной сети (фактора обустройства осваиваемого пространства), придавал процессам интеграции народов, взаимодействия и синтеза культур объективно-исторический характер. Однако, во-первых, речь вовсе не идет о стихийном развитии информационного обмена: он является стержневым элементом культуры мирного сосуществования, взаимодействия и соседствования в режиме соразвития. И информационный обмен, осуществлявшийся в Золотой Орде, — это мировоззренческая установка, осознанный философский посыл, политический и культурно-цивилизационный ориентир. Во-вторых, процессы информационного обмена между народами и территориями — землями, входившими в состав империи, автоматически не обеспечивали равноокультуривающий эффект. «Наибольшие дивиденды имели те социальные группы, этносы, которые были подготовлены к принятию нового предыдущим развитием. Не готовые к восприятию новых технологий, ценностей, представлений о мире и о себе остались в стороне — на обочине прежде всего духовного, а затем уже материального богатства жизни, или даже за обочиной».

Информационно-технологический «взрыв» дал возможность Золотой Орде воспользоваться преимуществом своего географическо-геополитического положения, ролью посредника между Западом и Востоком. «Кочевники в силу своего подвижного образа жизни объективно играли важную подвижническую роль в перемещении различных культурных достижений и идей на большие, порой громадные расстояния, распространяя их как среди оседлых, так и кочевых народов, которые в силу большой отдаленности часто и не знали даже о существовании друг друга». Одной из форм выполнения кочевниками возложенной на них исторической миссии было участие (в разных формах) в торговле между народами и странами. Межконтинентальному посреднику был выгоден прогресс торговли в самом широком смысле слова, т.е. подчинения ее интересам организации всей жизнедеятельности государства. Только этим стремлением можно объяснить государственный уровень, характер создания и постоянного совершенствования системы обслуживания торговых путей с предоставлением большого набора услуг: станции технического обслуживания, так называемые ямы; караван-сараи в виде комплекса гостиниц, трактиров и почтовых служб. В качестве инструмента интенсификации торговли и торговых связей был введен режим наибольшего благоприятствования для иноземцев, занимающихся торговлей и производством, а золотоордынским купцам государство предоставляло льготы и ссуды. До этого времени подобный режим имели лишь торговые республики Италии, во всех же остальных государствах Центральной Европы торговцы облагались многочисленными пошлинами, а дороги, по которым пролегал их путь, никогда не были безопасными.

Характеризуя степень культивирования и патронажа торгового дела со стороны государства, известный татарский историк Г.Газиз (Губайдуллин) определяет ее как четко выраженный, осознанный идеал: порядок во имя торговли. Ибо все, что делалось для развития торговли, — «работало» на усиление экономической мощи, повышение уровня жизни и безопасности государства.

Торговля определяла социокультурный облик Золотой Орды как страны торговой, как связующего моста между крайними полюсами внутри самой империи, а также между культурно-историческими системами Европы и Азии. Она влияла на формирование особенностей характера, традиций и менталитета народов, входивших в состав Улуса Джучи. Во многом благодаря торговле Улус был самым богатым государством в Европе. Торговля являлась также важнейшим фактором консолидации целого спектра этноконфессиональных сообществ империи, превращения их в культурно-цивилизационную общность (систему).

С развитием торгово-коммерческой сферы связано главное цивилизационное достижение Золотой Орды — рождение и расцвет городской культуры. «В географическом центре государства, — пишет Э.С.Кульпин, — на пустом месте возникла степная гардарика — система городов. Это был эксперимент чрезвычайной трудности. Не случайно создание системы городов в степях стало возможным в России лишь в эпоху промышленной революции — в XIX в. Степная городская цивилизация является убедительным свидетельством в пользу мощи и организованности государства и пассионарных возможностей системообразующего этноса… В XIV в. число городов и горожан Золотой Орды было сопоставимо с таковыми в Западной Европе, а уровень бытовой городской культуры превосходил таковые в Западной Европе».

В золотоордынских городах действовали водопровод, системы городских бассейнов и фонтанов для снабжения населения водой. Были проложены канализационные стоки из деревянных труб, отводящих нечистоты из всех районов города. Активно функционировали общественные бани, начало традиции строительства которых, как уже было отмечено, относится к хуннской эпохе. В Волжской Булгарии общественные бани являлись местом проведения дискуссий, «презентаций» философских трактатов, обмена информацией. В золотоордынских городах бани выполняли еще и функцию центра делового

общения: там встречались купцы и дипломаты, путешественники и политики, художники, богословы и ученые самого разного профиля, т.е. они выполняли миссию современных клубов.

Если высокий уровень городской бытовой культуры отвечал задаче повышения комфортности, привлекательности и стабильности населения, то места дислокации каждого нового города определялись их важнейшей функцией — обслуживания земледельческой периферии, торговли и торгово-караванных путей. Они возникали прежде всего на направлениях двух главных транспортных путей Евразии: сухопутного широтного Великого шелкового пути и меридионального речного Великого волжско-каспийского пути.

Задачам обеспечения внутренней устойчивости и усиления влияния на евразийском геополитическом пространстве отвечала и формирующаяся модель политической системы и государственного устройства Золотой Орды. Своеобразие этой модели состоит в том, что она активно впитывала в себя культурно-политические ценности, традиции различных стран и этносов, успешно соединяла монгольский, булгарский и тюркские этнические субстраты с китайским, арабо-персидским и славяно-византийским культурно-историческими кодами. Эту особенность мы видим как в универсализме, так и в специфике государственного строя и разнообразии общественной жизни Золотой Орды.

Социальная структура золотоордынского общества отражала пестроту национального и классового состава населения, поэтому в Орде не существовало четкой сословной организации, подобной западноевропейской. В немалой мере это было связано с отсутствием на территории империи системы феодальной собственности на землю. Верхнюю ступень в феодальной иерархии Орды занимали потомки Чингисхана и его сына Джучи — Чингизиды-Джучиды. Этому роду принадлежали земля государства, государственная казна, дворцы, стада, сады и другие богатства. Джучиды имели преимущество в праве занимать высшие государственные посты и военные должности. В течение столетий Чингизиды сохраняли свое привилегированное положение в постордынских ханствах, а затем в феодальных государствах Средней Азии и Казахстана. Модель ханской власти в немалой степени копировала восточные деспотии: кроме того, что хан был верховным собственником, он был также верховным главнокомандующим, от его имени осуществлялась внешняя политика (заключался мир и объявлялась война), он был главой исполнительной власти, назначая и сменяя высших должностных лиц. Хан определял и законы. Для решения и утверждения вопросов престолонаследия, войны и мира, других важных общегосударственных дел в Орде сохранился и аристократический представительный коллегиальный орган — курултай, в котором участвовали представители правящей династии, эмиры, нойоны, темники, высшее духовенство.

Нойоны (беки) составляли следующую после Чингизидов иерархическую ступень. Они вели свою родословную от сподвижников Чингисхана и его потомков. Обычно они назначались ханами на государственные и военные должности даругов, темников, тысячников и баскаков. За службу получали от ханов тарханные грамоты, которые давали специальные привилегии. Иерархия татарских феодалов в ордынских ханствах выглядела следующим образом: «улуг бек, тубэн бек, улус бек (удельный князь), иль бек (князь), тархан (соответствует европейским рыцарям)».

Самым многочисленным привилегированным военно-феодальным слоем были нукеры — дружинники крупных феодалов, которые часто занимали средние и низшие военно-административные должности в отрядах — сотников, десятников и т.д. Часть нукеров имела тарханы от хана или других высших должностных лиц. Практиковалась особая форма пожалования феодалам — суюргал, распространявшегося на кочевое и оседлое население.

Заметную роль во властной иерархии Золотой Орды играли представители духовенства, исламские священнослужители — шейхи, муллы и др., а также признаваемые властью священнослужители православия, буддизма, католицизма и язычества. Цивилизационная неоднородность составлявших Орду государств привела к тому, что в состав правящей элиты попадали выходцы из местной знати — племенные и родовые старейшины, вожди племен, местные феодалы и князья, особенно в имевших традиции государственности районах Средней Азии, Кавказа, Крыма, Поволжья.

Основную часть населения в степных районах Орды составляли кочевники-скотоводы — карачу, подчинявшиеся племенным вождям и родовым старейшинам. Лично свободные, они были тесно связаны с родовой общиной и государством, несли повинности и принимали участие в ополчении. Земледельческое население оседлых районов Орды делилось на сабанчи, которые жили сельскими общинами, обрабатывая помимо своей земли поля феодалов и выполняя различные повинности. Уртакчи-издольщики обрабатывали землю феодала или государства за долю в урожае. Городское население составляли купцы, ремесленники, феодалы и их слуги.

В Золотой Орде существовала и весьма специфическая форма рабства. Рабами обычно становились пленные и жители завоеванных стран, они использовались в строительстве и ремесленном производстве, часто выполняли функции слуг. Итальянец Плано Карпини упоминал, например, о русском художнике, золотых дел мастере Кузьме, который работал в 1240-х гг. при дворе великого

хана Гуюка, о русском зодчем (имя не было указано), о парижском «золотаре» по имени Гийом при дворе Менгу хана. Однако в большинстве случаев рабы инкорпорировались в местную социальную среду и постепенно становились или феодально зависимыми, или получали свободу, уравниваясь в статусе с местным населением.

Административно-управленческая система Орды восприняла немало черт восточных деспотических государств — в частности, Китая, среднеазиатских стран, Ирана и Арабского халифата. К концу XIII в. были созданы диваны (центральные канцелярии) по отраслям управления. Делопроизводством заправляли секретари и переписчики (битакчи). К высшим должностным лицам относился визирь, ведавший казной, налогами и общим государственным управлением в целом. Он назначал баскаков, битакчи и других чиновников. При нем велся и общеордынский дафтар — перечень поступлений в казну. Высшая военная власть сосредоточивалась в руках бекляри — бека, старшего из четырех улусных эмиров, руководившего военными высшего звена — эмирами, темниками и тысячниками. Кроме него, при дворе находились два эмира, выполнявшие важные поручения хана и визиря, а также высший чиновник бакаули (заместитель по тылу), ведавший снабжением и вооружением армии, учетом и распределением трофеев.

Огромными полномочиями на местах обладали наместники — эмиры улусов. Как правило, они были членами ханской династии, родовитыми и влиятельными нойонами. В XIV в. власть областных наместников еще более расширилась, а их ленные владения стали наследственными. В их подчинении были гарнизоны, военные отряды и множество чиновников. В армии хана Тимур-Кутлуга служили уланы правого и левого крыла, тысяцкие, сотские, десятские, беки, даруги селений, кадии, муфтии, шейхи, суфии, писцы палат, таможенники, сборщики податей, букаули, заставщики, ямщики, кормовщики, сокольничий, бареничи, лодочники и мостовщики. В ярлыках перечислялись многочисленные представители исламского духовенства, ведавшие делами религии и судопроизводством.

В Золотой Орде была развита система права и судопроизводства. Ордынское право носило многокомпонентный характер, отражая цивилизационное многообразие культурных традиций народов, составивших ордынский суперэтнос. Это монгольское право — Великая яса Чингисхана 1206 г., содержавшая 33 фрагмента и 13 изречений самого хана; монгольское и тюркское обычное право; исламское право — шариат, действовавшее еще в доордынский период в Волжской Булгарии и странах Центральной Азии; в русских землях это «Русская правда».

В книге Р.Фахретдина «Ханы Золотой Орды» приводятся весьма ценные пояснения должностей и званий, характеризующих особенность иерархической структуры ордынского общества: «отлак» — звание, состоящее из 4 степеней — это темник, тысячник, сотник, десятник; «бек» — 2 степени — «улу» (большой), «кичи» (малый), кроме того, «кисекчи» и «куручи», составлявшие гвардию хана; лица духовного звания — это «кади» (судья), «муфтий» (знаток шариата, принимающий решения по спорным вопросам), «мударрис» (учитель); чиновные должности и профессии — это «алпаут» (вельможа), «даруга» (отвечал за сбор дани), «тюмень» (темник), «тюменьбек», «илчи» (посол), «баскак» (даруга), «диван битарчи» (писец палаты), «тамгачи» (таможенник), «тырнакчи» (весовщик), «шусунчи» (интендант), «юртчи» (архитектор), «юл арачи» (смотритель дорог), «туткаул» (караульный), «перчи» (строитель мостов), «кимэчи» (лодочник), «ямчи» (почтальон), «аучи» (охотник) и др.

Золотая Орда была высокоорганизованным, поликонфессиональным и полиэтничным конфедеративным государством, субъекты которого пользовались широкой политической, экономической и культурной автономией. «В нем не только не подавлялось разнообразие культур и конфессий, но защищалось право личности на духовное инакомыслие, чем это государство разительно отличалось от других. В период расцвета уровень политической и духовной свободы в этом государстве намного превосходил таковые на Ближнем Востоке и в Западной Европе». Нам неизвестно, насколько четко осознавалась и в обществе (на низовом уровне), и правящей аристократией (на верхнем уровне) роль национального фактора и стабильности межэтнических (межконфессиональных) отношений. Можно лишь по итогам модернизации всей кочевнической системы (имеется в виду вся совокупность реформ — военная, хозяйственная, судебно-правовая, политико-административная, налоговая и др.) констатировать, что формирование и функционирование Золотой Орды, безусловно, происходило на основе осознания значимости учета и сохранения этнокультурных, конфессиональных, мировоззренческих и иных особенностей включенных в империю народов. Об этом свидетельствует и практика формирования главных административных единиц государства — улусов по территориальному и этнокультурному принципу.

Властным центром, ядром степной империи были земли Дешт-и-Кипчак. В состав государства были включены территории традиционно оседлых областей с древними ремеслами, торговлей и культурой — это левобережный Хорезм, Волжская Булгария, мордовские земли, Северный Кавказ, Крым и Молдавия. Северо-восточные и частично южные русские земли территориально не входили в

Орду, но находились от нее в вассальной зависимости и платили дань. Земли к западу от Хорезма, где правили потомки Батыя, составили Белую Орду (Ак Орда), а низовья Сырдарьи и восточная часть улуса, где правили потомки брата Батыя — Орды-Ичена, именовались Синей Ордой (Кок Орда). Основой такого деления являлся учет этнокультурных особенностей кипчакского и огузского союзов племен.

Система государственного управления представляла собой «кальку» управленческого опыта Чингисхана. Следуя чингизидскому образцу и копируя его, население Золотой Орды также было поделено на два типа в соответствии с их традиционным менталитетом, образом и укладом жизни.

Первый тип — население степных кочевнических районов. Оно управлялось через систему улусов. Улус — это объединение разноплеменных людей, отколовшихся от своих родов и ведущих кочевой образ жизни под властью какого-либо хана. Улусы — наиболее федерированные структруры империи, обладавшие реальной автономией. Кочевое население улусов платило два вида натуральных налогов — общеимперские и местные. Улусы являлись составной частью империи до конца 50-х гг. XIII в. В начале 60-х гг. XIII в. они превращаются в самостоятельные государства, что также подтверждает мысль об эффективности этнотерриториальной модели государственного устройства и функционирования Золотой Орды.

Второй тип — это население оседло-земледельческих районов и городов. На этом уровне была создана централизованная, общеимперская система управления. Города с прилегающими к ним территориями являлись собственностью не улусных правителей, а великого хана. Великий хан управлял городами и населением земледельческих районов с помощью специального чиновничьего аппарата: *даругчинов,* назначаемых ханом правителей; *тамгачинов,* сборщиков налогов и податей; *баскаков,* воевод специальных охранных отрядов.

Величина налогов для обоих типов населения была одинаковой и составляла одну десятую часть имущества податного населения. Такая практика мотивировалась стремлением учесть особенности и сочетание двух образов жизни — кочевничества и оседлости, что придавало империи большую степень устойчивости.

Золотая Орда, таким образом, являла собой конгломерат улусов, представляющих как бы два культурно-хозяйственных мира: мир кочевников (воинов и скотоводов) и мир оседлых земледельцев и горожан (ремесленников и торговцев). Спектр народов, населявших Орду, составляли волжские булгары, буртасы, мордва, чуваши, марийцы, башкиры, ясы, черкесы, русские, персы, азербайджанцы, армяне, грузины, греки. Однако основную массу населения Золотой Орды, особенно степной ее части, составляли покоренные монголами кипчакские (половецкие) племена. С.А.Плетнева поясняет обстоятельства усиления половецкого компонента в булгарских землях Золотой Орды так: «Большое число половецких воинов, лишенных собственных половецких предводителей, перешли в войска монгольских военачальников… Очень много половецких сотен участвовало в завоевании Волжской Булгарии. По окончании этого похода и полного подавления сопротивления болгар, видимо, много половцев осталось в этой богатой стране на землях, частично освободившихся от местного населения, перебитого завоевателями или бежавшего на соседние территории. Половецкий (кипчакский) язык стал языком населения в Волжской Булгарии в золотоордынское время и сохранился там и по сей день».

Относительно небольшой монгольский этнический компонент в Золотой Орде составлял, согласно источникам, около 4000 человек и состоял главным образом из монгольской имперской элиты и военно-политической аристократии. Арабский историк первой половины XIV в. Ал-Омари, описывая Золотую Орду и ее население, указывал, что в древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары (монголы. — *Авт.*), кипчаки стали их подданными. Потом они (монголы) смешались и подружились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монгол), и все они стали точно кипчаки оттого, что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на землях их (кипчаков).

Действительно, уже в XIV в. господствующим литературным языком в Золотой Орде стал не монгольский, а тюркский, включавший в себя немало половецких и огузских элементов с заметной долей арабских и персидских заимствований. Тюркский язык ордынского периода отличался от древнетюркского языка тем, что в нем постепенно нивелировались различные диалекты и усиливалась кипчакская составная. Результаты такой эволюции языка отражены в латино-половецком словаре (Codex Cumanicus), составленном в начале XIV в. для европейских купцов, торговавших с Золотой Ордой; в официальных грамотах ханов (например, ярлыки Тохтамыша 1382 и 1393 гг.), в литературных памятниках — «Мухаббат наме» и «Гулистан» и эпиграфических памятниках.

Формирующийся широкий формат взгляда на историю периода Золотой Орды позволяет объективно и всесторонне оценить ее цивилизационное значение и с точки зрения накопления интегративного опыта. При всем неприятии насильственных методов создания империи необходимо признать, что был осуществлен эксперимент по апробации эффективных форм интеграции сложносоставленного, полифонического (в этническом, конфессиональном и культурно-

цивилизационном плане) человеческого сообщества в евразийском континентальном масштабе. Многие аналитики и исследователи отмечают феномен наступления политической стабильности, нормализации общественных отношений и усиления объединительных тенденций не только на территории Золотой Орды, но и во многих государствах Евразии от Западной и Восточной Европы (в том числе и на Руси) до Китая.

Успех этого исторического эксперимента в решающей мере определялся степенью овладения наукой и искусством обеспечения мирного сосуществования и продуктивного взаимодействия народов, относящихся к разным культурно-цивилизационным мирам. Тогда на громадной исторической арене столкнулись несколько культурных миров: кочевников-скотоводов и оседлых жителей лесостепи и лесной зоны; земледельцев и охотников, мир сельский и городской. Столкнулись и вошли во взаимодействие десятки народов и племен как минимум 4-5 языковых групп — собственно монгольская, тюрко-кипчакская, славянская, иранская, кавказская и др. Они принадлежали культурному миру ислама, буддизма, православия и католицизма, а также языческих традиционных верований. Вошли в более тесное взаимодействие древнейшие цивилизационные архетипы культур: восточный (китайский, среднеазиатский, арабо-персидский, индийский) и западный (греко-византийский, романо-германский). Особенно заметно этот процесс повлиял на развитие двух этноцивилизационных общностей, территория которых оказалась границей и местом встречи двух миров (Востока и Запада), а затем и двух религий (ислама и православия) — русской и тюрко-булгарской субцивилизаций.

Эти субцивилизации в результате достаточно длительного взаимного воздействия сотрудничества и соперничества в главных сферах общественной жизни приобрели качественно новые характеристики. Этот вывод представляется более важным, нежели бесконечная констатация в литературе жестокостей и разрушений, сопровождавших монгольско-ордынские рейды по городам и странам Азии, Восточной и Центральной Европы. Ордынский кочевой мир преследовал цель не столько разрушения (а тем более уничтожения) оседлых цивилизаций, сколько попытку расширить ареал своего влияния. Кочевники стремились в первую очередь включить в состав своей империи степные территории, необходимые для выпаса скота и разведения все новых табунов коней, необходимых для поддержания мощной конницы. Объектом их интереса становились земли и народы, прилегающие к стратегически важным торговым, культурным, информационно-коммуникативным путям. Прагматичный подход диктовал не разрушительную, а развивающую эти территории политику.

Земледельческие территории, ремесленно-торговые поселения и города рассматривались кочевниками как источник поступления регулярной дани — хлеба, товаров, денег. При условии признания верховенства ханской власти и регулярной уплаты налогов монголы, а затем и ордынцы, оставляли местной власти значительную долю самостоятельности; более того, они не стремились уничтожить основы локальных культур, монголизировать или трансформировать этносы или изменить их менталитет. Сами победители-монголы, оказавшись в среде побежденных народов, носителей более древних и развитых культур, довольно быстро ассимилировались в новой среде, переняли язык, традиции, верования, образ жизни покоренных этносов. Потомки Чингисхана — Чингизиды, положившие начало многим монархическим династиям Востока, и представители высшей монгольской элиты, составлявшие их ближнее окружение, быстро инкорпорировались в новую для них культурно-цивилизационную среду в различных регионах огромной Монгольской империи.

За одно-два поколения дети и внуки Чингисхана, вставшие во главе крупных государств, в значительной мере восприняли культурно-цивилизационные традиции этих стран, адаптировали к ним элементы и компоненты монгольской культуры. Так, внук Чингисхана Хубилай-хан, завершив завоевание Китая и оставаясь великим монгольским ханом, провозгласил себя китайским императором, основав династию Юань, просуществовавшую почти столетие. Потомки сына Чингисхана Джагатая (Чагатая), правившие в Восточном Туркестане, Мавераннахре и Семиречье, восприняли традиции среднеазиатских, главным образом тюрко-мусульманских цивилизаций раннего средневековья. После завоевания Ирана, Афганистана, Туркмении, Ирака и восточной части малой Азии внук Чингисхана Хулагу-хан основал династию Хулагуидов (или Ильханов), которая адаптировала культурные элементы четырех цивилизаций — монгольской, тюркской, арабской и персидской. Монгольские этнические корни прослеживаются в среднеазиатской династии Тимуридов, основанной Тимуром, и династии Великих Моголов в Индии, основанной их потомком Бабуром.

Те же процессы культурной конвергенции и ассимиляции наблюдались в Золотой Орде — западной империи, возникшей после распада Великой монгольской империи и управлявшейся Джучидами. Монгольский язык в новом государстве уже с конца XIII в. был вытеснен тюркским, а ислам вскоре превратился в государственную религию ордынской империи. Именно поэтому стало возможным органичное сплетение и «переплавление» нескольких культурно-цивилизационных потоков: собственно монгольского, тюрко-булгарского и тюрко-кыпчакского, арабо-персидского и в какой-то степени славянского.

Начало наиболее тесных ордыно-русских взаимоотношений в науке обычно связывают с упоминающимся в Лаврентьевской летописи приездом в 1243 г. великого князя Ярослава Всеволодовича в ставку хана Батыя, где он получил ярлык на княжение. Батый, таким образом, поставил себя в равнозначное положение с монгольскими ханами Каракорума, хотя лишь спустя почти четверть века при хане Менгу-Тимуре Золотая Орда стала самостоятельной. Вслед за Ярославом Всеволодовичем Батыевы ярлыки получили князья Владимир Константинович, Борис Васильевич, Василий Всеволодович и армянский царевич Сумбат.

До строительства собственной столицы Батый имел свою ставку в «Болгарских землях, в городе Брягове» (Великом Булгаре), как именует его «Казанский летописец». Своим ярлыком Батый утвердил Ярослава Всеволодовича великим князем всей земли Русской, в том числе и киевской земли. Через год ханские ярлыки на княжение получили все русские князья. Так начался процесс консолидации русских земель, преодоления феодально-территориальной раздробленности. Л.Н.Гумилев увидел в этих процессах продолжение традиции соподчинения власти у русских князей: «Преемники Батыя — ханы немусульмане, а затем и ханы мусульмане, например, Берке — заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений. Ранее на Руси считалось, что существует лишь один царь-василевс в Константинополе. В русской земле правили князья — самостоятельные властители, но вторые лица в иерархии государственности. После взятия крестоносцами Константинополя (1204) и крушения власти византийских императоров титулом «царь» на Руси стали величать ханов Золотой Орды. Их так и называли: «добрый царь» Джанибек или «суровый царь» Узбек».

В процессе длительного взаимодействия Золотой Орды с русскими княжествами между ними установилась определенная система отношений. Российская имперская церковно-дворянская историография, создавшая концепцию «татаро-монгольского ига» («татарского ига»), односторонне трактовала эти отношения исключительно с негативной точки зрения, оценивая ордынский фактор как первопричину исторической отсталости и всех проблем последующего развития России. Советская историография (особенно сталинского периода) не только не пересмотрела миф о татаро-монгольском иге, но и усугубила его пороки классово-политическими аргументами. Только в последние десятилетия обозначилась смена подходов к оценке места и роли Золотой Орды как в общемировой, так и в национальных историях народов.

Да, ордынско-русские (тюрко-славянские) отношения никогда не были однозначными. Ныне все больше оснований утверждать, что они строились на основе продуманной схемы «центр — провинции» и отвечали императивам конкретного исторического времени. Потому Золотая Орда вошла в общемировую историю как образец прорыва и на этом направлении исторического прогресса. Золотая Орда никогда не была колонизатором, и «Русь в ее состав вошла добровольно принудительно, а не была покорена, как о том трубили на всех перекрестках. Русь была нужна этой империи не как колония, а как союзная держава». Итак, несомненен особый характер отношений Золотой Орды к Руси. Во многом им присущ формальный характер вассалитета, установление политики веротерпимости и охраны привилегий русской церкви, сохранение армии и права ведения русскими княжествами внешних дел, в том числе и права объявлять войны и заключать мир. Союзнический характер ордыно-русских отношений диктовался и соображениями геополитического характера. Совсем не случайно, что в армии Батыя насчитывалось почти 600000 человек, из которых 75% составляли христиане. Именно такая мощь и сдерживала Западную Европу от желания осуществить крестовый поход против татар и «окатоличить» Русь.

Мы согласны с аргументированным мнением Э.С.Кульпина, который считает необходимым ввести в научный оборот термин «славяно-тюркский суперэтнос». В силу того, что Золотая Орда, будучи поликонфессиональным и полиэтничным конфедеративным государством, где все земли (улусы) пользовались широкой политической, экономической и культурной автономией, так называемое татаро-монгольское иго стало временем, возможно, максимальной независимости личности у славян Восточной Европы. Действительно, непредвзятый анализ взаимоотношений Орды и Руси показывает, что Золотой Орде удалось создать такую систему управления, при которой традиционная власть русских князей над своими подданными даже усилилась, опираясь на военную мощь ордынского «хана-царя». «Ордынский фактор» умерял амбициозность удельных князей, толкавших русские земли к кровопролитным и разорительным усобицам. При этом толерантная природа Золотой Орды давала возможность усилить влияние церкви на развитие центростремительных процессов на Руси.

Православная церковь в средние века являлась одним из государствообразующих начал. Ее возможности возрастали по мере получения в рамках Золотой Орды того, чего она не могла получить от своей духовной праматери — византийской церкви. Речь идет о дефиците (недостатке) жизненного пространства, что задерживало процесс трансформации основы русской духовной культуры — церкви и превращению ее из локально-региональной системы ценностей в универсалистскую. Известно, что одним из факторов гибели Византии было внутреннее противоречие между универсалистской

интенцией христианства и нарастающим локализмом сжимающегося пространства, сведенного в конечном счете до сингулярной точки — Константинополя. «Само географическое положение Константинополя-Стамбула как будто специально промыслено для демонстрации византийской уникальности — а потому и обреченности: христианский универсализм, не имеющий себе адекватной формы и потому оказавшийся в локальной скорлупе, по сути, низводится до локализма азиатских цивилизаций».

Парадоксально, — отмечают Ю.Пивоваров и А.Фурсов, — но факт: именно монголо-ордынцы обеспечили русской церкви жизненное пространство, создали условия для ее трансформации. Они не были лишь обычными степными завоевателями, очередным выбросом «социальной радиации» из кочевой зоны. Гигантский масштаб и мировой размах монголо-ордынских завоеваний (Монгольская империя и Золотая Орда были первыми по-настоящему мировыми империями, объединившими тогдашний евразийский Универсум) были обусловлены и тем, что завоевания опирались на все основные азиатские оседлые общества, на их военные, социально-организационные и культурные достижения. В этом смысле, если Великая монгольская империя, став Великостепным подведением итогов азиатского цивилизованного мира Прибрежного Пояса, достигнутым им к XII в., создала возможность трансформации русской церковной системы, то Золотая Орда «проделала для православной церкви ту работу, которую последняя не была в состоянии выполнить самостоятельно». Она сломала «за нее и для нее исходный фактический локализм, придала ей универсалистскую интенцию».

Профессор А.Г.Мухамадиев справедливо отмечает, что «характерный для хазар и булгар индифферентизм, т.е. терпимость в отношении языка, вероисповедания и культуры покоренных народов, был присущ и Золотой Орде». Если для хазар и булгар, исповедовавших монотеистические религии, была характерна религиозная веротерпимость, то первые монгольские ханы-язычники чтили местных богов и покровительствовали жрецам, полагая, что этим обеспечивают милость новых богов и лояльность местного населения. Ислам принял брат и наследник Батыя — Берке хан, а «Узбек, самый могущественный хан Орды (1312-1342), превратил ислам в государственную религию». С принятием ислама в качестве государственной религии практика веротерпимости не пресеклась, особенно в отношении православных христиан. Еще в 1261 г. митрополит Кирилл с согласия и при поддержке ханской власти учредил в Сарае православную епархию, имевшую до 20 приходов, поставив во главе ее епископа Митрофана. Русские православные митрополиты, епископы, настоятели монастырей получали от ханов ярлыки, обеспечивавшие личную неприкосновенность православных служителей культа и привилегии духовенства, охрану церковного имущества и собственности. Единственным условием ханской власти было вознесение молитв за здоровье великого хана. За это обеспечивались всяческая поддержка православной церкви, сохранение ее духовно-идеологической роли в русском обществе и увеличение ее богатств и доходов.

При оценке характера и последствий ордынско-русских взаимоотношений важно подчеркнуть, что на протяжении столетий сожительства, взаимной ассимиляции, особенно в элитных слоях общества, происходило взаимопроникновение некоторых весьма значительных ментальных черт. Интересны размышления одного из столпов концепции евразийства князя Н.С.Трубецкого, утверждавшего, что «громадная русская держава» возникла «во многом благодаря прививке тюркских черт». В результате пребывания под властью татарских ханов создалось «неладно скроенное», но «крепко сшитое» Московское государство. Правы Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов, утверждая, что «Русь заимствовала у Орды технологию власти, фискальные формы, централизованные структуры». А ведь технология власти, централизованное правление страной, толерантная природа ордынской цивилизации влияли и на выбор направления развития русской государственности, русского языка, национального менталитета. «Ордынский излом русской истории, — писали они, — один из самых богатых, если не самый богатый по обилию пород».

К положительным последствиям золотоордынского владычества для Руси, замалчиваемым в отечественной науке, можно отнести то обстоятельство, что свобода, царившая в духовной сфере общества, привела к созданию высоких художественных образцов во всех областях русской культуры. Она способствовала и развитию религиозного искусства: иконописи, церковной музыки, религиозной литературы. Олицетворением этих достижений можно считать творчество художника-иконописца Андрея Рублева. Чувство национального унижения сменилось в народе благородным чувством преданности национальному идеалу. Религиозно-национальный подъем стал мощным фактором национального самосознания и культуры, чему в немалой степени объективно способствовала веротерпимость ордынской элиты. По мнению российских историков — создателей теории евразийства (П.Н.Савицкого, Г.В.Вернадского, Л.Н.Гумилева), русские были спасены от физического истребления и культурной ассимиляции Запада лишь благодаря включенности в Монгольский улус. Кстати, исследования последних лет показали, что население Руси за время так называемого ига удвоилось.

По мнению одного из классиков «евразийства» П.Н.Савицкого, ордынцы — нейтральная культура, среда, принимавшая «всяческих богов» в отличие от католической Европы. Русь стала платить дань сарайским ханам, одновременно ей было позволено иметь торговый флот на Волге, религиозную резиденцию в Сарае. Русская православная церковь была освобождена от всех видов налогов. Со своей стороны, Русь имела в лице метрополии, каковой была для нее Золотая Орда, духовную и военную поддержку в многочисленных войнах со своими северо-западными соседями, такими, как Шведское Королевство и немецкий Тевтонский орден, Польша и Великое княжество Литовское, Венгерское Королевство, Галицкая Русь, Волынь, Черниговское и другие княжества, бывшие вне покровительства Золотой Орды, ставшие жертвой католической Европы, объявившей крестовый поход против Руси и ордынцев.

Полиэтничная, толерантная природа Золотой Орды выгодно отличала ее от колонизаторской политики западных европейских соседей Руси, от агрессивных немецких и шведских феодалов, стремившихся к крестовому походу на Восток — в православные русские земли Пскова, Новгорода и других прилегающих русских княжеств. В XIII в. Русь встала перед выбором: на кого опереться в борьбе за сохранение национальной идентичности — на католическую Европу в борьбе против Золотой Орды или на Золотую Орду в противостоянии крестовому походу из Европы. Европа условием союза видела обращение Руси в католицизм или как минимум признание верховенства папы Римского, то есть унию православия и католицизма под ее властью. Пример западнорусских земель показал, что вслед за таким союзом может последовать иноземное феодально-религиозное вмешательство в светскую и духовную жизнь: земельная колонизация, обращение населения в католичество, строительство замков и костелов, т.е. усиление европейского культурно-цивилизационного давления. Союз с Ордой представлялся для русских князей и церковных иерархов меньшей опасностью.

Одним из первых выбор в пользу союза с Ордой сделал Александр Невский, разбивший в 1242 г. на Чудском озере войска крестоносцев. Став великим князем, он договорился с ханом Берке об уплате дани в обмен на военную помощь в борьбе против немцев, шведов и литовцев. Жестоко подавив сопротивление части новгородцев, не пожелавших стать ордынскими данниками, Александр Невский сохранил фактическую независимость Новгородской Руси. Такой союз с Ордой во второй половине XIII в., как подчеркивал Л.Н.Гумилев, «принес Северо-Восточной Руси вожделенный покой и твердый порядок». Исторический выбор князя Александра Невского, победителя шведов и тевтонцев, в пользу симбиоза с Золотой Ордой был, видимо, сделан исходя из соображений, основанных на выборе «наименьшего зла». Это было проявлением дальновидности и мудрости. Выбор был одобрен народом и освящен русской православной церковью. Причисление Александра Невского к лику святых — наглядное тому подтверждение. Союз с Ордой обеспечил русским князьям прочный тыл в продолжающемся противостоянии с Западом. После смерти Александра Невского в 1268 — 1269 гг. огромный отряд рыцарей перешел реку Нарву и стал приближаться к Новгороду, но одно появление в Новгороде ордынского отряда численностью в 500 человек заставило литовцев, даже не знавших численность отряда, заключить мир и повернуть обратно. Союз с Ордой позволил в конце XIII в. остановить процесс присоединения Смоленской земли к Литве. В 1274 г. смоляне «предложили своему князю добровольно подчиниться Орде и, поскольку Смоленск стал находиться под защитой татар, литовцы не рискнули его штурмовать».

Характеризуя цивилизационно-политическую модель взаимодействия русских княжеств с Ордой, Л.Н.Гумилев справедливо полагал, что «русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. …Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану…». Важно отметить и то, что ордыно-русская модель взаимодействия обеспечивала не только внутригосударственную автономность и независимость от внешнего мира. Золотоордынское влияние имело широкий и многогранный характер. Оно «осело» в глубинных нишах исторической памяти русского народа, сохранилось в его культурных традициях, фольклоре, литературе. Оно запечатлелось и в современном русском языке, где пятая-шестая часть его словарного запаса имеет тюркское происхождение.

Перечень элементов, составляющих ордынское наследие в значимых для становления и развития русской государственности, культуры и цивилизации величинах, широк и объемен. Он вряд ли может быть ограничен дворянскими родами татарского происхождения (500 таких русских фамилий); гербами Российской империи (где три короны символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское ханства); языковыми и культурно-бытовыми заимствованиями; опытом создания сложносоставленного в этноконфессиональном, хозяйственном и культурно-цивилизационном плане централизованного государства и формирования нового этноса.

Уходя от искушения войти в дискуссионное поле проблемы ордынско-русского взаимовлияния, попытаемся сформулировать обобщенное мнение. Если русский фактор способствовал расцвету цивилизационного могущества Золотой Орды и длительности ее воздействия на ход мирового развития, то Золотая Орда в свою очередь была фактором «собирания» русских земель и создания

централизованного Русского государства. При этом не можем не отметить, что путь к единению русских земель начался с Москвы — региона, где складывались наиболее тесные плодотворные двусторонние (ордынско-русские) связи и где ход истории предопределил минимальный среди русских княжеств уровень ксенофобии — неприязни к чужеземному, в том числе и прежде всего к ордынскому началу. Культурный слой ордынской толерантности в наибольшей степени концентрировался, оседал и укреплялся на московской «точке» русского цивилизационного роста.

Есть смысл подчеркнуть, что на золотоордынском этапе эволюции традиционных тюркско-славянских взаимоотношений произошло качественно значимое изменение. Восприятие золотоордынским мусульманским обществом православных русских княжеств стало иным, более толерантным. «Если в глазах Волжской Булгарии они представляли собой чуждый Исламу «Дар аль Харб» (Мир Войны), то, будучи и в фискальном, и в военно-мобилизационном отношениях составной частью единого имперского государства, связанной с мусульманскими правителями взаимными сеньориально-вассальными обязательствами, основанными на принципе подчинения-покровительства, они являлись «Миром Договора» («Дар аль-Агд»), то есть не контролируемой мусульманами автономией в составе исламского государства и, соответственно, должны были восприниматься более нейтрально, чем во времена Волжской Булгарии». Качественное изменение в характере двусторонних взаимоотношений подтверждается и таким явлением, как массовый переход позднеордынской кочевой знати на службу к московским князьям.

Золотоордынская модель цивилизации представляет собой уникальный феномен средневековья, интегрировавший ключевые характеристики многих культурных миров: восточного (исламского), европейского (русского), тюркского (булгарского). Синтез и рождение новых культурных и суперкультурных черт проходили в государственной, экономической, социальной, бытовой сферах. Торговый характер булгаро-тюркской субцивилизации в сопряжении с кочевым миром Дешт-и-Кыпчак, исламским и славянским мирами, структурированный имперским началом Улуса Джучи, предопределили бурный рост цивилизационных показателей Золотой Орды, интенсивность и масштабность ее взаимодействия и влияния на внешний мир. Евразийский контекст золотоордынской модели цивилизации, предопределенный геополитической и географической спецификой, был усилен мощнейшей этнокультурной и религиозно-конфессиональной «атакой» множества цивилизационных миров.

Через призму многоаспектного взгляда на историю Золотой Орды, ее место и роль в развитии тюркской, русской и общемировой цивилизации мы имеем основания считать осуществленный ею евразийский интеграционный Проект попыткой цивилизационного прорыва в истории человечества. В какой мере ее наследники, соседствовавшие с ней народы и государства усвоили этот опыт и вынесли из него поучительные уроки — это вопрос, относящийся к поколениям народов постордынского исторического времени.

Для татарского народа золотоордынский этап истории имел особое значение. Это был момент, имевший несколько альтернатив дальнейшей исторической судьбы, окончательного определения своей культурно-исторической идентичности. Выбор конкретной модели исторического развития определялся, прежде всего, имперским масштабом и характером нового мусульманского государства, осознавшего себя уже не отдаленной «провинцией» исламского мира, как это имело место в Волжской Булгарии, а самодостаточной единицей. Новому самоощущению способствовали особенности исторического момента. Среди них рост экономического, культурного и цивилизационного потенциала мусульманского общества Золотой Орды, смыкание его политических границ с остальным мусульманским миром. Немаловажным являлось и то, что именно тогда окончательно завершился эволюционный качественный сдвиг в глобальной структуре «Дар аль-Ислама». Она перешла от стремительной концепции халифата, ориентировавшей на жесткую централизационную вертикаль, к концепции султанатской конфедерации. В контексте таких изменений, внутренних и внешних, Золотая Орда, получив официальный статус султаната, обрела самостоятельность в своей внешней политике и становилась в ряд равноправных субъектов в системе султанатов. Совершенно прав Р.М.Гибадуллин, отмечая, что одной из причин обращения Джучидов к исламу как государственной религии было желание освободиться от сковывавшей творческую самостоятельность традиции общемонгольской государственности и выйти на общеисламское культурное и геополитическое поле в качестве суверенной величины. Весьма важное значение в обретении Золотой Ордой искомого статуса имело и создание нового института «сейидов» — особого духовного сословия, ведущего свое происхождение от пророка Мухаммеда. Для возвышения Казани, а затем и в превращении Казанского ханства в центр исламской культуры институт сеидства сыграл значительную роль.

Таким образом, на золотоордынском этапе был осуществлен исторический выбор модели самоопределения, вектора развития татарского народа. В конечном счете это был выбор между двумя цивилизационными системами ценностей. Если булгарская модель культурно-исторического самосознания ориентировала на возможность и достаточность развития государства в качестве части

мира ислама, то ордынская модель задавала обществу мобилизующую потребность самоутверждаться в пределах «татарского» мира как равноценной составляющей исламского мира. Речь идет о двух противоположных посылках-ориентирах для последующего исторического развития татарского народа: консервативно традиционалистской («булгарской») и инновационно-модернизаторской («татарской»). Эти сигналы-ориентиры шли из разных эпох. Если для булгарского мусульманского общества было жизненно необходимо иметь устойчивый идеал в виртуально-идеализированном, канонизированном образе Ислама, который предписано жестко отстаивать перед лицом внешних угроз, то это превращало булгар, по словам Рубрука, в «злейших сарацин, крепче держащихся законов Магометова, чем кто-нибудь другой». Золотоордынское время, напротив, делало мусульманское общество самостоятельным и раскованным в своем духовно-идеологическом творчестве. Культура Золотой Орды получила обозначение высокой культуры потому, что стала способной выходить за рамки официального канонического ислама и создавать этико-нравственные и философско-мировоззренческие учения как светского, так и суфийского характера. Она утверждала в обществе дух исторического оптимизма, культивировала образ активно-деятельностной личности, способствовала развитию в обществе критического настроя и социальной конструктивности.

Но выбор, совершенный между двумя этапными ценностными системами, нисколько не означает торжества победы одной над другой, исключения возможности «перетока» богатства идей, норм и принципов, присущих булгарской цивилизации, в открытую золотоордынскую историко-культурную систему. Более того, их переплетение и дополнение друг друга обеспечило завершение длительного процесса становления многокорневого исторического древа татарского народа. Именно поэтому и тогда, в период Золотой Орды, «татары вошли в мировую историю».

# Казанское ханство: Геополитическая конкуренция и межцивилизационный диалог

*Казань некоторым образом главное место, средоточение губерний, прилегающих к ней с юга и востока: они получают через нее просвещенье, обычаи моды. Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное… Казань — главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу.*

*А.И.Герцен*

Возникновение, расцвет и упадок любой империи всегда обусловлены характером, потребностями и особенностями исторического времени. Так, появление Монгольской империи и ее наследницы, Золотой Орды, приходится на момент вызовов раннего средневековья, когда происходит не только оформление основных цивилизационных регионов мира — европейского, арабо-мусульманского, индусского, китайского, но и начинает обостряться конкуренция между ними. При этом страны Востока в экономическом плане продолжали закреплять свой приоритет. Запад после распада Римской империи отставал в культурном и экономическом измерениях. Промышленность на Востоке развивалась динамичнее и набрала большую мощность, чем на Западе. В период средневековья в мире существовал 31 крупный город, из них 25 находились в Азии. В соответствии с экономическим развитием и демографическим ростом общецивилизационные перемены на Востоке происходили быстрее. Расцвет Золотой Орды был одним из проявлений приоритетного развития Азии.

На этапе позднего средневековья Золотая Орда выбывает из большой игры мировых цивилизационных сил. Но конкурентная борьба между ними на территории бывшей ордынской империи не только продолжается. Именно здесь фокусируются их амбициозные проекты. Евразийская арена конкуренции двух культурно-исторических систем — Европы и Азии становится главной. Волго-Уралье превращается в сердцевинную точку конкуренции. Казанский цивилизационный феномен является естественным и закономерным историческим продуктом сопряжения, т.е. конкуренции и диалога традиционных и новых центров силы.

Но появление казанской цивилизационной величины связано не только с перипетиями-метаморфозами, происходившими в эпицентре срединного пояса Евразии. Генезис и развитие Казанского государства необходимо поместить в более широкий, мировой контекст.

XV — начало XVI вв. — это эпоха всеобщих и локально-цивилизационных, военно-политических и этногосударственных сдвигов в Европе и Азии, невиданных ранее масштабов цивилизационной

экспансии, межконтинентальной колонизации афро-азиатской периферии Старого, а затем и Нового Света — Южной, а позднее и Северной Америки. Это время поиска новой конфигурации отношений между этносами, религиями, культурами, народами и государствами на Востоке Европы, время развертывания диалога, осложненного противостоянием цивилизаций и субцивилизаций, создания новых типов государственности и интенсификации процессов этнической консолидации.

Наследник Золотой Орды — Казанское ханство, оно было не только втянуто в эти процессы и тенденции эпохи позднего средневековья, но и стало ее важнейшим историческим субъектом в евразийском пространстве. Казанское ханство не было производным явлением игры внешних сил, а имело собственно-корневые, этноконфессиональные и регионально-цивилизационные основы. Если одной из таких корневых основ являлась Золотая Орда, то другой не менее существенной материнской исходной выступает Волжская Булгария. «Не приходится сомневаться в том, — как отмечает И.Р.Тагиров, — что, с одной стороны, оно являлось осколком Золотой Орды и во многом было ее продолжением, а с другой стороны — продолжением Булгарского государства». Преемственную связь этих начал можно видеть в том, что основателями Казанского ханства являются ордынские ханы. «Возникновение Казанского царства можно почесть восстановлением самой Золотой Орды», — так отметил особенность оформления Казанского ханства профессор Фирсов. Но, конечно, была и более тесная связь двух праматеринских цивилизационных начал. Имеется в виду то, что общей была «сцена» жизнедеятельности и Волжской Булгарии, и Золотой Орды; татарский этнокультурный элемент доминировал в обоих государствах, и, наконец, общей духовной скрепляющей этих двух начал был ислам.

Вот почему историческая перспектива Казанского ханства, типология его государственности, культуры и духовности определялись исходом взаимодействия, степенью синтеза двух корневых духовно-ценностных систем — булгарской и золотоордынской. Мощная исходная историческая основа (многовековой опыт и традиции государственности, экономического, культурного строительства, организации эффективного взаимодействия между разными этноконфессиональными, цивилизационными величинами, а также ведения результативной внешней политики и дипломатической деятельности), с одной стороны, а с другой — историческая необходимость перерастания этой основы в новое качество и превращение Казанского ханства — в соответствии и в русле европейских государствостроительных тенденций в современный тип централизованного национального государства — все это открывало возможность обеспечения переплетения двух противоположных историко-культурных посылок. Речь идет, как уже отмечалось, о востребованности для Казанского государства сочетания консервативно-традиционалистского («тюрко-булгарского») и инновационно-модернизаторского («ордынско-татарского») подходов. От умения решить эту историческую задачу зависела как внутренняя мощь государства, так и внешняя его безопасность, обеспечивать которую в условиях перемещения оси геополитической конкуренции в координатах «Европа — Азия» в поволжский регион также превращалось в сложную проблему.

Суть задачи сводилась к подведению под единый знаменатель булгарского самосознания, ядром которого являлась региональность (провинциальность), автохтонность, противостоявшая интегрирующей логике централизованного государства и золотоордынской способности осознавать свою культурно-историческую самотождественность и самодостаточность. По образному выражению Р.М.Гибадуллина, «золотоордынский («татарский») дух собственного величия и исторического дерзания должен был получить прописку на «священной» булгарской земле и вступить с ней в официальный, законный союз с тем, чтобы во имя ее будущего родить духовный уклад новой общности».

На казанском историческом «майдане» впервые была предпринята попытка осуществления проекта «переплавки» многокорневого этнокультурного общества в единый народ и через «собирание» частей распавшейся империи (золотоордынских земель) — создания централизованного национального государства, адекватного вызовам времени. Задача примерно такого характера не раз вставала перед народами и государствами на последующих этапах евразийской истории («собирание» русских земель и формирование российского централизованного государства, создание СССР, рождение новой, федеративной России, становление СНГ). Результаты каждого такого эксперимента были разными.

Попробуем коротко рассмотреть, в какой степени удалось решить эту задачу Казанскому ханству. Создание Казанского ханства в литературе связывают с именами золотоордынского хана Улу-Мухаммеда (1438–1439) и его сына Махмутека (1445). Ордынские ханы, захватив Казань и свергнув местную булгаро-казанскую династию, заложили начало ее будущего величия. После распада Золотой Орды основную территорию Казанского ханства составляли северные и западные земли бывшего Булгарского государства, на западе границы доходили до реки Суры, а на востоке до Белой. Население государства было представлено тюркскими и угро-финскими народами — предками казанских татар, башкир, чувашей, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов), мордвы.

Казанское государство уже к середине XV в. стало политическим, экономическим и культурным центром, к которому тяготел почти весь тюркский массив востока Европы. В процессе его развития более четко очертились контуры казанско-татарской цивилизации — преемницы булгарской субцивилизации преимущественно как городской — торговой и ремесленно-сельской (земледельческой и скотоводческой). С приходом в Казань ордынской династии ее военно-феодальной знати обозначилось и постордынское цивилизационное влияние, коснувшееся главным образом военно-государственной сферы.

Династические, политические и дипломатические связи Казанского ханства с Астраханским, Касимовским, Крымским, Сибирским ханствами, степными ордами и тюркскими ханствами Средней Азии способствовали культурно-цивилизационному обмену и консолидации татарских государств восточной Европы. Многогранность и полицентризм казанско-татарской культуры подпитывались самобытным развитием местных княжеств — Булгарского, Жукотинского, Шонгутского, Алабужского и Чаллынского.

После включения булгарских земель в состав Орды Казань меньше других пострадала от междоусобных разорений и быстро восстановила ведущую роль в транзитной международной волго-каспийской торговле. Это способствовало совершенствованию ремесел и росту городов. По численности населения и богатству Казань стала третьим на востоке Европы городом после Москвы и Новгорода, а также крупнейшим торговым центром Поволжья и Приуралья. События середины XV в. в Казанском Поволжье объективно вели к восстановлению утраченной в XIII в. независимости. Это был противоречивый процесс, когда усиливалась регионализация бывшего ордынского военно-политического пространства. Политическая борьба велась на нескольких направлениях: против владычества постордынских авантюристов с одной стороны и против великорусского колонизационного давления с запада, нередко принимавшего форму грабительских набегов волжских пиратов-ушкуйников, — с другой. Конкуренция за господство на Волго-Каспийском водном торговом пути и торговых сухопутных путях из Поволжья в Среднюю Азию и Крым определяла геополитическую обстановку, степень противостояния экономических и политических интересов не только Москвы и Казани, но также косвенное участие в этих конфликтах Крыма в союзе с Турцией и Литвы в союзе с Польшей.

Возвышению Казанского ханства способствовали внутрисистемные резервы и ресурсы, новая геополитическая и экономическая ситуация, а также благоприятные внешнеполитические реалии. Важным фактором роста стало то, что Казань сумела установить мирные взаимовыгодные отношения с соседями на достаточно долгий для той эпохи период — с 1487 по 1521 г. (за исключением 1505 — 1506 гг.).

Эти экономические и культурно-цивилизационные отношения, получив дальнейшее развитие, явились стимулом перераспределения влияния и выдвижения Казани на роль доминирующего экономического и политического центра, особенно в связи с активным освоением казанцами северных частей бывшего Булгарского государства. Развиваются и возникают города Арск и Лаиш, Алат, Алабуга, Тетюш, Малмыж и др. К отхлынувшему в Заказанье еще в период монгольского завоевания булгарскому населению добавляются новые переселенческие волны внутренней миграции. Все более активно взаимодействуют в политике, экономике, культуре и хозяйстве тюркские и угро-финские народы. Политическая верхушка черемисов и вотяков заметно инкорпорируется в состав феодальной элиты ханства. Правящая элита прирастает пришедшими вместе с ханом Махмутом ордынскими феодалами, а впоследствии — выходцами из Крымского, Астраханского, Сибирского ханств. Все шире распространяется идентификационный символ — термин «татары». Д.М.Исхаков считает, что все «этнические общности, формировавшиеся в рамках татарских государств XV — середины XVI вв., можно рассматривать как субэтносы татарского народа».

Государственный строй Казанского ханства, по мнению М.Г.Худякова, сложился из двух составляющих: старой булгарской основы и татарского элемента. Для татарских ханств были специфичны система управления и феодальное устройство, унаследовавшие ордынскую традицию. Ведущую роль в политической жизни Казанского, Касимовского и Крымского ханств играли «карачи» — представители родов-кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак. Позднее таким родом стал Мангыт, а также Седжеут и Мансур. Карачи составляли диван (совет) при хане, власть которого особенно возрастала при малолетних ханах. Особым феодальным институтом власти в Казанском ханстве был курултай — собрание с законодательными и учредительными функциями. В курултае участвовали, во-первых, представители духовенства, во-вторых, военные и атханы, в-третьих, князья и мурзы. Курултай можно считать формой представительного собрания, состоявшего из трех сословий: духовенства, войска и земледельцев, которые решали важные вопросы войны и мира, дипломатических отношений, престолонаследия и провозглашения нового хана. В периоды междуцарствия вся полнота верховной власти принадлежала курултаю.

С одной стороны, форму государственного правления в Казанском ханстве можно рассматривать как неограниченную монархию в стиле восточной традиции ханского всевластия, с другой стороны —

частая смена ханов, приглашение их извне, частые свержения, конфликты, возникавшие между ханами и карачи-князьями (в 1496 г., например, между ханом Мухаммед-Эмином и князем Ураком, а в 1531 г. — между ханом Сафа-Гиреем и князем Булатом), особая роль высшей аристократии, наследование высших административных чинов государства — все это можно трактовать как ограничение власти хана феодальной аристократией. Хотя номинально Казанское ханство признавалось неограниченной монархией, но, как и в современных ему постордынских государствах, абсолютной ханская власть была лишь на землях его домена. На остальной территории система его власти обеспечивалась традиционным правлением местной знати и силой влиятельных полководцев-темников.

Весьма широкой и обстоятельной была бюрократическая система управления государством. М.Г.Худяков обратил внимание на преемственность казанской и ордынской систем управления, показав, что «золотоордынские ярлыки ясно рисуют всю эту систему, унаследованную тюрко-татарами от монгольского государства, впитавшего в себя традиции китайской письменности и административного дела.

Очевидна преемственность казанского и булгарского периодов истории. Немалая часть ордынских традиций государственности и управления оформилась под влиянием развитого управленческого опыта Булгарского государства. В ханской администрации и в дворцовом управлении заметную роль играли хранители казны, печати, ключей, ханского двора, ловчий и оружейничий. Делопроизводство осуществляла канцелярия, состоявшая из бахши (дьяков). В отдельных областях управления были заняты хакимы и кади, знатоки мусульманского законодательства, а также таможенники, стражники, сборщики налогов и другие чиновники.

Местный государственный аппарат действовал в рамках традиций и восточного права. Согласно одному из сохранившихся ярлыков хана Сахиб-Гирея, только для одной административной территории — даруги он состоял более чем из полутора десятка чиновников.

Земельные отношения в стране определяла своеобразная система вассально-ленной зависимости, отличавшаяся от феодальных порядков в сопредельных регионах, например, Русского государства и степных орд. Хан был верховным собственником земли, и крестьяне обязаны были платить ему ясак. Основную массу ханских вассалов составляли феодалы, имевшие суюргал, то есть пожалованные земли с крестьянами за военную службу и другие заслуги. Владелец суюргала был полновластным господином земли и крестьян, собирая с них налоги и неся за это военную службу. Военно-служилый аспект этих порядков предполагал обязательную явку по первому зову суюргальных феодалов с вооруженными отрядами для участия в походах хана или его военачальников. Сохранялись также традиционные для восточного мира тарханные отношения, дававшие феодалу — обладателю тарханной грамоты — ряд привилегий и прав: судебный иммунитет, освобождение от налогов, права доступа к хану и присутствия в ханском собрании. Массовую часть феодалов составляли мелкопоместные служилые мари-атланы и казаки, получавшие во временное пользование за свою военную службу земельные наделы.

Верхушку казанской феодальной знати составляли князья, эмиры и беки. Большая часть феодалов была представлена мурзами (аналог русского дворянства), атланами (сравнимыми по статусу с детьми боярскими) и казаками (ратниками-дружинниками). К ним примыкали инородческие князья и местная знать. М.Г.Худяков отмечает, что «число чувашских, черемисских и вятских князей было очень значительно, а самыми значительными из них были князья арские, владевшие уделом в вятской земле, по верховьям реки Казанки».

Как и в других мусульманских странах Востока, все стороны не только религиозной, но и гражданской жизни Казанского ханства регулировались шариатом — развитой для феодальной эпохи системой судопроизводства. В регулировании общественных и частных отношений значительным авторитетом пользовались судьи, знатоки мусульманского права (кадии).

Восприняло Казанское ханство и восточную традицию социальной стратификации. Зависимым от светских и духовных феодалов был простой люд — «халык» (народ), куллар (дворовые слуги). Сельское население обычно жило общиной. Существовала торговля пленными или привезенными из других земель рабами, но работорговля и использование рабского труда было несопоставимо меньше, чем в большинстве стран Востока. Пленные («чуралар») нередко сажались на землю и, получив свободу, превращались в крестьян.

Как в любом феодальном государстве, ведущую роль в Казанском ханстве играло военное сословие. Более того, под влиянием первых ханов военная структура государства копировала ордынское военно-политическое устройство. Ядро ханского войска состояло из отрядов ополчения ханского домена и ханской гвардии, включавших в себя ички-казаков. Основную часть армии должны были выводить феодалы, это были их ополченские отряды. Исторически случилось так, что за все время существования ханства ополчение собиралось лишь против одного военного противника — московских царей и воевод. Период обострения военного противостояния Москвы и Казани был связан

с устранением московского ставленника на Казанском престоле Шах Али и приходом к власти новой династии — крымских Гиреев.

Казанское ханство — это тип государства, в котором хотя и сохранялись исходно-матричные тюркские начала, но, пройдя историческую «селекцию» в монголо-ордынскую эпоху, они обрели более цивилизованную природу. Кочевническо-захватническо-имперские импульсы в нем уже не преобладали, а скорее находились в стадии «затухания». Казань не ожидала судьба очередного «потрясателя вселенной». Она готовила себя к иной исторической роли — через суммирование и материализацию достигнутого многими поколениями тюрко-татарского народа стать конкурентоспособной, культурно-цивилизационной величиной. Факторами успешного выполнения роли выступили как накопленный опыт исторической мудрости, степень цивилизационной зрелости, так и геополитическая роль посредника, медиатора-примирителя двух контрастных культурно-исторических систем — Запада и Востока. Отсюда вытекала философия ориентации на мир, развитие торговли, образования, науки, культуры и добрососедское эффективное взаимодействие с внешним миром.

Бесспорно компетентный специалист, историк Казани М.Худяков в своих вышедших в свет в 1932 г. «Очерках по истории Казанского ханства» приводил такие цифры: из 13 войн между Москвой и Казанью в 7 случаях инициатива войны исходила от русских (1467, 1478, 1487, 1530, 1545, 1549, 1550) и в 6 случаях со стороны казанцев (1439, 1445, 1505, 1521, 1523, 1536). Таким образом, обвинять Казанское ханство в завоевательных замыслах против Московского государства нельзя. Москва была не менее, чем Казань, повинна в тех войнах, которые возникли в Поволжье. Данный вывод подтвержден и автором книги «Татары и Русь», специалистом по истории международных отношений В.В.Похлебкиным.

Но историческое предназначение народа (государства) никогда не было тождественно варианту исторической судьбы, линии-повороты которой не просчитать. «Будущее, — по выражению французского философа XIX в. Пьера Буаста, — это канва, по которой вышивает ум, но рисунок его никогда не бывает верным». Историческая ситуация, характеризовавшаяся ростом напряженности между двумя соседями, историческая конкуренция между ними все более приобретали военно-политический характер.

Военная ситуация ослабляла внутреннюю животворную потенцию татарского народа. Она же вызывала бифуркацию татарского этноса, сказывалась на миграции татарских и тюркских этнических групп востока Европы. С 1530-х гг. к Казани стали стягиваться военные группы ногайцев, образовавшие большую дугу траекторией своих поселений на запад от Казани, где потомки переселенцев и поныне проживают, составляя часть казанско-татарского этноса. С военными событиями второй четверти XVI в. связан новый пласт укоренившихся в Казанском Поволжье восточных цивилизационных и политических традиций, а также вхождение в казанско-татарскую политическую элиту крымцев (мурза Бегадур, князь Челбак и др.), касимовцев (Шах Али, мурза Нур Али Городецкий), татар-сибиряков (Раст с сыновьями, Кебек) и других. На судьбы мигрантов влияло перманентное противоборство прокрымской и промосковской группировок феодальной знати ханства: и та, и другая при своем возвышении уничтожали наиболее опасных противников, всячески вытесняя чуждых. Оставшиеся в живых сторонники крымской ориентации обычно «отъезжали» в Ногаи и Крым, а промосковски настроенные князья, мурзы и атланы уходили в пределы Московского государства, в том числе в Касимовское ханство и прилежащие уезды, пополняя многочисленную татарскую по происхождению часть российского боярства и дворянства. Были и возвратные миграции, поощрявшиеся Москвой для усиления своего влияния на Казанское ханство. Подобные миграции расширяли диапазон межцивилизационных связей и продолжали формировать особую цивилизационную общность в Поволжско-Уральском регионе.

Однако спорадические перемещения немалой части казанской элиты в «ближнее зарубежье» имели и негативные последствия: усиление внутренней конфликтности общества (внутреннего раскола), обескровливание военно-служилой части казанского населения, что еще более дестабилизировало экономическую и политическую ситуацию, ослабляло военную мощь Казанского ханства. В годы, предшествующие походам Ивана IV на Казань, этот фактор предопределил, наряду с другими причинами, сначала потерю динамичного политического влияния в регионе, а затем утрату национального суверенитета и политической независимости.

Но и после событий 1551 — 1552 гг. у казанской аристократии и основной массы населения было вполне достаточно сил и пассионарной энергии для противоборства с московской колониальной мессианско-миссионерской политикой, а также для дальнейшей цивилизационной консолидации этноса, сохранения его культуры. Именно это и обеспечило «этноэкологию» татарской диаспоры в евразийском пространстве, способствуя сохранению в ней межэтнических толерантных установок и настроя, стремления и умения сохранять и развивать традиционные черты тюрко-татарской цивилизационной общности.

В XVI в. культурно-цивилизационные «сцепления» на евразийском пространстве выходят на новый виток. Военное противоборство на Востоке Европы представляет собой лишь один из аспектов этнокультурного взаимодействия цивилизационного диалога. Очевидно, что вековыми традициями этого цивилизационного диалога объясняются многие черты сходства государственно-политических институтов и стиля государственного управления Казанского ханства и Московского царства, которые, в свою очередь, перекликаются с цивилизационными традициями восточных государств. Историки уже обращали внимание на «тождество состава первых земских соборов и курултая» (М. Худяков). Многие видят сходство ханского совета (дивана) с Боярской думой при великих князьях и царях (В.В.Вельяминов-Зернов).

Известно, что регулярные переписи населения и налоговая система Руси испытали влияние монголо-татар, а потом тюрко-татар Золотой Орды. Целесообразно согласиться с исследователями истории российской дипломатии в том, что дипломатическое искусство Московского двора совершенствовалось в ходе политического диалога с Казанью и усваивало восточную дипломатическую традицию через казанский дипломатический опыт.

Тюрко-татарское цивилизационное влияние просматривается и в русской народно-обрядовой культуре: в обычае «бить челом», в выборе царской невесты посредством смотрин, в коронационном ритуале осыпания монетами, в одежде («кушак», «башлык», «бешмет», «башмак» и т.д.), в пище («кумыс», «каймак», «балык»). М.Г.Худяков одним из первых привел в своем историческом исследовании значительный список русских заимствований из татарского языка: в торговле — это алтын, амбар, базар, бакалея, балаган, балчуг, барыш, батман, деньга, караван, кощей, лабаз, майдан, маклак, магарыч; в военном деле — булат, атаман, есаул, казак, улан, богатырь, кремль, бахтерец, кинжал, кобура; в ювелирном деле — алмаз, бирюза, жемчуг; в скотоводстве — аргамак, аркан, буланый, караковый, кошара, отара. Он отмечал, что в области общественной жизни татары познакомили русских с некоторыми должностными лицами (баскак), с пошлинами (тамга), с государственными учреждениями (казна, таможня), с полицейской охраной (караул), с писаными указами (ярлык), с государственной почтой (ям, ямщик).

Динамика синхронных этноэкономических и этнокультурных процессов на западе и востоке Европы, в том числе в цивилизационном ареале Казанского ханства, определялась не только контактами с сопредельными этносами. Первостепенную роль играло наличие здесь крупных евразийских торгово-ремесленных, хозяйственных и культурно-цивилизационных систем. Для татарских ханов Казани, Астрахани и Крыма системообразующим фактором в отношениях с Востоком и Западом был Великий шелковый путь, северо-западная и западная части которого пролегали в тюрко-татарских, а центральная — в среднеазиатских и казахстанских пределах. Стабильные прямые и транзитные торговые связи функционировали между Казанью и Крымом, Кавказом, Турцией, Астраханью, Средней Азией и Казахстаном. Гостиный остров на Волге вблизи Казани был местом проведения крупнейшей на востоке Европы ярмарки. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, посетивший Казань спустя 6 лет после взятия города войсками Ивана Грозного в 1558 г., свидетельствовал, что «Купеческий остров» был «местом, где все купцы — русские, казанцы, ногайцы и крымцы — съезжались и производили торг, покупки и продавали, но теперь торг оставлен и нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря».

Торговля в Казанском ханстве была основой процветания государства. Тем самым Казань унаследовала многовековую геополитическую и экономическую традицию связующего «моста» между народами и государствами двух крупнейших цивилизационных величин — Европы и Азии, обеспечивать транзитную торговлю и диалог между ними. Другими крупными центрами транзитной торговли в разные исторические эпохи были также города Итиль, Сарай-Бату, Сарай-Берке, Астрахань, входившие в систему Великого Волжского торгового пути. Созданная в начале XVI в. русскими царями в качестве противовеса Казанской, Макарьевская ярмарка не могла серьезно конкурировать с ней.

Диапазон международного товарообмена, проходившего через Казанскую ярмарку, был весьма обширен — от Фландрии и Ганзейских городов до Персии, Китая и Индии. Постоянными торговыми партнерами казанских купцов были и русские купцы, которых, например, в 1505 г. собралось «больше 15 тысяч, из многих городов и товару бесчисленно». Об этом свидетельствовало широкое распространение в ханстве в конце XV — начале XVI вв. русских денег. Размах торговых связей подтверждают находки кладов русских монет. На Казанскую ярмарку поступала основная часть мехового экспорта угро-финских народов Севера и Урала, а также немалые объемы поволжской хлебной торговли. Не случайно венецианский дипломат и купец середины XV в. Иосафато Барбаро писал о Казани: это город, откуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Польшу, в Пруссию, во Фландрию.

Выбор товаров на Казанской ярмарке был весьма богатым: из Китая, Средней Азии и Ближнего Востока вывозились шелковые и золототканые ткани, пряности, оружие, серебряные монеты, ювелирные изделия и многое другое. Русь поставляла на ярмарку льняные ткани, а через Казань в

Москву поступали восточные драгоценные камни, жемчуг, золотошвейные изделия. Традиционно на ярмарке торговали знаменитыми казанскими кожами — юфтью и сафьяном, известными на Востоке как «булгари», а также кожевенными изделиями, особенно конской упряжью, ремнями, обувью. Из продуктов, предлагаемых местными торговцами, славились рыба, икра, мед, а также воск. Многочисленные табуны лошадей и другой породистый скот поставлялись на Казанскую ярмарку из башкирских и ногайских степей.

Достижения искусства Казанского ханства сложились на основе булгарского и золотоордынского художественного наследия. Одновременно произошел скачок, связанный с расцветом культуры правящей верхушки. Нарастали тенденции к пышности и богатству стиля, парадного великолепия и образности произведений. Мусульманские традиции, характерные для архитектуры и искусства, эволюционируют в духе светского направления. Казань становится центром мусульманской культуры Поволжья, пережив в XV — XVI вв. период наивысшего расцвета.

Тюрко-татарскую культуру эпохи Казанского ханства отличал высокий уровень ремесла. Из ремесел приоритетными считались те отрасли производства, которые были связаны с военным делом и культурной жизнью. Казанские оружейники не только стремились заимствовать совершенные военные технологии, но и сами вырабатывали оригинальные и высококачественные металлоизделия. Археологами зафиксированы многочисленные литейные и кузнечные мастерские, позволяющие судить о развитой металлообработке. Весьма искусными были казанские ювелиры, камнерезчики, переписчики книг. В ювелирном деле применяли различные технические приемы, соединяя опыт различных национальных культур, — это гравировка, червление, филигрань, зернь, бугорчатая скань, инкрустация. Такие предметы украшения, как сообщают источники, находили достойных ценителей. А созданные ими произведения искусства свидетельствовали об утонченных и изысканных вкусах не только производителей, но и потребителей.

Прославленное творчество казанских ювелиров отразилось в литературных источниках. Так, Мухаммедьяр в поэме «Тухфа и Мардан» многократно упоминает казанских ювелиров, умелых «мастеров-знатоков». Русский источник «Казанский летописец» сообщает об изысканных ювелирных украшениях казанских ханов и вельмож: «И подела себя царь венцы драгие, сосуды и блюда серебряные и златые, и царский наряд драгий устроя». Значительная часть этих предметов попала в русскую казну в качестве трофеев, когда в 1552 г. из Казани были отправлены в Москву «до угрожений 12 людей великих златом и серебром, и сосуды серебряными и воинскими оружимя всякими». Легенды утверждают, что другая часть казанских сокровищ была захоронена на дне озера Кабан, где до сих пор продолжаются поиски этой «казанской казны».

Ценнейшими образцами ювелирного искусства из достояния казанских ханов является знаменитая «Казанская шапка» — ханская корона, сделанная из золота в изысканной ювелирной технике скани, отороченная соболем и украшенная драгоценными камнями. Искусствовед Г.Ф.Валеева-Сулейманова доказала татарское происхождение знаменитой «Шапки Мономаха», по времени восходящей к золотоордынской эпохе. Казанские ювелиры блестяще использовали все известные в XV — XVI вв. способы и технические приемы, за исключением эмали. Ювелирная продукция казанских мастеров характеризуется изысканной красочностью, яркой праздничностью, насыщенностью декора, пышностью и богатством растительных орнаментов. Для татарского искусства было характерно сочетание ювелирно обработанного металла, драгоценных камней, выделанной кожи, богатой ткани и редких мехов. Коллекция татарских золотых застежек, поясных украшений, инкрустированных дорогими самоцветами, хранится в Оружейной палате Московского Кремля. В Государственном музее Татарстана хранятся предметы, характеризующие быт, образ жизни казанцев: стальной шлем с кольчугой, латунный щит, орнаментированный шлем, медный кувшин.

Надо признать, что ювелирное производство было ориентировано не только на изготовление уникальных высокохудожественных изделий для элиты, но и на небогатого массового потребителя. Это перстни, кольца, женские украшения, серьги, накосники, пряжки и т.д.

Изделия татарских ремесленников находили сбыт и на периферии ханства, где преобладало натуральное хозяйство. Массовым и повсеместным было традиционное для татар гончарное производство — не только бытовой, но и художественной керамики, в которой сочетались характерные приемы как булгарского, так и золотоордынского гончарного дела. Прослеживается взаимовлияние татарских орнаментов и цветовой гаммы в различных формах народного творчества, отражавшееся в национальном костюме, вышивке, росписи и узорах архитектурных элементов, в графике рукописной книги и шамаилей. Художественное ткачество отличалось узорчатой нарядностью, как и искусство кожаной комбинированной орнаменталистики, сохранившейся в традиционном виде вплоть до наших дней.

Одежда казанских татар, красивая и практичная, сочетала в себе восточные мусульманские мотивы и местные традиции. Рисунок знаменитого путешественника середины XVI в. Сигизмунда Герберштейна сохранил для нас основные компоненты мужского национального костюма: высокую

отороченную мехом шапку, вероятно, одевавшуюся поверх более легкого головного убора, длинный камзол с рядом металлических застежек, над узконосыми кожаными сапогами выступали узорные концы декоративных наколенников. По его рисункам можно судить о кожевенном деле у татар, получить представление об обуви, кончаках, ремнях и т.д. В период Казанского ханства тюрко-татары демонстрируют высокие способности к культурному развитию. Искусство становится элементом культурного воспитания и этнической консолидации.

Искусствоведы признают, что оригинальная татарская культура эпохи Казанского ханства продолжала булгарские цивилизационные традиции. По выражению искусствоведа С.М.Червонной, казанская культура ханского периода «отличалась развитым синкретизмом, гармоничным взаимодействием и одновременным расцветом разных форм практической деятельности», развиваясь «в лоне ислама, так же как синхронное ему искусство восточно- и западноевропейских стран при все более возрастающем значении в нем светского, реалистического и человеческого». Эти тенденции отразились в литературе Казанского ханства, где творило целое созвездие поэтов.

В период правления хана Мухаммед-Эмина политика государственного покровительства искусству, поэзии и культуре достигает пика. Под крышей хана-поэта собирались музыканты, ученые, умельцы — мастера художественного искусства. В это же время расширяется сеть учебных заведений — медресе. Наиболее известное из них — медресе Кул Шарифа, который был не только казанским сейидом, но и поэтом, философом-энциклопедистом. Наверное, во многом благодаря образовательной системе «грамотность даже среди простого народа была достаточно высокой». Вершиной поэтического творчества казанского времени является наследие Мухаммедьяра. Сохранившиеся в поздних списках поэмы Мухаммедьяра «Тухфа и Мардан» (Дар мужей) и «Нури Содур» (Свет сердца), труды других татарских поэтов и мыслителей воплощали идеалы нравственности и добродетели, гуманизма, мечты о свободе и мире свидетельствовали о нарастании в литературе, в этическом и эстетическом сознании, в общественной мысли новых веяний, созвучных восточному возрождению и западному Ренессансу, а также новациям русской культуры и западной литературы позднего средневековья.

Казанская поэзия конца XV — начала XVI вв. вливалась в русло изысканной восточной средневековой поэзии, знатоками и ценителями которой были образованные булгары, элита Золотой Орды и Казанского ханства. Ощущая себя частью восточной мусульманской цивилизации, казанцы знали и почитали творения Фирдоуси, Рудаки, Омара Хайяма, Низами, Саади и др. В русле восточных эпических произведений в эпоху ханства получил популярность дастан «Идегей», эпосы «Алпамуш», «Гура-Батыр», «Ханэке-Солтан байты» и др. Во всех слоях общества была распространена вокальная и инструментальная музыка пентатонического строя, сближающего татарскую мелодику с восточной музыкальной традицией. Развивалась народная фольклорная традиция песенного и танцевального творчества, находившая отражение в народных праздниках — сабантуе и джиенах.

Расцвет казанской культуры совпал по времени и перекликался по формам и содержанию с культурными процессами, протекавшими на Востоке и Западе, и в целом был органичной частью феномена эпохи — общецивилизационной духовной революции. Ее характерными признаками были взлет человеческого духа, отход от средневековой схоластики, осознание внутреннего права человека на самостоятельное восприятие мира, обретающее своеобразные формы: научного озарения, философской мистики, позднего исламского суфизма, развивавшегося синхронно с западноевропейской протестантской реформацией и православными ересями. Восток и Запад в те времена сближали гуманистическое начало культуры, сходные критерии красоты реального мира, ощущение чувственной прелести бытия и стремление эстетически соотнести порыв к счастью с поиском «человеческой меры вещей» во всем, что создается человеческим сообществом, в том числе и в эстетике божественного мироотражения. Нельзя не отметить, что «человеческая мера вещей» проявляла себя во всех сферах творчества — в литературе, музыке, архитектурных творениях и в декоре «прикладного» творчества, во всем великолепии многообразия форм искусства.

Формой национального самовыражения выступало зодчество Казанского ханства. Облик татарских городов и сел с неизменными минаретами создавал особый культурно-цивилизационный пейзаж края. Свидетельства этому мы находим в записках русского князя Андрея Курбского, участника Казанского похода 1552 г. Выражая свое восприятие казанской культуры, он писал: «И вот подошли мы к городу Казани, который расположен в неприступном месте: восточнее его течет река Казань, а западнее — река Булак... А со стороны реки Казанки гора так высока, что трудно охватить его взглядом. На ней-то и находятся крепость и царский дворец, и высокие каменные мечети... Помнится мне, что числом их пять». Восточная архитектоника Казани довлела в великолепном ханском двухэтажном дворце с аркадой-галереей по всему периметру, поддерживаемой колоннадой. Здесь просматривалось сходство с дворцовыми сооружениями Крымского ханства и Османской империи. Высочайшего уровня достигло местное искусство возведения мечетей, минаретов с яркими элементами национальной булгаро-татарской архитектуры фасадов, в том числе системы и формы колоннады между окнами со скосами в верхней части. Разрушенная Казанская соборная мечеть с восемью (или шестью) минаретами

фактически не имела аналогов и может лишь перекликаться с двумя позднейшими сооружениями в разных частях евразийского континента — с восемью башнями храма Василия Блаженного в Москве (XVI в.) и с девятикупольной мечетью в Северной Индии в Кантонуггуре (XVIII в.). В строениях столицы ханства воплощались высокие достижения как светской, так и конфессиональной, как мемориальной, так и фортификационной архитектуры, равно как и характерных для Востока торгово-гражданских и религиозных комплексов — караван-сараев. И в культовых, и в торгово-промышленных сооружениях отчетливо проявляется облик Казани как самого северного мусульманского города и как одного из крупных транзитных центров в координатах «Европа — Азия». «Историческая миссия «великого караван-сарая между Европой и Азией» (А.Герцен), — как отмечают С.М.Михайлова и О.Н.Коршунова, — воплощалась в художественных стилях строений с их синтезом национальных типов. В прессе и литературе Казань уподоблялась «Красе Востока», «Воротам Азии», «Татарскому Иерусалиму» и т.п. «Фивами севера»» называл родной город Г.Державин».

Характеризуя Казань той эпохи, мы привыкли к «герценской» оценке ее как места «свидания» культурных миров. Но в силу каких причин-обстоятельств Казань стала одним из мировых эпицентров соприкосновения-взаимодействия социокультурных миров? Только ли в силу географических, геополитических, геостратегических? Ведь в мире немало и других «контактных» зон, но многие из них превратились в «горячие точки». Основную предпосылку того, что Казань была и остается моделью толерантности, видимо, надо искать в единстве объективных и субъективных факторов. Культура мира, толерантности и цивилизованного взаимодействия являлась результатом осознанного выбора между противоположными альтернативами — приоритетом в системе ценностей, политике и повседневной жизни общества. Культура мира, опираясь на тюрко-булгарское историческое наследие, имея глубокие прагматические мотивы (социальные, экономические, торговые и т.д.), получив статус сакральной значимости и высшей духовной ценности, становилась характерной чертой образа жизни и мышления казанского этнокультурного сообщества. При этом важно подчеркнуть, что рост потенциала культуры мира и цивилизованного взаимодействия с представителями других этноконфессиональных систем, способность положительного восприятия роста многообразия культур, религий, традиций становились одним из генераторов развития. Совсем не случайно и то, что казанская колыбель толерантности становилась «фабрикой» производства исторических личностей, знаковых фигур. Профессор истории Казанского университета Д.А.Корсаков, выступая на заседании Общества археологии, истории и этнографии, констатировал: «В числе правителей нашего края — наместников царства Казанского, затем губернаторов, — было довольно много людей весьма замечательных… в общей истории России». Это князь Голицын, Н.А.Кудрявцев, граф П.Апраксин, П.Салтыков, А.П.Волконский, граф П.И.Мусин-Пушкин и др. Специалист по истории русской культуры С.А.Золотарев назвал Поволжье «питомником общероссийской даровитости». Поволжье, по его подсчетам, дало 45,36% общего числа выдающихся людей из русских, в то время его доля в населении страны в 1890-е гг. составляла 27,6%. Среди благоприятствующих факторов казанско-поволжского феномена он называет скрещение этнографических коллективов, древность заселения, сохранность памятников старины и др., т.е. высокий уровень в целом общей культуры и особенно составляющей — культуры мира, толерантности и диалога.

Цивилизационный диалог и евразийский характер Казани наглядно отражались и в постоянном присутствии в городе крупных колоний иностранных купцов: армян — на бывшей горе и у Суконной слободы, русских — у Федоровского бугра на Казанке и у Адмиралтейской слободы, бухарцев — за Тезицким мостом. Они имели свои дома, хозяйственные дворы и постройки. Известно, что в Армянской слободе на месте будущей Георгиевской церкви в период Казанского ханства существовал армянский христианский храм, сохранились могильные плиты с надписями на армянском языке. Весьма заметным было архитектурно-культурное влияние Крыма, Средней Азии, Закавказья, Руси. Заказчиками культурно-культовых строений выступали купцы, духовные деятели и религиозные объединения.

Наряду с каменным зодчеством казанцы великолепно владели навыками деревянного строительства и архитектуры. Дерево было наиболее распространенным строительным материалом в городских посадах, поместьях знати и крестьянских постройках. Весьма характерным для казанской цивилизационной субкультуры стала выработанная в период ханства самобытная архитектурно-художественная модель деревянной мечети с минаретом, исходящим из середины двухскатной крыши. В работах искусствоведа и этнографа Ф.Х.Валеева показано, что именно в период Казанского ханства сложились основные национальные подходы к планировке татарских дворов и домов, приемы декора фронтонов и цветовые гаммы окраски. Как указывал М.Г.Худяков, «цвет — основная стихия татарского искусства, и в этом применении декоративной раскраски в архитектуре сильнее всего сказывается родство татар с востоком, создавшим величайшее торжество декоративной раскраски в изразцовом и мозаичном убранстве знаменитых самаркандских и других восточных мечетей… Главная отличительная черта татарской раскраски — полихромия… Чистые, не смешанные цвета возбуждают

удивление смелостью сочетаний, которые известны у русских под названием «татарского вкуса» (желтое с зеленым, зеленое с красным, желтое с голубым)».

К архитектурному творчеству примыкало камнерезное искусство, сохранившееся главным образом в некрополях — на могильных плитах. Эти эпитафические источники дают возможность судить не только о высоком искусстве резчика, технике обработки камня, но и об особенностях языка, литературы, о социальных отношениях, философско-мировоззренческих и нравственных ценностях общества. Исследователи обращают внимание на безукоризненное графическое совершенство оформления текстов эпитафий, на виртуозность исполнения, свойственную казанской камнерезной школе, ориентировавшуюся на известную образованность и дар воплощения мастером своего художественного чувства декоративности в сочетании с поэтическим смыслом надписи.

Заметно влияние татарской архитектурной традиции на русскую архитектуру, оно присутствует даже в постройке Московского Кремля, где каменный дворец и палаты начала XVI в., возведенные итальянцами, впитали в себя, как минимум, четыре особенности восточной татарской архитектуры: «сложный состав зданий, составленных из целой системы отдельных клетей, палат и отсутствие единого плана в системе построек; отсутствие фасада; сооружение дома внутри дома». К числу заимствований следует отнести также луковичные церковные купола, застекленные терема, переходы, шатровые колокольни. Перешла в русское зодчество и татарская полихромия, татарская цветовая гамма. Безусловным символом адаптации татарской архитектурной традиции и полихромии следует назвать знаменитый Московский собор Василия Блаженного, являющийся сегодня для всего мира символом русской архитектуры.

Замечательную страницу в истории татарской культуры эпохи Казанского ханства занимают рукописная книга и искусство каллиграфии. Немногочисленные письменные памятники, сохранившиеся в подлинниках, позволяют судить о том, что местное искусство каллиграфии имело первостепенное значение и играло особую роль в духовной и материальной культуре казанской средневековой субцивилизации. Опираясь на поэтические свидетельства Мухаммедьяра и легенды о ханском книгохранилище периода царицы Сююмбике, можно говорить о существовании в Казани в XVI в. местной разновидности широко распространенной на Востоке «китаб-хане, одновременно библиотеки и мастерской книжного искусства, где работали каллиграфы-переписчики, ученые и поэты». О развитости книжного дела, распространенности традиции книжного чтения и наличии богатой Казанской книжной библиотеки с восхищением писал Ш.Марджани.

Татарское рукописное книжное дело при всей своей оригинальности было составной частью общей художественной культуры мусульманского мира. В отличие от ирано-азербайджанской и индийской школ мусульманского книжного искусства казанская школа не была связана с изобразительной книжной миниатюрой, поэтому отличалась особой эстетикой каллиграфии, включавшей в себя графическую выразительность почерка, продуманную конструкцию и архитектонику книги или документа: полихромное цветовое решение, сложное композиционное построение строк с паузами-пропусками, сочетание различных систем и стилей письма. Каллиграфия как одна из своеобразных областей художественного творчества татарского народа, наиболее тесно связанная с духовной культурой, во всем своем великолепии предстает в форме декоративного оформления рукописных книг и настенных панно — «шамаилей» («коренным» вариантом шамаилей считается мечеть Марджани). Исключительно интересны своеобразные орнаментально-каллиграфические миниатюры-печати (кишаны), отличавшие казанские грамоты-ярлыки и не имевшие аналогов ни в Иране, ни в арабском мире. Их можно рассматривать как древнейший вид гравюры и первичную форму книгопечатания.

Бумагу, предназначенную для рукописей, казанские переписчики так же, как и мастера Средней Азии и Крыма, специально лощили и глянцевали. Писали калямом, тростником или птичьим пером, обычно черными чернилами. Как показал исследователь татарских рукописей профессор М.А.Усманов, в ханских канцеляриях пользовались также мягкими тонкими кистями для написания золотом заглавных букв и вступительных молитвенных фраз. Для хранения и пересылки рукописей и ярлыков, как правило, использовались специально изготовленные и украшенные сафьяном футляры. Коран и другие религиозные книги помещались в дорогие серебряные футляры. Драматические перипетии истории привели к исчезновению многих образцов культуры и искусства Казанского ханства.

Как справедливо отмечает С.М.Червонная, «творения, вызывавшие восторженное изумление самых просвещенных европейцев, которых нелегко было чем-либо поразить в эту эпоху расцвета ренессансной культуры на Западе и русского искусства в Московском государстве, произведения, воплощавшие в себе талант, мастерство, высочайший духовный взлет народа, ощутившего свое национальное единение, оказались бесследно исчезнувшими с татарской земли...».

В художественной культуре Казанского ханства проявились черты взаимодействия с равновеликими сопредельными цивилизациями Запада, классического Востока и такими яркими очагами позднемусульманской культуры, которые сложились в эту же эпоху в Османской Турции и Крымском ханстве. По аналогии с такими знаковыми понятиями, как «восточный», «тимуридский» и

«арамейский» Ренессанс, искусство ханской Казани было бы логично определить как «Казанский ренессанс», хотя использование термина «ренессанс» по отношению к восточным культурам частью востоковедов ставится под сомнение. Тем не менее культурно-цивилизационный взлет Казанского ханства свидетельствует об общенациональном подъеме и нараставшем прогрессе во всех сферах искусства, памятники которого и ныне восхищают всех, кто с ними соприкасается.

Теперь, пожалуй, можно попытаться подвести некоторые итоги казанского периода, являющегося продолжением и развитием тюрко-татарской нити истории, которая берет свое начало с хуннской эпохи, т.е. с момента, относящегося к протоистории человечества.

Во-первых, важнейшим его итогом является завершение формирования основных отличительных черт казанско-татарского этноса и его национальной культуры. В понятии «татары» сливаются как самоназвание — этноним народа, так и характеристика одной из крупных евразийских цивилизационных величин. Во-вторых, Казань с этого времени превращается в один из ведущих центров культурной, экономической, торговой жизни и организаторов диалога народов и цивилизаций в широком диапазоне «Европа — Азия». По выражению Ш.Марджани, Казань стала «цветущим садом культуры», «древом науки и знания». И, в-третьих, с этого исторического рубежа Казань становится не просто частью исламского культурного мира, но ислам теперь «оказывал определяющее влияние на жизнь татарского народа, составляя порой главный компонент татарской духовной культуры». Рост влияния Казани и в целом татарского фактора в мировом цивилизационном пространстве во многом предопределялся принадлежностью к исламской цивилизации, благодаря которой «в Европе началось Возрождение».

Таким образом, средневековая Казань в самом широком смысле слова стала вершиной цивилизационного взлета татарского общества. Но ему не удалось в полной мере решить этапную историческую задачу — превратить Казанское ханство в качественно новый тип государства европейского образца — в централизованное национальное государство. Причин незавершенности исторической эволюции этого типа государственности, а затем и падения Казанского ханства, немало. Но главными являются сложность, неапробированность и отсутствие опыта организации перехода от средневековых форм жизнедеятельности к национальному типу государства, способного давать «ответы» на «вызовы» рождающегося Нового времени. Это не говорит о принципиальной программированности, иначе говоря, об иммунной неспособности трансформации казанской культурно-исторической системы.

Фактор времени в этом случае сыграл решающую роль. В рамках отпущенного историей времени не удалось завершить ее «переналадку», т.е. обеспечить синтез «булгарской» (традиционалистской) и «золотоордынской» (модернизационной) систем ценностей, соединение этих двух противоположно ориентированных направлений развития для решения задачи интеграции общества и создания национального государства. История не предоставила достаточно времени для проведения жизненно необходимой социальной модернизации, связанной не только с изменением типологии государственности, но и создания легитимного механизма формирования и функционирования централизованной верховной власти. Как известно, сохранение в Казанском ханстве джучидской (кочевой) традиции, не имевшей династийной линии наследования трона и предполагавшей в этом вопросе политическую конкуренцию вплоть до применения военных методов и допускавшей даже иноземное вмешательство во внутреннюю жизнь государства, значительно облегчило его покорение Русским государством.

Причин «схода» с арены истории некогда процветающего Казанского государства много. Запоздание с решением модернизационных задач всегда сказывается на жизнестойкости, безопасности и конкурентоспособности, на способности осуществления очередного рывка из одного исторического времени в другое. Поэтому можно утверждать, что главным внутренним тормозом цивилизационного развития Казанского ханства явилась негибкая, устаревшая политическая система, унаследованная от Золотой Орды. В ее сохранении оказались заинтересованы местная аристократия и олигархическая верхушка, а также правители Турции, Крыма и Москвы, пытавшиеся включить Казань в зону своего политического влияния.

Средневековая консервативная система, пригодная для успешного управления военной кочевой империей, все более и более входила в противоречие с объективными потребностями развития экономики, хозяйства и культуры тюрко-татарской цивилизации, что в значительной мере предопределило слабость государственной власти, череду дворцовых переворотов и драматизм противостояния относительно небольшого Казанского государства и крупного централизованного и экспансионистского Московского царства.

Явив собой модель строительства и развития самодостаточной, ориентированной на внутренние ресурсы экономики и «высокой культуры», продемонстрировав во взаимоотношениях с соседями и на международной арене классические формы торговли и дипломатии, обогатив человечество историческим опытом и традициями миростроительства и миротворчества, Казанское ханство как

наследник и продолжатель хунно-тюрко-татарской цивилизации в силу сплетения многих внутренних и внешних причин, объективных и субъективных обстоятельств, через два столетия сошло с исторической арены. Но до этого рубежа Казань успела выполнить свое главное историческое предназначение: продолжая движение по однажды выбранной прототюркской цивилизационной «трассе», она сумела на базе достигнутого многими поколениями создать такую модель рационально устроенного человеческого общежития, многие нормы, принципы и идеи которого продолжают сохранять силу примера-образца. Она выразила новую линию исторического развития, выводившее татарский народ к обретению своей культурно-исторической субъектности в системе новых геополитических координат в еще только начавшемся формироваться мире наций и национальных государств. Обозначение такой перспективы позволило даже в условиях отсутствия главной своей опоры и важнейшего атрибута — государственности сохранить основы духовной матрицы, а стало быть, и способность воспроизводить себя, свои свойства и качества в иногосударственной, инокультурной среде.

# Казань и татары в имперской России

*Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения.*

*В.О.Ключевский*

Начало нового исторического рубежа народа, потерявшего государственность и отодвинутого на край исторической пропасти, часто определяют через понятия скорбно-жертвенного порядка — «реквием», «трагедия», «эпитафия»… Большинство источников постказанского времени также окрашено скорбью, горечью, духовно-психологическим смятением. Чем ближе находился источник (историограф, философ, поэт, мыслитель, да и просто современник «окаянной» поры), тем горестнее и глубже воспринимал он историческую катастрофу. Нужно было истечение некоего времени (время — лучший лекарь) для перехода от чисто эмоционального восприятия социального катаклизма к более взвешенному анализу происшедшего и выработке идей-ориентиров, ведущих к историческому возрождению народа. Нужна была дистанция во времени для преодоления смятения духа. Время обозначило и направления (подчас альтернативные), и возрожденческие скрепы, и национал-реформаторов.

Но историческая травма была настолько глубокой, что она и сегодня продолжает делить общество на «правых» и «неправых», «патриотов» и «предателей», на «своих» и «чужих». Действительно, как через века воспринимать судьбоизменивший 1552 г.? Как повторение решения Римского сената, повелевшего сжечь пунический Карфаген, распахать место, на котором он стоял, и засыпать солью, чтобы стереть из памяти человечества этот город и его цивилизацию? Или как закономерную формулу расплаты за задержку с модернизацией системы, за недальновидность правителей ханства, междоусобицу и раздор политической элиты и вытекающую из нее разделенность общества? А может, Колокол истории своевременно отзвонил по отживающей эпохе и системам, олицетворявшим ее? Вспоминается афоризм Джона Донна: «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

Наверное, у каждого поколения будут свои подходы и оценки такого рода исторических надломов. Итоги научно-практической конференции «Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения», проведенной в Казани в 2002 г., убеждают в том, что тема в контексте современных реалий и перспектив татарского народа и этносов в эпоху глобализации будет оставаться в центре внимания научного сообщества и политических элит. Но на заре третьего тысячелетия, когда обозначились все признаки «перегрева» этнического «котла», вряд ли уместно и своевременно оценивать падение Казани в рамках старых и узких клише «зло» — «добро», «справедливо» — «несправедливо». Прав профессор Б.Ф.Султанбеков, говоря, что для татар это и трагедия, и урок, для русского народа — взлет его великодержавного духа, начало имперской страницы его истории.

На момент перехода казанского Рубикона есть необходимость взглянуть на события с высоты общемировых процессов и тенденций, характерных для той эпохи. Тогда казанская трагедия могла быть воспринята как одно из проявлений всеобщего цивилизационного кризиса, сложности и противоречивости перехода человечества в новое политическое и историческое время.

Позднее средневековье в истории мировой цивилизации было связано с усилением своеобразных исторических тенденций, заметно разделивших западный и восточный тип цивилизационного развития: Ренессанс, Реформация и религиозные войны, оформление европейских государств, Великие

географические открытия стали важнейшими явлениями новой западноевропейской цивилизации. Открытие в 1492 г. Америки и освоение нового континента положили начало европейской колонизации Нового Света и складыванию новой атлантической цивилизационной оси. Проведенное в конце XV в. условное разделение территории в Новом Свете между Испанией и Португалией, по которому Испании достался Запад, а Португалии Восток, оказалось недолговечным. К колониальному разделу мира приступили и другие западноевропейские страны: англичане и французы основали свои переселенческие колонии в Северной Америке. В торговле с восточными странами конкурировали Англия, Голландия, Португалия, Испания и Франция.

Идеи итальянского Возрождения, развивавшиеся поначалу в богатых независимых городах Северной Италии, проникли во Францию, а затем довольно быстро распространились по всей Западной Европе. Центрами науки и техники стали города Северной Европы, Голландия, Германия и Англия. Росло влияние нового торгово-промышленного сословия, которое ускоряло распад системы феодализма.

Нарастала конкуренция европейских держав в колониях. Реформация и религиозные войны завершились к XVII в. складыванием в Западной Европе нового баланса политических сил, закреплением экономического влияния буржуазии и признанием компромисса католицизма с протестантизмом, утверждением веротерпимости.

Таким образом, Европа, совершив на основе Ренессанса (Возрождения) рывок в различных областях политической, экономической и культурной жизни, встала на путь мировой гегемонии. Пионерство Востока, выраженное в марксовой метафоре «Компас — изобретение, предварившее развитие Европы», сменялось отставанием. «Восток архаичен, дряхл» (Гегель).

На замедлении темпов развития Востока сказывалось дробление некогда единого исламского мира, причиной которого являлся внутренний кризис ислама. Его политической основой явились закат Арабского халифата и перманентное противостояние двух исламских держав — Турции и Персии — и, соответственно, двух ведущих ветвей ислама — суннизма и шиизма.

Империя османов в середине XVI в. при султане Сулеймане I являлась крупнейшей державой мира. Ее владения занимали около 8 млн. квадратных километров, население составляло до 25 млн. человек. На западе Турция господствовала на Балканах и теснила империю Габсбургов, на востоке и юге фактически унаследовала и расширила территорию Арабского халифата, выйдя на границу с Персией. В основе империи лежала абсолютная власть султана и мощь армии, особенно профессионального янычарского корпуса. Османская империя взяла на себя роль лидера мусульманского мира в противостоянии с христианской Европой, но вынуждена была считаться с существованием в составе государства значительного неисламского населения.

В XVI — XVII вв. Османская империя при помощи своей северо-восточной периферии (Крым, Причерноморье, Кавказ) успешно конкурировала с Русским централизованным государством. Культура Османской империи активно впитывала в себя элементы различных национальных традиций. Так, заметным было влияние арабо-персидского фактора на литературу, византийского фактора — на архитектуру (своеобразный турецкий тип мечети). Одновременно прослеживается и обратное турецкое влияние на культуру и быт крымских татар, балканских славян, албанцев, азербайджанцев.

Другой мусульманской империей XVI в. стала Индия Великих Моголов, основанная Бабуром — потомком Тимура по отцовской линии, а по материнской — Чингизидом. Империя Великих Моголов — уникальный сплав исламо-индуистской цивилизации, в ее правящей элите были представители ирано-афганских и тюркских династий, в архитектуре сочетались черты мусульманской строгости и индусской декоративности (Тадж-Махал), в живописи получили развитие миниатюры и фрески, литература испытала немалое влияние арабо-персидского и арабо-тюркского компонентов. Правитель-реформатор Акбар в конце XVI в. предпринял попытку основать новую религию дин-и-илахи, включавшую в себя догматы самых разных вероучений: ислама, буддизма, христианства и других их культов.

Таковы контуры внешнего фона казанского излома. Казанский цивилизационный феномен — явление международного масштаба, а Казань — перекресток миров, культур, религий и цивилизаций. Поэтому логичнее поиск причин как возвышения, расцвета, так и падения Казанского ханства не ограничивать региональным масштабом, а поместить их в общемировой контекст.

Для народов Евразии в целом и поволжского региона, в частности, XVI в. стал переломным. Стержнем перемен в этнокультурном развитии и политическом статусе явилось противостояние Москвы и Казани. Его динамика развивалась на фоне контраста размеренной ритмики жизни ханства и экономико-торговой и политической экспансии Руси и постепенного изменения соотношения сил между двумя соседями-конкурентами в пользу усиления потенциала Московского государства. При этом следует отметить, что если в качественном плане между Москвой и Казанью сохранялось равенство, то сравнение количественных параметров было явно не в пользу последней. Территория Казанского ханства имела ограниченные природные, экономические и людские ресурсы и была в

этническом и политическом отношении менее гомогенной, чем Московское государство, которое в первой половине XVI в. выросло в могучую, крепкую во внешнем и внутреннем отношениях державу.

В течение всего периода существования ханство занимало постоянную территорию пространством около 300 тыс. кв. верст. По этому параметру оно равнялось Испании и чуть превосходило Францию и Османскую империю. При этом татарское население занимало лишь 1/5 территории ханства.

В XVI в. Казанское ханство уже в 5 раз уступало по площади объединенному Русскому государству. Население его не превышало 2,5 млн., коренное татарское — не более 1 млн., в то время как на Руси проживало не менее 7—8 млн. человек.

Россия вступает в полосу завершения централизационных процессов и превращения страны в великую евразийскую империю на основе реализации испытанной Европой политики колонизации. В этих целях Московские великие князья ведут войны с соседними государствами (Литва, Казанское и Крымское ханства), а также с ранее независимыми русскими княжествами. Русь вновь выдвигается на международную арену, хотя и в новом качестве. После войн Ивана III с Литвой в состав Русского государства входят западные русские области. При этом меняется статус главы государства. Великий князь Московский и Владимирский превращается в «государя всея Руси» — самодержца. Слово «самодержец» поначалу употреблялось для подчеркивания внешней независимости власти от какого-либо другого государства, со временем оно стало символом неограниченности, безраздельности власти монарха внутри страны.

На процесс становления типологии российской государственности значительное влияние оказывал византийский фактор. Идеология византизма входила в качестве структурного элемента не только в складывающуюся систему государственности, но и в духовную сферу (в церковную жизнь, культуру, язык, искусство), в массовое сознание людей. Тенденция «византизации» российского общества особенно усиливается при Иване III, когда после его женитьбы на племяннице последнего византийского императора Константина XI Софье Палеолог московский князь для укрепления своего авторитета заимствовал у Византии имперскую символику, титулование и церемониал. Гербом России стал двуглавый орел, а новый титул Ивана III звучал «Божьей милостью государь всея Руси» с перечислением наиболее значимых завоеванных княжеств и земель. Торжественные церемонии, а также парадная одежда монарха копировали византийские образцы. Византийские архитекторы строили кремлевские соборы и палаты, мастера организовывали литье пушек, чеканку монет. Византизм наложил определенный отпечаток и на характер внешней политики государства.

Логическим завершением этих политических и социально-экономических процессов в России стала система правления, созданная Иваном Грозным. Проведенные им в середине XVI в. реформы (принятие Судебника 1550 г., отмена кормлений, создание стрелецкого войска, издание уложения о службе и другие) и особенно опричнина подорвали господство феодальной аристократии и привели к укреплению социальных позиций служилого дворянства. Иван IV первым принимает титул царя и венчается на царство в Успенском соборе Кремля. Складывается система авторитарной власти, в незначительной степени ограниченной Боярской Думой и Земскими Соборами. Резко укрепляется самодержавие, усиливается крепостная зависимость крестьян. Подавление самостоятельности городов, имевших вечевую традицию, превращение их в феодальные посады вели к ослаблению роли торгового и ремесленного сословий. Церковная власть сближается с государственной, продолжая традиции восточного христианства. Этот процесс был также связан с утверждением самостоятельности автокефальной Московской патриархии (1589). Экономической основой подданнических отношений явилось преобладание государственной собственности на землю и система передачи земли с крестьянами дворянам за государеву службу в наследственное владение. Таким образом, в становлении государственности Московского царства обозначается преобладание отличных от Запада элементов восточной (евразийско-византийской) цивилизации.

Внешняя политика Ивана IV развивалась в трех направлениях: на западе велась борьба против Ливонии, Швеции и Польши за Балтику и воссоединение с западнорусскими землями; на юге — против Крымского ханства и Турции за обеспечение колонизации южнорусских степей; на востоке и юго-востоке — против Казанского, Астраханского и Сибирского ханств за установление контроля на Волжско-Каспийском пути и за колонизацию Поволжья и Западной Сибири. Поскольку первые два направления не дали успеха, основное военно-колонизационное движение направилось на восток.

Территория страны, и без того довольно крупной, еще более расширилась, увеличившись к концу правления Ивана IV в 10 раз по сравнению с той, что унаследовал его дед Иван III в середине XV в. Еще более усилился пространственный фактор хозяйствования, значительные территории еще предстояло осваивать, а другие находились в зоне рискового земледелия. Усилился многонациональный состав населения России, которая после присоединения Казанского ханства сделала заметный шаг к превращению в многонациональную евразийскую империю. Все более четко обозначаются характерные особенности российской цивилизации. Самодержавие, централизм и

крепостничество избираются способами решения задач развития государства и колонизации новых обширных евразийских пространств.

Со второй половины XVI в. открывается период активной колонизационной политики, направленной на установление авторитарного господства во всех сферах общественной жизни, и трансформации инонациональных субцивилизаций, татар и других народов Поволжья и Приуралья.

В рамках политики колонизации миссией Казани по замыслу правительства являлась выработка подходов для решения задач освоения, управления и христианизации Востока страны. Реализация установки предполагала внесение изменений во многие сферы бытования, создание новых управленческих институтов, этнокультурных и конфессиональных структур.

Колониальная политика Московского государства не была и не могла быть одномерной, неизменной в своей методологии и тактике. Так, сначала московская политика следовала агрессивным целям, сформулированным до 1552 г. эпигонами идеи «крестового похода» против «безбожных агарян», клятвопреступных, «проклятых безбожников — казанских татар» — митрополитом Макарием и протопопом Сильвестром. Этому этапу колониальной политики соответствовала такая степень сопротивления татар, которая характеризуется как национально-освободительная борьба. «Казанская война», то усиливаясь, то ослабевая по степени «военизации», продолжилась вплоть до 1557 — 1558 гг. С этого момента в ней появляются элементы более мягкого и гибкого подхода в виде формулы нового архиепископа Гурия — «крестить татар, но без принуждения». Изначально выбранный приоритетно-репрессивный вариант колонизации смягчался и под воздействием не утихавших восстаний татар и других нерусских народов. Их лояльность была необходима как для решения внутренних задач государства, так и с точки зрения активизации внешней политики России и обеспечения его безопасности. «Прагматическая направленность в русской политике, — считает А.Каппелер, — оставалась доминирующей до конца XVII века, так же как засвидетельственная в документах, почти постоянно повторявшаяся формула в московских наказах местным воеводам к нерусским «держать ласка, и привет, и береженье».

Менялись методы и формы колонизации. Но принципиально не менялась ее суть по отношению к нерусским народам. В ходе колониальной кампании «первой волны» (1552 — 1557-58) решалась не только задача освоения территории Казанского ханства («собирания золотоордынских земель»). Ее важнейшей политической целью оставалось стремление изменить традиционные формы и самобытность тюрко-татарской субцивилизации. Во-первых, была предпринята попытка ликвидации ханской династии и всей местной системы управления, во-вторых, разрушалась традиционная социально-экономическая система, происходило уничтожение или вытеснение татарского дворянства, осуществлялись гонения на городские сословия (купечество и ремесленников), а также притеснение крестьянства; в-третьих, началась христианизация и обрусение народов края.

Иван IV, опасаясь отпадения казанцев, сделал все, чтобы разрушить существовавшие с булгарских времен традиции государственности татарского народа. Ханская администрация ликвидируется, казанская ханская династия прерывается. Марионеточный Шах-Али умер в Касимове в 1567 г. Царица Сююмбике и ее сын, наследник престола Утямыш-Гирей были насильно увезены в Россию, где после взятия Казани 7-летнего ребенка разлучили с матерью и крестили в Чудовом монастыре под именем Александр. В 1566 г. в возрасте около 20 лет он умер при неясных обстоятельствах. Сююмбике тоже умерла вдали от родины. Хан Едигер, взятый в плен при взятии Казани, в октябре 1552 г. был крещен и умер в Москве спустя 13 лет. Крещеные ханы при жизни формально пользовались свободой и почетным положением лиц царских кровей, а после смерти хоронились в почетных местах: Утямыш-Гирей — в Архангельском соборе в Московском Кремле, рядом с могилами московских великих князей и царей, а Едигер в Благовещенской церкви Чудова монастыря.

После присоединения Казани устраняются от власти представители аристократических родов ханства, большинство которых было поставлено перед выбором: либо принять православие и сохранить свой дворянский статус, земли и крестьян, либо сохранить национальную идентичность и исламскую религию, но потерять привилегированное положение, земли, собственность, крестьян. В то же время нельзя не отметить, что традиция перехода феодалов на службу от одного сюзерена к другому в средневековой Москве и Казани была столь же привычна, как и, например, в Вильно или в Аугсбурге. Важно, что после присоединения Казанского ханства к русскому централизованному государству оказалась демонтирована вся ханская система политического управления. Первоначально территория Казанского ханства была разделена на два отдельных воеводства — Свияжское и Казанское. К Свияжскому воеводству отходили Горные районы (Правобережье), населенные в основном чувашами, марийцами, мордвой, частично татарами. Свияжская сторона была присоединена раньше и, возможно, поначалу рассматривалась властями как более лояльная. Ядро населения Казанского воеводства, расположенного в основном на левом (Луговом) берегу Волги, составляли татары, а также марийцы, башкиры, удмурты и другие народы края.

Устанавливалась русская военно-колониальная система управления. Поначалу управление носило военно-оккупационный характер, поскольку стало ясно, что на мирное присоединение других частей ханства вслед за взятием Казани рассчитывать не приходится. Власть в крае сосредоточивалась в руках воеводы, который был одновременно и командующим местными отрядами, и хозяйственно-административным руководителем. Воеводы могли наделять поместьями (верстать) служилых людей, контролировали их службу и вершили суд. Исполнение их полномочий почти не контролировалось властью, и они в какой-то степени напоминали европейских вице-королей заморских колоний. Вместе с воеводами появились чиновники-дьяки, подьячие, толмачи-переводчики, приказчики. Военной опорой власти были отряды стрельцов. Военный гарнизон Казани в 1565 — 1568 гг. состоял из 626 стрельцов, 21 пушкаря и 23 солдат «литовской выучки». Боярских детей, большинство из которых несло военную службу, насчитывалось до 150 человек. Более 400 стрельцов насчитывал Свияжский гарнизон.

С конца 1560 — начала 1570-х гг. для управления Казанским краем (официальное название Царство Казанское) в Москве был создан новый центральный орган — Приказ Казанского дворца. Приказ Казанского дворца стал своего рода министерством по делам национальностей и регионов Востока России, осуществляя административное, военное, судебное, финансовое управление всеми народами Поволжья и Приуралья, а до 1637 г. и народов Сибири. Приказ организовывал сбор ясака на территории края. В его составе были Разрядный и Поместный столы, ведавшие вооруженными силами и служилыми людьми, а также Денежный стол, финансировавший местные расходы и учреждения. Приказ выполнял также внешнеполитические функции, поскольку «Казанское царство» граничило с ногайскими, киргиз-кайсацкими и сибирскими землями. Важно отметить, что к XVII в. Приказ Казанского дворца контролировал огромную многонациональную территорию, заметно превышавшую территорию Казанского ханства. Так, на западе границы доходили до Касимова и Пензы, на востоке — до Уфы, а на юге — до Царицына. Это было своего рода признанием культурно-цивилизационного единства обширных территорий и диктовалось особенностями и традициями организации жизни и управления.

Элементом военно-колонизационного освоения Казанского края стало создание во второй половине XVI в. десятков крепостей: Чебоксары (1555), Тетюши (1558), Алатырь, Курмыш (1565), Лаишев (1576), Царевококшайск, Козмодемьянск (1586), Уфа (1587), Малмыж, Царицын, Саратов, Цивильск, (1590), Яранск, Ядрин (1597). Каждой крепостью командовал воевода, который подчинялся приказу Казанского дворца. В крепостях строились остроги и тюрьмы, развивалась система сыска и репрессий. Таким образом, во второй половине XVI — XVII вв. тюрко-татарская субцивилизация развивалась в условиях репрессий и насилия, что затрудняло органическое развитие межнационального диалога, тормозило гармоничное развитие национальных субкультур.

Активная колонизация Поволжья сопровождалась изгнанием татар из привычных, удобных мест проживания. По подсчетам М.Г.Худякова, спустя 2 года после взятия Казани в 1557 г. из 30-40 тысяч ее жителей осталось лишь 6 тысяч татар, к которым прибавилось 7000 русских, город потерял не менее 4/5 своих прежних жителей. В Казани уцелевшим после штурма 1552 г. татарам разрешено было жить только за озером Кабан в низменной, болотистой местности, где и сформировалась Старотатарская слобода. Как и другим нерусским народам, татарам было запрещено входить в Кремль без разрешения воеводы. Были конфискованы ханские земли и владения выступавших против царя казанских феодалов. Татар отселили с берегов Волги и Камы на 30 километров, изгнали из деревень, расположенных вдоль крупных дорог. Власть при этом руководствовалась не только желанием получить прибрежные черноземные земли, но и стремлением свести на нет опасность новых выступлений, поскольку повстанцы, как правило, перемещались вдоль речных стратегических коммуникаций. В результате в первые 15 лет после присоединения края больше трети бывших татарских деревень были заселены русскими.

Значительная часть татарского населения бежала в северные и северо-восточные районы, а также на Урал и в Сибирь, где осваивала новые земли и основывала новые поселения. Последствия исчезновения татарских городов и переселенческой политики царизма в целом, как подчеркивает И.А.Гилязов, «фактически привели к полному исчезновению городского татарского населения, к перемещению в деревню всей татарской духовной и материальной культуры... В итоге подобная практика привела к определенной однобокости в развитии татарского народа в целом; отсутствие городской прослойки отрицательно сказалось на социально-экономической и культурной жизни татарского населения...».

Мощнейшим фактором духовно-идеологического воздействия на основы тюрко-татарской культуры явилась правительственная программа насильственной христианизации. Особая роль в освещении этого курса принадлежала митрополиту Макарию, который в торжественной речи после возвращения Ивана IV из Казанского похода сравнил его деятельность с деятельностью киевского великого князя Владимира, «просветившего русскую землю святым крещением». Взяв Казань, Иван IV

приказал разрушить мечети и ханские мавзолеи, а взамен их строить новый Кремль с церквями и палатами. В 1555 г. в Казани учреждается Казанская епархия. Активными проводниками православия становятся монастыри, которым передаются земли. Так, в распоряжение архиепископа попали богатые бортные угодья на территории от Казани до Камского Устья, обширные земли получали Преображенский и Зилантов монастыри в Казани, Богородицкий монастырь в Свияжске. К концу XVII в. на территории современного Татарстана функционировало до 20 монастырей, среди которых наряду с упоминавшимися были богатейшие Кизический, Раифский, Семиозерский и др.

Процесс христианизации народов Поволжья прошел ряд этапов. Антимусульманская политика задумывалась как широкая и быстро осуществимая кампания. Однако, как отмечает А.И.Ногманов, «не добившись зримых результатов в христианизации широких слоев татарского общества, центральная власть делает ставку на обращение в православие представителей татарской феодальной верхушки». Для власти крещение татарской элиты должно было стать свидетельством политической лояльности верхушки татарского общества.

Им были обещаны различные льготы, включая право владения русскими крепостными и возможность осуществления актов купли-продажи земли наряду с русскими землевладельцами. Архиепископ получил от Макария наказ «новокрещеных к себе приручить, кормить, поить, жаловать и беречь во всем, дабы прочие неверные, видя такое бережение и жалование, поревновали бы к христианскому праведному закону и просветились бы святым крещением». Поэтому Гермоген предлагает взять курс на силовое насаждение православия: крестившихся перевести в особые слободы, изолировать от неправославных, контролировать строгое соблюдение ими всех обрядов и посещение церкви.

Под влиянием этих обращений царь Федор Иванович приказал разрушить все мечети, а ставить новые запретил, «новокрещенов всех в христианскую веру привесть крепко и утвердить», неповинующихся надлежало бить батогами, заковывать в кандалы и сажать в тюрьмы, приказано было применить и экономические меры — крещеным помещикам надо было крестить служащих у них мусульман и язычников, а тех, кто «не пожелает, они б поотпускали или распродали». Тем же указом христианам запрещалось «жити и служити добровольно и в деньгах у татар». Таким образом, в конце XVI в. политический, социальный, религиозный гнет в Казанском крае все более принимал этноконфессиональную окраску. Следствием этого курса стало заметное усиление числа и масштабов выступлений народов Поволжья и Приуралья, пришедшихся на рубеж XVI и XVII столетий.

В Смутное время начала XVII в. нерусские ясачные крестьяне присоединялись к отрядам Ивана Болотникова, а в 1615 — 1616 гг. выступили против сбора ясака по всему Волго-Уральскому региону под предводительством Джан-Али. Крупнейшим выступлением народов Поволжья в XVII в., имевшим не только антифеодальный, но и национально-освободительный характер, стала крестьянская война под предводительством Степана Разина. Крестьянской войне предшествовало восстание татар и башкир восточной части Казанского края, где восставшие в 1645 г. сожгли Мензелинский острог, а впоследствии его регулярно брали в руки — в 1662 — 1665, 1667 — 1669 гг. Эти восстания сомкнулись с крестьянской войной под предводительством Степана Разина, подошедшего летом 1670 г. к Симбирску.

С.Разин обратился на татарском языке с «прелестным письмом» к татарскому населению Поволжья, приглашая присоединиться к своим отрядам. В грамоте, написанной соратником С.Разина Асаном Айбулатовым (Асаем Карачуриным), предлагалось устройство многонациональной «крестьянской республики»: бороться с властями, всем объявить вольную, а землю разделить между крестьянами, установить по всей Руси казачество, чтобы «всяк всякому был равен». Но осенью 1670 г. войска С.Разина под Симбирском потерпели поражение, а сам он был схвачен на Дону богатыми казаками и летом 1671 г. казнен четвертованием на Красной площади в Москве. Спустя 10 лет весной 1682 г. вспыхнуло новое крупное восстание в Прикамье. Поводом явился указ от 1681 г., по которому нерусские феодалы за отказ креститься теряли свои земли. Восставшие татары, башкиры, марийцы осадили Уфимскую крепость, взяли несколько городков. Правительство направило для подавления повстанцев крупные отряды, но в то же время обнародовало грамоту об отмене указа о насильственном крещении.

В течение всего «бунташного века» татарский народ активно сопротивлялся силовым попыткам деструктурирования социально-экономических и духовно-нравственных основ его традиционной культуры. В этом и последующих веках под давлением силы он консолидируется и даже обретает новые черты, постепенно вписываясь в контекст российской многонациональной жизни, превращаясь в одну из определяющих этнонациональных доминант.

Характерно появление в тюрко-татарском сообществе значительного по численности сословия служилых татар. К ним были отнесены не только бывшие татарские князья, но средние и мелкие феодалы. Их основные привилегии состояли в освобождении от ясачной подати и пожаловании земель с крестьянами. Поместья передавались наследникам при условии несения ими службы. Появление

служилых татар стало вынужденной уступкой со стороны властей, когда стало ясно, что вытеснение значительной части татарских феодалов постоянно рекрутирует социальную базу повстанцев в крае. В то же время государство нуждалось в увеличении состава военных формирований, которые несли пограничную и военную службу в постоянно расширяющейся империи. Так, в Ливонской войне участвовало более 20 тысяч служилых татар. В конце XVI в. доля татар в составе русского войска доходила до 10%. Служилые татары обыкновенно находились в составе русских посольств в восточных странах. Однако к середине XVII в., когда потребность в служилых татарах отпала, изменился и правительственный курс. «Как только государство начало выбираться из полосы кризиса, — как справедливо отмечает А.И.Ногманов, — для татар наступили иные времена». Мусульманам было запрещено нанимать православных работников, а если они отказывались креститься, то должны были перевести своих крестьян на ясак.

Для кануна Нового времени характерно еще одно новое явление — расширение межнациональных и межконфессиональных контактов татарского народа, порожденное рядом обстоятельств. Во-первых, в связи с переселенческой политикой русского правительства и миграциями населения возросла многонациональность населения Поволжья и Приуралья. Во-вторых, несмотря на провоцируемую правительством межнациональную рознь и вражду, объективно подпитывались связи и контакты между народами. Опасения властей вызывали факты, когда русские пленники, оставшиеся в пределах Казанского края, жили «в татарских, и в чувашских селах и деревнях... и с татарою, и с чувашею вместе» и пахали свои пашни «не в разделе с татарскими пашнями». Расширялись этнолингвистические и хозяйственно-культурные обмены между русским и нерусскими народами Волго-Уралья, укорененные в веках цивилизационные контакты народов края. В практику входило владение несколькими языками. Историк начала XX в. Н.А.Спасский насчитал в удмуртском языке до 600 слов татарского происхождения, относящихся к сфере власти, торговли, имущества, семейной жизни, религии, домашней обстановки и быта.

Новым явлением в жизни татар стало постепенное возрождение городской национальной культуры. В Казани ее носителем была Старотатарская слобода, где наряду со служилыми татарами селятся купцы, ремесленники, духовенство. Служилые татары составляют немалую часть жителей городов и крепостей Казанского края. С присоединением Казанского и Астраханского ханств через Казань устремилась русская торговля в направлении Кавказа, Средней Азии. Татары были в этой торговле толмачами и посредниками. Восстанавливается транзитная и ярмарочная торговля. В конце XVII в. купцы и ремесленники получают разрешение на ведение городской торговли. На основе этих изменений экономического, торгового, культурного характера усиливается тенденция национального самосохранения, выражавшаяся не только в приверженности исламу, но и в форме борьбы за сохранение национальной идентичности, языка и культуры в условиях утраты государственности.

Таким образом, середина XVI в. выступает поворотным моментом, круто изменившим историческую судьбу татарского народа. С падения Казанского ханства и включения его в состав русского государства открывается новая полоса его исторического развития. В рамках этой полосы Россия, решая принципиальные задачи колонизационного характера — расширение территории, умиротворение покоренных народов и прежде всего татар, хозяйственное освоение и обустройство новых земель, превращается в государство имперского типа. Необходимо иметь в виду, что у зарождающегося Российского государства не было ни опыта колонизации, ни апробированной стратегии и тактики организации жизни колонизированного народа. Впоследствии опыт организации взаимоотношений с татарами был использован в процессе строительства многонациональной, многоконфессиональной империи. Конечно, французские и английские модели колонизации были известны и в России. Но это были типы заморских внешних колонизаций со специфической идеологией, программой и методикой обращения с колонизированными (колониальными) народами. В данном случае предстояло включение в состав русского государства народа, имевшего уникальную историю, богатый опыт строительства государственности, национальную идею, развитую материальную и духовную культуру, отвечающую вековым устремлениям, духу и национальному характеру религию. Предстояло создать новую — российскую модель колонизации.

Казань в процессе формирования российской модели не только являлась точкой отсчета и самым крепким «орешком», но и живой лабораторией по выработке восточной политики во внутрироссийском и внешнеполитическом измерениях. Восточная «предназначенность» Казани превращала ее в объект вложения в нее культурных, интеллектуальных и финансовых инвестиций. Инвестиционная активность возрастала по мере роста сложности и масштаба задач освоения Востока в целом национального вопроса в России. Так, в последующем здесь возникли духовная и учительская семинарии, переводческая комиссия имени Гурия, университет, этнографический музей. Казань явилась родиной провинциальной периодической печати. Все подобные инициативы и шаги способствовали росту грамотности населения. Хотя официальное назначение Казани — воспитание народов в духе православной покорности, наряду с этим город стал очагом «цивилизованности,

культурного подъема, развития гуманности», — признает венгерский ученый П.Домокош. Одновременно Казань становится «месторазвитием» идей свободолюбия, национального самосознания и национальной эмансипации. Для татар превращение Казани в «точку» роста в условиях нарастающей колонизации России имело поистине судьбоносное значение. Терапевтическое, психологическое, мобилизующее. Казань в представлении татар оставалась колыбелью их цивилизации и символом надежды на возрождение.

Перед татарским народом после падения Казанского ханства впервые за его многовековую историю встала задача организации жизнедеятельности с новым статусом — статусом покоренной страны. Суть исторической драмы состояла в потере статуса независимого народа, собственного государства, своей религии. Если раньше сохранение национального образа жизни, культурно-цивилизационных ценностей, интеллектуального капитала являлось прерогативой и обязанностью государства, то с потерей государственности задачи возлагались на народ. Колонизация не предполагала, а скорее затрудняла выполнение этой миссии. В процессе колонизации в практику внедрялась система таких мер, как выселение из обжитых и благоустроенных мест обитания, запрет на свободное вероисповедание и насильственная христианизация, гонения на литературу и культуру, которые в совокупности вели к смене уклада и образа жизни, способов экономической, культурной и интеллектуальной жизнедеятельности татарского народа.

Разрушение государственности, колонизация, деформация традиционных социальных связей, смена уклада повседневной жизни не подорвали, не опрокинули логику и направленность цивилизационного развития татар. Оказались сдвинутыми временные и пространственные параметры объективно-исторически обусловленных нациеобразующих процессов. Наметившееся в период Казанского ханства зарождение новой культурно-исторической, «национальной» идентичности «было отодвинуто в более отдаленную перспективу, перенесено в более сложное социально-историческое пространство Российской империи». Если культурно-цивилизационное возвышение Казани — исторической родины татар являлось одной из предпосылок сохранения их способности «подниматься на ноги после падения» (В.О.Ключевский), то другой была духовная стойкость и ее источник — ислам.

Ислам стал опорой и нишей сохранения духовности, несокрушимости воли и исторического оптимизма татарского народа. Именно поэтому продолжалось не только функционирование системообразующих элементов татарской культуры; продолжалась ее конкуренция с господствующей ценностно-нормативной институциональной системой: конкуренция двух образов жизни, двух типов хозяйственного уклада, двух способов организации культурной жизни. Наличие внутренних источников социальной и культурно-цивилизационной динамики в татарском обществе, а также сохранение принадлежности к исламской цивилизации в качестве анклава северного исламского мира обеспечили его способность не только к выживанию, но и к исторической продуктивности, к созданию новых форм жизнедеятельности, к инновационности в ключевых сферах общественного бытия. Более полно эта способность обозначалась и включалась в общероссийские модернизационные процессы, которые отвечали характеру и духу мировых цивилизационных перемен.

### *Восемнадцатый век: татары в условиях модернизации российского общества*

Европа в XVIII в. входит в полосу политических революций и промышленного переворота. Новое время стало эпохой, когда зарождаются основы индустриальных типов цивилизации. Идеологией эпохи становится Просвещение — третий после Ренессанса и Реформации духовный переворот, покончивший со средневековой системой духовных ценностей. В его основе лежала вера в то, что силой человеческого разума и научного знания можно преобразовать общество. Британское Просвещение базировалось на законах «естественного права», оно способствовало оформлению парламентского монархического строя, установление которого создало благоприятные условия для победы капиталистических отношений. Французское Просвещение акцентировало внимание на идее нравственного возрождения общества и концепции «общественного договора». Французские просветители призывали к установлению гражданского равенства, демократическим правам и свободам.

Великая Французская революция уничтожила монархию. Девизом республики стал лозунг «Свобода, равенство, братство». Под влиянием наполеоновских походов буржуазные идеи гражданского равенства, обновленного законодательства, суда и политического устройства распространились и в других странах Европы. Утверждение независимости Северной Америки и создание Конституции США (1787), провозгласившей свободу и республиканское устройство новой федерации свободных штатов, демонстрировали новые образцы политического развития.

Идеи Просвещения оказали влияние и на Восточную Европу, где они приняли форму просвещенного абсолютизма. Суть политики просвещенного абсолютизма заключалась в том, чтобы, опираясь на абсолютную власть просвещенного монарха, провести реформы в интересах монархии и ее подданных. Идеи просвещенного абсолютизма увлекали прусского короля Фридриха II, австрийского императора Иосифа II и русскую императрицу Екатерину II.

В новое время страны Западной Европы и Северной Америки заметно обогнали в развитии государства остальных регионов мира. В горниле промышленного переворота и политических революций Европы синтезировалась новая — евро-американская модель цивилизационного развития, обеспечившая лидерство соответствующей группы стран в мировом сообществе.

Восток слабо реагировал на модернизационный «вызов» Европы. Традиционализм сковывал его ответную реакцию. Но от модернизации, как и в целом от нарастающей глобализации (интернационализации), «спрятаться» не было дано. Попытка ухода в «тень» от воздействия общемировых процессов лишь увеличивала дистанцию исторического отставания. Это было заметно по состоянию такой крупной империи, как Османская, которая, все еще контролируя восточное Средиземноморье, быстро клонилась к упадку. После русско-турецких войн XVIII в. и подъема освободительного движения на Балканах европейские державы начали борьбу за раздел султанских владений в Европе. Попытки реформ в Османской империи имели вынужденный, запоздалый и незаконченный характер.

Индия, не вписавшаяся в контекст европейских цивилизационных изменений, попадает под британское колониальное влияние и фактически управляется британской Ост-Индской компанией. Династия империи Великих Моголов формально продолжала существовать до 1858 г., когда Индия перешла под непосредственное управление Британии. Британские колониальные власти жестко подавляли традиции индийской цивилизации, навязывали английский язык, британские законы и обычаи, христианскую религию, усиливали систему неэквивалентного экономического обмена.

Таким образом, одни традиционные восточные цивилизации (Индия, Китай) были деформированы европейскими странами, другие (Япония, Турция) вынуждены были развиваться в изоляции, опасаясь за свою независимость и пытаясь сочетать реформы с традиционным строем.

Исламский мир был в большей степени готов к вызовам Нового времени. Его активная интеграция в общеевропейские модернизационные процессы «привела к вовлечению мусульманских стран в структуру международных политических и экономических связей, прогрессу научного мировоззрения и светского образования, привнесению новых технологий, а также элементов европейской культуры. По мере трансформации и ломки средневековых исламских институтов проявлялись перспективы модернизации традиционного мусульманского уклада… Модернизация стала естественной реакцией мусульманского общества на кризис традиционализма, многократно усиленный давлением колониальной системы».

Адаптационная способность исламского мира к инновационным требованиям Нового времени имела важное значение для исторических судеб татарского народа, который, представляя собой еще в булгарское время «северный анклав» «исламского материка», продолжал получать от него цивилизационную «инъекцию» для сохранения способности «отвечать» на вызовы времени и обеспечения своей историко-культурной идентичности. Хотя историческое развитие татар в середине XVI в. протекало в рамках Российского государства, это обстоятельство не отменяло их принадлежности к исламскому миру. Их эволюция во многом определялась степенью эффективности модернизационных процессов, протекавших на исламском «материке».

Таким образом, татары с XVIII в. получают тройное цивилизационное облучение: российское, европейское и исламское. В советский период произошло искусственное вычленение исследований по истории татар, как и других мусульманских народов, из общеисламского контента. «В результате, — как справедливо отмечает А.А.Гафаров, — татароведение и востоковедение в значительной степени «разошлись», потеряв точки соприкосновения». Вероятно, этим можно объяснить сохраняющиеся и сегодня стереотипы изучения истории татар вне общемусульманского контекста, исключительную включенность в рамки российской и отчасти европейской истории. Между тем следует отметить, что достижения и реформаторский опыт исламского мира служили ориентиром, условием сохранения татарами этноконфессиональной идентичности, развития их как цивилизационной величины.

Россия со вступлением в Новое время также приобретала качественно новые цивилизационные измерения, связанные с модернизацией традиционного уклада общественной жизни. Начало процессу положил Петр I, нацеленный на создание мощного государства с высоким международным статусом и престижем. Реализация цели предполагала развитие экономики, промышленности, образования и культуры, а также создание «регулярного» государственного управления. Первый император стремился ориентировать Россию на европейские образцы организации системы государственного управления и ведения военного дела, адаптировать ее к новым историческим условиям, приобщить к уровню максимальных мировых достижений в технике, образовании и культуре.

Главные цели Петра I были достигнуты: после победы над Швецией в Северной войне Россия стала сильнейшим государством Европы. Однако вместо глубинной модернизации произошло привитие европейских порядков и форм жизни российскому самодержавию и крепостничеству. Реформы, во многом копировавшие европейский опыт, способствовали созданию мощной армии и сильного флота, смене приказной системы государственного управления отраслевыми коллегиями, созданию на месте Боярской Думы Сената. С упразднением должности патриарха церковь была подчинена государству, реорганизована система местного самоуправления, открыта возможность пополнения дворянского сословия за счет преданных царю лиц из различных слоев, имевших способности и особые заслуги. Первый император выступил покровителем развития национальной промышленности и торговли, создал условия для широкого развития мануфактурного производства, металлургии и металлообработки, заложил основы новых отраслей: судостроения, стекольного и фаянсового дела, производства бумаги. Поставив задачей поддержку торговли, он ввел протекционистские меры, поощрял вывоз русских товаров за границу и облагал высокими пошлинами ввозимые изделия. Государство активно вмешивалось в сферу торговли, регулируя цены и налоги, вводя монополию на заготовку и сбыт многих товаров, в том числе импортных и экспортных: соли, льна, пеньки, табака, воска и других.

Реформы Петра I имели всеохватный, системный характер. Они придали новый вектор политике колонизации на постоянно расширяющейся территории государства. Казанско-поволжская «площадка» и в этот период оставалась экспериментальной. Россия все больше превращалась в полиэтничную страну, и в процессе эволюции в имперском направлении приходилось апробировать самые разные методики и технологии усмирения этносов и включения их в русско-православное культурное поле. Москва, как империя начавшись с Казани, всегда придавала серьезное значение исходу начатой здесь работы по апробации «новейших» форм организации колонизации. Татарский фактор и после завоевания Казани не терял своей воздействующей на исторический процесс роли. Об этом свидетельствует и тот факт, что в целях организации жизни татарского общества в направлении его русификации было принято 220 законодательных актов (указов).

Воодушевленное «петровской» стратегической целью превращения России в классическую империю европейского образца, Российское государство отказалось от московских методов прагматичной гибкости колониальной политики, взяв курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства. Воспринятые из Западной Европы цель и установка на превращение России в абсолютистское, регулируемое, систематизированное и нивелированное государство не оставляли пространства для прав и традиций нерусского населения, с которыми до сих пор все-таки считались. В имперской политике Нового времени сильно проявилась жесткая религиозно-христианизаторская доминанта. Петр I, выступавший за модернизацию и европеизацию России, издал в 1713 и 1715 гг. указы о «крещении инородцев», согласно которым некрещеным землевладельцам, которые имели крепостных православного вероисповедания, предлагалось в течение полугода креститься или потерять свои земли и крестьян. Решение было направлено в первую очередь на изменение социального статуса, существовавшего в XVI — XVII вв. сословия «служилых татар». Если до 1713 г. татарских помещиков было до 2000, то в последующем их численность в губернии резко сокращается. Часть их вынуждена была принять православие, другие записались в купечество, третьи пополнили податное сословие и были приравнены к ясачным крестьянам.

Татарская цивилизационная культура в процессе модернизации российского общества обретала новые признаки и характеристики. Немаловажное значение в этом имело превращение Казани в крупнейший административный, экономический и культурный центр империи. Казань продолжала выполнять обозначенную государством историческую миссию, связанную с включением восточного фактора в модернизационные процессы, эмансипации и консолидации нерусских народов вокруг идеи великодержавности.

Казанская губерния представляла значительную политико-административную единицу страны. Во главе губернии стоял назначаемый императором губернатор, имевший административные, полицейские, финансовые и судебные функции и являвшийся командующим войсками, расположенными в губернии. Губернатор правил через губернскую канцелярию, ему помогали вице-губернатор и ландрихтер (по судебным делам), а также чиновники и секретари. Главой военного управления был обер-комендант. Денежными сборами ведал обер-комиссар, а провиантскими — обер-провиантмейстер. Во главе уездов были поставлены воеводы, а затем — коменданты. В Казани — губернском центре сконцентрировалось большое количество чиновников, выросло городское население, разворачивалось активное городское строительство. Основные губернские учреждения размещались в Кремле, большинство зданий которого были каменными. Уже в 30-е гг. XVIII в. по приказу губернатора были разрушены обветшалые деревянные стены, окружавшие городской посад, и он слился с ближайшими слободами. Началось регулярное архитектурное планирование города.

Новая роль Казани была связана с политикой стимулирования отечественной мануфактурной промышленности и торговли. Первые крупные казанские мануфактурные предприятия были ориентированы на обеспечение армии и флота. Еще в 1714 г. в городе появилась казенная суконная мануфактура, выпускавшая сукно для армии. Вскоре она перешла в частные руки и заметно увеличилась. Сложившееся вокруг нее поселение получило название Суконной слободы.

В 1718 г. в Казани было организовано адмиралтейство, где построено более 300 судов, составивших ядро Каспийского русского флота. В Заречье, где вплоть до конца 1820-х гг. размещалось адмиралтейство, была создана казенная кожевенная мануфактура («помповый» завод), вырабатывавшая прочные кожи для судовых насосов (помп). В районах месторождения меди, особенно в восточной части губернии, государство, нуждавшееся в металле, поощряло создание медеплавильных заводов. Небольшие, но многочисленные мыловаренные и свечные мануфактуры обеспечивали выпуск качественного казанского мыла и свечей. Работали винокуренные заводы, обувные, скорняжные и кузнечные мастерские, появлялись мануфактуры, особенно текстильного профиля, принадлежавшие татарским купцам. К концу XVIII в. в городе насчитывалось около 200 предприятий. Получают развитие кожевенные предприятия города, созданные татарскими предпринимателями. К середине XVIII в. в городе уже имелось 34 «козловых» и «юфтяных» завода, принадлежавших Аитовым, Юсуповым, Азимовым, Исхаковым. Изделия их вывозились далеко за рубеж, вплоть до Китая.

Татары первыми в поволжском регионе стали варить мыло. Как заметили авторы «Топографического описания по Казанскому наместничеству, вообще и каждова города и уезда» от 1785 г., казанские татары «большую имеют склонность к торговлям». Вообще татарские купцы в Казани давали русским значительную фору.

Подъем местного производства стимулировал развитие торговли. Казань в XVIII в. восстанавливает потерянную после 1552 г. роль крупного торгового центра на восточном направлении. Заметно возросла роль татарского купечества. В 1796 г. в Казани насчитывалось 676 русских и 595 татарских купцов, а капиталы некоторых из них достигали 100 тысяч рублей. Многие служилые татары переходили в купеческое сословие. Складывался слой богатых татарских купцов, которые брали в свои руки торговлю с Казахстаном и Средней Азией, Северо-Западным Китаем и Персией, куда путь русским купцам-христианам был закрыт. Например, купцы Ишмуратовы, Маматовы, Даутовы, установившие тесные связи с закрытой для русских и европейцев Бухарой, получили название «Бухар юртючи» (ходящие в Бухару).

В Оренбурге, ставшем в 1744 г. центром губернии с пограничной таможней, Меновым и Гостиным двором, караван-сараем, сложилась многочисленная и богатая татарская Сеитовская слобода. Для организации систематической торговли России с Азией первый губернатор Оренбурга Неплюев «организовал в 1750-х гг. русско-татарское акционерное общество с капиталом в 20 тысяч рублей, ведущую роль в нем занимали татарские предприниматели». В середине XVIII в. почти вся розничная торговля не только Поволжья — в среде марийцев, чувашей и удмуртов, но и в Северном и Центральном Казахстане находилась в руках татар. Ключевую роль в организации оптовой торговли играла Казань, через которую проходили основные потоки российских, европейских и восточных товаров. Центрами торговли были Гостиный двор у Кремля, торговые ряды на Булаке, Сенной рынок в Старотатарской слободе, Рыбные ряды в современном центре Казани. Во второй половине XVIII в. Казань становится крупным центром хлебной торговли: губерния производила до 5 миллионов пудов хлеба в год, вывозила она также лес, водку, уксус, мыло, свечи, мед, воск, сукно, кожи, пушнину, ткани.

Петровские начинания требовали привлечения к массовым работам сотен тысяч людей. К мануфактурам и заводам приписывались посессионные крестьяне; только на строительство Петербурга из Казанской губернии было отправлено не менее 5 тысяч человек. Возле Петропавловской крепости Петербурга возникла целая татарская слобода, населенная строителями. Пять тысяч татар отправил Петр на строительство крепости на реке Куре. К Казанскому адмиралтейству было приписано огромное количество крестьян, превышавшее к концу XVIII в., по свидетельству историка Н.Ф.Калинина, 100 тысяч человек. Особенно тяжелым было положение лашманов — по преимуществу нерусских крестьян, большинство которых составляли татары. Исследователь проблемы лашманства А.И.Ногманов отмечает устойчивую тенденцию «отатаривания» «обязанного сословия» лесорубов-лашманов. Их отправляли ежегодно — с октября по апрель со своими лошадьми и инструментом на заготовку корабельного леса. Масса лашманов гибла от холодов и болезней, калечилась во время валки леса, в то время как их хозяйства, с которых надо было платить подушную подать, приходили в упадок.

Создание российского флота стоило тысяч жизней, обернулось вырубкой прекрасных боров, разрухой и запустением многих хозяйств. Такова была оборотная сторона успехов во внешней политике и превращения России в великую морскую державу.

Трансформировалась и социальная система татарского общества, сложившаяся во второй половине XVI — XVII вв. Она явилась по сути цивилизационным компромиссом, позволившим сохранить

характерные особенности экономико-хозяйственного уклада и определенную культурно-политическую самостоятельность. В 1724 г. ясачные татары были включены в податное сословие, стали облагаться вместо прежней подворной подати подушной, размер которой увеличивался. Помимо подушной подати татары должны были нести целый ряд тяжелых повинностей и платить всевозможные сборы — военный, земский, ямской, стрелецкий, лесной, перевозный, с кузниц, мельниц, с рыбной ловли и т.п. Рост имперской армии и бесконечные войны привели к ужесточению рекрутской повинности, которая рассчитывалась из соотношения 1 рекрут от 200-300 дворов, а в годы войны от 50-100 дворов.

В годы правления императрицы Анны Иоанновны в 1731 г. была создана специальная «Комиссия для крещения» инородцев, в 1740 г. преобразованная в «Контору новокрещенских дел». Задачами контор было принудительное и ускоренное крещение народов Поволжья. Кроме того, крестившимся обещали деньги, одежду, кресты, иконы и льготы, в том числе освобождение от рекрутчины. Особой жестокостью отличался возглавивший в 1742 г. контору архиепископ Лука Канашевич, прозванный в народе «Аксак-каратуном» (Хромым черноризцем), который отправлял в татарские деревни военные отряды, сгонял жителей к реке и организовывал под угрозой оружия «святое крещение». При нем миссионеры при помощи солдат похищали татарских детей, насильно их крестили и помещали в монастыри на перевоспитание. По его распоряжениям в татарской слободе Казани устраивались крестные ходы, ломались мечети и преследовались мусульманские священнослужители. В 1742 г. церковники обвинили в случившемся в Казани пожаре татар и просили императрицу Елизавету Петровну наказать иноверцев. Вышедший в ответ императорский указ запрещал строить новые мечети и разрешал слом построенных после 1552 г. Только по Казанскому уезду было разрушено 418 мечетей из 536, т.е. 78% всех мечетей. На отказавшихся креститься были разверстаны подушные подати крестившихся, татарам было запрещено жить в черте города (за исключением слобод), входить в Кремль.

Больших «успехов» достигли миссионеры в среде нерусских народов, исповедовавших язычество. К середине XVIII в. большая часть чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов формально числились православными. В XVIII в. череда восстаний, ставших ответом на национальные и религиозные притеснения, парализует управление обширными областями Закамья и Приуралья. Самое грозное из них, организованное татарским муллой Батыршой, произошло в 1755 г. Татары и другие народы Поволжья принимают массовое участие в Крестьянской войне 1772–1775 гг. под предводительством Е.Пугачева. Объявивший себя императором Петром III Е.Пугачев призывал нерусские народы края примкнуть к восстанию, обещая ликвидацию русской администрации, освобождение от помещичьей эксплуатации, рекрутских наборов и подушной подати, а также отмену всяких ограничений в религиозно-национальной жизни. В манифесте Пугачева, написанном в Каргалинской Сеитовой слободе Оренбурга 1 октября 1773 г., он жаловал татар, башкир и калмыков «землями, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим». Поэтому по пути с Яика в пугачевские отряды вливались не только русские казаки и крестьяне, но и чуваши, башкиры, татары, мордва. Летом 1774 г. на подходе к Казанской губернии Е. Пугачев именным указом приказал своему полковнику Бахтияру Канкаеву собрать русских, татар, башкир в одну большую армию.

Примечательно, что документация и переписка восставших велась на русском и татарском языках. В июле 1774 г. отряды Е.Пугачева взяли Казань. Часть правительственных войск укрепилась в Кремле в ожидании помощи из Уфы. После этого Е.Пугачев переправился через Волгу и, двигаясь к югу, захватил Алатырь, Саранск, Пензу, Саратов, но потерпел поражение при взятии Царицына. Выданный богатыми казаками властям Е.Пугачев был казнен в 1775 г. в Москве. По подсчетам С.Х.Алишева, в Пугачевском движении в Казанской губернии участвовало до 50 тысяч татар, в Уфимской — около 35 тысяч. Историком составлен список из 361 населенного пункта Казанской провинции, где формировались отряды восставших. Жесточайшим наказаниям были подвергнуты соратники Е.Пугачева: Валит Торнов казнен вместе с Пугачевым, казнен Абурашит Бикеев, Абдуш Уразаев, Масгут Гумеров и Салават Юлаев сосланы на вечную каторгу. Виселицы стояли на Арском поле, в Суконной и Татарской слободах, однако некоторые из восставших смогли бежать. Пугачевец Губайдулла Амиров через Казахстан и Среднюю Азию добрался до Индии, а после возвращения на родину с 1805 г. служил в Оренбургской пограничной комиссии и описал свое путешествие.

Таким образом, в первой половине XVIII в. репрессивное начало в политике по отношению к нерусским народам возобладало. Татары понесли наибольшие потери. Имеется в виду не только деклассирование, лишение социального статуса и включение их в сословный порядок России. Главные потери ощущались в духовной, морально-психологической сфере. Насильственная христианизация, экономическое, политическое и культурное преследование — все это пригибало национальный дух, вносило смятение в национальное самосознание, снижало потенциал цивилизованности.

Наступление на ислам было приостановлено во второй половине XVIII в., когда Екатерина II отменила большинство дискриминационных мер. Под воздействием идей просвещенного абсолютизма

она вернулась к практике сотрудничества с татарской элитой. Для мусульманской аристократии снова открылся путь вступления в русское дворянство, татарские купцы получили торговые привилегии, а мусульманское духовенство получило новую организационную форму в виде магометанского духовного собрания.

Можно определенно утверждать, что к концу XVIII в. положение татар существенно изменилось. Теперь они были органически интегрированы в сословную систему России. В экономической сфере оформлялась основа для возникновения татарской буржуазии. Расширились политические права. Оживлялась культурная жизнь татар. По выражению Андреаса Каппелера, «казанские татары готовились использовать открывшиеся перед ними возможности и свободные лакуны для своего экономического и культурного возрождения».

Каковы причины, обусловившие либерализацию национальной политики, возникновение Екатерининского феномена веротерпимости? Что это — случайный зигзаг в неизменном направлении в отношении к нерусским народам или же это «русская» форма ответа на вызовы эпохи Просвещения? И, наконец, какова роль казанского (татарского) фактора в трансформации российской этнонациональной политики?

Изменения в этноконфессиональной политике и формирование этнокультурной терпимости необходимо рассматривать в контексте как общеевропейских цивилизационных сдвигов, так и новых исторических задач, вставших перед Российским государством. Екатерине II в этом плане было суждено разработать и внедрить в жизнь программу преобразования государства в просвещенную монархию на основе незыблемого принципа самодержавия и соответственно этой задаче правильно организованного сословного строя и демократизации этноконфессиональной политики. Императрица поставила задачу создания просвещенной монархии не только по форме, но и по духу схожих с западноевропейскими моделями государств.

Перед тем как приняться за выработку программы реформ, Екатерине II было необходимо самоутвердиться как русской царице и российской императрице, «принять» и «покорить» империю, прежде чем даровать подданным новые законы. Именно эти причины-мотивы предопределили суть и предназначение ее поездки по Волге. «Сознательно выбранный «казанский» код путешествия по Волге, — отмечает Г.В.Ибнеева, — был весьма прозрачен: осуществляя поход в Казань, Екатерина символично «покоряла» подвластные ей земли. Но, в отличие от Ивана Грозного, покоряла не огнем и мечом, а своим личным обаянием и распространением благотворных идей просвещения». В 1767 г., посетив Казань и оставшись весьма довольной городом, окрестностями и радушным приемом, она писала Вольтеру: «Теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою. Надобно, однако ж, дать им такое платье, которое годилось бы для всех. Можно очень найти общие начала, но подробности… и какие подробности! Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!». В письме императрицы А.В.Олсуфьеву, написанном в Казани, читаем: «Сей город, бесспорно, первый в России после Москвы, а Тверь — лучший после Петербурга; во всем видно, что Казань столица большого царства. По всей дороге прием мне был весьма ласковый и одинаковый, только здесь еще кажется градусом повыше».

В Казани Екатерина II официально принимала представителей мусульманской конфессии — абызов, которые в то время не имели официального статуса указных мулл и соответственно не были признаны властями. Сама эта встреча стала формой признания российской императрицей реального статуса неофициального мусульманского духовенства. Немаловажно и то, что тогда же она дала разрешение строить каменные мечети. Эти акты были не просто формой проявления милосердия, они были мотивированы и сугубо прагматическими соображениями. Среди них особое значение имело убеждение, что без организации «национального диалога» и мира между конфессиями и культурами в России, просвещенная монархия невозможна. Материализацией этих взглядов императрицы стал указ «О терпимости всех вероисповеданий» (1773). Конечно, восточные «мотивы» также присутствовали в ее настойчивой попытке либерализации этноконфессиональной политики. Казань в представлении Екатерины была и оставалась «вратами Востока». Еще в 1767 — 1768 гг. Екатерина II направила в Казань архитектора В.И.Кафтырева, разработавшего систематический план перепланировки города, который стал осуществляться уже в 1770—1780-х гг. Благодаря этому сложился основной ансамбль каменных зданий главных улиц города. Новый облик стала приобретать Старотатарская слобода, где в 1767 г. была построена первая каменная мечеть города, получившая позднее имя ученого Ш.-Марджани.

Екатерина с интересом посетила также Булгарское городище, называя при этом себя «казанской помещицей», а после разгрома города в 1774 г. пугачевцами распорядилась выделить средства на его восстановление.

При Екатерине II в Казани по указу Сената была открыта первая провинциальная гимназия в России (1758). До этого в городе были лишь духовные школы (семинария, медресе). В 1769 г. при Первой Казанской мужской гимназии по инициативе ее директора М.Веревкина появился класс для

желающих изучать татарский язык, преподавателем которого был назначен губернский переводчик Сагит Хальфин. Его перу принадлежали изданная в 1778 г. «Азбука» татарского языка и двухтомный словарь татарского языка.

Достаточно высокий уровень образованности татар отмечали в своих официальных документах чиновники, представители православной конфессии. Так, известный православный миссионер Я.Д.Коблов писал: «В России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у казанских татар».

Культурная жизнь татарского общества постепенно оживляется. Во многом развитие художественной культуры этого времени было связано с именами талантливого поэта Г.П.Каменева и «отца русской поэзии» Г.Р.Державина. Г.Р.Державин родился в деревне Сокуры недалеко от Казани, учился в Казанской гимназии, изучал исторические памятники Булгар. В знаменитом стихотворении «Арфа» он писал, будучи уже известным поэтом, о Казани: «Мила нам и добра весть о нашей стороне: Отечества и дым нам сладок и приятен».

Возрожденческие тенденции проявлялись и в музыкальной жизни татар. Сфера искусства тонко улавливала и соответствовала изменяющимся условиям, формам и образу жизни. Культурный процесс после падения Казанского ханства хотя и не был прерван, но сильно деформирован. «После завоевания края, — как отмечает М.Н.Нигмедзянов, — исчезли из быта светская музыка города, военно-духовые оркестры, были забыты целые музыкально-поэтические жанры, а те, которые сохранились, видоизменялись, появлялись новые…». Некогда процветавшее татарское музыкальное искусство на протяжении веков находилось в фазе выживания, адаптации к изменившимся историческим условиям. В песенной культуре начинает преобладать заунывная, часто тоскливая, подчас созерцательная мелодичность в стиле песни «Кара урман» (Дремучий лес).

Однако сужение жанрового богатства и смена музыкально-стилевого характера народного фольклора не являлись выражением сломленности духа. Мудрость и неиссякаемый оптимизм народного музыкального творчества состоят в том, что даже о самых тяжелых и трагических своих переживаниях он говорит предельно сдержанно. В старинных протяжных песнях при всей силе эмоционального выражения нет ощущения душевного надлома, пессимизма. Народ находил поразительную душевную силу для создания полных оптимизма волевых, заряжающих на действие форм музыкально-песенного и танцевального искусства. Особенно примечательна в этом отношении вторая половина XVIII в., когда возрождаются элементы древнебулгарской и казанской культуры: старинные обычаи, традиции и музыкальные инструменты. Они создавали предпосылки феномена татарского культурного ренессанса.

Важным явлением в культурной жизни татарского общества стало рождение профессионального театра. Его созданию предшествовала практика проведения театральных представлений в самых разных формах и на разных уровнях. Так, во время посещения Казани Екатериной II в загородном губернаторском доме состоялся праздник с приглашением «тамошних знатных обоего пола» (татары, чуваши, мордва, черемисы, вотяки), они показывали свои наряды, песни, танцы. Драматургические начинания на уровне частных салонов, представления в гимназии и университете заложили традицию публичного театрального «действа». В 1791 г. в Казани возник первый постоянный театр. На его основе в начале XX в. рождается татарское профессиональное театральное искусство.

Казань, таким образом, вдохновляет Екатерину II на масштабную программу преобразования полиэтничного, многоконфессионального государства. Ее решительные действия, направленные на либерализацию этноконфессиональной политики, были высоко оценены татарским народом. В исторической памяти татар Екатерина оставалась как «эби-патша» («бабушка-царица»). Согласно ее указу о веротерпимости, была объявлена свобода вероисповедания, отменено насильственное крещение, разрешено мусульманам строить мечети и открывать при них школы. В 1788 г. было открыто Оренбургское духовное собрание мусульман. Как указывал профессор-путешественник второй половины XVIII в. Г.Георги, «казанские татары… не только приучают детей к прилежанию, бережливости и другим прародительским обыкновениям, но пекутся еще и о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере». Во второй половине XVIII в. наряду с мусульманскими начальными школами возникают крупные медресе — Апанаевское, Ахундовское и Амирхановское. Получает развитие татарская религиозно-философская мысль, в которой обозначаются прогрессивно-реформаторские тенденции. Развиваются татарская литература и книжное (рукописное) дело.

Одним из первых прогрессивных мыслителей стал А.Курсави. Более 50 произведений принадлежали перу Г.Утыз Имяни. Научную и педагогическую работу вели представители династии Хальфиных, труды которых способствовали изучению и распространению татарского языка в русской среде и наоборот. Важным событием для развития татарского общества стало решение об образовании Татарской ратуши, куда избирались бургомистры и ратманы из богатых татарских купцов. Фактически они ведали торговыми и промышленными делами татарских слобод. При ратуше существовал местный

суд. В 1797 г. в обществе состояло 262 семейства (2290 душ). К концу века в Казани насчитывалось около 5 тысяч татар при общем населении города 25-26 тыс., а со слободами — до 40 тысяч человек.

В 1784 г. высшему татарскому духовенству и мурзам были предоставлены права дворянства. На основе Жалованной грамоты городам (1785) было создано общегородское самоуправление, во главе которого встала городская шестиглавая (из 6 человек) дума, избираемая сроком на три года. В это же время наиболее влиятельные татарские купцы получили право записываться в гильдейское купечество. Складывается торгово-промышленная национальная элита. В 1797 г. вышел «новый указ о том, что все мусульмане, показавшие себя преданными империи и имеющие благородное происхождение, могли быть приравнены к русскому дворянству в правительственных привилегиях».

Таким образом, восемнадцатое столетие стало эпохой поиска нового облика стремительно расширяющейся Российской империи. Важнейшими явлениями жизни края было появление новых отраслей экономики, развитие мануфактурной промышленности, внешней и внутренней торговли, модернизация системы управления государством и культурной жизни. Во все эти процессы постепенно включалось и татарское население. Правительственная национально-религиозная политика совершила поворот на 180 градусов — от попыток религиозной унификации и силового решения мусульманского вопроса в России при Петре I и его преемниках до первых шагов по признанию религиозной самобытности мусульман и утверждению принципов веротерпимости. Поворот происходит и в социальных структурах мусульманского общества: фактически ликвидируются сословия служилых и ясачных татар, одновременно растет число татарских купцов, мещан и мулл. Тюрко-татарская субцивилизация вновь начинает выполнять функции посреднического моста между Россией и Средней Азией, и шире — между Европой и Азией. Она и сама приобретает новый вид, становясь более открытой рыночным отношениям и современным для того времени ценностным системам.

***Начало национального возрождения***

Эти тенденции получили дальнейшее развитие в XIX — начале XX вв. В XIX в. отношение властей к татарам становится довольно лояльным. Хотя православное духовенство было весьма озабочено проблемой ослабления своего влияния в Поволжье, оно уже не повторяет прежних масштабных попыток «силовой» христианизации. Татарская культура не только сосуществует в рамках Российской многонациональной империи, но органично вписывается в контекст российского цивилизационного развития, усиливая в целом российскую культуру. Важнейшие события и явления общественной и социально-экономической жизни России воспринимаются и переживаются татарами как гражданами единой страны, не разделенной национальными, языковыми, религиозными и иными барьерами.

Так, в связи с началом войны 1812 г. в Казани отмечался высокий патриотический подъем. Поэт и участник войны С.Глинка писал: «Не только стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, правами, верой и образом жизни, народы кочующие и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую». В Казани формировалось ополчение, куда вступали крестьяне из русских, татарских и чувашских деревень. Государственные крестьяне-татары сформировали особый конный батальон. Общая численность казанского ополчения приблизилась к 5 тысячам человек. Отряды приняли активное участие в боевых действиях, совершив победный поход в Западную Европу, участвовали в боях за Дрезден, Мерзенбург и Гамбург. Французский генерал де Марбо признал высокие боевые качества татаро-башкирской конницы: «Они носились вокруг наших войск точно рой ос, прокрадывались всюду, настигнуть их было трудно». На армию работали казанские предприятия — суконная мануфактура, пороховой завод, кожевенные мастерские, а также устроенный в Кремле при арсенале пушечный завод, существовавший до 1815 г. При казанской городской думе и татарской ратуше собирались средства в помощь армии и беженцам.

Широкую известность приобрела жительница Елабуги легендарная кавалерист-девица Н.А.Дурова, командовавшая эскадроном, а затем ставшая ординарцем М.И.Кутузова.

Победа в Отечественной войне 1812 г. породила огромный общественный подъем, надежды на преобразования и реформы. Но внутренняя политика Александра I была отмечена усилением реакции и отказом от обещанной в начале правления либерализации. В связи со смертью Александра I в декабре 1825 г. произошло выступление дворян-революционеров, часть которых оказалась связанной и с Казанской губернией. В 1824 г. в Лаишевской усадьбе помещика Завалишина действовал кружок, основанный декабристами Д.И.Завалишиным и В.П.Ивашевым. Установлено, что по делу декабристов проходили татарские офицеры Бурнашев, Гадеев, Галямин, Булатов и другие, а также десятки нижних чинов.

Важнейшим событием начала XIX в. для Казани и народов всей Восточной части Российской империи стало открытие в 1804 г. Казанского университета. Тем самым завершается решающая фаза создания университетской системы России, призванной готовить просвещенную бюрократию, способную осуществить политические, культурные и социальные преобразования на основе

европейского опыта. «Объективные потребности социально-экономического и культурно-политического развития России с ее запаздывающими волнами модернизации и европеизации, длительным доминированием традиционных пластов культуры, культом слова обусловили повышенное значение просветительских и социально-адаптированных функций университетов. Выражению alma mater в русской интерпретации соответствовал эквивалент «кормилица»: в университетах юношество получало духовную пищу». Казанский университет, укрепив фундамент российской университетской системы, стал «зародышем будущего духовного развития» (Н.Булич), средоточием отечественного просвещения, генератором развития «отечественного слова, отечественной истории и отечественного законоведения» (И.М.Соловьев). В его стенах формировался «специфический код университетской культуры», ее неповторимый дух ощущали все последующие студенческие поколения. В университетской «колыбели» шел эффективный процесс воспитания «нравственных устоев — представлений о доброте, отсутствия «дурных» наклонностей, любви к Отечеству, благочестия и приверженности к религии». Казанский университет, ориентированный на подготовку кадров для Востока России стал общероссийским культурным светочем. Его интеллектуальное сообщество стало диктовать векторы и маршруты культурного прогресса.

Отмечая многофункциональную миссию университета, один из первых студентов Казанского университета, будущий писатель С.Т.Аксаков позднее писал: «Я за все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда». Университет вывел культурную жизнь города на новый уровень: для преподавания были приглашены иностранные ученые, организованы лаборатории, библиотеки, музеи, научные и культурные общества, ботанический сад и обсерватория. Ректором с 1827 по 1846 г. был великий математик Н.И.Лобачевский. Особое внимание уделялось преподаванию восточных языков: существовали кафедры арабского, персидского и турецкого языков, армянского и санскрита. Именно в университете были открыты первая в России кафедра китайского языка и первая в Европе кафедра монгольского языка. Профессорами восточной словесности были академик Х.Д.Френ, О.М.Ковалевский, А.К.Казем-бек, И.Н.Березин. Среди ученых и педагогов университета появились татары — И.Хальфин, знаток татарского языка и литературы, составивший «Краткую грамматику татарского языка», каллиграф М.Махмудов. К сожалению, восточный факультет в 1855 г. был переведен в Петербургский университет, однако традиции востоковедения в Казани продолжали развиваться.

Значимой фигурой, символизировавшей диалог европейской, русской и татарской культур, стал медик и биолог профессор Казанского университета К.Ф.Фукс. Он увлекся историей народов края, написал книги «Краткая история Казани» и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении». Пользовался уважением татар как медик, его часто приглашали в Старотатарскую слободу. Был организатором литературного кружка, а в 1833 г., во время путешествия А.С.Пушкина, принимал в своем доме великого поэта.

Несмотря на предвзятость и казенные препоны в отношении иноверцев, в Казанский университет поступали представители нерусских народов Волго-Уралья и других регионов Российской империи. В 1840 — 1895 гг. в списке студентов из татар, башкир и казахов можно насчитать 73 фамилии. В университете эти студенты знакомились с достижениями российской и зарубежной науки и общественной мысли, нередко включались в общественное движение вместе со студентами из польских, литовско-белорусских или кавказских губерний. Фактически Казанский университет и многие гимназии края готовили в XIX в. европейски образованную татарскую национальную элиту — вначале немногочисленную, но достаточно влиятельную и авторитетную в татарской общественной среде. Татарские педагоги, врачи, ученые и чиновники, получавшие светское образование наряду со многими религиозными деятелями и образованными предпринимателями, составляли образованный, интеллигентный слой динамично развивавшегося во второй половине XIX в. татарского общества.

Важнейшую роль в развитии татарского книжного дела сыграла открытая в 1800 г. Азиатская типография, влившаяся позже в состав университетской типографии. Заметный шаг в условиях модернизации российского общества делает татарская литература. Одним из видных ее представителей выступает Г.Кандалы, автор эпических поэм. Крупнейшим татарским мыслителем, впервые обратившимся к проблеме взаимовлияния культур Запада и Востока, был Ш.Марджани. Его труды, насчитывающие в общей сложности более 30 томов, положили начало татарской исторической науке. Среди работ, опирающихся на древнейшие, частично утерянные к сегодняшнему дню источники, особое место занимает фундаментальный свод материалов по истории татарского народа — «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» — «Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара». Работа, состоящая из двух томов и содержащая сведения по истории булгар, хазар, татар и других тюркских народов, была издана в Казани в 1885 — 1890-е гг., а сегодня переиздана не только в Татарстане, но и в Турции.

В книге «Назурат аль хакк фи фардият аль-аша ва ин лям ягиб аш-шафак» (Взгляд на истину…) Шигабутдин Марджани развивал религиозно-обновленческие идеи А.Курсави, других авторов и заложил основы татарской просветительской идеологии. Ш.Марджани с 1850 г. был имамом первой Соборной мечети — старейшей каменной мечети Казани, построенной по личному разрешению Екатерины II еще в 1760—1770-е гг. В 1867 г. он стал и мухтасибом Казани (мухтасиб должен был контролировать соблюдение мусульманских норм шариата и морали первоначально в торговых отношениях, а позднее и в различных сферах жизни и быта). Ш.Марджани вел активную светскую и общественную деятельность, преподавал в Казанской татарской учительской школе и был одним из первых мусульман-членов известного в России и за рубежом «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Он имел высокий авторитет в научном мире, с ним консультировались, его работы цитировали многие крупные исследователи восточных языков и истории. Имя Ш.Марджани сохранилось в благодарной памяти потомков: после его смерти первая Соборная мечеть города на берегу озера Кабан в Старотатарской слободе именуется мечетью Марджани.

В исторической науке в становлении татарской нации выделяются три этапа: первый — этап развития «мусульманской» нации (XVIII — сер. XIX вв.), второй — этап формирования «этнической» (этнокультурной) нации (пореформенный период — начало XX в.), третий этап — складывание «политической» нации (первые два с половиной десятилетия XX в.). Действительно, в пореформенный период татарская культура наполняется новым содержанием. Отмена крепостного права в феврале 1861 г. изменила политико-правовую и социально-экономическую ситуацию в России и в регионах проживания татарской диаспоры. Складываются всероссийский и региональный рынки, растет фабрично-заводская промышленность, усиливается внутренняя и внешняя торговля, оформляется буржуазная банковско-финансовая система.

Вслед за реформой 1861 г. последовал комплекс либерально-буржуазных реформ, которые радикально меняли жизнь подавляющего большинства населения: вводилось земское и городское самоуправление, с 1864 г. судебная власть отделялась от исполнительной и законодательной, судьи стали независимыми и несменяемыми, а судебный процесс становился главным, состязательным, с участием адвокатов и присяжных. Университетская реформа 1863 г., облегчившая возможности получения высшего образования, реформа армии на основе всеобщей воинской повинности, школьная реформа, приблизившая школу к жизни и открывшая в нее доступ выходцам из менее обеспеченных слоев, а также цензурная реформа, несколько смягчившая контроль за печатью — эти реформаторские преобразования при всех недостатках и ограниченности создавали новые, более свободные и демократичные правила и перспективы функционирования общества, его отдельных групп и индивидуумов.

Реформы послужили мощным толчком к развитию буржуазных отношений и в татарском обществе. Татарское купечество и промышленники еще активнее включаются в систему рыночных отношений. Основа татарского предпринимательства складывалась еще в XVIII в. с развитием татарского торгового сословия, с деятельностью принадлежавших татарам предприятий: кумачных и суконных мануфактур, мыловаренных заводов, железоделательных и кузнечных производств. Складывается татарский рабочий класс, продолжающий традиции ремесленного сословия. В пореформенный период расширяется география татарского промышленного капитала и несколько меняется его производственный профиль.

Центром татарского предпринимательства остается Казанское Поволжье, где концентрируется торговый капитал, сосредоточивается мыловаренное, кожевенное, меховое производство. Казань в этот период входит в десятку крупнейших промышленных центров империи, уступая в Центральном районе лишь Москве, Владимиру и Нижнему Новгороду. Накануне реформ (1859) в городе проживало более 60 тысяч жителей, в том числе мещан и цеховых почти 47%, крестьян — 21%. Татарское население города насчитывало до 20% и было сосредоточено в основном за Булаком и Кабаном, в Старой и Новой татарских слободах. Слободы отличались от других районов города особым национальным культурным колоритом, своеобразным укладом жизни и быта, здесь размещались магазины и лавки татарских купцов, мастерские национальных ремесленников, центрами духовной культуры были мечети, медресе и мектебы, библиотеки. В закабанной и забулачной частях Казани размещалось немало промышленных предприятий: заводы и фабрики братьев Крестовниковых, Либиха, Азимова, Утямышева, Арсланова. Татарский рабочий люд селился в промышленном Заречье — в Ягодной, Пороховой, Игумновой, Козьей и Адмиралтейской слободах, а также на знаменитой казанской волжской пристани в устье Казанкит-Бакалде.

Важным фактором возникновения новой цивилизационной ситуации явилось расширение границ татарской диаспоры, насчитывавшей, по переписи 1897 г., 2230 тысяч человек. К концу XIX в. татары, составляя относительное большинство населения в регионах традиционного проживания (Волго-Уралье), активно мигрируют в двух основных направлениях — в промышленные районы Европейской

части Российской империи и Кавказа, а также на восток в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Во второй половине XIX в. в Сибири появилось более 40 тысяч переселенцев из Волго-Уралья, в Европейской России и на Северном Кавказе около 30 тысяч. Наиболее крупные группы татарского населения проживали в Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской, Симбирской и Оренбургской губерниях. По мере развития капиталистических отношений увеличивалось число татар-горожан. Основная масса татарского городского населения сосредоточивалась в Казани, Уфе, Оренбурге, Астрахани, быстро увеличивалось татарское население и других городов, особенно столиц — Петербурга и Москвы.

Значительной силой становилась татарская буржуазия, выросшая из торгово-купеческого сословия XVI — XVIII вв. В пореформенный период татарская буржуазия активно пополнялась выходцами из крестьян, таких предпринимателей оказалось особенно много в местах концентрации кустарно-ремесленного и фабрично-заводского производства — в Казанской, Уфимской, Оренбургской и Симбирской губерниях. На рубеже столетий наиболее крупными представителями национальной буржуазии были Арсланов, Утямышев, Азимов, Сайдашев, Субаев, Каримов, имевшие в Казани и губернии крупные производства. Известны были крахмально-паточный завод М.Азимова, хлопчатобумажная фабрика М.Утямышева, мыловаренный завод и глицериновое производство И.Арсланова, стекольный завод А.Сайдашева. На рубеже веков закрепилась региональная специализация татарского промышленного предпринимательства: в Казанской губернии в руках татарской буржуазии концентрировались традиционные для татарского капитала фабрики и заводы — ткацкие, мыловаренные, кожевенные и меховые, в Симбирской и Саратовской губерниях сосредоточивались суконные производства. В Вятской губернии — хлопчатобумажные, на южном Урале действовали салотопенные заводы. Купцы Акчурины владели суконными фабриками в Симбирской губернии, Рамеевым принадлежали золотые прииски в Орске и Верхнеуральске, Хусаиновым — салотопенные заводы в Оренбургской губернии, а Яушевым — мыловаренные и кожевенные заводы в Троицке. В Казахстане и Средней Азии татарские предприниматели занимались не только производством, но и имели прочные позиции в оптовой и транзитной торговле. В Верном (Алма-Ата) были хорошо известны татарские купцы-миллионеры Абдулвалиевы и Халитовы, в Семипалатинске — Мусины и Рафиковы, в Симбирске — Алиевы, Акчурины и Абишевы, на Урале — Агафуровы, Хусаиновы, Яушевы, Рамиевы и Ахметзяновы, в Астрахани — Ягудины, Мухамедовы, Абдуллины.

К концу XIX в. развитие капиталистических отношений в среде татар приводит к укрупнению промышленных предприятий и образованию промышленных объединений в форме торговых домов. В 1892 г. татарам принадлежало 10 торговых домов, денежный капитал которых составлял 838 тыс. рублей. В частности, крупными объединениями были «Торгово-промышленное товарищество А.Сайдашева и Б.Субаева» и товарищество «Дебердеев с братьями». Темпы слияния татарского торгового с промышленным капиталом и образования торговых домов исключительно высокими были в канун 1914 г. Их число выросло в 15 раз и достигло 154 с капиталом в 4925 тыс. рублей. Татарский торговый и промышленный капитал проникал в Туркестан, Казахстан, на Дальний Восток и в Китай. К 1914 г. татарские капиталисты имели 141 промышленное предприятие, в том числе 90 — в Поволжско-Уральском регионе, 19 — в Средней Азии, 18 — в Казахстане, 8 — в Средней Азии и 6 — на Кавказе, которые ежегодно производили товаров на 10 млн. рублей.

Другим признаком активного складывания татарской нации в условиях утверждения индустриальной цивилизации необходимо считать формирование татарского национального пролетариата, который, по данным Всероссийской переписи 1897 г., насчитывал 89 тыс. человек, а к 1914 г. составлял примерно 150 тыс., в том числе 90 тыс. в Донском угольном бассейне, до 15 тыс. на нефтепромыслах Баку, 8-10 тыс. на предприятиях Казанской губернии, 5 тыс. на текстильных производствах Орехово-Зуева, более 4 тыс. на заводах Урала, а также около тысячи — на Ленских золотых приисках и т.д. Татарский пролетариат по численности занимал в Российской империи четвертое место, уступая лишь русскому, украинскому и латышскому отрядам рабочего класса. Усиливалась прослойка потомственных рабочих-татар, формировался слой квалифицированных рабочих из татар в различных отраслях производства (мыловарение, меховое и ткацкое дело, обработка кож и т.д.).

Пореформенные годы характеризуются ускоренным включением в рыночные процессы и крестьян — класса земледельцев. К началу 1880-х гг. зажиточные крестьяне составляли уже 5,3% татарского крестьянства в Казанской губернии, разорявшиеся земледельцы вынуждены были идти в наемные сельскохозяйственные рабочие или пополнять ряды промышленного пролетариата. Часть малоземельных крестьян отправлялась на сезонные приработки.

Таким образом, во второй половине XIX в. социальная структура татарского общества активно трансформируется, приобретая все больше характеристики, присущие буржуазной эпохе и индустриальному обществу.

Модернизация как признак Нового времени и индустриальной эпохи оказывала преобразовательное воздействие на все стороны общественной жизни. Духовная сфера также не оставалась вне ее влияния. Зарождение и развитие капиталистических отношений диктовали необходимость приспособления всей духовной жизни татарского общества, в том числе и ее основы — ислама — к новой социокультурной ситуации. Модернизация вызвала к жизни такие феномены, которые не только значительно ускорили общецивилизационное развитие татарского общества, но и стали своего рода «брэндом» новой эпохи.

Модернизационные процессы в татарском обществе, отражая общие закономерности, присущие в целом мусульманской модернизации, на каждом из этапов обновления обретали соответствующие специфике их задач свои вполне законченные формы. Общепринятой в литературе становится следующая периодизация мусульманской модернизации в России: религиозное реформаторство, просветительство, джадидизм. Причем джадидизм, «как правило, воспринимается в качестве развитой фазы предыдущих этапов и стадией перехода к политической модернизации».

Религиозное реформаторство не только открывает полосу модернизации, но и пронизывает все ее последующие этапы и формы вплоть до начала XX в. Такая особенность вытекает из особой роли ислама как универсальной системы, определяющей и контролирующей практически все стороны жизни мусульманского общества.

Главная особенность начального этапа татарского религиозного реформаторства заключалась в критике традиционализма, обращении к первоистокам ислама, концепции «открытия дверей иджтихада». Иджтихад — это право на возможность по-новому, в свете реальной действительности, трактовать религиозные каноны. «Главной характерной чертой, доминантой из перечисленных его особенностей была борьба с традиционализмом, представители которого препятствовали проникновению любого нового веяния в жизнь мусульман. Развивающееся в условиях наступления Нового времени татарское общество требовало не отказа от религии, а ее большей открытости в соответствии со сложившейся реальностью…».

Идейными столпами раннего периода реформаторства были виднейшие ученые-мыслители своего времени, духовные лидеры татарской нации А.Утыз Имяни и А.Курсави. Их многогранная подвижническая и новаторская деятельность прокладывала дорогу для реформ во многих других сферах общественной жизни. Татарское религиозное реформаторство и развивавшаяся на его волне татарская религиозная философия сыграли «огромную роль в поднятии уровня элиты татарского общества, подготавливая его умы для принятия нового образа мышления в связи с наступлением эпохи Нового времени». Вслед за поколением первых реформаторов пришла новая генерация интеллектуалов, которая, развивая традиции религиозного реформаторства, развернула широкую просветительскую и общественно-политическую деятельность.

Наиболее важным результатом последующего развития татарской религиозно-реформаторской практики и общественно-философской мысли является становление во второй половине XIX в. татарской светской философской мысли и просветительского движения. «Мотором» этого движения стал новый слой татарского общества — ученые и богословы, философы и педагоги, предприниматели и общественные деятели, осознававшие себя представителями нации и стремившиеся поднять культуру своего народа на европейский уровень.

Идейными вдохновителями татарского просветительского движения выступили Х.Фаизханов, Ш.Марджани, К.Насыри. В центре их внимания находились насущные проблемы общественного бытия. В их трудах, в отличие от представителей ранних этапов просветительства, сочетаются и взаимодополняют друг друга религиозный и светский пласты мировоззрения. В них заметно влияние не только общетюркской и арабо-мусульманской, но и русской философской мысли. Через «русское окно» на татарскую культурную почву проникали идеи западноевропейского Просвещения.

Татарское просветительство второй половины XIX в. по силе и мощи воздействия на умонастроения татарского общества вышло за рамки общекультурного явления, связанного с проблемами распространения знаний, расширения системы народного образования и воспитания новых молодых поколений. Оно, по мнению исследователя А.Юзеева, сопоставимо типологически с классическими моделями просветительской идеологии.

Джадидизм — новый этап просветительства и новое явление в татарской общественной жизни. Оно является формой ответа на вызовы Нового времени, когда просветительское движение обретает роль локомотива модернизации тюркского традиционного сообщества России, все более обретая силу и роль национальной идеи. Наряду с европейским вектором социальных и культурных инноваций, предлагавшихся джадидами, его корифеи Марджани и Гаспринский апеллируют к историческим корням татарского народа. Они предлагают программу адаптации к политическим реалиям России и общемировым тенденциям. Хотя в центре джадидизма был вопрос о внедрении новых методов образования в мусульманскую школу, противостояние кадимистам (сторонникам средневековой схоластики), «по своей сути это явление стало заявкой на изменение всего уклада жизни татар на

капиталистический лад». Соединение усилий джадидов и национально-ориентированной татарской буржуазии, торговцев подготовили культурный и политический прорыв в начале XX в.

Если Ш.Марджани выступил с идеей изменить учебно-воспитательный процесс в мектебе и медресе, то реализовавший эту идею преподаватель восточного факультета Петербургского университета Х.Фаизханов разработал проект школьной реформы. В первой половине 1880-х гг. городской голова Бахчисарая И.Гаспринский открыл первую новометодную школу и начал активную пропаганду преимуществ нового метода в основанной им газете «Тарджеман» («Переводчик»). Необходимо отметить то, что для тюрко-татарского просветительства 80-х гг. газета «Тарджеман» стала идейно-организационным центром. Она была, как отмечает М.Ж.Сахапов, «не только единственным печатным органом тюркских народов, насчитывающих двадцать пять миллионов человек, но и выполняла функцию особой научно-культурной организации, проводившей идею их братства». Она сыграла неоценимую роль в пробуждении национального самосознания тюркских народов, постулируя идеи европеизированного просвещения и реформированной идеологии, составлявшие «два крыла джадидистского движения, которое приняло форму специфической борьбы за национальное освобождение и духовное возрождение татарского общества». Именно эта газета стала основным рупором пропаганды просветительской концепции И.Гаспринского, которая предусматривала решение трех основных проблем: 1) реформирование национального просвещения и образования, которое должно было стать основой реформирования всего общества; 2) культурное, духовное, экономическое и политическое единение тюрко-мусульманских народов Российской империи; 3) синтез европейской и мусульманской культур на основе общечеловеческих ценностей, осуществляемых преимущественно через взаимодействие татарской и русской культур.

В джадидистских (новометодных) школах изучали родной и русский языки, светские предметы. Самыми известными новометодными учебными заведениями стали «Мухаммадия», «Касимия», «Марджания» в Казани, «Усмания» и «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Буби» в селе Иж-Бобья Вятской губернии. В наиболее передовых медресе учебная программа все более сближалась с программами гимназий и реальных училищ. В 1911 г. английский журнал «The Moslem World» («Мусульманский мир»), анализируя содержание учебных планов ряда татарских передовых медресе, заключал, что они весьма сходны с учебными планами классических гимназий, но место латинского и греческого языков занимают арабский и персидский. Профессор Казанской духовной академии миссионер Я.Коблов свидетельствовал, что в Казанском медресе «Мухаммадия» преподавались татарский, арабский, персидский, русский языки, арифметика и геометрия, география и естествознание, физика, история России и всеобщая история, рисование, природоведение, психология и логика, счетоводство и законоведение, этика и педагогика, гигиена, методика преподавания и другие светские предметы. В ряде медресе преподавали также западноевропейские иностранные языки — немецкий и французский.

Рассматривая траекторию джадидизма, следует подчеркнуть, что школьное реформаторское движение положило начало широкому движению за культурное возрождение мусульманских народов Российской империи. Джадидизм превратился в источник нового национального мышления и самоидентификации. Материализованными результатами джадидизма стали: обновление школы, развитая национальная литература, высокая технология книгопечатания, эффективная система подготовки кадров, новый облик культуры и быта. Реформаторское движение вызвало к жизни такое явление, как образовательный бум. Об этом свидетельствовала динамика открытия светских учебных заведений в Казани. С 1 сентября 1901 г. в городе на средства Министерства народного просвещения открылась первая татарская женская школа. Сообщая об этом, газета «Казанский телеграф» добавляла, что в Казанском учебном округе это первая начальная школа для татарских девочек, в Оренбургском же округе таких школ много. Та же газета в номере от 19 сентября сообщала о резком увеличении числа учащихся Казанской татарской учительской школы, а в номере от 3 сентября 1904 года — об открытии в Казани музыкального училища. Для удовлетворения спроса на книги в январе 1906 г. в Казани открылась мусульманская библиотека, посещаемая преимущественно молодежью.

К началу XX в. более 20% татар были грамотными (в городской татарской среде грамотность составляла почти 1/3). Численность школ и процент грамотности и образованности среди татар неуклонно росли. Так, если в Казанском учебном округе в 1894 г. насчитывалось 1474 мектебе и медресе, то к 1911 г. их численность выросла до 1822, в Оренбургском учебном округе число национальных школ за эти же годы увеличилось с 1283 до 1977. Значение джадидизма как важнейшего фактора национального развития татар подчеркивал видный этнограф Н.И.Воробьев: «Победа новометодизма, открывшая двери в татарские массы европейской культуре, в то же время явилась началом национального возрождения татар, начинается изучение и разработка народного татарского, создается национальная литература, и попыткам миссионеров-обрусителей, которые подошли на этот раз уже со стороны культурного фронта, татарская интеллигенция противопоставила свою

национальную культуру, в которую европейская культура имела свой доступ, но без поглощения национальной физиономии татарской культуры и без примеси миссионерских тенденций».

Джадидизм для татарской культуры стал фактором не только педагогико-просветительского обновления, но и явился новой идеологией мышления, основу которого составили установки на широкую модернизацию и европеизацию всего мусульманского общества при сохранении его культурной специфики и национальной идентичности. Социальной базой джадидизма стала татарская буржуазия и интеллигенция. Сторонниками джадидизма были видные представители татарской культуры, ученые и писатели, реформаторская часть мусульманского духовенства, общественно-политические деятели — братья Буби, М.Гафури, Ф.Карими, Р.Ибрагимов, М.Бигиев, Г.Баруди, Ю.Акчура, Г.Исхаки, С.Максудов, А.Ахтямов, Ш.Культяси, З.Камали, Т.Тарджемани, Д.Абзгильдин и многие другие.

Основными центрами джадидизма в конце XIX — начале XX вв. были три региона с мусульманским населением: Волго-Уралье, Крым и Средняя Азия. Ключевая роль в выработке и реализации новой идеологии принадлежала казанским и крымским просветителям. При этом, как отмечал венгерский ученый-востоковед Г.Вамбери, движущей силой процесса обновления жизни тюрко-мусульман России стали татары Поволжья. Они быстро сумели поднять книгоиздательское дело, национальную литературу, а также первыми поставить на повестку дня вопрос о положении женщин в мусульманском обществе. Это было связано с тем, что тюрко-мусульманские народы европейской части Российской империи (в первую очередь волго-уральские и казанские татары) вступили в эпоху капиталистического развития и оформились как буржуазные нации. Джадидистские школы открывались не только в Поволжье, на Урале, в Крыму и Средней Азии, но и в Турции, Персии, Китае и даже Индии. Создание новометодных школ и распространение джадидизма в мусульманских регионах империи заметно обеспокоили царскую жандармерию, поскольку это означало преодоление культурной изолированности и национальной замкнутости — предпосылку национального движения.

В жандармской справке о работе возглавляемого татарами Бухарского просветительского общества отмечалось: «Это новое влияние…, отразившись прежде всего в нашем Поволжье, выдвинуло татар в качестве прогрессивного мусульманского элемента, который начал стремиться к обеспечению культурного влияния на прочие народности, исповедующие ислам… Не теряя связей с Поволжьем и чутко следя за происходящими там движениями, татары, стоящие на высшем по сравнению с туземной массой уровне, ощутили необходимость устройства школы на новых основаниях, подобно тем общеобразовательным учебным заведениям, кои уже существуют в Поволжье, сохраняя лишь внешность конфессиональных школ и имея в виду широкую общеобразовательную программу». В справке указывалось, что первая среднеазиатская новометодная школа возникла в Бухаре в 1903 г. и функционировала при поддержке татарского предпринимателя Сабитова под руководством татарских педагогов, ведавших организацией и постановкой школ.

Впрочем, сегодня историки некоторых регионов бывшей Российской империи, ставших в 1990-е гг. независимыми государствами, пытаются переставить исторические акценты, бездоказательно утверждая, что джадидизм «зародился на рубеже XIX — XX вв. на территории Российской империи и особенно в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате, а затем распространился среди других тюркских народов». Однако, рассматривая среднеазиатский джадидизм, составители документа вынуждены признать кризис среднеазиатского джадидизма, достигший пика в 1914 — 1915 гг. Соглашаясь с тем, что его основной причиной была социально-политическая отсталость, они пишут: «Преследования властей, сильнейшие религиозные предрассудки, феодально-крепостнический уклад семейной жизни, заботы о личном благосостоянии у самих джадидов ослабляли и разлагали движение изнутри».

А.Вамбери в письме татарскому просветителю Ф.Карими результат обновленческой деятельности оценивает так: «Вы, татары, в этом отношении проявили достаточно много стараний, за несколько лет продвинулись далеко, оставив в удивлении весь мир, и если вы будете продолжать тот же путь, продвинетесь еще дальше. Уверен, за короткое время вы обгоните все тюркские народы, …и тогда достигнете статуса общего предводителя, общего наставника».

Таким образом, татарская нация на рубеже XIX — XX вв., получив мощный импульс от предыдущих поколений, опираясь на их интегративный опыт борьбы — мирной и немирной, интеллектуальной и экономической, социальной и национальной — за сохранение историко-цивилизационной идентичности, самобытности и способности оставаться конкурентоспособной этнокультурной величиной, совершила крупнейший за последние почти четыре века интеллектуальный прорыв, осуществила духовную революцию. Тем самым татарское общество, прошедшее через этап культурно-просветительского ренессанса, с одной стороны, было уже подготовлено к активному участию в политической жизни, с другой — нуждалось в модернизации политической системы и расширении своих гражданских прав для реформирования не только духовной, но и социально-экономической и политической сфер.

***Первая революция в России: «весна народов»***

Каждое столетие России имело свою особую Драматургию, определявшуюся суммой явлений-событий. Не преувеличим, если выделим в этом ряду XX в. как один из наиболее ярких и трагичных, когда многие потери и обретения сошлись на ограниченном историческом пространстве. Двадцатый век вместил в себя множество феноменов самого разного, часто контрастно-полярного характера. Его исторический облик определялся революциями и войнами, индустриально-технологическими скачками и модернизационными прорывами, духовными исканиями и культурными «взрывами», политико-идеологическими экспериментами и возрастающей ролью национальных движений и национального фактора в целом.

Перед Российской империей в начале XX в. одновременно встали три задачи. Европа столкнулась с ними значительно раньше и обрела к тому времени опыт их решения. Первая задача была связана с модернизацией страны и переводом ее в фазу буржуазно-демократического развития. В качестве второй выступал национальный вопрос, эмансипация нерусских народов, составлявших почти 60% всего населения империи. Третья задача определялась перспективой социалистической революции.

Совпадение трех императивов привело к кульминации политических, социальных и экономических конфликтов. Детонатором все в большей степени становился национальный фактор. В многонациональной империи нерешенность национального вопроса, проявление национального гнета, политическое и культурное неравноправие вырабатывали нарастающую по силе протестную энергетику, которая, канализируясь по многим направлениям, ускоряла развитие центробежных тенденций и потенциал напряженности в обществе. «Инородческий вопрос» придавал «особенную остроту проблемам поддержания целостности империи».

Первая революция в России (1905-1907) не случайно называется «весной народов». Ее содержание, характер, цели и движущие силы продемонстрировали специфическую меру ценности и значимости национального фактора в историческом развитии государства. Целый ряд уступок правительства свидетельствовал об очередном переходе от репрессивно-ассимиляторской политики к традиционной политике «гибкого прагматизма». В этом плане наиболее значимыми были Указ о расширении вероисповедальных и национальных прав и свобод (декабрь 1904 г.), Указ о веротерпимости (апрель 1905 г.) и Манифест 17 октября 1905 г. Уже первые меры, связанные с преодолением дискриминации нерусских народов неправославных конфессий, открыли возможность десяткам тысяч крещеных татар снова обрести свою прежнюю веру.

Провозглашение Манифеста 17 октября открыло новую страницу в истории России: гарантировались не только гражданские права и свободы, но и создание национальных организаций, развитие национальных связей и национальной агитации. Создавались предпосылки для развития национальных движений. Последующее участие в выборах и деятельности I Государственной думы представителей нерусских народов знаменовало начало политизации национального самосознания, национальных движений и организаций. В имперскую систему политической власти в лице Государственной думы впервые начинает входить этнорегиональный компонент. «Государственная дума, практически сразу после своего появления, — отмечает Р.А.Циунчук, — стала ареной противостояния имперского и национального, с чем вынуждена была столкнуться и власть, которая так и не сумела дать рационального ответа на этнорегиональный вызов». Тем не менее «выборы в первый российский парламент активизировали развитие национальных движений народов Российской империи с широким спектром политических требований (от установления национального и религиозного равенства до создания регионального и национального самоуправления и организации национальных автономий».

Начавшуюся «весну народов» — первую в России революцию можно характеризовать как национальное пробуждение, формирование и включение национальных «ручейков» в процессы революционных перемен. К сожалению, этот весьма значимый момент длительное время недооценивался. Согласно материалистической традиции, национальный фактор (национальный вопрос) подчинялся политическим, экономическим и социальным задачам. «Такой подход, — считает А.Каппелер, — имеет свое оправдание: национальные конфликты разыгрываются не в пустом пространстве и всегда состыкованы с социальными, политическими и экономическими противоречиями. Тем не менее национальные движения развивают свою собственную динамику, которую нельзя недооценивать. Как велика взрывная сила этнически окрашенных конфликтов, включающих столкновение социальных, политических и экономических интересов, вновь продемонстрировало развитие Советского Союза с 1988 года, во многом напоминающее события 1905 и 1917 годов». Соглашаясь с такой оценкой значимости национального фактора в историческом

развитии народов, стран и в целом всего мирового сообщества, во введении мы уже ввели в оборот понятие «восстание этничности», характеризующее одну из особенностей современной эпохи.

Первая революция в России открыла полосу активизации татарского фактора в многонациональной стране во многих формах и направлениях.

Уже накануне революции 1905 г. появляются первые политические кружки татарской молодежи, одним из которых было тайное общество «Шакирдлик» (1901), издававшее в Казани нелегальный орган «Таракки» («Прогресс»). Широко действовали легальные «мусульманские благотворительные общества», выполнявшие также культурную и политико-просветительскую работу. Подъем общественного движения, вынудивший императора России подписать Манифест 17 октября 1905 г., открыл новые шлюзы для политического развития татарского народа: появилась возможность издавать органы периодической печати, создавать политические организации и союзы. Декларировались свобода собраний и другие гражданские права. Джадиды выступили за расширение сети мусульманских культурно-просветительских учреждений, развитие национального искусства и литературы, реорганизацию системы духовного управления, развитие национальной печати. Они доказывали, что достижение этих целей возможно лишь при условии проведения широких политических реформ во всей стране.

В 1905–1907 гг. на арену открытой политической борьбы вышли как общероссийские, так и национальные партии и движения. В Казанской и соседних губерниях Волго-Уралья действовали партийные комитеты социал-демократов, социалистов-революционеров, конституционных демократов, Союза 17 октября, русские правомонархические организации. В 1905 г. предпринимаются первые шаги по созданию всероссийской общемусульманской партии. Еще в середине августа 1905 г. около 120 мусульманских общественных и религиозных деятелей и предпринимателей из Поволжья, Кавказа и Сибири собрались во время Нижегородской ярмарки на I Всероссийский мусульманский съезд, где решили создать партию «Иттифак-аль-муслимин» («Союз мусульман»). Они обсудили вопросы развития политической жизни мусульманских народов Российской империи в связи с идеей создания в стране законосовещательного представительного органа — Думы. Съезд выступил за «установление в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством» и «полное уравнение мусульман с населением русского государства во всех правах», фактически отверг «булыгинский проект и солидаризировался с позицией русского либерального движения».

В ходе первой выборной кампании в Государственную думу произошла политическая консолидация наиболее активных сил татарского общества. В январе 1906 г. в Петербурге прошел II Всероссийский съезд мусульман, на который съехалось около 100 делегатов. В связи с отказом властей разрешить съезд он прошел полулегально и обсуждал практико-политические вопросы: характер и программу партии мусульман, ее устав и организацию, а также политическую тактику на выборах в I Думу. Был принят Устав Всероссийского мусульмансокго союза и заявлено о блокировании с партией кадетов на выборах, звучало требование добиваться политических конституционных реформ и пропорционального представительства мусульманских народов в Думе.

В августе 1906 г. в Нижнем Новгороде при участии примерно 800 человек из разных регионов страны прошел III Всероссийский съезд мусульман. Проект программы партии вновь вызвал дискуссии. Делегаты левого блока выступили с предложением превратить «Союз мусульман» в «учреждение чисто религиозное и распространяющее знание и просвещение», предоставив мусульманам возможность примкнуть к какой-либо общероссийской политической партии, а центрист Ю.Акчура заявил, что «цель наша — объединить большинство мусульман России, создать политическую партию, повысить силу, влияние и авторитет перед русскими партиями и правительством», приводя в пример польские и чешские партии в Австро-Венгрии».

Большинство делегатов поддержали идею мусульманской политической партии, которая получила новое название «Бэтен Русия мэселманнары иттифакы» (Всероссийский союз мусульман). В состав ЦК партии были избраны основатель джадидизма И.Гаспринский, муллы и педагоги А.Апанаев, Г.Баруди, Г.Буби, Р.Ибрагимов, члены мусульманской фракции I Государственной думы С.-Г.Алкин, А.-М.Топчибашев, Ш.Сыртланов, С.-Г.Джантюрин, публицисты Ю.Акчурин, М.Бигиев, Х.Максудов, бахчисарайский городской голова М.Давидович. Программа «Иттифак-аль-муслимин» имела либерально-демократическую направленность, ориентируясь на конституционно-парламентскую монархию, демократические права и свободы, наделение крестьян землей из государственного фонда, частичное принудительное отчуждение помещичьей земли за выкуп, равенство религий перед государством, реформу школы и культурной жизни мусульман, возвращение мечетей и медресе мусульманским общинам и т.д. Фактически съезд подвел итог почти годовой работе по созданию политической партии российских мусульман с программой, уставом, партийными руководящими органами и местными организациями. В то же время «Иттифак» имел наднациональный, общемусульманский характер, хотя ведущее место в нем занимали татарские политики.

Татарские социал-демократы, представляя собой форму «раздвоения» единого революционного потока на русское и инонациональное русла, хотя и не представляли отдельной организации, но действовали организационно и идейно как особая группа при Казанском комитете РСДРП. Они были сравнительно немногочисленны и не имели широкой социальной базы, но хорошо организованные действия позволили им добиться известных успехов в пропаганде, распространении и утверждении в общественном сознании социал-демократических идей. Более 70 прокламаций и листовок, десятки брошюр были переведены на татарский язык и десятками тысяч разошлись по поволжским и приуральским губерниям. Татарские большевики активно использовали страницы демократической печати, а в 1907 г. в Оренбурге им удалось наладить издание собственной газеты «Урал». Успех деятельности социал-демократов во многом определялся авторитетом кумира молодой татарской интеллигенции, лидера татарских большевиков Хусаина Ямашева.

Вокруг газеты «Танг юлдузы» (Утренняя звезда) объединились сторонники радикальной программы революционных действий, возглавляемые лидером движения татарских шакирдов известным писателем-просветителем Гаязом Исхаки. Из номера в номер газета бичует самодержавие, пропагандирует идеи народной революции и народнического социализма, яростно критикует татарских либералов. Вместе с тем татарские социалисты питали надежду на объединение различных политических сил для защиты национально-культурных интересов мусульман. На стороне «тангистов» (как их называли по имени газеты) были симпатии большинства представителей революционно-настроенной татарской молодежи. Газета и ее сторонники подвергались непрестанным полицейским и судебным преследованиям. Через полгода со дня основания, в ноябре 1906 г. она была закрыта. Неудачными оказались попытки продолжить издание газеты. В конце 1907 г. Г.Исхаки был отправлен в ссылку.

Социалистические идеи отстаивали не только марксисты. Многими социализм понимался как воплощение высших идеалов добра и справедливости, равенства и братства. С ним связывалось достижение идеала национальной свободы. Далекие от революционности и радикализма общественные и религиозные деятели рассматривали социализм как возможность реализации сакральных принципов, которые заложены в исламе и совпадали с ментальными особенностями национального характера.

Таким образом, создание политических татарских (мусульманских) организаций отражало новые реалии культурно-цивилизационного развития. В то же время оно мобилизовывало общество на осмысление и отстаивание политических интересов, способствовало включению татар в политические национально-освободительные процессы, протекавшие в Российской империи.

Не меньшее значение имело появление в первом российском парламенте — Государственной думе — особой национально-конфессиональной мусульманской группы, институализировавшейся во фракцию. В состав I Государственной думы было избрано 25 мусульман (в том числе 7 татар), но в связи с непродолжительностью ее существования принять участие в работе фракции смогли лишь 22 депутата, в том числе С.-Г.Алкин, А.Х.Ахтямов, С.Г.С.Джантюрин, М.М.Рамиев, Ш.Ш.Сыртланов, К.Б.Тевкелев и др. Выборы во II Государственную думу были еще более удачными: были избраны 36 депутатов-мусульман, более 30 из которых вошли в мусульманскую фракцию (Х.М.Атласов, Г.С.Бадамшин, М.М.Биглов, М.М.Тукаев, К.Х.Хасанов). Татар в этом созыве Думы было 13. В начале 1907 г. часть мусульманской фракции образовала «Мусульманскую трудовую группу» (Мъселман хезмђт таифђсе), которая, не порывая связей с другими мусульманскими депутатами, по большинству вопросов примыкала к Трудовой группе. Депутат С.Н.Максудов, выпускник Сорбонны, был избран товарищем секретаря II Думы, другие депутаты работали почти во всех думских комиссиях, активно выступали при обсуждении аграрного вопроса и вопросов о гражданских и политических правах, а также по национально-религиозной проблематике.

Разгон II Думы был связан с изменением избирательного закона, по которому сократилось представительство национальных окраин, а мусульманское население Казахстана и Средней Азии вообще лишилось права избирать депутатов. Потому в III Думу прошло лишь 10 мусульман (в том числе 4 татарина), а во фракции работало лишь 9 членов. Татары, работавшие в III Думе — З.Н.Байбурин, Г.Х.Еникеев, С.Н.Максудов и К.-М. Б.-Г.Тевкелев, отличались высокой политической активностью и авторитетом. Все члены фракции состояли в комиссиях, выступали, вносили запросы, голосовали против реакционных законопроектов царского правительства. Полемизируя с черносотенными депутатами, С.Н.Максудов заявлял о неизбежности уравнения в правах народов России: «Политически я такой же русский, как и вы, и рано или поздно буду иметь такие же права, как и вы». Выступления С.Максуди в Думе получали широкий общественный резонанс в России. Квинтэссенцией его позиции был протест против русского национального фанатизма и «апологии одной нации». Девизом национального движения либерального толка стали его слова: «Мы были, мы есть, мы будем». Тенденция к ограничению национального представительства стала еще более явной в IV Государственной думе, где число мусульманских депутатов (мусульманской фракции) составило 7 человек, пятеро из них были татарами — это И.А.Ахтямов, Г.Х.Байтеряков, Г.Х.Еникеев,

М.Г.Миннигалеев и К.-М. Б.-Г.Тевкелев. Председателем фракции был ее старейшина К.-М. Б.-Г.Тевкелев, а секретарем — И.А.Ахтямов. Депутат Г.Х.Еникеев был избран товарищем секретаря IV Думы.

Мусульманскую фракцию волновали вопросы национального политического равноправия народов, культурного развития и национального школьного дела. Г.Х.Еникеев от имени мусульманской фракции выступил с проектом реформы национальной школы. Мусульманские депутаты накануне и в период I мировой войны резко и аргументированно отметали обвинения в панисламизме и пантюркизме, указывая на великодержавный и шовинистический характер политики правительства. Надо сказать, что культурно-национальное и политическое возрождение татарского и других мусульманских народов вызвало заметную озабоченность консервативных имперских сил, которые еще в 1905 г. созвали особое совещание по веротерпимости под руководством графа А.П.Игнатьева для обсуждения опасности, порождаемой якобы стремлением волжских татар «отатарить весь русско-мусульманский мир».

По решению премьер-министра П.А.Столыпина было созвано особое совещание представителей Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, а также Синода, о содержании деятельности которого говорит название: «Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Поволжском крае». Подобные совещания проводились в 1910, 1911 и 1914 гг. Они принимали рекомендации по исключению русского языка и светских предметов из программ медресе, в результате которых известные новометодные школы в 1910 — 1911 гг. были закрыты (в том числе знаменитое Иж-Бубинское медресе в Вятской губернии). Совещание 1914 г. трактовало появление светской татарской школы как «в высшей степени нежелательное явление» и указывало, что преподавание русского языка в конфессиональной школе привело бы к «поднятию общего уровня развития народных масс», что «вряд ли отвечало бы политическим интересам государства».

Реакционеры и православные миссионеры сознавали прогрессивную политико-идеологическую и организационно-воспитательную роль мусульманской фракции, вызывавшую у них крайнее недовольство. Так, епископ Уфимский и Мензелинский в своем доносе в департамент духовных дел называл фракцию «мусульманским министерством внутренних дел» и предупреждал власти о ее активной работе в различных регионах империи.

В июне 1914 г. при участии членов Мусульманской фракции прошел IV Всероссийский мусульманский съезд в Петербурге, высказавшийся за отмену избирательного закона 1907 г., создание мусульманских управлений в Туркестане и на Северном Кавказе, а также за развитие национальной школы. Важно отметить, что вокруг думской мусульманской фракции сгруппировались наиболее влиятельные силы мусульманского прогрессивно-реформаторского движения. Депутаты регулярно выезжали для встреч с избирателями, принимали участие в земских совещаниях по вопросам образования 1911 г. (в Казани и Уфе), а в декабре 1914 г. провели в Петрограде съезд представителей мусульманских общественных организаций, избравший Центральный комитет российских мусульманских общественных организаций, заметную часть которого составили члены мусульманской фракции Думы различных созывов (И.А.Ахтямов, С.-Г.И.Алкин, Б.Б.Каратаев, К.-М. Б.-Г.Тевкелев и др.).

Подводя итоги деятельности фракции, ведущую роль в которой играли татарские деятели, следует признать, что она, во-первых, «безусловно, ускорила процесс выработки идеологической и политической концепции национального развития мусульманских народов Волго-Уральского, Кавказского и Казахстано-Среднеазиатского регионов, заметно ускорила становление современной политической культуры, политических институтов и общественных структур мусульманских (главным образом, тюркских) народов Российской империи…». Во-вторых, она «координировала деятельность региональных национальных общественных сил, притягивала к себе сторонников проведения эволюционных преобразований политической и культурной жизни нерусских народов империи». В-третьих, она «отражала усложнение политической и социальной самоорганизации национальных регионов империи» и, в-четвертых, «влияла на ускорение движения народов по пути модернизации, представляя собой начало достаточно результативных попыток адаптации европейских политических моделей развития и принципов демократической организации политической жизни, парламентских приемов и демократических ценностей к национально-освободительному движению народов Российской империи начала XX века».

Ключевую роль в расцвете духовности татарского народа на рубеже XIX–XX вв. играла национальная литература. Писатели второй половины XIX в. — активные проводники идей просвещения, поборники развития национальной культуры. В литературе появились новые жанры — роман, повесть, драма. Их развивают К.Насыри, М.Акъегет, З.Бигиев, Р.Фахретдинов, Ф.Карими, З.Хади и другие. Жанровая палитра обогатилась жанрами мемуаристики, путевых заметок и очерков, публицистики. Наиболее колоритной фигурой в литературе, несомненно, был К.Насыри, перу которого

принадлежали «Повесть о сорока визирях», «Повесть об Авиценне» и сборник рассказов «Сорок садов».

Сильный импульс развитию татарской прозы дало творчество Г.Исхаки (антиутопия «Исчезновение через двести лет», «Нищая девушка», «Жизнь ли это?», «Тюрьма», «Мулла бабай» и др.). М.Ж.Сахапов, подчеркивая роль первопроходцев татарского литературоведения, справедливо отмечает, что «такие крупные писатели XX века, как Г.Тукай, Дэрдменд, С.Рамеев, Ф.Карими, Ф.Амирхан, Г.Камал, Г.Кулахметов, М.Гафури, Ш.Камал, М.Файзи, Н.Думави, Ш.Бабич, К.Тинчурин и др., в своих произведениях развивали идеи Г.Исхаки или заимствовали его художественные принципы».

В конце XIX в. складывается татарская драматургия, в становлении которой заметную роль играли русская и турецкая литературно-театральные традиции. 5 мая 1906 г. в Казани на татарском языке поставлена «Жалкое дитя» (пер. Г.Камала) и «Горе от любви» (пер. Г.Карама) — драма турецкого писателя Намика Камала. Зрители по окончании спектакля признавались: «Оказывается, мы зря до сих пор не создали своего театра, когда спектакль играется на родном языке и зиждется на собственном быте — это оказывает глубочайшее воздействие».

Первые пьесы — это произведения Г.Ильяси и Ф.Халиди. С возникновением в Казани в 1906 г. первого татарского профессионального театра «Сайяр» появляются жанры комедии, психологической драмы, трагедии, музыкальной комедии и драмы — это произведения Г.Исхаки («Светопреставление», «Учитель», «Зулейха»), Г.Камала («Несчастный юноша», «Первое представление», «Банкрот»), Ф.Амирхана («Молодежь», «Неравные») и других авторов. Были переведены и поставлены пьесы азербайджанских, русских, немецких, турецких и французских авторов. В состав «Сайяра» вошли И.Кудашев, Ашказарский, Г.Кареев, С.Гиззатуллина-Волжская и др. Театр много гастролировал, под его влиянием в 1912 г. появилась татарская труппа «Нур» в Уфе и в 1914 г. — труппа «Ширкат» в Оренбурге. Развитие татарского театрального искусства, встречавшего жесткое сопротивление консерваторов и клерикалов, означало складывание нового культурного пласта татарстанской цивилизации, активно адаптировавшей новые формы и методы культурной жизни.

Начало XX в. вошло в историю татарской литературы как «золотой век поэзии», связанный с именами Г.Тукая, Дэрдменда, С.Рамеева, М.Гафури, Н.Думави, Ш.Бабича, С.Сунчелея, В.Джаляла, З.Ярмяки и др. Великий поэт Габдулла Тукай стал одним из родоначальников татарской литературы новой волны и основателем современного татарского языка. Его творчество оказало влияние на становление романтизма и реализма европейского типа в литературе тюркоязычных народов. Талант Г.Тукая раскрылся благодаря универсализму мышления и широте кругозора, его опоре на национальные литературные традиции в сочетании с использованием опыта развития российской и европейской литератур. Г.Тукай создал в своем творчестве широкую панораму жизни татарского народа, решив задачу, сопоставимую по масштабам и значимости вклада А.С.Пушкина в русскую литературу.

Г.Тукай выступил поэтом-патриотом в стихотворных произведениях «Туган тел», «О, перо!», «Писателю», «О свободе», «Не уйдем!», «Свободу женщине». В сатирических и публицистических произведениях «Паразитам», «Сенной базар, или Кисек-Баш», «Что говорят шакирды, вышедшие из медресе?» он остро бичевал политическую и социальную несправедливость, осуждал феодально-патриархальные пережитки и высмеивал консерваторов и клерикалов, старометодные медресе и кадимистов. Многие произведения Г.Тукая были навеяны творчеством Байрона, Гете, Гейне, Шиллера, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.А.Крылова. Это касается и тукаевских назиров как формы поэтических «ответов» на произведения других авторов, продолжившей традицию средневековой татарской литературы. Национальные традиции татарского народа и его богатый фольклор обрели в стихах и поэмах Г.Тукая «Шурале», «Водяная» и др. новую форму. Под влиянием Г.Тукая сформировалась не только национальная литература XX в., но и выросло целое поколение татарской интеллигенции.

Подъем татарской литературы связан с расцветом татарской книги и книгопечатания, центром которого стала Казань. В 1800 г. указ об открытии азиатской типографии в Казани ознаменовал начало издания религиозных, а затем и светских книг. С 1801 по 1855 г., по подсчетам академика А.Г.Каримуллина, были изданы 577 татарских книг. Наряду с литературой религиозного содержания и учебниками для медресе издавались памятники древней тюркской, татарской, арабской и персидской литературы и работы современных авторов.

Вторая половина XIX в. расширила издательскую географию (помимо Казани она включала Москву и Петербург, Уфу и Оренбург), резко увеличились выпуск количества книг (около 3,3 тысячи наименований) и тираж изданий (общий тираж достиг 26,9 млн. экземпляров, при среднем объеме каждой книги в 6 печатных листов). Важно отметить, что книгоиздательское дело все более приобретает национальный характер, возникают новые татарские типографии, все больше издается книг по различным отраслям знаний, особенно гуманитарного (литература, фольклор, история и т.д.).

За 1901 — 1917 гг. было издано более 6,2 тысячи книг с тиражом не менее 41 млн. экземпляров, а к 1913 г. татары по тиражу вышли на второе место в Российской империи, уступив место лишь русским, и на третье место по числу издаваемых книг (после русских и латышей). Среди изданий на татарском языке были справочники, словари, энциклопедии, серия «Народы мира», философские произведения мыслителей Востока и Запада, работы по истории, языкознанию, литературоведению, другим наукам. Даже действуя в подцензурных условиях, татарская литература и книжное дело достигли огромных успехов.

Параллельно с развитием книжного дела в пореформенные годы происходит процесс зарождения татарской периодической печати. В XIX в. было подготовлено не менее десяти проектов издания татарских газет, по которым принимались отказные решения властей. Лишь в период первой российской революции начали выходить первые газеты на татарском языке «Нур», «Казан мухбире», «Фикер», а в общей сложности в России до падения монархии издавалось не менее 36 газет и 30 журналов различного характера.

Возникновение национальной периодической печати в таком стремительном темпе, бесспорно, было небывалым достижением татарского народа, пробудившегося к активной общественной деятельности благодаря революции 1905—1907 гг. Оно базировалось на традиционной приоритетности культуры, духовности в татарском обществе, где просвещенность и грамотность являлись предметом культа, национальной гордости и критерием авторитетности личности. Первая российская революция генотипному культурному импульсу придала силу и направление дальнейшего развития. Но «пробудившись» к жизни, она не «захлебнулась» в проблематике исторических обид, упущенных исторических шансов, не поддалась соблазну ультранационализма. И на этой развилке истории народ, его национальная интеллигенция проявили мудрость и цивилизованность, выражавшиеся в преобладании в национальной периодической печати идей национального развития в контексте слитности и единстве исторических судеб татарского и русского народов.

Освещение проблем русской культуры на материале татарской прессы 1905—1917 гг., ее популяризация литературно-публицистическими средствами показывают, сколь значительно было понимание татарским обществом необходимости приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Вот что писал Ф.Амирхан в газете «Эль-ислах» в 1909 г.: «Знакомство с духовной жизнью наших русских соотечественников для нас не только полезно, но и необходимо. Через них мы знакомимся с культурой Западной Европы». Бум татарской печати начался сразу после обнародования временных правил о печати (24 ноября 1905 г.).

В становлении и развитии татарской журналистики принимали участие видные деятели татарской культуры К.Насыри, И.Гаспринский, Г.Исхаки, Г.Тукай, Г.Камал, Ф.Туктаров, Х.Ямашев, Б.Шараф и др. Татарские издатели и редакторы стояли у истоков периодической печати тюркоязычных мусульманских народов России.

Столетие назад в Оренбурге начала издаваться газета «Вакыт» (Время), которая соответствовала необходимым требованиям: тысячи подписчиков и читателей по всему тюрко-мусульманскому миру, собственные корреспонденты по России и за рубежом, оперативность, современный для своего времени дизайн.

В Оренбурге, татарское население которого в 1916 г. составляло 16 тысяч человек, в этот период издавались 18 татарских журналов и газет. «Вакыт» выходила тиражом в 3600 экземпляров (позже 5 тысяч) сначала два-три раза в неделю, позже — ежедневно. Этого тиража хватало не только татарам, но и другим тюркам Российской империи.

Получив в 1906 г. первые номера газеты, известный венгерский тюрколог Армений Вамбери не смог удержаться и написал редактору «Times» о том, что в далекой России у английской газеты появился татарский тезка. «Сэр, мне кажется, Вам будет интересно узнать, что у Вашей газеты есть татарский коллега — газета под названием «Вакыт», то есть «Times», которая с недавнего времени издается на татарском языке в Оренбурге и распространяется в Южной России среди киргизов и в Средней Азии, включая Восточный Туркестан. Редактор «Times» на татарском языке — высокообразованный и культурный человек татарской национальности Мухаммедфатых, который поставил целью приобщить своих земляков к современной цивилизации и, в особенности, подготовить татарскую общественность к понятиям свободы и конституционного права», — писал Вамбери в Лондон.

Бессменным редактором газеты с ее основания был татарский писатель и публицист Фатих Карими (1870—1937). Газета «Вакыт» была организована на средства золотопромышленников Рамиевых, которые решили, что лучшей кандидатуры на место редактора, чем Карими, им не подыскать. Поначалу тот с неохотой принял, казалось бы, заманчивое предложение, но постепенно втянулся, редакция стала его вторым домом.

В конце XIX — начале XX в. активно развивается многожанровое татарское искусство. Складывается татарская профессиональная музыка, ориентированная на европейские формы, расширяется спектр татарского музыкального фольклора.

«В Казани, уже тогда крупном культурном центре, — пишет М.Н.Нигмедзянов, — функционировали известный оперный театр, на сцене которого шли оперы Глинки, Даргомыжского, Верди, Бизе, Вагнера, позже Римского-Корсакова, а также драматический театр… Все это не могло (хотя бы опосредованно) не способствовать пробуждению интереса татарской интеллигенции к искусству и создавало благоприятную почву для культурного взаимовлияния». Важным явлением в музыкальной жизни стало расширение круга татарских музыкальных инструментов. Так, в словаре М.Г.Махмудова (1857) из музыкальных инструментов упоминается скрипка, домбра, курай (сыбызгы), гусли, дюмбра (бубен), кубыз. В середине XIX в. в быт татарского народа проникает новый музыкальный инструмент — гармоника. Особую популярность приобрела итальянка (тальянка). Их быстрому распространению способствовали выставки гармоник в Казани и во многих других городах России. В целом этот период характеризуется активизацией музыкально-поэтического творчества татарского народа. Оставаясь глубоко национальным по форме и сути, татарское искусство имело синтетический, гибкий характер. Улавливая тенденции развития русской и мировой музыкальной культуры, оно обогащалось элементами новизны.

Важным фактором идейно-нравственного насыщения духовной жизни татарского народа выступали такие новые направления театрального искусства, как декоративное, оформительское, графическое и плакатное искусство. С.М.Червонная указывает, что художественная культура татар формировалась как «оригинальное, в основном, бинациональное явление», сочетающее в себе традиции татарской, русской культуры, а также при участии творческих представителей других народов России и иностранных художников.

Особое место в развитии татарского искусства занимало мемориальное искусство, наследовавшее древнейшие булгарские, ордынские и ханские традиции. Диалогизм культурных традиций особенно ярко представлен в татарской части Казани — в Старотатарской и Новотатарской слободах, где появляются уникальные образцы мусульманского культового каменного зодчества и татарской гражданской архитектуры.

Народное ювелирное искусство вплоть до начала XX в. представляло собой уникальный феномен мировой художественной культуры, обогащавший многонациональное искусство народов России самобытным творческим опытом казанских татар.

На новом техническом уровне продолжалось развитие татарского народного костюма, мозаичной обуви, ткачества, вышивки. В связи с развитием книгопечатания происходит эволюция татарской графики и каллиграфии, которые все более приближались к реалистическим образцам и светским канонам. Одним из вариантов изобразительного искусства становится искусство шамаилей, художественное решение которых в начале XX в. становится все более разнообразным.

Коренные изменения происходят в развитии исторической мысли татар. Обращенное в мифологизируемое прошлое и скорбящее об утраченной лидерной роли и славе историческое сознание было неприемлемым и недостаточным для этапа культурно-цивилизационного возрождения народа. История, следовательно, представляла не только одну из областей научного познания, за развитие которого выступало татарское просветительство. Необходимо было знать прошлое и для того, чтобы определить собственное место в иерархии координат истории и культуры народов мирового сообщества. Воссоздание национальной истории, апелляция к исторической памяти становились необходимым условием сохранения этнокультурной, цивилизационной идентичности татарского народа, модернизации татарского общества.

Первым научным исследованием по истории татарского народа явилось вышедшее в свет в 80-90-х гг. XIX в. двухтомное сочинение Ш. Марджани «Мљстафадел-ђхбар фи ђхвали Казан вђ Болгар» (Сведения, привлеченные к истории Казани и Булгара). Последователи и преемники основоположника татарской исторической науки — Р.Фахретдинов, Х.Габяши, Г. Ахмаров, Х. Атласов, А. Валиди, Г.Баттал, Г.Губайдуллин за короткое время достигли значительных результатов в исследовании национальной истории. Их успехи были оценены русскими и европейскими учеными и востоковедами, а безусловное лидерство среди других тюрко-мусульман в исторической науке являлось общепризнанным.

Важным органом мусульманской печати, целенаправленно пропагандировавшим исторические знания и определявшим ориентиры исторического поиска, являлся оренбургский журнал «Шура» (Совет), возглавлявшийся историком, видным общественным и религиозным деятелем Ризой Фахрутдиновым. В сотнях статей, значительная часть которых принадлежала его перу, освещались проблемы не только национальной, но и общетюркской, мусульманской и мировой истории. В создании научной истории татар значительную роль сыграли работы и других историков-современников Р.Фахрутдинова. Прежде всего это «Подробная история тюркского племени» (1909) Х.

Габяши, основанная на материалах популярных лекций «История Булгарии» (1909) и «История Казани» (1910) Г. Ахмерова, исследования монографического характера «История Сибири» (1911) и «Казанское ханство» (1914) Х.Атласи, «История татар» (1912) Г. Баттала, «История тюрков и татар» (1912) и «Краткая тюрко-татарская история» (1915) А. Валиди, двухтомный труд на арабском языке М. Рамзи «Собрание известий и памятников…» (1908).

Таким образом, XIX — начало XX вв. — не просто период бурного развития татарской культуры, но и эпоха ее культурного ренессанса. Татарская культура и искусство развиваются на основе местных литературных и художественных традиций, уходящих корнями в цивилизационные достижения Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, испытывая заметное влияние культур других народов империи, прежде всего русского народа. Однако темпы и масштабы диалога культур, приобщения татар к духовным ценностям и культурным достижениям мировой, европейской и российской цивилизации, тормозились великодержавной политикой властей и реакционного православного духовенства, сдерживались традиционализмом и консерватизмом в самом татарском обществе.

Первая революция в России, сама во многом являясь следствием нерешенности задач национальной эмансипации, определила новую фазу в развитии национального движения, мобилизации национальных организаций на самоопределение народов. И хотя она не была «генеральной репетицией» 1917 г. в том смысле, в каком заявил об этом В.И.Ленин, но все же она явилась важным предшественником многих новых явлений в национальной жизни и возникновения новой волны национально-освободительного движения в стране. Революция 1905-1907 гг. потерпела поражение главным образом по причине того, что основные ее «ручейки» (социальное, политическое и национальное движения) не соединились в единый революционный поток. Поэтому, согласно закону инерции, национальный «ручеек» революционного потока должен был вылиться за пределы первой революции и ускорить наступление новой революционный волны. Важно заметить, что тюрко-татарские национальные группы и организации одними из первых вступившие на революционный путь достижения национальной эмансипации, сохраняли лидирующую роль в ходе последующих революционных событий. Татарский фактор при этом оставался наиболее заметным и эффективным. Традиция лидерства в отстаивании национальных интересов проявлялась не только в революционную эпоху, но и в периоды тяжелых испытаний советского народа индустриализацией, коллективизацией, войной и послевоенным возрождением. «Татарстанская модель» модернизации общества образца рубежа XX–XXI вв. — есть продолжение выполнения традиционной миссии народа-пионера в осуществлении цивилизационных перемен.

Февральская революция 1917 г., ознаменовавшая начало новой исторической полосы, вызвала мощнейший демократический подъем в обществе и дала возможность открытой консолидации оппозиционных царскому режиму политических сил. В полной мере это следует отнести и к развитию национального движения татар, которое к 1917 г. имело своих политических и идейных лидеров и опиралось на широкую поддержку масс. Для событий 1917 г., так же, как и для периода революции 1905—1907 гг., было характерно объединение в политическом движении всех мусульманских народов Российской империи. В феврале-апреле в различных городах России (Казань, Уфа, Баку, Ташкент, Москва, Петроград) возникают организации, представляющие интересы мусульманских народов, проводятся губернские и региональные съезды мусульман. Дело консолидации мусульманского движения взяла в свои руки мусульманская фракция IV Государственной думы, в которую входили И.А.Ахтямов, М.Ю.Джафаров, Г.Х.Байтеряков, Г.Х.Еникеев, М.Г.Миннигалеев, Б.-М.Тевкелев, М.М.Далтат. В марте 1917 г. совещание членов мусульманской фракции Думы с участием местных деятелей образовало Временное Центральное бюро российских мусульман для созыва съезда. Прошедшие весной и летом 1917 г. в Москве и Казани Всероссийские мусульманские съезды сыграли значительную роль в консолидации и развитии национального движения, в формировании новых национальных организаций и их политических лидеров.

I Всероссийский мусульманский съезд в мае 1917 г. собрал около 800 делегатов от мусульманских районов страны. В повестку дня были включены вопросы государственного устройства, колонизационной политики, а также аграрный, рабочий, организации вооруженных сил, отношение к войне, культурно-национальное самоопределение, просвещение, религиозная организация и др. Одним из наиболее дискуссионных оказался вопрос о форме национального устройства: предполагалось либо обеспечить мусульманам широкую культурно-национальную автономию в составе Российской демократической парламентской республики, либо создать территориальные автономии для отдельных народов в составе Российской федеративной демократической республики. Резолюция, принятая большинством, рекомендовала «признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются культурной автономией».

Важно отметить, что съезд создал всероссийский центральный мусульманский совет Милли шуро. Он одобрил создание всероссийского мусульманского военного совета — Харби шуро. Вскоре под руководством Харби шуро в Казани, Уфе, Москве, Астрахани, Перми и других городах начинают формироваться мусульманские татаро-башкирские военные подразделения — роты, батальоны, полки.

Естественно, что в условиях нарастающего классового противоборства татарское общественное движение не было однородным. Уже весной 1917 г. определилось три потока татарского национально-освободительного движения. Первый — национал-либеральный, выступавший за проведение политики демократического национализма и «всеобщего национального согласия на базе единства всех мусульман России».

Второй представлял из себя движение, возглавляемое татарскими революционными демократами, которое выдвигало задачу осуществления демократических преобразований. Третий поток — это пролетарское направление, возглавляемое татарскими большевиками и близкой им части революционной демократии. Позднее «последние два потока в национальном движении…, проходя различные этапы борьбы, слились». В апреле 1917 г. в Казани возникает мусульманский социалистический комитет во главе с М.Вахитовым, ориентировавшийся на сотрудничество с местным большевистским комитетом. Пользовались влиянием среди масс и организации татарских социалистов-революционеров.

II Всероссийский мусульманский съезд, прошедший в конце июля 1917 г., отразил серьезные перемены в стране и национальном движении. В Петрограде после июльского кризиса двоевластие завершилось в пользу Временного правительства. В рядах Всероссийского мусульманского движения также обозначились принципиальные расхождения между мусульманскими движениями Волго-Уралья, Средней Азии и Кавказа. Входившие в состав Всероссийского мусульманского совета общественные деятели Казахстана, Туркестана, Кавказа и Башкирии высказались за создание автономных республик и консолидацию национального движения в своих регионах. В этой связи II съезд мусульман высказался за самостоятельное решение вопроса о формах государственного устройства населением Туркестана, Казахстана, Кавказа и Крыма и сконцентрировался на обсуждении национального вопроса в Поволжье и Приуралье. На съезде было объявлено о предстоящих выборах в Учредительное собрание. В связи с этим съезд принял предвыборную платформу для мусульман внутренней России и Сибири, разработал принципы «культурно-национальной автономии для мусульман внутренней России и Сибири». Высшим законодательным органом культурно-национальной автономии провозглашалось Национальное собрание (Миллет меджлиси), а исполнительным органом — Национальное управление (Милли идаре). Вопрос о территориальной автономии был передан на усмотрение самих мусульман. В июле 1917 г. в Казани прошли съезды духовенства и Мусульманский военный съезд.

22 июля 1917 г. на объединенном заседании делегатов трех съездов (мусульманского, военного и духовенства) было заявлено о создании Национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири. В составе временного национального управления предполагалось учредить три ведомства — духовное, просвещения и финансовое, призванные образовать соответствующие структуры на местах. Реализация соответствующих мероприятий была поручена специальной коллегии во главе с С.Н.Максудовым.

Подавляющая часть татарского народа возлагала надежды в решении национального вопроса на Учредительное собрание. Различные потоки национального движения вступили в политическую предвыборную борьбу и конкурировали за голоса избирателей, повсюду обнаруживалась классово-политическая дифференциация избирателей-мусульман. Однако Октябрьская революция 1917 г. вывела национальную проблему в другую плоскость решения — революционно-пролетарскую.

# Советская эпоха: обретения и потери

*Нет ничего хуже так называемых уроков истории, если их плохо понимают и делают неправильные выводы.*

*Поль Валери*

После победы Октябрьской революции власть в Казанской губернии перешла в руки Казанского Совета, возглавляемого большевиками. Большевистская власть, стремясь привлечь на свою сторону народы России, применила прием прямого обращения к трудящимся. Уже на II Всероссийском съезде Советов, провозгласившем победу революции, была принята «Декларация прав народов России», объявлявшая отмену всех национальных привилегий, равенство и суверенность народов России, их право на свободу самоопределения вплоть до отделения. В обращении «Ко всем трудящимся

мусульманам России и Востока» объявлялось, что советская власть предлагает народам свободно и беспрепятственно устраивать свою национальную самобытную жизнь. В ноябре 1917 г. в составе Совета Народных Комиссаров создается Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), во главе с И.Сталиным. Руководителем мусульманского комиссариата Наркомнаца стал Г.Ибрагимов. В феврале-марте мусульманские комитеты были созданы в составе Казанского губернского Совета и в некоторых уездных Советах. Передача мусульманским народам национальных культурных ценностей и архитектурных памятников (башни Сююмбике в Казани и Караван-Сарая в Оренбурге) должна была повысить авторитет и символизировать уважение их национальных интересов.

Параллельно с укреплением Советской власти произошли два важнейших события. Во-первых, завершились выборы в Учредительное собрание, которое 5 января 1918 г. открылось в Петрограде. Оно отказалось обсуждать большевистскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», и уже на следующий день было распущено. Во время краткого заседания Учредительного собрания один из лидеров мусульманской фракции выступил за признание за всеми населяющими Россию народами права на территориальное и национальное культурное самоопределение. С роспуском Учредительного собрания был потерян шанс на демократическое и легитимное реформирование национально-государственного устройства России, обозначилась реальная угроза развязывания гражданской войны. Во-вторых, 22 ноября 1917 г. в Уфе начало работу заседание Национального собрания (Миллет Меджлиси), на который из 110 депутатов смогли прибыть 96. Его председателем был избран авторитетный политик, депутат II и III Дум С.Н.Максудов, заместителем стал также бывший депутат IV Думы И.А.Ахтямов.

Национальное собрание заседало в течение почти двух месяцев, образовав комиссии: мандатную, законодательных предположений, финансовую, просвещения и религиозную. 29 ноября 1917 г. Национальное собрание приняло решение о создании территориальной автономии татар, башкир и других народов в форме Урало-Волжского штата («Идель-Урал штаты»). Обсуждалось несколько вариантов территориальной автономии. Вскоре после роспуска Учредительного собрания было опубликовано постановление Меджлиса об Урало-Волжском штате и его взаимоотношениях с другими областями Соединенных республик России: «1.Создание Урало-Волжского штата должно быть обеспечено. 2.В состав штата входят Казанская, Уфимская, Оренбургская губернии полностью, те части Симбирской губернии, где проживают марийцы и чуваши. Все народы равноправны. 3.Форма управления — республиканская, эта республика вместе с другими должна составлять Соединенные республики России. 4.Почта, телеграф, железные дороги, водные пути, мера весов, денежная система должны находиться в распоряжении центрального правительства». По проекту Г.Шарафа помимо Казанской и Уфимской губерний предполагалось включить в состав Урало-Волжского штата территории с татаро-башкирским населением Оренбургской, Пермской, Вятской, Самарской и Симбирской губерний. Население автономий в таком случае достигло бы 7 млн. человек, в том числе 3,7 млн. — татаро-башкир, 2,7 млн. — русских, более полумиллиона чувашей, марийцев и удмуртов. Парламент (Меджлис) получал право широкого законодательного регулирования внутренней жизни штата. Можно согласиться с современными исследователями, которые рассматривают данный проект как программу создания территориально-областной автономии с элементами культурно-национальной автономии.

Меджлис сформировал Коллегию по созданию Урало-Волжского штата, которая должна была выехать в Казань и урегулировать вопрос с Казанским Советом. При реализации идеи «Идель-Урал штаты» предполагалось опереться на II Всероссийский мусульманский военный съезд, открывшийся в Казани 8 января 1917 г. После острой полемики съезд принял решение «признать необходимым образование ИУР (Волжско-Уральской) Советской республики, входящей в состав Российской Федеративной Советской Республики». Намечалось провозгласить образование республики «Идель-Урал» в Казани 1 марта 1918 г. Но Казанский Совет попытался помешать плану. Он отправил телеграмму, предписывавшую задержать следующие в Казань мусульманские части и арестовать руководителей Харби шуро.

В Казани 21-22 февраля 1918 г. открылся областной съезд Советов Поволжья и Приуралья, принявший решение об образовании Урало-Волжской Советской республики в составе РСФСР, акцентируя при этом право национального пролетариата и беднейшего крестьянства на полное «культурно-национальное самоопределение».

После попыток силового давления на сторонников провозглашения республики «Идель-Урал» и убийства в конце февраля 1918 г. лидера движения Г.Ваисова обстановка в Казани еще больше накалилась. Казанский Совет и руководство Мусульманского съезда пошли на компромисс: Совет освободил лидеров Харби шуро в обмен на обещание отказаться от провозглашения «Идель-Урала». После этого деятели национального движения перенесли свою работу за Булак, где провозгласили так называемую «Забулачную республику». Сложилось своеобразное двоевластие.

22 марта 1918 г. появляется третий проект — декрет и положение о Татаро-Башкирской Советской республике, который, по мнению историков И.Р.Тагирова и Р.К.Валеева, преследовал как минимум две цели: «Первая — выбить инициативу создания национальной государственности из рук лидеров национального движения. Вторая цель заключалась в том, чтобы не создавать ее». Однако первоначально, по свежим следам, этот замысел еще не был ясен, весной и летом 1918 г. проходят совещания и заседания представителей народов Поволжья и Приуралья, представителей Советов, обсуждающих проекты создания Татаро-Башкирской Советской республики. В этих условиях в конце марта 1918 г. возглавляемые большевиками отряды, почти не встречая сопротивления, вошли в «Забулачную республику», прекратив ее существование.

Важным явлением, существенно повлиявшим на ход реализации проекта «Идель-Урала» и Татаро-Башкирской республики, явилась деятельность «Башкирского шуро» и Башкирского правительства, провозглашенных по инициативе А.-З.Валидова в конце 1917 г. в Оренбурге на Башкирском Учредительном собрании (курултае). В январе 1918 г. с приходом в Оренбург регулярных частей Красной Армии члены этого правительства были арестованы, а в апреле 1918 г. освобождены отрядом атамана Дутова. Башкирское правительство А.Валидова возобновило свою деятельность.

Все эти события предшествовали гражданской войне, начатой майским выступлением частей чехословацкого корпуса, но фактически они были не только фоном, на котором война зрела в Поволжье и Приуралье. Они являлись латентным ее проявлением. В июне 1918 г., в связи со взятием чехословацкими отрядами Самары, действовавший там Комитет членов Учредительного собрания объявил себя временной властью, исполняющей законодательные, исполнительные, судебные и военные функции. С конца августа 1918 г. роль правительства взял на себя «Совет управляющих ведомствами». В июне-августе 1918 г. власть Комуча распространилась на Самарскую, часть Саратовской, Симбирскую, Казанскую и Уфимскую губернии. Комуч отменил Декреты Советской власти и намеревался вернуть власть всенародно избранному Учредительному собранию. В составе Самарского Комуча активно работали члены мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания И.Алкин, Г.Терегулов, Ф.Туктаров. Мусульманские деятели Комуча в августе 1918 г. разработали проект «основных положений о национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири», выдвигавший Миллет Меджлиси в качестве законодательного парламента тюрко-татарской автономии. В то же время власть Комуча в Казани оказалась крайне непродолжительной: взятый 6 августа 1918 г. город 10 сентября перешел в руки Красной армии. Переход города из рук в руки сопровождался политическими репрессиями и расстрелами. После падения Самары в сентябре 1918 г. деятели Комуча провели Уфимское государственное совещание, в котором наряду с делегациями Комуча, Сибирского и Уральского временных правительств, казачьих войск востока России, Сибирской областной Думы, общероссийских партий и общественных союзов участвовали национальные делегации Туркестанского автономного правительства (Кокандская автономия), Казахского правительства («Алаш-Орда»), башкирского правительства Валидова и правительства тюрко-татар внутренней России. Это совещание провозгласило власть «Временного Всероссийского правительства» («Уфимской директории»), которое, в свою очередь, было заменено в ноябре 1918 г. «Омским правительством». Верховным правителем Российского государства стал адмирал Колчак, выступавший под лозунгом «единой и неделимой России».

А.В.Колчак занял жесткую позицию в отношении башкирской автономии, ранее признанной Комучем и Временным Сибирским правительством, ликвидировал башкирское правительство и передал командование башкирскими военными частями Дутову. Политическая ситуация подтолкнула башкирского лидера А.-З.Валидова на компромисс с Советской властью. В марте 1919 г. было подписано «Соглашение Российского рабоче-крестьянского правительства с башкирским правительством о Советской автономии Башкирии». Так, в марте 1919 г. образовалась Советская Башкирия в составе РСФСР, а в декабре 1919 г. заседание ЦК РКП(б) отменило положение об образовании Татаро-Башкирской Советской республики. Впрочем, территория БАССР поначалу ограничивалась так называемой «Малой Башкирией», в составе которой оказалась часть территорий Уфимской, Оренбургской, Екатеринбургской и Самарской губерний со столицей в Стерлитамаке.

Таким образом, несмотря на наличие различных вариантов и проектов создания культурно-национальной автономии, идея возрождения татарстанской государственности в 1918—1919 гг. из-за сложнейшей политической обстановки не была реализована. Бескомпромиссное противостояние политических и классовых сил в ходе гражданской войны не только развело крупных татарских политических деятелей по разные стороны баррикад, но и привело к трагической гибели многих авторитетных общественных лидеров национального движения — таких, как М.Вахитов и Г.Ваисов.

Наложение многих особенностей исторического развития Советской России как во внешнеполитическом, так и во внутреннем ее измерении, несоответствие степени консолидации татарского народа и отсутствие объединительной национальной идеи, адекватной задачам его выхода на более высокий политико-статусный уровень, обусловили рождение такого варианта решения

татарского вопроса, которое определяется как образование Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

В литературе этот момент в судьбе татар оценивается неоднозначно. Имеется большой разброс оценочных мнений в рамках полярных полюсов: от оптимистическо-патриотической в форме «великой исторической победы татарского народа» до пессимистической — как его историческое поражение. Автор в этом принципиально важном вопросе привержен умеренно-позитивной оценке факта образования ТАССР. Он может быть определен как поворотный момент в развитии татарского культурно-исторического самосознания и его политический итог. Несмотря на то, что Татарская республика в составе советского государства во многом носила декларативный характер и несла «печать» двустороннего компромисса, не приходится сомневаться в том, что это был акт национального самоопределения.

Во-первых, потому, что создание ТАССР, не являясь результатом прямого волеизъявления татарского народа, все же было объективным следствием его борьбы за свое национальное и социальное освобождение в колониальный период. Во-вторых, создание ТАССР означало «легитимирование» в политико-правовом пространстве России территориально-государственной особости татарского народа, причем в форме, в общем-то вполне адекватно отразившей его сущностные стороны: «булгарскую» (территория) и «татарскую» (самоназвание). «Так или иначе, восприятие Татарской Республики именно как национального завоевания легитимировало ее в татарском общественном самоназвании — понятием «Татарстан», имевшим не столько политико-правовой, сколько культурно-исторический смысл и превращавшим ТАССР в символ продолжения прерванной в XVI в. истории государственности татарского народа».

Часто национал-ожидания колонизированного народа в моменты пассионарных «толчков» бывают завышенными, ввиду их несоотнесенности с реальной исторической ситуацией, возможностями конкретного времени. К тому же, как показывает опыт, еще не готовый исторический «пирог» под названием «суверенитет» становится предметом спора, торга и разногласий различно-ориентированных политических сил.

Образование Татарской республики — один из примеров подобного ряда рубежных событий. В условиях советской политической системы республика не имела возможности состояться и утвердиться как самостоятельное государство. Она оставалась декоративным государственным образованием с формальными атрибутами суверенности, но не субъектом политики Советского государства. «Однако, — как отмечает Р.М.Гибадуллин, — хотя эта политика в основном шла вразрез с интересами развития татарского общества и даже в какой-то мере продолжала колониальную традицию его национально-культурного подавления, тем не менее она объективно имела для Татарской республики некоторые позитивные последствия, ибо формировала важные предпосылки развития ее самостоятельности в дальнейшем: индустриальную экономику и характерную для нее социальную структуру, включавшую в себя новую национальную элиту».

Позитивные последствия образования Татарской республики этим, конечно, не ограничиваются. Это был итог целой полосы развития татарско-русских (казанско-московских) взаимоотношений (почти четырех столетий), включавшей сочетание мирных и военных, культурно-цивилизационных и политико-идеологических и многих других форм. Но это был не финальный итог, дававший основание для торжествования и самодовольной успокоенности, а лишь результат, который ориентировал на дальнейшее продолжение эволюции двустороннего взаимодействия. «Какими бы мизерными ни были права Татарской республики, — считает И.Р.Тагиров, — он стал той базой, опираясь на которую, в последующие годы развернулась борьба за создание суверенной государственности».

Весь ход событий, развернувшихся вокруг идеи создания Татарской республики, подтверждает сложность и противоречивость и самой революционной эпохи, и высокую степень конфронтации участников этого процесса между собой. Лишь после длительной дискуссии в условиях завершающейся фазы гражданской войны в январе 1920 г. Политбюро большевистской партии санкционировало образование Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 27 мая 1920 г. была создана ТАССР, а 25 июня Казанский губисполком передал полномочия власти Временному революционному комитету ТАССР, председателем которого стал С.-Г. Саид-Галиев. На I Учредительном съезде Советов в сентябре 1920 г. был избран Центральный Исполнительный Комитет, который образовал Совет Народных Комиссаров — первое правительство республики во главе с С.-Г.Саид-Галиевым. Сложилась политическая система республики, ведущую роль в которой играла большевистская партия, возглавляемая Татарским обкомом РКП (б).

Одним из важнейших вопросов возрождения государственности татарского народа был вопрос о границах Татарской автономии. Первоначально в ее состав были включены 12 уездов Казанской губернии (большая ее часть), а также несколько уездов Симбирской, Вятской, Самарской и Уфимской губерний. В Декрете ВЦИКа об образовании ТАССР указывалось, что вопрос о включении в ее состав

Белебеевского и Бирского уездов Уфимской губернии с преимущественно татарским населением надо «оставить открытым впредь до волеизъявления трудящегося населения этих уездов». Однако «в последующем, вопреки воле трудящихся, стремившихся к воссоединению с Татарской республикой, было сделано все для того, чтобы не дать возможности для передачи указанных уездов в состав Татарской республики». Спустя два года, т.е. в 1922 г., ВЦИК указным порядком расширил территорию Башкирии, включив в ее состав как Уфимский, так и Бирский и Белебеевский уезды Уфимской губернии.

Таким образом, уже в годы гражданской войны стала формироваться жесткая властная вертикаль, определившая политические контуры новой советской цивилизационной общественной модели и национально-государственного устройства. Декларированные ранее большевиками идеи самоопределения наций вплоть до отделения, а также создания федеративного объединения национальных государств шли вразрез с основополагающим советским тезисом о гегемонии пролетариата и его партии. В этом контексте выстраивается логика советского национально-государственного строительства начала 1920-х гг.: вынужденность и фрагментарность реализации национального самоопределения, подчинение решения национального вопроса императивам политической борьбы. Декларируемые формы советского национально-государственного устройства наполнились классово-политическим содержанием и были обусловлены партийной централистской «демократией», жестким подчинением партийному центру и партийным лидерам.

Эти установки легли в основу нового советского политического объединения — Союза Советских Социалистических Республик. При обсуждении вопроса об объединении советских суверенных республик (России, Украины, Белоруссии и Закавказья), в действительности уже находившихся в довольно жестких договорных отношениях с РСФСР, встал вопрос не только о принципах нового объединения, но и о статусе входящих в Российскую Федерацию автономий. Сталинская идея «автономизации», т.е. вхождения республик в состав России на правах автономии, фактического уравнения национальных республик и организации вертикальной одноуровневой системы государственного соподчинения, была отвергнута. «Ленинский проект» предполагал создание нового этажа — «федерации равноправных республик» с широкими, почти конфедеративными правами, в том числе возможностью выхода из Союза и расторжения союзного договора. Предложения представителей Татарии и других автономий о повышении статуса республики до уровня союзной были отвергнуты.

В результате сложилась многоуровневая модель советского национально-государственного устройства: союзные республики, автономные республики, автономные области и округа. Активно выступавший за равноправие народов и республик, критиковавший сталинскую национальную политику член коллегии Наркомнаца М.Султан-Галиев был арестован и объявлен врагом. В 1923 г. по инициативе И.Сталина было созвано секретное совещание ЦК РКП (б) с руководителями национальных республик, осудившее «антипартийную и антисоветскую работу Султан-Галиева» и так называемый «уклон к национализму». «Дело Султан-Галиева» должно было в условиях надвигающейся сталинской диктатуры показать национальным лидерам рамки их политической самостоятельности и пределы национального суверенитета республик.

И все же в СССР объединились республики, сохранившие формальный статус самостоятельности. В основном процесс национально-государственного строительства в советско-большевистском варианте завершился.

Теперь на повестку дня выдвигалась реализация сформулированной X съездом партии задачи ликвидации экономической и культурной отсталости угнетенных при царизме народов и достижения ими фактического равенства с помощью русского народа. Эту линию в апреле 1923 г. продолжал XII съезд РКП(б), обратив особое внимание на необходимость борьбы против уклона в сторону великодержавного шовинизма, представлявшего в то время главную опасность, а также в сторону местного национализма.

В своем стремлении обеспечить максимальное развитие экономики и культуры отсталых окраин коммунистическая партия руководствовалась известным ленинским предупреждением: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говоря на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможно».

Характеризуя советскую национально-государственную политику первой половины 20-х гг. XX в., нельзя не признать, что она стала мощным катализатором развития национальной жизни, реализовав (хотя и в советской версии) многие принципиальные цели национально-освободительного движения начала XX в. В этом контексте еще раз отметим, что образование ТАССР при всех недостатках было актом ликвидации правового неравенства татарского народа, восстановления национальной

государственности спустя более чем три с половиной столетия. Нельзя не признать быстрого и достаточно сильного индустриального и культурного развития республики. Создание ТАССР предоставило возможность татарскому народу обрести в последующем самостоятельность и равенство среди других народов России.

Новое содержание культурно-цивилизационного развития татарского народа было связано с реализацией грандиозного социального и политического эксперимента — «строительства социализма» в СССР. Если в первые годы советской власти большевистская стратегия перехода к социализму исходила из задачи удержания власти и осуществления мировой пролетарской революции, то глубокий социально-экономический кризис в конце гражданской войны заставил выработать новую экономическую политику (НЭП). НЭП подразумевала сочетание однопартийной политической системы и смешанной экономической модели для восстановления страны в условиях «враждебного капиталистического окружения» и отложенной на неопределенное время мировой революции. Нэповская хозяйственная модель представляла собой вариант смешанной экономики, важнейшими компонентами которой стали государственная собственность на крупную и среднюю промышленность, транспорт, связь, торговлю, ресурсы, использование элементов хозрасчета на предприятиях, высокая степень централизации госпромышленности и управления при ограниченной свободе торговли, предпринимательства и использования наемной рабочей силы. В социально-политическом плане НЭП была ориентирована на то, чтобы привлечь на сторону советской власти многомиллионное крестьянское большинство страны, в том числе в Татарстане. Подавляющее большинство населения республики составляли крестьяне, значительная часть которых в начале 1921 г. испытывала неудовлетворение советской политикой и приняла участие в вооруженных крестьянских выступлениях, направленных против проводившейся в годы гражданской войны продразверстки.

Однако начало новой экономической политики, провозглашенной в марте 1921 г., отказ от продразверстки и замена ее продналогом совпали в Поволжье и Татарии с тяжелейшей засухой и неурожаем. Историки Р.К.Валеев и Р.В.Шайдуллин полагают, что первопричинами неурожая 1921 г. (урожайность тогда упала с 63,8 млн. до 6,4 млн. пудов зерна), наряду с засухой, явились несвоевременный посев и плохое качество посевного зерна. Голод и болезни привели к ужасающим масштабам смертности среди населения: за полгода с середины 1921 г. только в девяти кантонах Татарстана смертность составила почти сорок тысяч человек. Последствия голода удалось окончательно преодолеть лишь в середине двадцатых годов. НЭП позволил восстановить хозяйство Татарии. В 1925—1926 гг. республика приблизилась к довоенным показателям: посевная площадь составляла 102%, валовой сбор хлеба — 79%, валовая продукция крупной промышленности — 90% от уровня 1913 г.

Однако укрепление рыночного сектора экономики противоречило однопартийной системе, провозгласившей целью социализм. Поэтому И.Сталин, избрав путь форсированного, насильственного строительства социализма, репрессирует Н.Бухарина и других сторонников нэповских отношений.

Основой социалистической модернизации страны было форсированное развитие тяжелой индустрии. Первый этап индустриализации в Татарстане пришелся на 1926—1928 гг., когда прошло техническое перевооружение на многих предприятиях (льнокомбинат в Казани, химзавод имени М.Вахитова, завод «Серп и молот», Бондюжский химзавод) и началось строительство меховой фабрики, городского холодильника в Казани, фанерного завода в Зеленодольске.

Следующий этап форсированной индустриализации в республике был связан с реализацией первого пятилетнего плана. Надо сказать, что идея пятилетки была привлекательной. В ходе ее осуществления стране предстояло ликвидировать технико-экономическую отсталость, превратиться в индустриальную державу с высокой обороноспособностью, преобразовать индивидуальные аграрные хозяйства в высокопродуктивные коллективные и совершить рывок от безграмотности к статусу самой читающей страны. Она была тем более привлекательной, что проходила под знаком отказа от эксплуатации человека человеком.

Для народов России это означало перспективу цивилизационных изменений сразу в нескольких измерениях: общество должно было перейти от традиционного аграрного к модернизированному индустриальному; с ликвидацией частной собственности предполагалось радикально переустроить систему социальных отношений; с вовлечением всех народов в решение задач социалистического переустройства предполагалось преодолеть вековые традиции национального неравенства и угнетения и сформировать классовую интернациональную общность советских людей.

Татарский народ проявил не только готовность, но и способность стать активной социальной силой промышленной революции. Именно в таком контексте можно объяснить массовый трудовой энтузиазм внутри республики и выезд на ударные стройки первых пятилеток. После «отлива» талантливого слоя татарского народа в период дореволюционной индустриализации и революционных бурь это была вторая волна массовой миграции народа за пределы своей цивилизационной колыбели. И не всегда мотивом смены места обитания была безысходность. В основе массовости и в повторяемости таких

«толчков-всплесков» патриотизма необходимо видеть генетические свойства народа, проявление его цивилизационных традиций на новой исторической площадке. Но массовый отток наиболее активной и созидательной части нации имел и негативные последствия для самоидентификации и консолидации татар. Речь идет о том, что частый «сброс» интеллектуальных сил ослаблял воспроизводящую и развивающую способность цивилизационного эмбриона. Этот негатив усиливался по мере ужесточения и ускорения процесса индустриализации.

Уже первые шаги по пути индустриализации поставили вопрос об источниках ее финансирования. В отсутствии притока капитала извне создание современной промышленности требовало перераспределения национального дохода, сокращения в нем доли потребления и увеличения доли накопления. Если первые варианты пятилетнего плана были довольно реалистичны, то принятые затем повышенные оптимальные задания без кардинального перераспределения всех ресурсов и структурной социальной ломки выполнить было невозможно. Поэтому основным резервом индустриализации Советской России стали сельское хозяйство, его материальные и трудовые ресурсы.

В соответствии с первым пятилетним планом в Татарстане предполагалось создать 26 новых промышленных объектов (машиностроительные предприятия, завод «Пишмаш», валяльно-фетровая фабрика, предприятия легкой и пищевой промышленности, теплоэлектроцентраль), увеличить валовую продукцию хозяйства республики почти втрое, резко поднять удельный вес промышленности в экономике.

Первоначальный план предполагал в течение пяти лет (1928–1933) объединить в колхозы приблизительно четверть крестьянских хозяйств. Однако в 1929–1930 гг. в Татарии, как и повсюду в стране, был взят курс на ускоренную коллективизацию. По мысли сторонников форсированной коллективизации, она должна была дать дополнительные средства для индустриализации, сконцентрировать в руках государства управление сельским хозяйством, централизовать ресурсы. Одновременно предполагалось покончить с последними носителями капиталистического уклада — зажиточными крестьянами (кулаками). Первый шаг по насильственному раскулачиванию и применению чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок был сделан уже в 1928 г., когда И.Сталин дал указание применять репрессии к зажиточным крестьянам, отказывавшимся сдавать хлеб.

Репрессии коснулись и крестьян Татарии, где только в Мензелинском кантоне были привлечены к ответственности 60 крестьян. Сплошная насильственная коллективизация сельского хозяйства республики была в основном осуществлена в 1929 — 1930 гг. В декабре 1929 г. партийные и советские органы ТАССР объявили республику районом сплошной коллективизации и поставили цель завершить социалистическую перестройку сельского хозяйства уже к концу 1930 г. На основании постановления ЦК ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» у крестьян конфисковывали средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, семенные запасы. Эти меры применялись не только по отношению к зажиточным крестьянам, которые использовали наемный труд, арендовали земли и имели предприятия по обработке сельхозпродукции, но и к не желающим вступать в колхозы середнякам и даже беднякам.

Только за январь 1930 г. было организовано пятьсот колхозов. К 10 марта были коллективизированы 423777 хозяйств, то есть 83,3% от числа крестьянских хозяйств, объединившихся в 3375 колхозов, при этом 14658 хозяйств оказались в числе раскулаченных. По темпам коллективизации ТАССР вышла на третье место среди республик и областей СССР. Немалая часть зажиточных крестьян Татарстана, не дожидаясь репрессий, начала так называемое «самораскулачивание» — срочно продавала, сдавала в колхоз, а нередко просто бросала на произвол судьбы собственность и хозяйство и устремлялась прочь из родных мест. Многие из покидавших деревни Татарстана находили работу на новостройках — промышленных объектах Татарстана, металлургических заводах Магнитки, шахтах Донбасса, Бакинских нефтепромыслах, заводах Москвы. Значительно увеличилось число татарских переселенцев в Средней Азии и Казахстане. В результате оттока, например, в селе Шонгут Алексеевского района из 3250 человек осталось 500 жителей. Последствия насильственной коллективизации особенно заметно сказались в экономической сфере. Резко сократилось поголовье скота и птицы. В Татарстане к концу 1932 г. поголовье лошадей сократилось на 39%, крупного рогатого скота — на 38%, овец и коз — на 65%. Сократилась хозяйственная продуктивность объединенных в колхозы земель, ухудшилось снабжение городов сельхозпродуктами, многие крестьяне жили впроголодь.

Однако последствия форсированного строительства «хеопсовых пирамид» — колхозов и особенно раскулачивания имели куда более глубокий характер. Вызвав к жизни третью волну татарской миграции XX в., эти процессы усилили распыление и социальную диффузию нации, обескровили ее, затруднили процесс консолидации и культурно-цивилизационной эволюции.

Ошибки «красноармейской атаки» на сельское хозяйство вынудили центральную власть избрать более прагматичную политику кооперации, отказаться от упрощенных подходов к переустройству сельской жизни на коллективных началах, оказывать материальную и техническую помощь колхозам. В марте 1930 г. в Нурлат-Октябрьском появилась первая в республике машинно-тракторная станция

(МТС), к 1932 г. число МТС достигло 40. Использование машин и техники повысило культуру земледелия и объемы валовой продукции сельского хозяйства.

К концу 1931 г. 3933 колхоза объединяли 322320 хозяйств (62,4%). Сельхозартелям принадлежало 45% всех посевных площадей и 50,6% поголовья скота, они производили 52,6% всей стоимости валовой продукции сельского хозяйства республики. Татарских хозяйств в колхозах насчитывалось 55%, русских — 37,5%, других национальностей — 7,5%.

К середине 1930-х гг. положение в сельском хозяйстве начало нормализоваться, при общем сокращении жителей села выросла производительность труда, улучшились питание и материальный уровень жизни крестьян. Безусловно, именно коллективизация создала условия для ускоренного индустриального рывка. «Темпы роста тяжелой промышленности СССР (в натуральном выражении) за годы первых пятилеток (1928—1940-е гг.) оказались в 2-3 раза выше, чем за 13 лет развития России до начала первой мировой войны». Эти тенденции распространялись и на индустриальное развитие Татарстана. Удельный вес валовой промышленной продукции за 1928—1932 гг. почти удвоился (с 33,1% до 60%). В то же время особенностью первой пятилетки в республике было преимущественное развитие легкой и пищевой промышленности. Набирали темпы текстильная, кожевенная, валяльно-обувная, меховая, пищевкусовая и деревообрабатывающая отрасли производства. В 1932 г. доля легкой промышленности в общем объеме выпуска составляла 73,2%, а пищевой соответственно — 14%.

Вторая пятилетка (1933—1937) стала для ТАССР временем форсированного создания тяжелой индустрии — машиностроения, металлообрабатывающей и химической промышленности. В промышленность республики было вложено вдвое больше средств, чем в первую пятилетку. Основные фонды увеличились более чем в 2,5 раза. В 1933—1934 гг. начинается строительство машиностроительного комбината, второй очереди ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, фабрики кинопленки и завода СК (синтетического каучука), фотожелатинового завода, завода «Искож». Крупнейшими объектами в масштабах не только республики, но и всей страны должны были стать Казанский авиастроительный и моторостроительный заводы, Зеленодольский судостроительный завод. Десятки предприятий республики прошли коренную реконструкцию (механический завод «Серп и молот», завод пишущих машин, льнокомбинат, комбинат имени М.Вахитова, химкомбинат им.Ленина, Бондюжский химзавод и др.). К концу второй пятилетки новые и реконструированные предприятия выпускали 9/10 всей промышленной продукции республики. Темпы роста промышленности Татарстана и Казани заметно превосходили средние темпы роста по стране. Особенно это заметно по двум показателям: если химическая промышленность выросла в СССР в 15 раз, то в Татарии в 24 раза, текстильная промышленность увеличилась по стране в 3,2 раза, а в Татарстане — в 11 раз. Выросли новые промышленные зоны, крупнейшей из которых стала промышленная агломерация в северной части Казани, за рекой Казанкой (современные Авиастроительный, Московский и Ново-савиновский районы города — бывший Ленинский район, ставший в 1940 г. самым большим районом города).

В 1930-х гг. изменился облик многих населенных пунктов, в республике появились поселки городского типа. Промышленные предприятия были построены или реконструированы в Зеленодольске, Чистополе, Бугульме, Юдино, Васильеве, Бондюге. Зеленодольск, основанный в 1932 г., вскоре стал вторым после Казани промышленным центром республики довоенного периода. В сельских районах очагами промышленного роста были предприятия пищевой промышленности, элеваторы (их число к 1937 г. составило 91), машинно-тракторные станции. Облик республики изменили новые энергетические объекты и транспортные системы. Увеличивался товаропоток речного транспорта по Волге и Каме, появились новые железнодорожные ветки и станционные узлы, дороги и мосты, соединившие отдаленные районы и села с крупными центрами. С появлением гражданской авиации уже в довоенный период организованы первые регулярные рейсы.

С точки зрения единого российского экономического и культурно-цивилизационного пространства, важное значение имело транзитно-узловое положение городов республики, расположенных на пересечении водных путей, автомобильных и железных дорог, связавших европейские регионы страны с территориями Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Предприятия Татарии занимали заметное место в общесоюзном разделении труда: республика давала 43% всех пишущих машин, 50% меховых изделий, 32% валяной обуви. Перед Великой Отечественной войной заводы и фабрики республики производили 50% кинопленки, 40% меховой продукции, 27% валяной обуви и 32% фетровых изделий, выпускавшихся в СССР. Основные средства производства в промышленности республики возросли к концу второй пятилетки по сравнению с 1927 — 1928 гг. почти в 7 раз, валовой объем продукции за пятилетие возрос вдвое, а по сравнению с 1913 г. — более чем в 8,2 раза. Республика за две пятилетки стала мощным индустриальным центром страны, получила новый мощный импульс промышленного развития.

Бурные индустриализационные процессы и социальное переустройство общества в 1920 — 1930-е гг. радикально повлияли на динамику социокультурного развития Татарстана. Феномен «культурной революции» затронул и татарское общество, вызвав в нем неоднозначные процессы и явления. Одним

из важных результатов революции является формирование праздничной культуры. Первое советское десятилетие сотворило уникальную гибридную праздничную культуру, — отмечает профессор С.Ю.Малышева, — вобравшую в себя не только революционный интернационалистский пафос и романтику, но и подчас независимо от воли и осознания ее творцов — опиравшуюся на опыт, традиции, формы вековой российской праздничности. Эта гибридная праздничная культура, несколько видоизменяясь и дополняясь в последующие советские десятилетия, пережила сотворившую ее политическую систему и вступила в новое столетие.

Прогрессивным в ходе культурной революции было и движение за ликвидацию неграмотности. Борьба с неграмотностью началась после издания соответствующего декрета (1919) и приобрела всеобщие масштабы после гражданской войны. С 1920 по 1924 г. грамотность среди татар поднялась с 18 до 46%. Грамотность татар на родном языке была заметно выше, некоторые исследователи полагают, что она была не ниже 80%. Грамотность по-русски в 1905 г. составляла лишь 3-5%, а к концу 1924 года неграмотность взрослого населения республики была фактически ликвидирована. По мнению специалистов, противоречивые последствия имели две смены графики татарского языка. До 1917 г. татары пользовались арабской графикой, с 1928 г. татарский язык был переведен на латинскую основу — «яналиф», а с 1939–1940 гг. — на кириллицу. В числе отрицательных последствий, как правило, называют недоступность для значительной части татарского населения, обучавшегося на русском алфавите, литературы на «яналифе» и особенно на арабской графике, что подрывало культурную преемственность татарского народа.

Особенно быстро в 1920-е гг. расширялась сеть татарских школ. В 1925 г. их число достигло 1048. В 1920–1930-е гг. было введено обязательное начальное образование для детей, начался переход к обязательной семилетке. В 1941 г. в школах республики обучалось свыше полумиллиона детей, причем более половины составляли татарские школьники. С отделением церкви от государства происходит создание новой всеобщей светской системы школьного образования.

Постулат о необходимости коммунистического воспитания масс предопределил такие шаги «культурной революции», как создание партийно-политических органов печати, перевод на татарский язык работ «классиков марксизма-ленинизма», партийных документов, развертывание массовой партийно-пропагандистской системы и организация атеистического перевоспитания населения.

Ускоренная индустриализация и модернизация потребовали перестройки и расширения системы всеобщего образования. Если в дореволюционной Казани специалистов высшей квалификации готовили университет, ветеринарный институт и высшие женские курсы, то уже в годы гражданской войны появляются новые учебные заведения. Особенно активно этот процесс идет в 1920 — начале 1930-х гг. В 1918 г. был образован педагогический институт, называвшийся Высшим институтом народного образования. В 1922 г., слившись с Восточной академией и факультетом общественных наук Казанского университета, он получил название Восточный педагогический институт, а в 1934 г. вновь стал именоваться Казанским педагогическим институтом.

В 1917—1920 гг. по инициативе казанских ученых для подготовки научных работников функционировал Северо-Восточный археологический и этнографический институт. В 1919 г. был организован Казанский политехнический институт, реорганизованный в 1925 г. в индустриальный техникум повышенного типа (существовал до 1930 г.). В 1922 г. был создан Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, превратившийся позднее в Казанский сельскохозяйственный институт. В 1930—1933 гг. действовал Казанский энергетический институт. В 1922 г. подготовку партийных работников начал Татарский коммунистический университет, в 1928—1936 гг. — Казанский институт советского строительства, готовивший работников советских органов управления. С 1931 г. в связи с ликвидацией юридического факультета Казанского университета был создан Казанский институт советского права (в 1936—1952 гг. назывался Казанским юридическим институтом). Уже в 1924/25 учебном году казанские вузы выпустили около 600 специалистов.

Особый импульс вузовскому образованию дала первая пятилетка. Значительная часть современных казанских вузов оформилась в начале 1930-х гг. в связи с необходимостью обеспечить народное хозяйство, науку, образование и культуру высококвалифицированными специалистами. Важно отметить, что вузовский бум этого периода был во многом подготовлен многогранной помощью Казанского государственного университета.

На базе медицинского факультета Казанского университета в 1930 г. был организован Казанский государственный медицинский институт, в 1936—1950 гг. действовал Казанский медицинский стоматологический институт. В 1930 г. создается Казанский химико-технологический институт. Ведущую роль в его организации играли химический факультет университета и химическое отделение Казанского политехнического института. В 1930 г. на базе Казанского политехнического института и Казанского индустриального техникума был организован Казанский институт инженеров коммунального строительства (действовал до 1941 г.). Он был восстановлен в 1940 г. как Казанский институт инженеров гражданского строительства (с 1952 г. — Казанский институт инженеров-

строителей нефтяной промышленности). 1931 г. стал годом основания Казанского финансово-экономического института, а 1932 г. — годом организации Казанского авиационного института. К 1940/41 учебному году в Татарии было уже 14 высших учебных заведений, в которых обучалось более 12 тысяч студентов. Исключительно важно, что значительную часть студентов составляли национальные кадры, неуклонно росло число преподавателей и ученых из татар. Республика становится одним из крупных научных и вузовских центров СССР.

Особую роль в цивилизационном развитии татарского общества имело культурно-национальное строительство, развитие татарской культуры, литературы и гуманитарных наук. Еще в 1922 г. при Восточной академии в Казани было образовано «Общество востоковедения», которое через год было преобразовано в научное «Общество татароведения» при Академическом центре Наркомпроса ТАССР. В 1928—1930 гг. при Наркомпросе ТАССР для объединения и координации деятельности исследовательских учреждений и обществ, занимавшихся вопросами развития культуры, был образован Дом татарской культуры. В 1928-1930 гг. плодотворно работало «Общество изучения Татарстана», изучавшее природу, население, историю, быт, производительные силы республики.

В 1930 г. был организован Татарский научно-исследовательский экономический институт, переименованный в 1931 г. в Татарский филиал института промышленно-экономических исследований, в котором с начала 1930 г. велось изучение ресурсов, природы, экономики и сельского хозяйства ТАССР, а также культуры и быта населения. На его базе проводилось повышение квалификации специалистов и популяризировались научные знания среди населения. Так складывалось новое культурное пространство республики, заметно росло влияние научных знаний, общецивилизационной и национальной культуры на общество.

Знаковыми для развития гуманитарной науки и образования в Татарстане были два события 1939 г. Это, во-первых, создание Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совнаркоме ТАССР, развернувшего планомерную работу по изучению истории Татарстана, татарского языка, литературы и культуры, а, во-вторых, воссоздание в Казанском государственном университете историко-филологического факультета, обеспечившего подготовку гуманитарных кадров и развитие университетских научных гуманитарных исторических и филологических школ.

1920—1930-е гг. стали в целом периодом активного культурно-цивилизационного развития татарского этноса. В связи с тем, что татарскому языку впервые после трагических событий XVI в. возвращается статус государственного языка, происходит его ренессанс, совпадающий в значительной мере с социокультурными преобразованиями, происходившими в стране. Одним из первых законов ЦИК и СНК ТАССР стал декрет «О введении татарского языка в делопроизводство советских учреждений республики» (1921), способствовавший развитию татарского языка и восстановлению его официальной роли. Развитию языка и формированию национальных кадров способствовал также курс на «коренизацию» госаппарата и создание национального пролетариата и интеллигенции. Активно развивалась печать, в том числе татарская, имевшая богатую дореволюционную традицию. В 1920—1930-е гг. издавалось около пятисот газет, более ста различных журналов на русском, татарском и других языках.

В годы первых пятилеток получает дальнейшее развитие татарская литература. Продолжал активно работать классик литературы Ф.Амирхан, новаторскую роль в поэзии сыграл ведущий татарский поэт 1920-х гг. Х.Такташ; социальное реалистическое направление представлял крупный ученый и литератор Г.Ибрагимов. К числу ведущих литераторов, которые начали свою творческую деятельность еще до революции 1917 г., можно отнести также Г.Камала, М.Гафури, Ш.Камала, Ф.Бурнаша и др. В предвоенные годы в литературу вошли М.Джалиль, Х.Туфан, Ф.Карим, Т.Гиззат, А.Алиш, К.Наджми, Ш.Маннур, А.Кутуй и многие другие.

Новый этап своего развития переживало татарское театральное искусство, восходящее корнями к знаменитой труппе «Сайяр». Возникают многочисленные театральные коллективы и студии, «несущей опорой» которых был организованный в 1920 г. Татарский драматический театр имени Г.Камала. Он первым среди национальных театров страны получил в 1926 г. статус академического театра. На его сцене играли З.Султанов, Г.Болгарская, Н.Сакаев, Т.Гиззат, Г.Камская. Успешно развивал свои сценические традиции Русский драматический театр.

В советское время в культурно-художественной среде формируются три направления. Во-первых, это развитие профессиональной татарской музыки, оперы и балета, связанное с именами С.Сайдашева, Дж.Файзи, М.Музафарова, Ф.Яруллина, А.Ключарева, Н.Жиганова, В.Виноградова. Авторами первой татарской оперы «Сания» (1925) были В.Виноградов, С.Габяши и Г.Альмухамедов. Большую роль в подготовке музыкальных кадров республики и повышении музыкальной культуры народа сыграла татарская государственная оперная студия, созданная в 1934 г. при Московской консерватории. Одним из результатов ее деятельности стало создание в 1939 г. Татарского государственного оперного театра.

Как самостоятельные жанры развиваются сольное и хоровое пение, инструментальная и симфоническая музыка, народные песни и танцы. Одним из шедевров национальной музыки стал балет Ф. Яруллина «Шурале», поставленный уже после гибели композитора в 1945 г. Вторым новым направлением в национальном искусстве стали живопись и скульптура. Классиком жанра был признан Баки Урманче — живописец, график, скульптор, ученик знаменитого художника Н.Фешина. Немалую роль в становлении татарского изобразительного искусства сыграли Ф.Тагиров, С.Ахун, Д.Булат, Г.Арсланов и др. Третье направление, связанное с активным городским и промышленным строительством в республике в 1930—1940-е гг. — национальная архитектура, представленная архитекторами И.Гайнутдиновым, А.Бикчентаевым, Д.Тихоновым, Ф.Гавриловым и др. К числу новаторских начинаний, к сожалению, не получивших развития, следует отнести постановку первого татарского художественного фильма «Булат-Батыр», посвященного участию народов Поволжья в крестьянской войне под руководством Е.Пугачева. Росла сеть кинотеатров, был создан радиокомитет, вещавший на все районы республики и заметно способствовавший распространению оперативной общественно-политической информации и культуры.

К концу первой пятилетки в республике была создана мощная культурно-просветительская сеть. В 1941 г. в Татарии было 13 музеев, 3000 клубов, 2251 библиотека, 337 киноустановок, 60000 радиоточек, выходило 155 газет и журналов, в том числе 75 на татарском языке.

Происшедшие в годы первых пятилеток социокультурные изменения отразились в показателях переписи 1939 г. Население республики составило 2914 тыс. человек, из них 614 тыс. (21%) были городскими жителями, а почти 2300 тыс. (79%) представляли сельское население. Крупнейшим городом была Казань, где проживало 398 тыс. человек. Второе, третье и четвертое места делили Чистополь — 32 тыс., Зеленодольск — 30,2 тыс., Бугульма — 25,9 тыс. жителей. К 1939 г. радикально изменился и социальный состав населения: его структура приближалась к показателям индустриального общества. Рабочие, по данным предвоенной переписи, составляли 22,6%, служащие — 14%, колхозники — 59,8%, а крестьяне-единоличники и некооперированные кустари — 3,6%. Уже к концу 1920-х гг. была ликвидирована безработица. Доля занятых в промышленности неуклонно росла, а число жителей села постепенно сокращалось.

Индустриализационные и урбанизационные процессы отразились и в составе татарского населения СССР, которое выросло с 1926 по 1939 г. с 3369 тыс. до 4314 тыс. человек. Если в 1926 г. процент городского населения среди татар в СССР составлял 11,9%, то в 1939 г. он поднялся до 26%. Вырос также процент татарского населения в самой Татарии, где татары в 1939 г. составили 48,7% (28,4% горожан), а русские — 43% (66,9% городского населения). Немалая часть татарского, главным образом, крестьянского населения в период индустриализации уезжает на промышленные стройки пятилеток (Урал, Донбасс, Баку, Москва и т.д.). Оформляются новые контуры татарской диаспоры, в новых регионах своего расселения татары активно интегрируются в социокультурную жизнь местного общества, стремясь в то же время сохранить свою национальную и культурную идентичность в сферах языка, литературы, культуры и быта.

В 1920 — 1930-е гг. заметным было цивилизационное влияние татарского этноса на развитие народов многих регионов РСФСР и СССР — республик и областей Поволжья, Приуралья, Восточного Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Для многих мусульманских и тюркских народов бывшей Российской империи лидирующая цивилизационная роль татар сохраняла значение. В условиях индустриальных и культурных преобразований, развития республиканской государственности роль татарской интеллигенции, специалистов и служащих, политических и военных деятелей особенно заметно проявилась в республиках Центральной Азии. Татарское население Казахстана и Средней Азии составляло уже к 1926 г. более 118 тыс., а к 1939 г. увеличилось до 129 тыс. человек.

В основе четвертой, культурологической волны — отлива татар от своего цивилизационного очага лежали многовековая просветительская традиция, готовность и способность участия в процессе соразвития культур и народов. Цивилизационные и модернизационные подвижки периода индустриализации в Татарстане, как и в стране, были связаны и переплетены с процессом становления командно-административной системы. Ее утверждение сопровождалось усилением силовых государственных ведомств, созданием разветвленной системы репрессивных органов, формированием психологии всеобщей слежки и доносительства.

Эти тенденции не могли миновать и нашу республику. Более того, организованное И.Сталиным в 1923 г. показательное дело М.Султан-Галиева открыло серию политических репрессий, нанесших непоправимый ущерб татарской цивилизационной субкультуре. М.Султан-Галиева, инициировавшего вопрос о неправомерности деления советских республик по категориям и о перспективах сталинского плана автономизации, исключили из партии и подвергли преследованиям. Политическим деятелям национальных республик, пытавшимся разобраться в деле Султан-Галиева и обозначившим недостатки национальной политики, был приклеен ярлык «пособников Султан-Галиева». Следует отметить, что в руководстве Татреспублики нашлось немало людей, сомневавшихся в правоте сфабрикованного дела

М.Султан-Галиева и хорошо знавших его по совместной работе. У многих партийных работников еще сохранялась вера в принципы внутрипартийной демократии и возможность апеллировать к партийцам и центральному руководству, вера в возможность свободного обсуждения политических вопросов в режиме широкой дискуссии. Именно тогда появилось так называемое «Письмо пятнадцати», которое было подписано такими крупными работниками, как К.Мухтаров, Г.Мансуров, Р.Сабиров и др. Однако под давлением Центра на совещании членов Татарского обкома и Совнаркома организаторы «письма» были осуждены и обвинены в «султангалиевщине», что, конечно, было равносильно смертному приговору.

В ходе раскручивания маховика репрессий М.Султан-Галиев и его соратники были обвинены в попытке создания единого «пантюркского» движения под эгидой единой общемусульманской коммунистической партии. Эта обвинительная линия начала активно разрабатываться в конце 1920-х гг., когда политические репрессии приобрели массовый характер, затронув практически всех членов партии и руководящих работников, причастных к дискуссиям 1920-х гг., участвовавших во внутрипартийных платформах и оппозициях.

В конце 1928 г. вновь был арестован М.Султан-Галиев, а вслед за ним и ранее выступавшие в его поддержку партийцы: работавшие в Москве член коллегии Наркомздрава К.Мухтаров, проректор Института этнографической культуры Г.Мансуров, член правления Всекоопромсоюза А.Енбаев, заместитель заведующего подотделом национальных меньшинств ВЦИКа Р.Сабиров, инструктор Наркомата образования И.Фирдевс, а также председатель СНК Крымской республики О.Дерен-Айерлы. Бюро обкома ВКП(б) в конце октября — начале ноября 1928 г. заслушало дело «О раскрытии антипартийной и антисоветской организации, созданной исключенным из партии в 1923 г. Султан-Галиевым и о соучастии в этой организации Мухтарова, Сабирова, Фирдевса, Дерен-Айерлы, Енбаева», где было решено разоблачить «гнусное лицо предателей, связавшихся с поддерживаемыми английским империализмом белогвардейской эмиграцией и бухарско-туркестанскими басмачами». Развернутая кампания «разоблачения султан-галиевщины» набирала обороты, деятели так называемого «Московского центра», Татарский обком и ОГПУ выявили только в восточно-педагогическом институте 15 «сторонников» Султан-Галиева. Среди активных сторонников Султан-Галиева были названы М.Брундуков, М.Будайли, В.Исхаков, А.Ганеев, Г.Багаутдинов, Г.Максудов, а также историки М.К.Корбут и Е.И.Медведев.

В это время в стране разворачиваются громкие политические дела — «шахтинское дело» старых инженеров-специалистов, дела «вредителей» в Госплане и ВСНХ, дела участников бывших политических организаций. Власти переходят от арестов и репрессий в отношении отдельных конкретных лиц к фабрикации крупных «дел» якобы существующих антигосударственных подпольных организаций.

Проводились массовые чистки советских «учреждений и других организаций от лиц нетрудового происхождения» — дворян, купцов, офицеров, чиновников, священнослужителей, журналистов, адвокатов и т.д. Власть организовала в Татарии несколько крупных политических дел, по которым были осуждены десятки православных священников, мулл, служители других конфессий — лютеранские пасторы, католические ксендзы, иудейские раввины и другие. В конце 1930 г. органы полномочного представительства ОГПУ в Татарии доложили об успешной ликвидации так называемой «контрреволюционной церковно-монархической организации», по которой были осуждены более 30 человек, среди которых оказались бывшие профессора Казанской духовной академии В.И.Несмелов, Н.В.Петров, М.Н.Васильевский, И.М.Покровский, Е.Л.Полянский, а также священник, бывший профессор Томского университета Я.Я.Галахов, епископ Чистопольский И.Удалов и епископ Яранский Н.Трезвинский. Безусловно, не только религиозные структуры крупнейших конфессий, но и авторитетные служители представлялись властям наиболее крупной идеологической помехой в деле распространения материалистической идеологии. Еще в 1921 г. в Татарстане насчитывалось 598 мусульманских, 273 православных, более двадцати учреждений других культов, а также почти полтора десятка православных монастырей (Успенский, Раифский, Свияжский, Семиозерский и др.). Последний монастырь в Татарии был закрыт, как и большинство церквей и храмов других конфессий, в 1930 г.

Процессы, связанные с реализацией концепции строительства социализма, были прерваны начавшейся войной. Великая Отечественная война дала предметный урок сопоставления феноменов культуры войны и культуры мира. Пожалуй, в рамках XX в. это было время наивысшей степени мобилизации совокупных ресурсов и сил для демонстрации возможностей и пределов конкуренции, конфронтации и противоборства двух ценностных систем и цивилизационных явлений. Война явилась результатом не только гегемонистских амбиций, разгула шовинизма, расизма и фашизма. Такого рода имперские ксенофобские вспышки были и впоследствии, они опасны и в XXI в. Вот почему важно обозначить проблемы выяснения общих, типологических причин возникновения войн.

В контексте данной книги мы исходим из того, что наиболее фундаментальной причиной возникновения войн является потеря способности обеспечить баланс в развитии основополагающих начал — гуманистическо-нравственного (культуры мира) и материально-технолого-милитаризованного (культуры войны). Война есть результат односторонней ставки на грубую силу, идеализации превосходства и возможностей силового способа разрешения проблем развития и разрешения конфликтов, которые, как известно, имеют объективный, естественно-исторический характер. Война в этом плане является следствием снижения порога коммуникативной культуры, культуры переговоров, дипломатии и консенсуса ниже критического уровня. Какими бы ни были конкретные причины и поводы любой войны, они лишь нанизываются на накопляющийся потенциал дисбаланса между духовностью (гуманитарностью) и агрессивизмом (нравственной деградацией) и лишь потом дают эффект войны.

Вся история Великой Отечественной и Второй мировой войн — это мобилизация и направление усилий всей прогрессивной части человечества на восстановление этого нарушенного дисбаланса.

Великая Отечественная война (шире — Вторая мировая война) среди всех важнейших событий XX в. была наиболее сильно повлиявшим явлением на процесс развития в целом российской цивилизации и ее составной части — татарской цивилизационной субкультуры. Она явилась не только суровым испытанием для СССР, великой битвой народов за независимость против фашизма, но и фактором оформления новых и усиления прежних культурно-цивилизационных черт. Во многом это было связано с быстрым оформлением общенациональной объединительной и вдохновляющей идеи — сохранения целостности и величия страны — СССР.

Развязанная фашистской Германией в июне 1941 г. война поставила под вопрос существование Советского Союза и его общественной системы, существование российской цивилизации и составляющих ее субцивилизаций, само существование народов Советского Союза. Человеконенавистнические планы фашистов были определены одним из главных фашистских преступников — шефом гестапо и министром внутренних дел Германии Г.Гиммлером так: «Против нас стоит стовосьмидесятимиллионный народ — смесь рас, имена которых невозможно выговорить и внешность которых такова, что их надо убивать без всякого милосердия и пощады».

Такая целеустановка политического руководства гитлеровской Германии, бескомпромиссный в политическом, идеологическом и мировоззренческом плане характер войны предопределили и консолидацию народов СССР вокруг общенациональной идеи сохранения целостности, независимости и величия страны, вызвали к жизни феномен массового героизма, самопожертвования, патриотизма и солидарности. Война была воспринята всеми народами СССР как общее несчастье. Мобилизация по всей стране была всеобщей, и комплектация воинских частей производилась на многонациональной основе. С 1943 г. особое внимание уделялось подготовке командиров из лиц нерусских национальностей. Сыны и дочери татарского народа, как и других народов страны и республики, показали образцы великого подвига на фронтах. Свыше 200 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Бесстрашный летчик Н.Г.Столяров стал дважды Героем Советского Союза. Среди первых, кто встретил фашистов на границе, был руководитель обороны Брестской крепости майор П.М.Гаврилов, получивший уже после возвращения из плена и реабилитации Золотую звезду Героя. Среди Героев Советского Союза были также отважная летчица М.Х.Сыртланова, танкист В.А.Григорьев, Г.Г.Гафиатуллин, повторивший подвиг А.Матросова. Беспримерный подвиг совершил наш земляк-летчик М.П.Девятаев, организовавший побег из фашистского плена на вражеском самолете. Среди советских военнослужащих разных национальностей, удостоенных звания Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, татары занимают четвертое место. Маршал Советского Союза Г.Я.Малиновский дал высокую оценку мужеству и героизму воинов-татар: «Я как старый солдат много видел на фронте бойцов и командиров татар и всегда восхищался их непреклонным упорством, железной волей в бою». Среди крупных полководцев Великой Отечественной войны были генералы А.О.Ахманов, Ф.Г.Булатов, В.Н.Гордов, З.Ю.Кутлин, Г.Б.Сафиуллин, Я.Д.Чанышев.

Героическую страницу вписали уроженцы Татарстана в историю партизанского движения и движения Сопротивления. По неполным данным, только на Смоленщине в партизанской борьбе участвовали более 200 наших земляков, в том числе А.Ш.Бикбаев, Х.Ф.Садров, Г.С.Амиров, Н.А.Бирюков, Б.Х.Кадырметов, возглавлявшие партизанские отряды. Участниками Крымского подполья были К.Галлямов, Т.Гайнанов, Н.Барышев. В белорусских партизанских отрядах воевали С.Аминов, Ш.Бадретдинов, Р.Г.Загирова, Т.Муратов, Б.Пахомов, Г.Уленгов, С.Халиулов, С.Хафизов, И.Заикин, З.Нури. Уроженец Казани И.И.Кабушкин был командиром оперативной группы подпольщиков в Минске, в 1943 г. он погиб в застенках гестапо. Уроженцы республики участвовали в партизанском движении на территории областей Украины, Белоруссии, России, а также Литвы.

Героически проявили себя наши земляки в зарубежном движении Сопротивления. Основную часть его участников составили военнослужащие Красной Армии, которым удалось вырваться из

фашистского плена и попасть к местным партизанам или начать подпольную работу. В годы войны фашисты попытались создать для борьбы против СССР и его союзников специальное воинское формирование из пленных татар, башкир и других народов Волго-Уралья — легион «Идель-Урал» (Волго-Уральский легион). Попытка заставить пленных повернуть оружие против Родины фактически оказалась безрезультатной: из 7 батальонов ни один так и не был отправлен на Восточный фронт. Один из батальонов, отправленный бороться с белорусскими партизанами, почти полностью перешел в состав советских партизанских бригад Захарова и Бирюлина, другой батальон перешел к французским партизанам, половина еще двух батальонов, которые должны были воевать с партизанской армией С.Ковпака на Украине, перешла к ковпаковцам, а другая из-за ненадежности была переброшена в Бельгию, Голландию и Францию. Три других батальона также рассматривались фашистами как ненадежные, многие из легионеров этих подразделений бежали или готовились бежать.

Неудача попытки использовать «Волго-Уральский легион» в значительной степени оказалась связанной с подпольной деятельностью антифашистской подпольной группы, созданной в конце 1942 г. попавшим в плен видным татарским поэтом М.Джалилем. Группа, в которую входило более 20 человек (А.Алиш, А.Батталов, А.Аднашев, А.Симаев, Г.Курмаш, Г.Шайбаев, З.Хасанов, С.Бухаров, Ф.Булатов, Ф.Сейфуль-Мулюков и др.), создала подпольные боевые группы в германских концлагерях, вела антифашистскую агитацию среди военнопленных и легионеров, подготовила переход частей легиона «Идель-Урал» к партизанам. В начале 1944 г. гестапо арестовало многих членов группы, большинство из них были приговорены к смертной казни. Поэт М.Джалиль был казнен в августе 1944 г. Находясь в тюрьме в ожидании приговора, он написал цикл стихотворений — «Моабитские тетради», которые по счастливой случайности удалось сохранить бельгийским участникам Сопротивления и уже после войны переправить на Родину. М.Джалиль посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза, восстановлены были также и героические имена его соратников по борьбе. Активными участниками Сопротивления в Западной Европе были А.Г.Утяшев, З.К.Камалов и многие другие. Множество форм и примеров героизма: более чем 200 Героев Советского Союза, более 50 полных кавалеров орденов Славы, более 200 тысяч человек награждены орденами и медалями. Но и цена победы была также велика: более 350 тысяч из 560 тысяч призванных в армию не вернулись с полей военных битв, десятки тысяч стали инвалидами.

Такого рода акты героизма, как и в целом феномен массового патриотизма татар, объясняется, кроме свойственного всему советскому народу желания отстоять независимость страны и покончить с фашизмом, мотивом сохранения своей этнокультурной, цивилизационной идентичности. Доля национальной составляющей в феномене советского патриотизма достаточно высока. Подсчитано, что в годы войны татар погибло около 8% от общих военных потерь, а с учетом военнослужащих из других мусульманских регионов их погибло более 580 тыс. человек, т.е. около 10% всех погибших на фронтах Второй мировой войны граждан СССР. Применение коэффициентов пропорциональности потерь по национально-конфессиональному признаку убеждает в том, что мусульманский мир и татары, в частности, понесли самые большие людские потери, что сказалось на количественном и качественном воспроизводстве нации.

Военная победа ковалась не только на фронте, но и в тылу. Превращение Татарской республики в мощный военно-промышленный тыловой район стало новой чертой ее индустриально-цивилизационного развития. Уже с первых дней войны началась работа по переводу промышленности на военные рельсы. Промышленность давала фронту свыше 600 видов вооружения и снаряжения. Авиационный завод имени Горбунова был единственным поставщиком бомбардировщиков Пе-2 и Пе-3, кетгутный завод был единственным предприятием, обеспечивавшим госпиталя кетгутными нитями для операций. Машиностроительные и химические предприятия переходили на выпуск боевой техники, оружия, боеприпасов. Легкая и пищевая промышленность обеспечивала фронт одеждой (в том числе меховой), обувью, продовольствием.

Уже в начальный период войны из прифронтовых районов СССР в Татарию было эвакуировано до 70 предприятий с оборудованием и специалистами. Многие предприятия сливались с местными или разворачивались как самостоятельные производства: это Казанский авиационный завод, льнокомбинат, фабрика кинопленки, а также Казанский оптико-механический завод, часовой завод в Чистополе. Валовая продукция промышленности только Казани в 1941 –1944 гг. увеличилась в 2,3 раза.

В Казань и республику прибыла масса эвакуированных из западных районов: если население Казани в 1939 г. насчитывало 406 тыс. человек, то уже к 1942 г. оно достигло 515 тыс. Происходили и кадровые изменения. Так, в годы войны, несмотря на значительное сокращение работоспособного мужского населения, призванного в ряды Красной Армии, численность татар в промышленности республики осталась весьма значительной, а в крупной промышленности число татар существенно возросло за счет женщин и молодежи. Развернулось движение стахановцев, которые выполняли по 200, 300 и более процентов от плана, их число достигло 50 тысяч человек.

Сельское хозяйство республики также было полностью подчинено задаче обеспечения победы. За годы войны сельчане отправили на фронт 131 млн. пудов хлеба, 56 млн. пудов мяса, 200 млн. литров молока, 39 млн. пудов картофеля и овощей. Такие результаты достигнуты ценой самоотверженного труда и неимоверных лишений. В стране был повышен обязательный минимум трудодней для взрослых до 100-150 в год, а для подростков от 12 до 16 лет — 50 трудодней в год, при этом в республике в 1940 г. на один трудодень колхозникам выдавалось в среднем 1,4 кг хлеба, а в 1943 г. — только 0,4 кг хлеба. За годы войны в республике в два с лишним раза сократилось поголовье лошадей и в 2,5 раза — поголовье свиней.

В годы войны в Татарии развернулось мощное движение безвозмездной помощи фронту. На личные пожертвования были построены танковые колонны «Колхозник Татарии» и «Советская Татария», авиаэскадрилья «Совет Татарстаны», бронепоезды «Кызыл Татарстан», «Чапаев», «Куйбышев» и др. Только на строительство танковых колонн и авиаэскадрильи было собрано более 26 млн. рублей. В фонд подарков для воинов было собрано около 40 млн. рублей, а в результате реализации военных займов и лотерей получено для нужд обороны еще 1236 млн. рублей. Татария в 1941—1945 гг. развернула широкую сеть военно-лечебных учреждений, более чем в 50 госпиталях республики прошли курс лечения почти 334 тысячи раненых и больных солдат и офицеров.

Татария и ее столица за годы войны зарекомендовали себя как передовой центр науки. Летом и осенью 1941 г. в Казань было эвакуировано 33 академических института, 39 академиков и 44 члена-корреспондента СССР, 1884 научных сотрудника (из 4000 научных сотрудников АН СССР); в целом в Казани разместилась третья часть научных сил АН СССР, здесь разместился Президиум АН СССР. В Казань были эвакуированы многие учреждения Академии наук, с августа 1941 г. здесь работал Президиум АН СССР во главе с вице-президентами академиками О.Ю.Шмидтом и Е.А.Чудаковым. В городе в разное время жили и работали академики С.С.Наметкин, Б.Д.Греков, Е.В.Тарле, Г.М.Кржижановский, С.И.Вавилов, А.Н.Несмеянов, С.Л.Соболев и др., конструкторы В.П.Глушко, С.П.Королев, А.Н.Туполев, писатели и поэты — М.Алигер, Д.Бедный, Я.Галан, Я.Купала, В.И.Лебедев-Кумач, Б.Пастернак, С.Маршак, К Паустовский и др.

Весной 1942 г. начала работать научная комиссия по мобилизации интеллектуальных ресурсов Среднего Поволжья и Приуралья на нужды обороны. Оборонные научные задачи решали казанские ученые А.Е.Арбузов, Б.А.Арбузов, Н.Г.Чеботарев, Г.Х.Камай, Х.М.Муштари, Л.М.Миропольский, В.И.Баранов, Н.А.Ливанов и многие другие. В апреле 1945 г. был открыт Казанский филиал Академии наук СССР.

В период Великой Отечественной войны более динамичные и яркие контуры обрела татарская культура. Усилилось ее взаимодействие с культурами других народов страны. В экстремальных условиях Великой Отечественной войны, ставшей испытанием физических и духовных сил народа, усиливалась патриотическая и гуманистическая направленность искусства. Многие деятели татарской культуры сражались в действующей армии — это М.Джалиль, Ф.Карим, Н.Баян, С.Хаким, А.Исхак. В 1942 г. часть литераторов была специально командирована для работы во фронтовые татарские газеты. В редакции фронтовой газеты «Отвага» на Волховском фронте работал и воевал поэт М.Джалиль. Из 53 членов Союза писателей Татарии уже в первый год войны ушли на фронт 25 человек, всего за победу с оружием в руках воевали 36 писателей республики, 30 из них погибли.

Татарская поэзия и проза военной эпохи развивается в таких жанрах, как боевая публицистика, очерк, рассказ, корреспонденция, стихотворное произведение. Армейские героические боевые будни и самоотверженный труд в тылу получили творческое отражение в произведениях К.Наджми, М.Амира, Г.Баширова, А.Абсалямова, А.Шамова, И.Гази, Ф.Каримова, А.Кутуя, М.Джалиля и других.

Крупные музыкальные произведения создали татарские композиторы — С.Сайдашев, Н.Жиганов, Дж.Файзи, М.Музафаров. Это знаменитые «Башмачки» (Дж.Файзи, либретто Т.Гиззата), популярные лирические песни, симфоническая музыка. В 1945 г. состоялась премьера первого национального балета «Шурале» (либретто по поэме Г.Тукая), созданного талантливым композитором Ф.Яруллиным, погибшим в 1943 г. Признанием высокого творческого потенциала музыкальной культуры Татарии стало открытие в 1945 г. Казанской государственной консерватории.

Активно развивалось театральное искусство, которое вышло на новый творческий уровень. 18 бригад работников искусства Татарстана за годы войны дали около 2000 спектаклей, концертов, в основном для фронтовиков. Художники Татарстана Х.Якупов, А.Родионов, Б.Альменев, Л.Фаттахов воевали на фронте, многие живописцы работали в «Окнах РОСТа», фронтовой печати, иллюстрировали военные и патриотические издания.

В 1944 г. в Казанском университете открылось отделение татарского языка и литературы. Однако в том же году было принято постановление ЦК ВКП (б), обвинявшее ряд татарских историков и литераторов (Х.Гимади, Н.Исанбет, С.Хаким и др.) в национализме, «в пропагандистском приукрашивании» истории Золотой Орды и народного эпоса «Идегей». «Репрессивный аппарат Сталина выступил именно против развития интеллигенцией такого исторического сознания татар, в

котором имелись элементы самостоятельности на государственном уровне (Золотая Орда, Казанское ханство и его связь с Золотой Ордой)». Постановление и последующие «оргвыводы» нанесли большой ущерб научным исследованиям в области истории и культуры татарского народа и оказали негативное воздействие на творчество деятелей искусства и писателей. Тема Золотой Орды и эпос «Идегей» была закрытой для осмысления до начала перестройки, т.е. более чем на 40 лет. Таким образом, подъем национальной культуры и ее патриотическая направленность имели в годы войны как бы несколько измерений. Тем не менее военный фактор стал заметным обстоятельством, динамизировавшим развитие не только экономических, социально-политических и научно-технических компонентов татарстанской цивилизации, но и обретение нового национально-культурного состояния и потенциала духовной интеграции.

С окончанием Второй мировой войны мир вступил в новую цивилизационную эпоху, определявшуюся ускорением научно-технического прогресса и переходом наиболее развитых стран от индустриальной к постиндустриальной цивилизации. Появляются новые, революционные технологии, особенно информационные, человечество осваивает космос и новые источники энергии. Мир меняет свои очертания: рушатся колониальные империи, происходят революции и перевороты. Одновременно почти на сорок лет Европа погружается в «холодную войну» и блоковую разобщенность. Ускоренное развитие промышленности и новая роль науки и техники способствуют складыванию новой социальной стратификации общества, динамизируют урбанистические процессы и создание огромных индустриальных мегаполисов. Противоречивое воздействие этих явлений отражается в культуре и духовной жизни человечества второй половины XX в., которая должна была соответствовать требованиям времени и эпохи. Именно в это время ускорилась глобализация, соединяющая в различных комбинациях интеграционные и самоидентификационные начала. История Татарстана и его народов продолжала развиваться в контексте параметров советско-российской цивилизации, приобретая и закрепляя общие черты, в то же время обретая и проявляя все более заметные на этом фоне самобытные и самостоятельные экономико-социальные, этнодемографические, политико-ментальные и духовные характеристики.

Первое послевоенное десятилетие для Татарстана стало периодом продолжения преодоления трудностей военной поры. К числу невосполнимых потерь, безусловно, следует отнести прямые военные потери — более 350 тысяч жителей Татарии не вернулись с фронта. Как уже отмечалось, число погибших татар составило около 8% советских военных потерь. Но с точки зрения цивилизационного измерения официальные данные о «невозвратимых потерях» крайне далеки от истинной правды. До сих пор нет, например, полных данных о такой категории военнослужащих, как «без вести пропавшие». Для татарской нации, численность которой до войны составила менее 3 млн., это была наиболее масштабная потеря и в количественном, и в качественном смысле. К числу косвенных военных потерь можно отнести умерших за время войны от болезней, недоедания, страданий по поводу потерь близких. Заметно изменилась демографическая ситуация: из-за военных потерь уменьшилось число мужчин работоспособного возраста, военные и первые послевоенные годы отличались падением рождаемости и высокой детской смертностью. Демографические потери военного периода дают о себе знать уже в течение нескольких поколений. Среди погибших на фронте было много специалистов, квалифицированных работников народного хозяйства, педагогов, ученых, врачей, литераторов. Трудовой, интеллектуальный и культурный потенциал республики понес заметные потери.

Последствиями войны стали экономические потери Татарстана — сказывался износ техники и оборудования, приоритетные поставки хлеба и продовольствия фронту ослабили снабжение населения, сельское хозяйство вынуждено было давать продукцию в условиях мобилизации мужчин на фронт, нехватки рабочих рук и техники, происходило сокращение посевных площадей и поголовья скота. В промышленности число рабочих по сравнению с 1940 г. сократилось почти на треть, а в сельском хозяйстве — более чем на 200 тысяч человек. За годы войны фактически не вкладывались средства в социальную сферу, медицину, образование, культуру, гражданское и коммунальное строительство. Сохранялась карточная система снабжения населения, трудности с продовольствием продолжались. Не хватало одежды, обуви, жилья, транспортных средств.

Между тем в послевоенный период обозначились новые черты и качества цивилизационного развития народов республики. Важнейшим из них стал ускоренный военной эпохой индустриальный рост, особенно предприятий тяжелой промышленности и машиностроения. Именно крупные предприятия авиационной, моторостроительной, химической и машиностроительной отраслей обеспечили за пять военных лет среднегодовой прирост валовой продукции до 17%.

Экономика восстанавливалась и развивалась в рамках плановой системы управления. Пятилетка 1946-1950 гг. стала пятилеткой восстановления. Было намечено не только достичь предвоенных промышленных показателей, но и серьезно превзойти их. Основной упор в индустрии был сделан на тяжелую промышленность. В связи с началом «холодной войны» сначала приостановился переход

промышленности на «мирные рельсы», а затем произошло резкое расширение оборонного сектора промышленности Татарстана и страны.

К концу 1950 г. объем промышленной продукции возрос на 58%, производство машиностроения и металлообработки выросло на 68%, химической промышленности на 57%. В республике развернулось массовое промышленное строительство, отразившееся на структуре занятости: если за 1945 — 1950 гг. количество рабочих в промышленности увеличилось в 2,5 раза, то в строительстве в 4,5 раза. За годы пятилетки в республике должно было появиться девять крупных предприятий союзного значения, в том числе казанский электромеханический завод. Завершилось строительство самой большой в Европе фабрики кинопленки и начато строительство двух крупнейших объектов союзного значения — заводов «Теплоконтроль» и «Компрессормаш». Восстанавливалось и набирало темпы производство на предприятиях химической и легкой промышленности — жиркомбинате им.Вахитова, Казанском мехкомбинате, обувной фабрике «Спартак» и др.

Таким образом, важнейшей чертой послевоенного цивилизационного развития Татарстана становится приоритет тяжелой промышленности и высокотехнологичного машиностроения. Предприятия машиностроительного комплекса активнее других включаются во внутрисоюзное разделение труда, оказываются связанными взаимными поставками с сотнями предприятий других крупнейших индустриальных регионов Советского Союза.

Важнейшей чертой, определившей особый путь индустриального развития и облик татарстанской субцивилизации во второй половине XX в., стало открытие нефти и превращение республики в крупнейший нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий регион Советского Союза. Первая промышленная нефть республики была получена еще в сентябре 1943 г. В 1945 г. на юго-востоке республики началось разведочное бурение, были открыты более ста нефтеносных участков, среди которых такие крупные, как Бавлинский и особенно Ромашкинский. Ромашкинское нефтяное месторождение, расположенное к западу от Бугульмы, было открыто в 1948 г. Оно стало крупнейшим месторождением в СССР и одним из крупнейших в мире. Уже в 1950 г. татарстанские нефтяники смогли в 12 раз увеличить добычу нефти по сравнению с первым годом промышленной добычи — 1947 г. В 1949 г. был создан трест «Татнефть», в состав которого входили все нефтедобывающие, строительные, буровые и проектные организации нефтяной отрасли республики.

Добыча нефти росла быстрыми темпами, потребовав крупных капиталовложений. Предполагалось за короткий срок увеличить добычу нефти с 640 тыс. (1950) до 7 млн. тонн (1955). Для этого в нефтяную промышленность за 1951—1955 гг. было направлено больше средств, чем во все отрасли хозяйства Татарстана в предыдущие пятилетки. Уже к 1956 г. нефтяная промышленность республики обошла по объемам добычи бакинские нефтяные промыслы и вышла на первое место в СССР. Становление нефтяной отрасли как ведущей изменило цивилизационные характеристики последующего развития республики. Нефтяная промышленность стала приоритетной сферой для союзных и республиканских властей. Определялось новое место Татарии в общесоюзной системе специализации и экономического разделения труда. В республику направляются не только средства, материалы и оборудование, но и кадры специалистов и производственников. Немалую часть квалифицированных нефтедобытчиков составили специалисты из Азербайджана, Дагестана, Чечни и других республик и регионов.

Изменилась демографическая ситуация, причем не только за счет приезжающих, но и в связи с привлечением в нефтяную отрасль и связанные с ней производственные сферы трудовых ресурсов Татарстана. В 1945 г. на юго-востоке республики проживало менее 5% ее городского населения, а самым крупным городом была Бугульма с населением около 30 тысяч человек. В связи с промышленным освоением нефтяных территорий на месте сел Альметьево, Азнакай, Бавлы возникли города Альметьевск, Азнакаево, Бавлы, поселок Новая Письмянка превратился в город Лениногорск. Вокруг промышленных городов появилась сеть рабочих поселков — Нижняя Мактама, Шугурово, Карабаш, Актюбинский, Уруссу и др. Сложилась крупнейшая на юго-востоке республики Альметьевско-Бугульминская промышленная агломерация.

В нефтяных районах развернулось бурное промышленное и жилищное строительство. Создавалась новая индустриальная инфраструктура нефтяного края — строились дороги и шоссе, тянулись линии электропередач, улучшалась связь. В связи с появлением большой нефти стали строиться нефтепроводы, крупнейшим из которых стал международный нефтепровод «Дружба», по которому энергетическое сырье транспортировалось в западные районы СССР и страны «социалистического лагеря». В 1964 г. было завершено строительство первой очереди нефтепровода, берущего начало в Альметьевском районе, в 1973 г. — второй очереди, а в 1981 г. вошла в строй третья очередь этой крупнейшей транспортной нефтепередающей системы общей протяженностью 5,2 тыс. км. В связи с резким увеличением добычи нефти встал вопрос о необходимости строительства на территории республики предприятий химической и нефтехимической промышленности. Первым стал Миннибаевский газоперерабатывающий завод, основанный в 1956 г. в поселке Нижняя Мактама

Альметьевского района. Прорабатывались технические вопросы к проектам строительства двух крупнейших промышленных гигантов — завода органического синтеза в Казани и нефтехимического комбината в устье Камы.

Активно развивалось машиностроение республики, особенно предприятия военно-промышленного комплекса — авиационный и моторостроительный заводы, а также на базе эвакуированных в республику производств — оптико-механический завод, завод точного машиностроения, часовой завод и т.д. В первые послевоенные десятилетия в республике были созданы новые крупные машиностроительные предприятия — Казанский компрессорный завод, «Теплоконтроль», «Газоаппарат», завод математических машин и др.

Таким образом, первое послевоенное десятилетие явилось периодом укрепления индустриальных основ экономики, реализации новой схемы размещения производительных сил и специализации хозяйства и в то же время — периодом включения Татарии в новые централизованные системы союзных экономико-хозяйственных взаимосвязей и разделения труда, складывания новой этнодемографической ситуации.

Новое состояние общества и тенденции общественного развития обозначились во второй половине 1950-х гг. в связи с попытками демократизации советского общества и преодоления сталинского политического наследия. В связи с осуждением культа личности Сталина развернулась работа по пересмотру политических дел 1930-х — начала 1950-х гг. и реабилитации многих невинно осужденных и репрессированных. Во второй половине 1950-х гг. в республике только по линии областной партийной организации было реабилитировано более 330 человек. Вернулись из лагерей и ссылок талантливые деятели татарской культуры, в том числе Б.Урманче и Х.Туфан. В период «хрущевской оттепели» было восстановлено доброе имя Мусы Джалиля, Абдуллы Алиша и других джалиловцев — героев сопротивления. М.Джалиль посмертно стал лауреатом Ленинской премии и Героем Советского Союза (1956). В 1957 г. Героями Советского Союза стали прошедшие фашистский плен летчик М.П.Девятаев и организатор обороны Брестской крепости П.М.Гаврилов. Однако после смещения Н.Хрущева процесс реабилитации приостановился, и десятки тысяч дел не пересматривались вплоть до периода «перестройки».

Попытки демократизации конца 1950-х — начала 1960-х гг. сводились преимущественно к децентрализации власти и перераспределению управленческих функций. Органы безопасности были поставлены под партийный контроль, в них произошла замена и ротация кадров. Другим направлением демократизации стало активное включение в политическую жизнь Советов, профсоюзов, комсомола, других общественных организаций, которые, впрочем, работали под руководством и контролем партийных органов. Так, Верховный Совет Татарской АССР с 1957 г. стал обсуждать и принимать годовые народнохозяйственные планы, увеличилось число его постоянных комиссий, расширились права местных Советов. В связи с курсом на дебюрократизацию общества ликвидировались многие центральные министерства, ведомства и другие промежуточные управленческие звенья, сокращались штаты управленцев. Так, в Татарии к 1956 г. штаты управленческих структур и общественных организаций по сравнению с 1950 г. уменьшились в 1,4 раза. Активную социально значимую роль в организации производства, нормировании и оплате труда, а также охране труда начинают играть профсоюзы, которые получают новые рычаги влияния на решение социально-бытовых вопросов трудящихся.

Комсомол становится организатором движения молодежи за освоение целины, многие крупные стройки получают статус комсомольско-молодежных. В республике воссоздаются общественные научно-технические, культурно-просветительские организации: общество «Знание», педагогические, охраны природы. Показателем демократизации становится участие граждан в охране общественного порядка — создание добровольных народных дружин, боевых комсомольских дружин, товарищеских судов и т.д.

В конце 1950-х гг. перед страной встала задача повышения эффективности управления хозяйством. Традиционная централизация и всеобщая регламентация экономики сковывали инициативу предприятий и местной власти, не позволяли в полной мере учесть социально-экономические интересы регионов. В 1957 г. отраслевой принцип управления промышленностью и строительством был в значительной мере заменен территориальным. Многие общесоюзные и союзно-республиканские ведомства и министерства были упразднены, были созданы экономические административные районы, для руководства их хозяйством создавались Совнархозы (Советы народного хозяйства). Созданный в 1957 г. Татарский совнархоз функционировал как местный орган управления промышленностью и строительством, в 1963 — 1965 гг. он был включен в укрупненный Средневолжский совнархоз (с центром в Куйбышеве), а затем упразднен в связи с отставкой Н.Хрущева и восстановлением отраслевой модели управления. Причина неудачи практики совнархозов заключалась не столько в сохранении централизованной системы и недостатке рыночных рычагов и механизмов, сколько в мощном сопротивлении реформам партийно-хозяйственной номенклатуры.

Попытки хозяйственного эксперимента и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, предпринятые в стране в начале 1960-х гг., дали новые стимулы к развитию промышленности и сельского хозяйства Татарстана, однако в связи с приходом брежневского руководства также были отринуты.

Важнейшим результатом периода «оттепели» и реформ в Татарстане стало невиданное за годы советской власти жилищное и коммунальное строительство. Появились новые объекты культуры, науки, здравоохранения: Центральный стадион, Дворец спорта и Цирк в Казани, Дворец культуры имени М.Горького в Зеленодольске, Дом техники в Альметьевске и т.д. Если в 1945 г. число больничных учреждений республики составляло 195, то к 1960 г. их стало 262, а к 1966 — 281, число врачей увеличилось с 1989 (1945) до 5237 (1960) и 6195 (1966). Исключительно широкий размах приобрело жилищное строительство, позволившее каждой четвертой семье в стране улучшить жилищные условия. За 1956 — 1965 гг. было построено и введено в действие больше жилья, чем за все предшествующие годы Советской власти.

Период «хрущевской оттепели» привнес новые черты в культурное и духовное развитие социума ТАССР. Заметно расширилась профессиональная культурная элита Татарстана: увеличилось число членов республиканских творческих союзов — Союза писателей, Союза журналистов, Союза художников, Союза композиторов, Союза театральных деятелей. Выросла плеяда татарских прозаиков (Г.Баширов, А.Абсалямов, Г.Ахунов, М.Магдеев, Н.Фаттах), драматургов (Т.Миннуллин, Х.Вахит, А.Гилязов, И.Юзеев), поэтов (С.Хаким, Ш.Галиев, С.Сулейманова, Р.Харис, Р.Миннуллин). Татарская литература осваивала новые жанры и темы. В 1950 — 1960-х гг. пережила всплеск татарская журналистика, продолжен выпуск или восстановлено издание таких газет и журналов, как «Казан утлары», «Азат хатын», «Татарстан коммунисты», «Татарстан яшьляре», «Яшь ленинчы» и др.

Национальное и интернациональное начала рассматривались как две стороны единого движения к коммунистической общественной формации, что отразилось в идейно-теоретической платформе — новой Программе КПСС. Усиливались интеграционные и интернационалистские процессы, связанные с развитием индустрии, плановости, урбанизации, универсализации общественной жизни, что, очевидно, должно было уравновешиваться дополнительными мерами по развитию «национального компонента». Однако этого не происходило, зона и масштабы использования татарского языка сокращались. В 1958 г. в республике на родном языке обучалось только 79% татарских детей, а в Казани — 16,8%. Со временем тенденция сокращения национального образования обозначилась еще более отчетливо. Культурно-национальные особенности нивелировались, а религиозные традиции изживались как «вредные предрассудки», «пережитки прошлого в сознании и поведении людей», которым не отводилось места в светлом коммунистическом будущем.

В 1950–1960-е гг. Казань стала признанным центром советского театрального искусства. Большой популярностью пользовались постановки Казанского Большого русского драматического театра - им.В.И.Качалова, Казанского театра юного зрителя, Казанского театра кукол. Успешно развивались традиции национального татарского театрального искусства, особенно в Татарском государственном академическом театре им. Г.Камала. На его сцене ставили как русскую и западную, так и восточную классику, произведения послевоенной многонациональной советской драматургии. Значительную роль в сохранении этого важнейшего очага национальной культуры, доступного массам, сыграли талантливые режиссеры Г.Девишев, Ш.Сарымсаков, Р.Тумашев, Н.Исанбет, М.Салимжанов и известные татарские артисты Х.Абжалилов, Г.Булатова, А.Хайруллина, Г.Шамуков, Ш.Биктимеров, Р.Тазетдинов.

В послевоенные годы заметных успехов достигает татарское музыкальное искусство, связанное с именами С.Сайдашева и других татарстанских композиторов первой волны. 1950—1960-е гг. были периодом активного развития татарской симфонической музыки, национальной оперы и балета (Н.Жиганов, М.Музафаров, Р.Яхин, Р.Белялов, А.Ключарев). С огромным успехом прошла Декада татарского искусства и литературы в Москве в 1957 г.

В 1959 г. в Казани открылся Музей изобразительных искусств с интересными экспозициями и богатыми, постоянно расширяющимися фондами. Широкую известность приобрели работы художников Б.Урманче, К.Максимова, Х.Якупова, А.Прокопьева, Л.Фаттахова, И.Зарипова, С.Лывина. Происходит становление монументальной живописи и скульптуры (Б.Урманче, В.Маликов, С.Ахун и др.). С развертыванием массового городского строительства в 1940—1950-е гг. связано формирование национальных кадров архитекторов, среди которых необходимо выделить имена И.Гайнутдинова, Р.Муртазина, А.Бикчентаева, Ф.Валеева, М.Агишева, С.Айдарова. В архитектуре Татарстана начинают отражаться национальный стиль и национальные традиции архитектурно-декоративного убранства.

Динамичное индустриальное развитие Татарстана в послевоенный период, демократизация многих сторон общественной жизни ускорили формирование урбанистическо-индустриальной цивилизации. Адаптируются зарубежные и развиваются собственные передовые промышленные и научные

технологии. Утверждаются новые формы общественной жизни. Оформляется новая по сравнению с жесткой сталинской эпохой социокультурная модель развития.

Вполне вероятно, что продолжение начатых во второй половине 1950-х гг. демократических преобразований могло создать условия для перестройки советской системы и, соответственно, для ускоренной трансформации Татарской республики и повышения ее политико-правового статуса.

Однако смещение Хрущева в 1964 г. привело к изменению курса. Вместо динамичного поиска современных моделей и вариантов развития был избран умеренно-консервативный курс, при котором произошло постепенное изживание идеологии перемен. Произошло восстановление отраслевого принципа руководства, упразднение совнархозов, вновь усилились позиции центральных министерств и ведомств, была восстановлена роль номенклатурной бюрократии. В этих условиях постепенно свертывались важнейшие экономические реформы, предполагавшие отработку новых хозяйственных методов управления промышленностью и сельским хозяйством. Большие капиталовложения в промышленность в предшествующую пятилетку, курс на использование достижений НТР, а также первые шаги экономической реформы дали заметные положительные результаты. Объем промышленного производства за 1966—1970-е гг. возрос на 59%, добыча нефти поднялась с 79,6 млн. тонн в 1965 г. до 100 млн. тонн в 1970 г., выработка электроэнергии увеличилась с 10 млрд. кВт-ч до 14,4 млрд. кВт-ч. В республике было построено и введено в эксплуатацию более 200 новых предприятий, цехов и промышленных производств.

Фактически и в 1970 — 1980-е гг. ведущей тенденцией в экономике Татарстана и страны оставалось экстенсивное развитие: активная эксплуатация энергетических ресурсов республики, строительство новых промышленных объектов. При этом высокие плановые задания в аграрной сфере не обеспечивались необходимой материальной поддержкой сельского производителя. В 1970-е гг. к двум промышленным агломерациям республики — северо-западной Казанской (с пригородами и городом Зеленодольском) и юго-восточной (Альметьевск, Бугульма, Лениногорск) — добавилась северо-восточная (Набережные Челны, Елабуга, Нижнекамск и Заинск).

История Набережно-Челнинского автогиганта началась в 1969 г. с правительственного постановления о строительстве завода по производству дизельных автомобилей большой грузоподъемности и двигателей к ним. При этом принимались во внимание географические, экономические и социальные факторы — близость водных путей и других транспортных артерий, возможности производственной кооперации с предприятиями Поволжско-Уральского региона и других республик и областей, энергетические ресурсы, научно-технический и кадровый потенциал республики.

Развернулось строительство комплекса заводов по производству современных большегрузов и города на 350 тысяч жителей. Проектная мощность завода была определена в 150 тысяч автомобилей и 250 тысяч двигателей. Первая очередь комплекса и новый город Набережные Челны были построены в 1969—1975-х гг. Строительство КамАЗа следует отнести к наиболее крупным промышленным проектам, не имевшим аналогов ни в истории Татарстана, ни в истории СССР. Волжский автомобильный завод по выпуску легковых автомобилей (ВАЗ) в Тольятти, построенный в 1967 — 1971 гг., имел меньшие масштабы и в несравнимо большей мере опирался на западные технологии, «ноу-хау» (итальянский автомобильный концерн «Фиат»). Автомобили «КамАЗ» относились к стратегическим видам продукции, и поэтому СССР не мог заимствовать западные лицензии и технологии. КамАЗ стал своего рода экспериментальным научно-техническим и экономическим проектом, продемонстрировавшим прорывные возможности отечественного машиностроения.

Строительство КамАЗа и Набережных Челнов дало мощный импульс к обновлению татарстанской субкультуры второй половины XX в. Проектируемый в Татарстане завод и новый город стали для республики мощным интегрирующим фактором: в проектировании объектов участвовали около 25 союзных министерств и ведомств, более 100 научно-исследовательских институтов, почти 150 строительно-монтажных управлений, заказы для стройки выполняли 5 тысяч предприятий СССР, а оборудование поставлялось с 867 заводов из 307 городов. Благодаря КамАЗу экономика республики в 1970-1980-е гг. еще прочнее вошла в систему индустриальной производственной кооперации Советского Союза и оказалась связанной тысячами производственных нитей с различными регионами страны: Уралом и Украиной (металлы, прокат, чугун), Кузбассом (уголь), Центральным промышленным районом (технологическое оборудование и комплектующие) и т.д. Первую продукцию КамАЗ выпустил в 1976 г., а к апрелю 1980 г. был выпущен 150-тысячный грузовик. Автомобили, двигатели, детали и запчасти шли во все республики и области Советского Союза.

Крупными предприятиями северо-восточной промышленной зоны стали нефтехимические производства в новом городе Татарстана — Нижнекамске. Основанный в 1967 г. химкомбинат в 1970-е гг. преобразован в крупнейшее в стране объединение «Нижнекамскнефтехим», выпускающее различные виды синтетических каучуков, мономеры, гликоли, простые полиэфиры, дизельное топливо. В те годы в Нижнекамске появляется еще один гигант нефтехимии — «Нижнекамскшина»,

производящий различные типы и наименования шин для камазовских большегрузных автомобилей. Новые машиностроительные и нефтехимические производства требовали огромного количества электроэнергии. Ее обеспечили построенная в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Заинская ГРЭС и Нижнекамская ГЭС. Появление этих крупнейших электростанций способствовало включению Татарстана в единую энергосистему СССР, электроэнергия из Татарстана стала направляться в соседние области и республики.

В 1980-е гг. плановая экономика страны продолжала развиваться в режиме строительства новых крупных индустриальных объектов. Промышленными гигантами республики должны были стать Елабужский тракторный завод и Татарская атомная электростанция в Камских Полянах. Однако реализации этих экономических проектов, намеченных на 1990-е гг., не суждено было сбыться.

В ходе индустриального развития республики, в процессе упрочения экономических связей единого народнохозяйственного комплекса СССР заметно изменяется демографическая ситуация. Продолжаются урабанизационные процессы: в 1960 г. городское население республики составляло 42,5%, в 1967 г. — 48,8%, а по переписи 1970 г. — 51,5%. Перепись 1989 г. зафиксировала, что уже 73% населения республики составляли горожане, в последующие годы эти пропорции сохранились (в 1997 г. — население городов составило 73,5%, в основном оно было сконцентрировано в 13 городах районного подчинения). Около четверти населения республики (чуть более 26%) в 1980—1990-е гг. были жителями села. В 1997 г. в Татарстане насчитывался 3121 сельский населенный пункт.

По переписи 1989 г., наиболее крупными этническими группами были татары (48,5%) и русские (43,3), за ними следовали чуваши (3,7%), мордва, марийцы, удмурты, башкиры и другие, всего в республике тогда проживали представители 107 народов.

В этот период обозначились новые экономические, политические параметры этнического развития. Татары и другие нерусские народы активно включались в социокультурные процессы общества, русский язык, а также языки народов страны и мира, шло творческое освоение мирового цивилизационного наследия и наследия советской однопартийной коммунистической системы.

Изменилась схема расселения татар, которые в послевоенные годы активно мигрируют не только в пределах РСФСР, но и Советского Союза. К концу 1950-х гг. ощутимо возросла численность татарского населения в Казахстане и Средней Азии (к 1980-м гг. — более миллиона человек). Увеличилось татарское население промышленных центров России. В 1970—1989-е гг. стала фактом волна миграции татар в Западную Сибирь, в нефтедобывающие районы Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа и Ямало-Ненецкой автономной республики, где татарское население выросло почти в 3 раза. Татары в СНГ и поныне остаются одним из самых дисперсно расселенных народов.

Таким образом, историческая роль татарского народа в цивилизационном развитии России резко возрастала. Укрепился экономический, научный, культурный потенциал республики. Все это требовало повышения политического статуса республики, что позволило бы решить накопившиеся национальные проблемы, а также усилить вклад республики в развитие страны в целом. В 1977 г., в канун принятия «брежневской» Конституции СССР, Татарстан ставил вопрос о повышении статуса и вхождении непосредственно в СССР. Однако советская система ранжирования регионов не позволила тогда провести новации.

Советская эпоха в целом была испытанием на прочность всех составлявших страну систем, экономики, интеллектуального и духовного потенциала и ее народов. Каждая из этих частей выдерживала его по-разному. Распад СССР дает основание для множества выводов. Но бесспорно то, что под наибольшим прессингом (идеологическим, политическим, психологическим) оказались этнические структуры, особенно нерусских народов. Организация советского общежития народов являлась экспериментом по интернационализации всего национального многообразия. Это была попытка выведения этнических «родимых пятен» с облика народов. Советский «плавильный котел» не сумел переварить все богатство этнокультур, национальных образов жизни, традиций, духа, самоощущения. Нации не возникают и не исчезают по чьей-то воле, в том числе партийной. Нация — продукт эволюции цивилизации. «Нация есть душа, духовный принцип» (Э.Ренан).

Конечно, в условиях советской тоталитарной политической системы Татарская республика не имела возможности состояться и утвердиться как самостоятельное государство. Формально считаясь государством и имея важнейшие государственные атрибуты (конституция, органы высшей законодательной и исполнительной власти), она фактически находилась на положении территориальной автономии. Однако политика советизации, шедшая вразрез с национальными интересами татарского общества и даже в какой-то мере продолжавшая колониальную традицию его национально-культурного подавления, тем не менее объективно имела для татарского народа и позитивные результаты. Прежде всего в плане формирования экономических, социальных и интеллектуальных предпосылок для перехода к новому этапу самоопределения.

Татарский народ, цивилизационное ядро которого сформировалось и укреплялось в полифоническом евразийском «плавильном котле», не только сумел сохранить себя как нацию, но и подготовиться к новым испытаниям в условиях глобализации. Этим объясняется его пионерская роль в федеративном переустройстве новой России.

Но для перевода России с унитаристского на федералистский путь нужна была ментальная революция, «толчок» такой силы и масштабности, как падение Берлинской стены и распад СССР. Именно они создали предпосылки для нового интеллектуального прорыва, масштабным результатом которого является феномен татарского культурно-национального возрождения. Время возрождения предоставило возможность решать фундаментальные задачи цивилизационного развития народа. И он этот исторический шанс попытался использовать.

# «Татарстанская модель» — искусство достижения возможного

*Татарстан — это каталог великолепных достижений.*
*Лорд Уолкер Вучестерский*

Исторический поток никогда не бывает ровным, плавным. Он часто меняет скорость и даже направление движения. Подвержен заторам, снижающим набранный темп, задерживающим рост, но обязательно накапливающим энергию подъема. Возрождение — это и есть момент, когда поток истории, снимая преграды на своем пути, словно желая наверстать упущенное, обретает новую мощь и новый масштаб. Но необходимо отметить, что татарстанский феномен возрождения не приобрел, как многие другие подобного рода феномены на постсоветском пространстве, националистический, экстремистский или радикалистский характер. Сказалась миротворческая иммунная суть характера, менталитета татарского народа, его способность организовать свою жизнедеятельность, базируясь на платформе общечеловеческих ценностей.

Феномен татарского национального возрождения — это многогранное явление, которое по силе воздействия и многофункциональности своей миссии призвано консолидировать нацию, вывести ее на направления количественного (демографического) и качественного (цивилизационного) роста, обретения исторического оптимизма своей будущности и восстановления потерянного самоощущения равноценности со всеми другими этновеличинами, составляющими российское и мировое сообщество народов. Национальное возрождение не сводится к решению текущих задач-проблем. Это момент выработки Программы общенациональных действий, соответствующих обновленным ориентирам и приоритетам развития, что предполагает и наполнение новым содержанием национальной идеи. По своему историческому предназначению это Программа мобилизации ресурсов для экономического, духовного, интеллектуального, технологического, информационного прорыва и продолжения национальной истории в динамично глобализирующемся мире.

Глобализацию не выбирают. Это объективный естественно-исторический процесс, начало которого совпадает с рождением человеческой цивилизации. История татарского народа, как и других народов, — это история постоянного поиска форм самоопределения, которые были бы адекватными каждой новой, расширяющейся и углубляющейся спирали глобализации. Глобализация (интернационализация) всегда представляла угрозу для любой этнокультурной самобытности. Великие переселения народов, великие географические, а затем научно-технические открытия, колонизации являли собой новые, более сложные ступени глобализации. Соответственно им трансформировались формы татарской культуры, государственности, цивилизации. Смена или выбор этих форм никогда не были уделом великих воителей, правителей, реформаторов. В конечном счете это всегда была форма «ответа» народа на очередные «вызовы» времени — на новые «всплески» глобализации.

Глобализация XXI в. — это вызов всем народам мира, экзамен на способность сохранения несущих опор, устоев национальной идентичности — культуры, религии, языка. Глобализационные процессы, в разной степени активизированные субъектной политикой национальных и мировых элит, в ушедшем столетии «загубили» или деформировали треть общемирового фонда национальных языков. По данным ООН, к началу XXI в. от этого фонда осталось 6–7 тыс. языков. Но по прогнозам той же организации — ООН, к концу XXI в. более чем половине из оставшихся языков грозит исчезновение. Татарский язык — вероятный претендент попадания в этот список. Если для татарского народа это будет исторической катастрофой, то для общечеловеческой цивилизации такого рода потери также смертельно опасны.

Вызов истории в виде современной глобализации делает категорическим императив выживания и свободного развития татарской субцивилизации и ее ядра — культуры, но ответ в конечном счете зависит от степени «внутреннего творческого импульса» татарского народа, принявшего вызов. Его реальная субъектность означает динамичную способность к адекватным ответам.

Процесс поиска «ответа» на вызовы новой эпохи обрел форму Программы модернизации татарского общества, духовного возрождения и обретения татарским народом реальной субъектности. Программа, наполняясь множеством существенных цивилизационных элементов, обрела регионально-национально-государственный масштаб, получив характерное определение «Татарстанская модель».

Вектор, ориентиры и рамки исторического прорыва татарского народа были заданы основополагающим политическим документом — Декларацией о государственном суверенитете Республики Татарстан, принятой 30 августа 1990 г.

Этот документ достоин специального анализа. Во-первых, неоценимое значение Декларации о суверенитете в том, что она заложила правовую основу для самоопределения татарского народа, самостоятельности Татарстана как суверенного государства. В результате была устранена возможность упразднения республики волевым, нелегитимным путем. Татарстан и его народ сделали заявку на политическое и экономическое самоопределение. Во-вторых, Декларация не определяет статус Татарстана как части России: с юридической стороны это означало, что в 1991 г. республика выразила намерение принять прямое участие в подписании нового союзного договора, подготовка которого была прервана «путчем» в августе 1991 г. После «путча» было подтверждено желание республики войти в Содружество Независимых Государств. Однако после распада СССР принцип, сформулированный российским руководством — «берите столько суверенитета, сколько можете освоить», был снят с повестки дня.

В процессе распада СССР из некогда общего Дома в «свободное плавание» отправились все союзные республики, т.е. развод «братьев-сестер» прошел по национально-территориальному признаку. В результате общий Дом «сжался» до размеров бывшей РСФСР. После выпуска накопившегося пара сепаратизма и этнорегионализма в России, казалось бы, должны были воцариться мир и покой. Но потеря статуса преимуществ великой державы, разрыв кровнородственных, культурно-цивилизационных, экономических и иных связей между частями некогда великого единого целого не приостановили процесса децентрализации, а усилили его. На поверхность всплыли копившиеся в недрах сознания миллионов людей национальные обиды, неразрешенные споры. В начале 1990-х гг. в «новом Доме» имелось около 130 потенциальных и латентных конфликтных зон, пятая часть которых сразу начала заявлять и сигнализировать о себе. К такому шквалу конфликтов государственные институты и общество не были готовы.

Центр, озабоченный переделом власти и собственности, впавший в эйфорию строительства различного рода структур в верхних этажах власти, не удосужился заняться укреплением своей опоры — регионов и их народов. Регионы оказались перед лицом новой ответственности в ситуации системного кризиса, потери государством своих ценностных ориентиров и исторических перспектив. Под давлением «низовых» факторов в регионах выстраивалась система защиты интересов и безопасности людей и территорий: экономической, экологической, культурной, социальной, национальной.

Феномен регионализма сам по себе не был опасным. Более того, пробуждение провинции, ее включение в общереформаторские процессы создавали базу для трансформации России в демократическое государство. Опасность заключалась в том, что на новом витке истории Центр мог задержаться с выработкой нового кодекса взаимоотношений с регионами или предложить им заранее неприемлемые правила игры. Так оно и случилось. Именно этим объясняется явление «перетока» властных полномочий на локальный уровень, куда в момент раздвоения государственности перешло, по оценкам специалистов, 60% властных полномочий Центра. Но «переток» власти обозначился не в результате противостояния регионов, а в силу политического безволия Центра. В отчаянии от неспособности разрубить гордиев узел проблем он все больше склонялся к силовым сценариям подведения «удельных княжеств» под крышу общего Дома, построенного «сверху», федерального Дома унитарного типа. Тем самым он лишь ускорял движение России к опасной черте самораспада. Противостояние регионализма и жесткого централизма поставило на повестку дня вопросы: куда идет и чем будет Россия? Встанут ли Центр и регионы на тропу войны или «раскурят» трубку мира?

В условиях острого противостояния с Центром в России конца 1991–1992 гг. Татарстан, в отличие от чеченского (силового) варианта, избрал демократический, правовой путь развития. Для подтверждения Декларации о государственном суверенитете 21 марта 1992 г. был проведен референдум о статусе Республики Татарстан, в котором предлагаемая формула получила поддержку большинства принявших в нем участие.

Опираясь на результаты референдума, Верховный Совет в ноябре
1992 г. принимает новую Конституцию Республики Татарстан. Осуществляя принцип Декларации, она

провозгласила республику суверенным государством, открыла путь свободного вхождения в состав СССР. Но распад СССР круто изменил ситуацию. Перед Татарстаном обозначились две альтернативы. Первая, несмотря ни на что, следуя принципам и примеру бывших союзных республик, объявить Татарстан независимым государством. Вторая, установив договорные отношения с Россией, переходить к суверенитету поэтапно, т.е. брать самостоятельность по частям.

Нетрудно представить, к чему привел бы первый вариант. 21 марта, когда в Татарстане проводили референдум, некоторые политики откровенно ставили перед Б.Ельциным вопрос о введении войск в Татарстан, но тогда президент на это не пошел. Апробация этого варианта в Чечне привела к российско-чеченской войне.

Казань избрала второй путь: 15 февраля 1994 г. после длительных и сложных переговоров удалось заключить межгосударственный договор с Россией, явившийся поворотом в судьбе как татарского народа, так и всей России.

При любой оценке места и роли татарстанского варианта суверенизации республики и федерализации России бесспорно то, что он базировался на огромном историческом миротворческом опыте, накопленном многими поколениями созидателей и хранителей тюрко-татарской цивилизации. Веками проживая в ареале взаимодействия двух этнокультурных миров, овладев искусством выбора пути, исключающего возможность войны, толерантные ментальные приоритеты подталкивали политических лидеров татарского народа к поиску компромисса, достижению баланса сил и интересов, устраивающего все стороны.

Общественная жизнь в Татарстане до заключения двустороннего договора с Российской Федерацией протекала под знаком утверждения суверенитета. Идея суверенитета явилась общенациональной, политической и философской платформой преобразований во всех сферах. Но содержание, темпы и масштабы реформ страдали от перманентных изменений в коридорах власти. Татарстан в силу статусной неопределенности (непризнанности Россией и международным сообществом как суверенного государства) был вынужден разделять участь одного из регионов унитарной, имперско-державной России. Внутриреспубликанские маневры сдерживали кризисный вал, но уберечь от саморазрушения не могли. Политическая и экономическая несвобода, жесткая привязанность к колеснице российских реформ становились «камнем на шее». Республиканские инициативы гасли одна за другой, терялись силы, истощались ресурсы. Национальную деградацию могли предотвратить лишь шаги по обретению необходимого уровня самостоятельности, равноправия. В этих условиях заключение договора приобретало роль катализатора новых цивилизационных процессов и стимулятора процессов федерализации и регионализации России.

Классическим примером успешного урегулирования конфликта между федеральным центром и субъектом Федерации стали переговоры по выработке договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами власти РТ. Документ был подписан президентами Б.Ельциным и М.Шаймиевым, премьер-министрами В.Черномырдиным и М.Сабировым 15 февраля 1994 г. вместе с 13 отдельными соглашениями к нему. Модель политического действия Татарстана спасла территориальную целостность страны и положила начало договорной практике в отношениях «Центр — регионы». Первый Президент России Б.Ельцин, оценивая историческое значение Договора, сказал: «Тогда он выполнил роль своего рода «скорой политической помощи», предотвратил опасность раскола Федерации». Правда состоит в том, как метко заметил М.Ш.Шаймиев, что «история России тогда могла пойти другим путем».

Сегодня очевиден факт «особости» курса Татарстана не только в выборе путей и уровней суверенизации, форм и принципов отношений с федеральным центром, но и в ориентации республики на реализм, признание норм международного права и современные цивилизационные ценности, достижение согласия путем переговоров, компромиссов и сотрудничества. Выбор модели отношений республики с Центром был актом огромной исторической ответственности лидеров Татарстана, прежде всего, его первого Президента М.Ш.Шаймиева.

Фигура М.Ш.Шаймиева по масштабности, величине и значимости для судеб татарского народа и Татарстана на изломе времени, законно и логично продолжает исторический ряд исполинов-реформаторов, открывающегося именами-символами — Модэ, Аттила, Истеми-хан...

На фоне установки Д.Дудаева «время быть независимым» позиция Шаймиева тогда, может быть, проигрывала в глазах радикально настроенных слоев татарского сообщества, но она обеспечивала мирное будущее, возможность развивать отношения с Центром, добиваясь паритета. Понимая это, руководство Татарстана дистанцировалось от национально-радикальных движений и партий, сознательно подпитывающих конфронтационную логику, объективно работающих на усиление идеологической базы этноцентризма. «Представьте себе многочисленные митинги, многолюдные собрания, которые ждут от тебя клятвенных обещаний бороться за свободу и независимость Татарстана до последнего, как говорится, дыхания, — говорил в одном из своих интервью Президент М.Ш.Шаймиев. — Надо сказать, это очень сильное искушение — пообещать народу все, что он просит.

Многие лидеры обещают и гордятся этим. Мне же удалось ни разу не произнести слово «независимость». Заявлять о полном государственном суверенитете Татарстана, зная, что это невозможно, значило бы обманывать свой народ».

Взяв за основу формулу равносуверенитета для всего народа Татарстана, а не только для титульной нации, утвердив в качестве государственных два языка — татарский и русский, лидеры республики сделали поведенческий и нравственный выбор, ориентированный на компромисс и достижение межнационального согласия. Этот выбор обеспечил политической элите поддержку со стороны основных этнических групп общества, что удержало Центр от применения силы. Отказ от этноцентризма, являющегося вызовом геополитической устойчивости России и обладающего логикой саморазрушения, вывел ситуацию в регионе из зоны повышенного политического риска, дал начало общероссийскому процессу формирования новой федерации. Множество копий было сломано вокруг вопроса о «сепаратизме» Татарстана, о его стремлении «уйти» в мифический Туран, о попытке развала России и т.п., но идея демократического, идущего снизу, договорного, а в последнее время все чаще называемого новым федерализмом, пробивает себе дорогу и утверждается сегодня как шанс сохранения единства страны и как фактор ее развития.

Опыт Татарстана позволяет утверждать, что политически и культурно акцентированный этноцентризм обозначил свои пределы, выход за рамки которых неизбежно ведет к гражданской войне, противореча национальным интересам. Понятно, что потенциальная угроза требует сверхосторожности в выстраивании новых линий во взаимоотношениях регионов с Центром. Региональная власть должна держать под контролем баланс центробежных и центростремительных сил, не допуская сильных перекосов. Однако эта осторожность не должна выливаться в попытки региональной власти «перекрыть» любые очаги социального напряжения и инициативы, в нейтрализацию оппозиции. Тем более нецелесообразно снимать с повестки дня задачу переосмысления содержания суверенитета, ресурсы и границы которого далеко не исчерпаны. Концепция самоограниченного цивилизованного суверенитета предполагает свободу в выборе методов, форм и направлений модернизации общества; самостоятельность в решении задач регионального масштаба, в формировании правильных ответов на вызовы времени. Эта концепция предполагает и открывает возможность осуществления крупных преобразований в духовной сфере. Ее важнейшим элементом является обеспечение диалога и - сотрудничества в едином конституционном поле, где «нестыковки» конституций и иных правовых источников должны устраняться в режиме двустороннего движения. Суверенитет — не цель, а образ мышления и действия, постоянный процесс самоорганизации регионального общества на основе формулы «развитые регионы — сильная Россия».

По своей результативности этот короткий промежуток времени сопоставим с десятилетиями медленного эволюционного развития. Все богатство оригинального исторического творчества политической элиты, интеллигенции, научного сообщества, всех слоев социума, «пробужденных» перспективами суверенитета и национального ренессанса, вся социальная практика в широком разнообразии форм и направлений деятельности уместились в понятии, вошедшем не только в российский, но и международный лексикон, — «татарстанская модель».

«Татарстанская модель» — категория историческая по своей масштабности и сложности. В ней совместилась необходимость одновременного решения не только отложенных, нереализованных в прошлом задач, но и поиска ответов на новые вызовы времени. Решение подобных задач отвечало не только задаче культурно-цивилизационного возрождения Татарстана, но и национально-государственным интересам возрождающейся, новой России. Она была и остается моделью осуществления цивилизационных перемен на мирной, неконфликтной основе не только на татарстанском «пятачке», но и в масштабе Российской Федерации, вариантом решения исторической задачи транзитного времени — превращения России в подлинно демократическое федеративное государство на основе возрождения и усиления потенциала регионов и включения их инициатив и самодеятельной энергии в решение общенациональных, общегосударственных проблем.

«Татарстанская модель» на протяжении более чем десятилетнего периода, когда российское общество находилось на критической стадии истории, по мобилизующей и по цивилизационно-ориентирующей способности сыграла роль интегративной, объединительной, общенациональной идеи. Она уберегла Россию от соблазна силовых способов сохранения своей целостности и скатывания к унитаризму. Именно поэтому она изучалась на уровне многих международных организаций и примерялась в качестве своеобразного «лекала» для решения многих проблем развязывания региональных конфликтных узлов. По философско-концептуальной, методологической и методической оснащенности, по результативности решения этапных стратегических и тактических задач она является пилотным историческим проектом рубежного времени. «Модель Татарстана» — искусство возможного и невозможного», — с таким выводом «отца-основателя» пионерского, реформаторского проекта М.Ш.Шаймиева трудно не согласиться.

«Татарстан — это каталог великих достижений». В этой формуле лорда Великобритании Уолкера Вучестерского, которую он сформулировал на Первом инвестиционном саммите Татарстана в Лондоне (19 октября 2006 г.), содержится объективная оценка и признание преобразовательного потенциала народа Татарстана, результатов интеллектуального и технологического рывка, совершенного им на решающих направлениях социального прогресса.

Главным итогом цивилизационного развития Татарстана являются становление прогрессирующего демократического общества; динамичной и разносторонней многоотраслевой экономики, интегрированной в общемировую торгово-промышленную и технологическую систему; формирование бизнес-класса; повышение уровня и качества жизни, культуры, образования и здоровья народа.

Татарстан — это крупнейший центр российской промышленности, машиностроения, нефтепереработки, нефтехимии, авиа- и вертолетостроения. В республике добывается 7% российской нефти, производится 16% грузовиков, 35% полиэтилена, 28% автомобильных шин, практически все виды каучуков. Татарстан располагает крупнейшими запасами природных битумов, которые достигают 7 млрд. тонн. Объем ежегодной добычи нефти составляет 30 млн. тонн. Всего со времени открытия первого месторождения (1948) добыто 3 млрд. тонн татарской нефти.

Ежегодные темпы прироста валового регионального продукта Татарстана за последние пять лет составляют около 7%, что выше среднероссийских, а валовой региональный продукт превышает 18 млрд. долларов США.

О характере и интенсивности экономических и социальных преобразований в республике свидетельствуют следующие цифры. За последние пять лет в сопоставимом исчислении:

— валовой региональный продукт увеличился на 139%;

— объем продукции промышленности — на 127%;

— оборот розничной торговли — более чем в два раза;

— инвестиции в основной капитал — на 156%.

Общий уровень заработной платы еще далек от европейских стандартов, но выше, чем во многих регионах России. За последние пять лет реальные денежные доходы населения повысились в два раза, а реальная заработная плата выросла на 173%.

По данным независимых источников, Татарстан, занимая в Российской Федерации пятое место по объему произведенной промышленной продукции, по совокупным показателям находится на втором месте после Москвы, а по социальному развитию — на третьем месте. Согласно исследованиям ООН, по интегральному показателю «качества жизни» Республика Татарстан занимает третье место в Российской Федерации.

Реализуя право на ведение международной деятельности, Татарстан одним из первых среди регионов Российской Федерации начал проводить активную внешнеэкономическую политику. В результате торгово-экономические связи установлены почти со всеми российскими регионами и с более чем 100 странами ближнего и дальнего зарубежья. Внешнеторговый оборот за последние пять лет вырос более чем втрое и составил свыше 10 млрд. долларов США в год. Экспорт за этот же период увеличился в аналогичной пропорции, а импорт вырос почти вдвое.

В оппонентской среде часто в разных вариациях формулируется мнение об «однобокости» «татарстанской модели», ее нефтегазовой профильности. Утверждается, что быстротечность татарстанской победной поступи, целиком и полностью обеспечивалась масштабной эксплуатацией природных ресурсов при малом вкладе в создание общественного богатства нематериальных активов…

Действительно Татарстан — это регион, где природные ресурсы в создание общественного богатства вносят повышенный вклад — примерно 10%, что в 6 раз превышает среднее российское значение. Но при этом вклад нематериальных активов, т.е. человеческого потенциала (уровня образования, науки, культуры, качества жизни) в динамичное развитие общества был в 4 раза выше, чем в целом в России. Цивилизационный прорыв был бы невозможным без параллельного решения двуединой задачи — увеличения вклада в создание богатства народа, как через эксплуатацию природных ресурсов, так и повышение роли нематериальных активов. Татарстан в этом плане — один из немногих регионов, который демонстрировал способность давать ассиметричный ответ вызовам времени. Программа «Татарстан без нефти», являющееся развитием «татарстанской модели», также нацелена на органическое соединение этих двух решающих факторов развития. Но при неоспоримо высоких результатах реализации татарстанской модели реформ возникают принципиально важные вопросы, связанные с состоянием, самочувствием ее главной движущей силы — общества и народа. Вопрос первый: можно ли было сделать больше? Несомненно, да. История — не прогулка по Невскому проспекту, и порывы исторического творчества часто сопряжены с ошибками. Но каждая из них поучительна. Быть может, ошибки — учитель более лучший, чем «чистые» победы. Татарский народ потому и продолжает творить, что не теряет способности учиться на ошибках. Это вовсе не означает, что чем дальше, тем он будет мудрее. История знает примеры обратного порядка. Немало упущенных

исторических шансов, реализация которых могла бы вывести татар и Татарстан в целом на иной порядок высоты свободы, самоопределения и благосостояния.

Второй вопрос: в какой мере сам народ воспользовался плодами реформ? Реформы в Татарстане при всей особости их тактики, методики и в какой-то мере стратегии подчинялись и вытекали из курса федерального Центра. Если на начальном этапе реформ почти 70% населения оказалось на уровне ниже прожиточного минимума, то к 2006 г. разрыв в уровне жизни между богатыми и бедными удалось существенно уменьшить. Но в абсолютных цифрах пропасть между ними остается разительной. К сожалению, в 2006 г. в общероссийском измерении разница в доходах между богатыми и бедными увеличилась с 14,9 до 15,3 раза. Татарстанский показатель чуть ниже российского, но намного выше, чем в европейских странах. Отсюда вытекает вывод, что хотя по интегральному показателю «качества жизни» республика занимает третье место в России, рыночной экономике еще не удалось обрести устойчивый социально ориентированный образ.

Оценивая значимость татарского опыта реформ в общероссийском контексте, необходимо отметить, что благодаря реальному вкладу Татарстана в экономику страны «упадок России в 1990-е годы не перешел в распад и катастрофу» (В.Путин). Татарстан стал не просто регионом-донором, который помогал менее развитым областям и республикам развивать свою экономику, но превратился в один из опорных регионов и «точек» роста, где осуществляются масштабные пилотные проекты, имеющие общемировое значение.

Вопрос третий: в какой мере реализовалась идея возрождения татарской государственности?

Народ, обретая свое историческое лицо на стыке культур, религий, цивилизаций и возложивший на себя миссию генератора компромиссов, толерантности и согласия, продолжал и продолжает ныне выполнять эту роль. «Татарстанская модель» концептуально предполагала реформы во всех областях, в том числе в политической сфере, на мирно-консенсусной основе. Суверенизация эмоционально и политически «вздыбила» народ Татарстана, но бум регионализма, этнокультурный ренессанс и другие формы пассионарного всплеска не перешли рамки цивилизационного типа возрождения.

Главным итогом политической реформации для Татарстана стало конституирование им себя как «суверенного государства» — заключение на этой основе договора с Россией, согласно которому ослабла прежняя, жесткая подчиненность Центру и усилилась степень самостоятельности в решении задач внутреннего развития и расширения международных контактов. Как в начале XX в., когда для татар обозначился исторический шанс на возрождение своей государственности, так и в конце XX в. для них открылась перспектива перехода в будущем на более высокую ступень самоопределения.

Возрожденческие процессы часто выливаются в форму социальных революций, национально-освободительных войн, политических движений за восстановление былой государственности или религиозного фундаментализма. Реально же этот процесс в рамках татарстанской модели получил развитие в форме культурного ренессанса, возрождения национального духа, историко-цивилизационного национального самосознания, формирования национально-государственной идеи.

Если попытаться обозначить значимость татарстанской модели политической реформации в общероссийском контексте, то можно сказать, что концептуально она предполагала превращение России в «страну стран». Что это будет — оригинальная федерация с элементами конфедерации, где государствотворческий процесс в этих республиках опережал тогда (в начале 90-х гг.) и будет опережать процесс самоидентификации России, что именно им предстоит создать матрицу ее будущего государственного устройства. Идея формирования «стран в стране Россия» и в условиях властной вертикализации, «управляемой» или «суверенной» демократии остается единственной магистральной линией исторического будущего страны. Вообще «татарстанская модель» как открытая, не застывшая в своем развитии совокупность идей, методик реформирования общества, систему идейно-мировоззренческих, философских и цивилизационных ценностей как многогранный феномен была, является и остается предметом осмысления для многих поколений и народов.

Метаморфозы, проблемы, противоречия и неудачи трансформационного времени, особенно ярко проявляющиеся в современных реформаторских процессах, конечно, затрудняют объективное восприятие татарстанского опыта, но они не отменяют его значимости. Исчерпывающую оценку, как и актуализированную востребованность этого опыта, предстоит осмыслить. Необходима временная дистанция, чтобы через преходящее и наносное увидеть в полном объеме его подлинную значимость.

*** * ***

Подводя итог пройденного татарами исторического пути, следует отметить, что складывание и развитие тюркской цивилизации, а затем татарской субцивилизации протекали в специфической геополитической среде в условиях повышенного значения экологических факторов. Влияние природно-климатических параметров бытования сказывалось в обширности степных зон, развитости и разветвленности речных систем. Экологический фактор в органическом единстве с набиравшей силу

духовной инстанцией, базировавшейся на космологическом мировоззрении, сакральности этико-нравственных предписаний, предопределяли особенности формирования генофонда, стиля мышления и образа жизни тюркской этнокультурной общности. Этот фактор предопределил интенсивность этнокультурного взаимодействия в регионе, важность сюжетов синтеза и контактирования культур Запада и Востока.

Диалог Восток — Запад, протекавший в Поволжье на протяжении тысячелетия, в разные периоды не был односторонне ориентированным. Он был многосторонним и неоднозначным. Равноценность высокой культуры Запада и культурной традиции Востока, представленной в регионе булгаро-татарской культурой, явилась важной предпосылкой этнической идентификации татарского народа, сохранения им генотипных основ менталитета, национального характера и образа жизни. Не менее важным цивилизационным достижением явилось формирование на геополитическом мосту, где не только встречались представители разных культурных миров, религиозных и мировоззренческих систем. Столетиями в регионе шла выработка и осуществление гуманно ориентированной, толерантной модели мирного сосуществования, соседствования, межнационального и межконфессионального согласия, диалога и сотрудничества многих народов мира. Итог примечательный: за все время существования цивилизационного очага между Волгой и Уралом не было ни одной войны на межнациональной, межконфессиональной основе.

Другой крупнейшей прародиной древнетюркской цивилизации является Алтай. Наиболее высокий вклад в ее становление внесла Хуннская держава. Хуннская культура рубежа III–II вв. до н.э. выполнила роль исторического интегратора жизнедеятельности скифо-сибирских, самодийских, монгольских племен. Инструментом консолидации тюркской общности явился алтайский тип тюркского языка.

Достигнутый гуннами уровень развития военной мысли и техники, политической, правовой, экономической и культурной систем послужил основой дальнейшей эволюции и расцвета в целом тюркской цивилизации. Совсем не случайно он стал и предметом заимствования для европейских народов. Социогенетическое, духовное наследие гуннской державы после ее распада «взошло» в новых формах государственной культуры тюркских народов. Этапным результатом эволюции кочевой культуры стало появление общетюркской цивилизации.

Этноним «тюрк», дословно означающий «сильный, крепкий», в V—VI вв. закрепился в качестве собирательного имени за племенным объединением, ставшим ядром Тюркского каганата. Своеобразными «отростками» общетюркского цивилизационного Дома явились Великая Булгария и Хазарский каганат, которые продолжили и усилили культурную традицию тюркского сообщества и ускорили вызревание культуры татарского народа.

Тюрко-татарская цивилизационная общность прошла несколько ступеней — этапов развития. Волжско-булгарская субцивилизация складывалась и развивалась в зоне активного христианско-исламского взаимодействия, испытывая влияние как западной, так и восточной культур. При этом не прервалась ее связь с материнской общетюркской цивилизацией. Ориентация системообразующих элементов на историческое творчество стала предпосылкой формирования базовых ценностей булгарского цивилизационного феномена. С принятием ислама в качестве официальной религии в Волжской Булгарии формируется мусульманская компонента тюркской культуры. В Поволжье и Приуралье утвердился наиболее «либеральный» — ханафитский мазхаб ислама, гибкий по отношению к иноверцам. В новом очаге арабо-мусульманской письменности руническое письмо уступает место арабской графике. В Поволжье ислам стал не только системой философских, этических взглядов и кодексом, регулирующим общественную и частную жизнь, но также элементом самосознания и фактором этнической консолидации.

Волжская Булгария играла роль модели и в процессе становления национальной государственности казанских татар в эпоху перехода от средневековья к Новому времени. Волжско-булгарская культура стала основой развития золотоордынской субцивилизации, которая, в свою очередь, явилась одним из факторов становления Русского государства.

Золотая Орда — поликонфессиональное конфедеративное государство с политической, экономической и культурной автономией отдельных земель. История этого улуса Монгольской империи позволяет предполагать существование «славяно-тюркского суперэтноса» (Э.С.Кульпин). В период Золотой Орды усилилось цивилизационное влияние Востока и тюркского этнического компонента. Особое значение приобрело культурное взаимодействие татаро-булгарской суперэтнической общности внутри Золотой Орды с культурами подвластных ей угро-финских народов и с русским улусом. В бассейне Волги образовалось поле взаимодействия культур православного христианства с культурой исламо-суннитского толка. Толерантность является немаловажной характеристикой модели цивилизационно-политического взаимодействия русских княжеств с Золотой Ордой. Северо-Восток стал его славяно-христианским полюсом, а Волжская Булгария — тюрко-

исламским. Политика веротерпимости, характерная для торгового государства Золотая Орда, стимулировала контакты на почве культуры и этнического взаимодействия.

Тюрко-татарская цивилизационная культура достигла расцвета в период существования Казанского ханства (1445–1552). В этот период сближающим фактором Запада с Востоком являлось гуманистическое начало культуры. Роль системообразующего фактора международных и межэтнических отношений продолжали играть Великий шелковый путь и Великий волжско-каспийский путь, во многом определившие доминирующую роль торговли в экономическом и культурном развитии государства. Казанское ханство являло собой модель результативности синтеза культур. Татарское общество именно тогда начало свое движение к национальному типу государства — синхронно процессам, происходящим в Европе. В период ханства Казань интенсивно приобщалась к исламской цивилизации. Более того, историко-культурная сущность и целостность Казанского ханства определялись принадлежностью к мусульманской культуре. При этом в татарском обществе преобладали два основных течения социально-этической мысли — светски ориентированное и суфийски окрашенное. Со светски ориентированным ее направлением было связано реформаторское начало татарской общественной мысли и социальной практики. Однако история не предоставила Казани достаточного времени для социальной модернизации общества.

Падение Казанского ханства, безусловно, стало для татарского народа исторической катастрофой. Но, несмотря на военно-политический крах Казанского ханства и явную «незавершенность» его истории, именно в этот период обозначилась новая линия исторического развития, выводившая татар к обретению своей культурно-исторической субъектности и сохранению национальной идентичности в инокультурной российской среде.

С казанского излома начинается принципиально иная страница как татарской, так и русской истории. Москва с середины XVI в. совершает качественный скачок не просто в имперское будущее, но приступает к осуществлению проекта создания полиэтничной, поликонфессиональной империи. В процессе присоединения татарских государств оформлялась общегосударственная российская национальная политика. Перегибы православизации середины XVI в. корректировались и модифицировались в гибкую, прагматичную политику, доминировавшую вплоть до конца XVII в. Реализация концепции Петра I по превращению России в абсолютистское государство, в котором не оставалось пространства для тех прав учета нерусского населения, с которыми до сих пор еще считались, была связана с резким усилением репрессивной политики по отношению к нерусским народам.

Со второй половины XVIII в. приоритеты национальной и конфессиональной политики Российской империи эволюционируют в направлении большей гибкости и прагматизма. В России начинается легальное возведение мечетей. Среди предпосылок просветительского движения у татар — открытие Казанской гимназии (1758) и татарского класса при ней (1769), Азиатской типографии (1800), Казанского университета. Предпосылкой формирования татар как политической нации стало открытие Татарской ратуши в Казани и становление системы городского самоуправления. Усилилась интеграция татар в российскую империю на разных уровнях и в различных формах. Татарское население включалось в развитие мануфактурной промышленности, внутренней и внешней торговли империи. Тюрко-татарская субцивилизация вновь обрела свою традиционную функцию посредника в контактах России с Азией в целом и Средней Азией в частности.

В пореформенный период тюрко-татарская субцивилизация наполняется новым содержанием. Складываются российский и региональный рынки, земское и городское самоуправление. Реформы 1860 — 1870-х гг. послужили мощным толчком к развитию буржуазных отношений и в татарском обществе. Казань входит в десятку крупнейших промышленных и культурных центров России второй половины XIX в. Татарское население города составляло пятую часть жителей и по-прежнему сосредоточивалось в слободах. Тогда же произошла существенная трансформация социально-экономических и духовно-политических основ тюрко-татарской цивилизации, связанная с ростом национального движения и расширением ареалов татарской диаспоры. Ускорились темпы формирования крупного татарского капитала и национальной буржуазии.

В пореформенный период идеи национального возрождения и приобщения к европейским и мировым культурным и образовательным стандартам распространяют сторонники культурно-реформаторского, просветительского, а позднее и общественно-политического движения, получившего название джадидизм. Джадидизм стал не только фактором педагогического и политического обновления татарской нации, но и новой идеологией, стилем мышления — с установкой на модернизацию и европеизацию мусульманского общества при сохранении его культурной специфики и национальной идентичности. Материализованными результатами джадидизма стало обновление школ, литературы, технологии книгопечатания, системы подготовки кадров, облика культуры, образа жизни и быта. Это заложило предпосылки для перехода нации к борьбе за широкие гражданские права.

С начала XX в. можно говорить о татарском национализме-преемнике и продолжателе прежних форм этнической и национальной идентичности. Проблема национального развития приобрела особое значение. Возникла комбинация мусульманских националистических и религиозных идей, ибо на уровне общественного сознания ислам практически всегда был включен в национальную идею. Переосмысление прошлого и будущего народа, веры и разума, религии и науки дало благотворные плоды.

Создание политических организаций российских мусульман отражало иные реалии культурно-цивилизационного развития, мобилизуя общество на отстаивание политических интересов. Наиболее влиятельные силы мусульманского движения сгруппировались вокруг думской мусульманской фракции. Она корректировала деятельность региональных национально-общественных сил, явилась для мусульманских народов консолидирующим фактором вплоть до 1917 г.

Достижения татарской культуры и искусства в конце XIX — начале XX вв. развивались на основе литературных и художественных традиций, уходящих корнями в периоды Волжской Булгарии и Казанского ханства, испытывая заметное влияние русской культуры. Об этом свидетельствует вектор и содержание татарской литературы и театра начала XX в. — «золотого века» татарской поэзии.

Революция Октября 1917 г. явилась прелюдией противоречивого и масштабного политического и социально-экономического эксперимента XX в. — советского. Советская система способствовала преодолению социального и национального неравенства народов России, развитию их образования и культуры. Позитивными переменами, порожденными ею, стала отмена национальных привилегий, провозглашение равенства народов, их права на самоопределение.

События начала 1918 г. — подавление попытки создать Урало-Волжский штат и воплощенную в нем программу территориально-областной автономии с элементами культурно-национальной автономии — стали кануном трагических и бурных «развязок» гражданской войны. Обилие вариантов и проектов культурно-национальной автономии в 1918 — 1919 гг. оказалось призраком: из-за сложнейшей политической обстановки татарская государственность не была воссоздана. Жестокое противостояние сил развело татарских лидеров по разные стороны баррикад и, более того, обернулось гибелью крупных фигур национального движения, таких, как М.Вахитов и Г.Ваисов.

После решения Политбюро ЦК РКП(б) в январе 1920 г. идея создания ТАССР обрела черты реальности. Однако усиление властной вертикали привело к фрагментарности реализации идеи национального самоопределения. В СССР сложилась многоуровневая модель советского национально-государственного устройства. Но в целом советская политика была мощным катализатором развития национальной жизни народов Союза. История татарской субцивилизации этого периода несет черты советской социально-экономической системы, демонстрируя минусы унификации культурно-национальной сферы.

В ходе социалистической модернизации 1930-х гг. произошли цивилизационные изменения во всех основных сферах жизни татарского общества. С переходом к индустриальному обществу изменились социальная структура и ментальные черты народа. Усилилась миграция населения, связанная со стройками пятилеток. Это деформировало механизмы и формы самоидентификации и консолидации татарского этноса.

Модернизационные подвижки периода индустриализации в Татарии были связаны со становлением командно-административной системы, повышением роли силовых государственных ведомств. Дело М.Султан-Галиева (1923) открыло длинный ряд политических репрессий, от которых пострадало цивилизационное развитие татарского социума. Обвинения в пантюркизме с конца 1920-х гг. получили продолжение в политических процессах по разоблачению «султангалиевщины».

Последствием коллективизации стала третья волна татарской миграции, что привело к социальной диффузии нации, затруднившей процесс культурно-цивилизационной эволюции. Заметно повлияла на развитие татарской цивилизационной субкультуры Великая Отечественная война. Объединительная идея превратилась в важный лейтмотив жизни народов СССР. Сыновья и дочери татарского народа явили множество образцов боевого и трудового подвига. Попытка немецкого командования заставить пленных татар и башкир Волго-Уралья повернуть оружие против Родины оказалась тщетной. В Татарстане более 200 Героев Советского Союза, более 50 полных кавалеров ордена Славы и более 200 тысяч человек награждены орденами и медалями. Промышленность Татарии давала фронту сотни видов вооружения и снаряжения. В республике обрели кров и начали работать десятки эвакуированных предприятий страны, трудовые коллективы которых имели интернациональный состав. Татарское - цивилизационное полотно обогатилось новыми элементами. Усилилась патриотическая и гуманистическая направленность татарского искусства. Военный фактор стал заметным обстоятельством, динамизировавшим развитие социополитического и интернационалистического компонентов татарской субцивилизации, способствовал обретению нового национально-культурного состояния и духовной интеграции.

Во второй половине XX в. усилилась глобализация исторических процессов, сопрягавшая интеграционные и идентификационные начала в различных комбинациях. Развиваясь в контексте советско-российской цивилизации, Татарская республика и ее народы обретают самобытные экономико-социальные, этнодемографические и духовные характеристики. Однако в условиях постиндустриального общества советская командно-административная система перестала соответствовать требованиям успешной инновационной деятельности.

В связи с началом холодной войны расширяется оборонный сектор промышленности. Важнейшей чертой послевоенного времени для ТАССР стала ведущая роль тяжелой промышленности и высокотехнологичного машиностроения. Другой чертой индустриального развития второй половины XX в. стало превращение республики в нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий район. Росли капиталовложения в нефтедобычу. Нефтяная промышленность стала приоритетной сферой экономики. Обозначилось новое место республики в общесоюзной системе разделения труда. Сдвиги в социальной карте республики особенно рельефно обозначались на юго-востоке: здесь возникла Альметьевско-Бугульминская промышленная агломерация. Ширилась сеть коммуникаций, составлявших индустриальную инфраструктуру нефтяного края. Возникают нефтехимические предприятия, дополняя спектр крупнейших предприятий, где до сих пор главными были предприятия ВПК. Но важно заметить и то, что нефтяная индустрия, ставшая фактором экономического взлета, одновременно обозначила целый ряд социальных, особенно экологических и демографических проблем, негативно влиявших в целом на цивилизационное качество нации.

Демократизация конца 1950 — начала 1960-х гг. сопровождалась децентрализацией власти и перераспределением управленческих функций. Активизировалась деятельность выборных общественных и политических организаций. Обозначились признаки либерализации и в функционировании системы «Центр — регионы». Перестройка придала этим росткам новую силу и приблизила историческое время демократических реформ.

История показала, что татарский народ способен к усвоению и развитию ценностей эпохи нового и новейшего времени, сопряженной с активизацией рыночных отношений, средств массовой коммуникации, международных и межэтнических контактов. При этом приобщение к светскому образу жизни и образованию, культуре и языку русского народа сопрягалось с сохранением мусульманской идентификации.

# Прошлое — это всего лишь пролог

*Каждая нация обязана выявлять перед миром свою национальную сущность. Если же нации нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление. ...Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее. Благородный дух и есть богатство нации, а ее достояние — готовность, преодолевая узкие частные интересы, послать всему миру приглашение принять участие в празднике духовной культуры.*

*Рабиндранат Тагор*

Итак, перевернута последняя страница книги. Книги, которую можно считать своего рода «марш-броском» взора в прошлое, напряжением памяти и мобилизацией интеллекта для подведения итогов, успокоения души и смягчения нравов, поворота потока мыслей — к Первоистоку. Насколько удачен мемориальный экскурс к исходным корням — вопрос. Но главное в том, насколько и кому он нужен: ведь подходы и ответы на него при всей их значимости контрастно разнятся.

Можно по-разному относиться к прошлому: принять его как «бессмысленное чередование рождений и смертей» (Е.Н.Трубецкой), как «пантеон великих идей, страстей и людей, усыпальницу умерших чувств» (К.Боуви) или как «традицию мертвых поколений» (К.Маркс). Однако мрачный, мистический взгляд на прошлое вряд ли вдохновит современного историка и сделает его поиск созидательным и целеустремленным.

Конечно, можно изменить вектор взгляда на противоположный, зарядив себя исходной мыслью о грандиозности, безошибочности и величии свершенного, подбирая в истории лишь соответствующие аргументы и свидетельства величия. Но это тупиковый и бессмысленный для истории путь, ибо рождает высокомерие и успокоенность от сознания того, что все великое и значительное уже совершено. Отмечая бесперспективность и опасность такого состояния мыслей и действий, Л.Н.Толстой писал: «Я убедился, что в наше время образованные люди выработали… искусство притворяться, что мы знаем то, чего не знаем, делая вид, что вся духовная работа человечества до нас с

вами известна; выработалось искусство освободиться от необходимости знания прошедшего… У нас выработалось искусство быть вполне невежественными с видом учености… Мы стали невежественными потому, что навсегда закрыли от себя то, что только и есть всякая наука — изучение тех ходов, которыми шли все великие умы человечества для уяснения истины».

Другой подход — попытка увидеть в прошлом всю совокупность богатства и прозрений опыта, понять, что прошлое — лишь пролог к настоящему. Ибо, по закону преемственности, «что такое в конечном счете настоящее, как не росток прошлого?» (У.Уитмен). История — это еще и прелюдия к предстоящему, ибо «прошлое всегда накладывает тень на будущее» (Ш.Марджани). Не случайна поэтому естественность стремления каждого нового поколения «взять из прошлого огонь, а не пепел» (Ж.Жорес). Для этого надо увидеть в прошлом эффект калейдоскопа, каждый поворот которого дает новую мозаичную картину. Желание расшифровать ее подлинный смысл всегда связано с напряжением ума и интеллектуальным упорством, без которых нет нового знания.

Направляя калейдоскоп истории татарского народа в заданном концептуальном ключе, автор считает для себя принципиально важным представить читателю итоговые наблюдения и выводы, которые не претендуют быть полными и отчеканенными, не подлежащими сомнению истинами. Они являются общими подходами к осмыслению татарского цивилизационного феномена, иногда лишь открытыми вопросами, обращенными к прошлому, к истории, но всегда — во имя осмысления проблем сегодняшнего и завтрашнего дня. В авторском видении история предстает мощным объяснительным и мобилизационным ресурсом, хотя бесспорным является то, что не на все вопросы настоящего прошлое дает ответы и не все проблемы сегодняшнего дня могут быть поняты как развертывание проблем дня вчерашнего. Было бы наивным стремиться найти в прошлом некую универсальную модель, способную объяснить и научить разрешению сложнейших и во многом новых проблем и противоречий современного мира.

Проблемы, поднимаемые автором, выходят за рамки сугубо татарской (татарстанской) значимости. Ибо история татар есть некое отражение хода становления и эволюции человечества в целом, это «кирпичик», из массы которых строились тюркская, российская и общемировая цивилизации. Выведение линии сопричастности татар к мировой истории с момента зарождения и до современных форм цивилизации является не беспочвенной амбицией, а стремлением увидеть в калейдоскопе всеобщей истории ее реальных участников — подлинных и глубинных движущих сил прогресса. Если для татарского народа обретение своей статусности как субъекта истории — это восстановление исторический справедливости, то в общемировом и российском измерениях это шаг на пути к восстановлению целостной картины истории человечества и признанию каждого народа (этноса) равным другим в сообществе мировых величин.

Глобальное значение переосмысления роли татарского фактора определяется и в контексте феномена «взрыва» этнической напряженности в условиях современности. Особенностью развития человечества в третьем тысячелетии будет тесное сопряжение с этничностью нарастающего вала вызовов и конфликтов — как внутрисоциумных, региональных, так и международных. Это естественно: историческая тенденция, сопровождавшая всю историю человечества, в условиях глобализации не только обрела устойчивость, но и претендует стать доминирующей. «Реквием по этносу» (В.Тишков) — прогноз, сомнительная точность которого очевидна. Скорее следует ожидать опасного «перегрева» этнического «котла», вызванного недооценкой значимости этнического фактора.

Татарская, как и всякая национальная проблематика, в исторической науке актуализируется и по причине выдвижения на первый план проблемы идентификации. Для России она стратегически важна. Задержка с поиском ответа на вопрос «кто мы?», с точки зрения определения ее культурно-цивилизационной и этноконфессиональной принадлежности, грозит задержкой в состоянии бифуркации.

«Татары — это явление, зародившееся в самых глубоких нишах истории, прошедшее весь цикл эволюции Рода человеческого, выдержавшее испытание временем и оставившее свой неповторимый «узор» на общецивилизационном полотне человечества». «Татары — фермент общечеловеческого прогресса». «Татарский след» обнаруживается на всем длинном пути развития человеческого сообщества». Подобные оценки и образы не лишены романтизма, но такая постановка вопроса о роли татар в общеисторическом процессе не вызывает серьезных научных возражений. Во всяком случае, перед усиливающейся аргументационно-доказательной логикой исторической науки сомневающихся в этом постулате становится все меньше.

Оценка величины вклада «малых» участников исторического процесса (народов, цивилизаций) во всеобщий прогресс, признание их себе подобными со стороны великодержавных народов, государств, давно состоявшихся в качестве суверенных мировых величин, межгосударственных союзов, созданных государствами и народами в целях утверждения незыблемости своих ролей в иерархической системе международного сообщества, всегда происходило и протекает поныне сложно и мучительно. Проблема дискриминации «малых» народов, практика применения к оценке их цивилизационной роли двойных

стандартов имеют историческую традицию, веками отработанную идеологию, психологию этноцентризма и политику великодержавности.

Смена стереотипной мировоззренческо-оценочной позиции на объективную оценку роли других народов — непростая проблема для тех, кто числит себя в статусе великих держав, проблема, связанная с ломкой привычного стиля мышления и политического поведения.

Признание исторической субъектности «малых» мировых единиц для самих акторов истории выливается в непростую задачу обеспечения непрерывности исторического творчества, активизации усилий во всеобщие преобразовательные процессы, в ускорение движения человечества по пути цивилизационного развития.

Признание татар фактором всеобщего прогресса как со стороны всего мирового сообщества, так и государственной системы «Русь — Россия — СССР — Россия» было связано с эволюцией философско-мировоззренческих и этических воззрений, посылов и установок, а также оценочно-сравнительных критериев. Подобного рода ментальные «сдвиги» в умонастроении общества базируются на интеллектуальных прорывах. Неоценима роль в целом обществоведческой и особенно исторической науки, в которой, к сожалению, еще много мифов и стереотипов.

Так, давно пора отказаться от оценки России как тюрьмы народов. Ни тогда, когда Русь была соседом-конкурентом татарских государств, ни после того, как татары были включены в состав имперской России. Российская цивилизация от древности и до образования централизованного государства формировалась и развивалась в окружении крупных развитых государств, в том числе и тюрко-татарских с их разнородным этноконфессиональным и поликультурным составом населения. Она имела возможность сопоставления, «примерки» и адаптации накопленного соседями опыта организации совместной жизни в одном человеческом общежитии народов, молившихся разным богам, имевших разную систему ценностей и жизненных ориентиров. Готовность и способность восприятия «чужого — иного» опыта определялась исходно-родовой особенностью российской цивилизации: она зарождалась как гетерогенная общность, образуемая из соединения трех хозяйственно-технологических регионов — земледельческого, скотоводческого и промыслового; трех типов образов жизни — оседлого, кочевого и бродячего; в смешении нескольких этнических субстратов (славянского, тюркского, финно-угорского), на пересечении влияния нескольких культурно-цивилизационных и религиозных потоков.

Гетерогенная иммунная природа российской цивилизации облегчала усвоение уроков организации совместной жизни разных народов, соседствующего окружения государств, особенно татарских государств — Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. «Тысячелетие совместной жизни с мусульманскими народами, — писал Н.Н.Моисеев, — дало нам уникальный опыт», использование которого могло бы вывести Россию на роль исторического примирителя разнополярных начал, систем и цивилизаций, «учредителя компромиссов». Россия вообще не могла состояться как мировая величина без привития к своему цивилизационному «стволу» тюркско-татарского (восточного) «черенка». Говоря о государствообразующих этнокультурных компонентах, И.Р.Тагиров утверждает: «Многовековая история отношений русского и татарского народов настолько сложна и противоречива, что до сих пор сложно прийти к единому мнению в ее оценке… Сегодня для всех нас — и русских, и татар, и других народов Российской Федерации — очень важно, чтобы восторжествовала историческая правда, которая заключается в том, что государство Российское создавалось главным образом двумя этносами — русскими и татарами».

Характеризуя органическую связь двух этносов, Г.В.Вернадский писал: «Монголы (татары) дали плоть русскому государству, а не «систему идей», как это сделала Византия». Инвариантность «альтернативной истории» России как многонациональной и полицивилизационной страны развивалась в этноцивилизационных руслах. И Россия становилась «учредителем компромиссов» ровно в той мере, в какой она была способна расчищать эти русла, сопрягать великодержавное с этнонациональным, русско-православное с татарско-исламским и европейское с азиатским. В периоды эффективного сопряжения этих начал Россия не только не теряла свою самобытность (ибо она сама «подпитывалась» ими), но и обогащалась новым опытом, доказав свою восприимчивость к, казалось бы, совершенно неприемлемым новшествам. «Можно сказать, — отмечает Л.И.Медведко, — что современное понятие «евроислам» возникло на российской почве и, подобно более позднему «еврокоммунизму», наиболее наглядно продемонстрировало здесь парадоксальность и сущность этого феномена». Прогнозируя будущее такого «евроислама», один из его столпов И.Гаспринский предрекал: «Рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, встанет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства». На пути движения этой цивилизации сначала с Востока на Запад, а затем в обратном направлении с Запада на Восток «мне кажется, — утверждал он, — русские и русские мусульмане предназначены быть лучшими проводниками».

Россия, как и любая империя, не была свободна от тенденций культурного монизма, русско-православного эгоцентризма и великодержавного шовинизма. И каждый раз, когда Россия оказывалась

в плену подобных амбиций и стереотипов, ее уносило на периферию глобальных потоков цивилизационных перемен. Регресс преодолевался трудно и долго. Но он всегда и обязательно сменялся прогрессом. Вот почему исторический образ многонациональной России требует серьезной коррекции.

Для самого татарского народа проблема самоутверждения всегда представала как задача самосохранения и развития в качестве субъекта истории. Выполнение этой задачи имело разную степень сложности. В недрах древнего тюркского сообщества, которое уже тогда достигло высокого уровня развития, формировались его этнокультурный облик, становление основ матрицы национального характера, менталитета татар. В рамках древнетюркских государственных образований, начиная от хунно-гуннских держав, тюркских каганатов, Волжской Булгарии до Золотой Орды и Казанского ханства, этнос проявлял себя в качестве самостоятельного, активного и равнозначного другим субъектам истории. Это наиболее плодотворный период с точки зрения «нанесения» татарского «узора» во всемирное полотно истории. Оценивая высоту тюркско-татарского культурного взлета, Садри Максуди Арсал говорил: «Наши предки создали великую цивилизацию. Такого культурного потенциала, как в тюркском народе, нет ни в каком другом народе. Мы можем это утверждать перед всем миром». Высокую развитость древних тюрков отмечают и многие зарубежные ученые. Один из известных тюркологов — Эрнест Добльхофер писал так: «Мы и сейчас не можем равнодушно относиться к языку древнетюркских памятников… Выросший в постоянном общении с древними культурными народами этот народ в VI в. стоит уже на поразительно высокой ступени развития».

Но след, оставленный татарами, и в дальнейшем был значителен, глубок и ярок. Даже с высоты XXI в. он впечатляет убедительной значимостью. При этом не надо забывать, что речь идет об исходно-кочевом, а затем о средневековом образе и укладе жизни тюрко-татар, успешно трансформированном впоследствии в современный стиль жизни, о таких философских, мировоззренческих и ценностных принципах жизнедеятельности, в которых отражалось органическое единство многих, порой контрастных, разнополярных начал. Система ценностей татарского народа базировалась на культивировании физического и интеллектуального труда, духовного, хозяйственного, технологического и военного совершенства. Этической, нравственной скрепой были образование, культура, наука и духовность, освященная исламом. Только на этой основе татары смогли создать сильные государства, процветающие города и цивилизации, а затем и сохранить себя как этнокультурную самоценность, национальную величину в мировой системе народов. Этой задаче подчинялись приоритеты внешней политики — дипломатия, торговля, обмен опытом, научные знания, достижения культуры и искусства.

Можно ли, не вдаваясь в характеристику конкретных форм вклада татарского народа в исторический прогресс, уходя от понятного желания детализировать и «рассортировать» его по направлениям и сферам человеческого бытия, дать интегральную оценку этносу, вышедшему на старт всемирной истории на самом ее начальном рубеже? Историческая наука, заново открывающая татарский феномен, находится в стадии достижения прорывных успехов. В эскизном изложении содержания и особенностей основных этапов эволюции татар мы также пытались акцентировать внимание на значимости достигнутого, свершенного в разных ипостасях человеческого бытия, реализованных или начатых ими масштабных, долговременных пионерских проектов.

Стремясь использовать «эффект телескопа» для макроподхода к вопросу о роли татар в социальном прогрессе человечества, считаем важным обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, татары — участники глобального проекта по созданию синхронной по времени рождения первичных мировых цивилизаций, тюркской цивилизации, проекта открытия и обустройства континента — Евразии и через установление срединного межконтинентального «моста» обеспечения «встречи» Европы (Запада) с Азией (Востоком). Благодаря этому в процесс эволюции человечества был включен мощный социально-энергетический ресурс, который придал ему динамичный характер. С этого момента формы и содержание взаимодействия двух культурно-исторических систем ощутимо влияли на ход мировой истории. На протяжении тысячелетий диалог между Востоком и Западом вели то музы, то пушки. В зависимости от их доминирования вершились судьбы прогресса и регресса. Ныне историческая перспектива человечества зависит от того, какой режим будет преобладать во взаимоотношениях двух ценностных миров — диалог и сотрудничество или конфронтация и война.

Во-вторых, татары внесли свою лепту в экспериментальную историческую работу человечества по апробации и выбору наиболее совершенных методик, форм и способов конкуренции между разнотипными обществами, государствами и цивилизациями, разнонаправленными культурно-историческими и ценностными системами. Татарский фермент в стремлении мирового сообщества обеспечить баланс, равновесие между усиливающимся техногенно-военным потенциалом и его духовно-гуманитарным состоянием способствовал их оптимальному сопряжению, компромиссу. Татарский образец-пример приоритета гуманитарного начала в жизни общества в условиях всемирного

дефицита гуманизма, нравственности и духовности остается ориентационным, мобилизующим стратегическим ресурсом развития человечества.

И, в-третьих, наибольший и главный вклад татар в цивилизационную «копилку» человечества состоит в том, что они создали прецедент преобразования великодержавного (имперского) духа, сознания, стиля мышления и практического действия в миротворческий образ мыслей и жизни. Они дали образец выхода из нередко возникавших в истории ситуаций «конфликта эмоций»: трансформации культуры завоевания в культуру интеграции, культуры унижения в культуру надежды. Можно определенно утверждать, что для каждой новой исторической эпохи они сумели сконструировать и апробировать адекватные вызовам времени варианты миролюбия, толерантности и согласия — «тюркский мир» (Pac turcica), «волжско-булгарский тип соседствования», «золотоордынская» и «казанская» модели толерантности.

Татарский миротворческий капитал и в последующем продолжал работать на усиление цивилизационного потенциала человечества, реализацию Россией миссии «учредителя компромиссов», укрепление ее миротворческого имиджа на мировой арене. Только в двадцатом столетии и начале двадцать первого века сокровищница татарского миротворческого опыта была пополнена целым рядом идей, концепций и проектов: «исламский социализм» М.Султан-Галиева; «татарстанская модель» трансформации России: от унитаризма к федерализму; Программы «Казань — город культуры мира» и «Татарстан на пути к культуре мира, этноконфессионального согласия и диалога цивилизаций»; концепция, идеология и опыт Казанского института культуры мира по подготовке миротворцев нового исторического типа — гражданских миротворцев (в отличие от военных «касок» ООН). В полном объеме их значимость будет раскрываться в процессе осуществления провозглашенной ООН великой цели перехода человечества от «культуры войны к культуре мира».

Лучшим доказательством эффективности татарской (татарстанской) миротворческой философии, идеологии и практики является уникальный исторический факт: за все время возникновения цивилизационного очага между Волгой и Уралом не было ни одной войны на межнациональной, межконфессиональной основе. Это удивительный и редкий в истории пример, и сегодня ориентирующий народы мира на единение, диалог и сотрудничество. Современная Казань стала своего рода Меккой, одной из планетарных притягательных точек, мировым «мастер-классом», где изучают и впитывают живой опыт творения мира, толерантности, согласия и ведения диалога цивилизаций. Формой признания этого факта является присуждение Президенту Татарстана М.Ш.Шаймиеву Международной премии имени короля Фейсала. Президент во время вручения награды констатировал: «Наша республика стала символом толерантности и согласия между людьми разных конфессий. Это то, к чему стремится весь мир».

Исторический процесс инвариантен. Народы всегда имели и имеют альтернативы в выборе направления исторического развития. Их историческая судьба никем не запрограммирована. Она лишь корректируется вызовом времени, ответы на которые нередко бывают неадекватными масштабу, сложности и динамике назревших системных перемен.

Татары, выходя на развилку исторических дорог, при множестве ошибок, совершенных в ситуациях выбора, не ошибались в ситуациях, когда оставались верными своим приоритетам образованности, просвещенности, культуры и цивилизационности, своим традициям толерантности, гуманитарности и миротворчества. Среди известных форм их исторического творчества самым сложным искусством было созидание, сохранение и укрепление мира. Мира как высшей ценности человека и народа, как исходного условия их выживания, развития и сохранения ими исторической перспективы.

Татары выдержали испытание славой побед и горечью поражений, прошли испытание временем перед соблазнами мессианства и национализма, трайбализма и сепаратизма. Но экзамен на своевременность и точность поиска ответов на вызовы времени продолжается. Глобализация, поднявшая волну ксенофобии и расизма, терроризма и экстремизма, грозит самим основам жизни на планете. С рубежа XXI в. она выступает главным экзаменатором по предметам «историческая мудрость», «цивилизационная зрелость», «культура толерантности», «этноконфессиональное согласие», «диалог культур, народов и цивилизаций». Это главный и решающий экзамен и для человечества в целом, и для каждого народа.

В контексте выбора между двумя альтернативами — культурой мира (согласия) и культурой войны (насилия) обозначается новая степень актуальности формирования культуры исторического мышления и поведения. Глубина познания истории и усвоения ее уроков, развитость исторической памяти и способности исторического прогнозирования — вот наиболее востребованные интеллектуальные ценности современности. Вряд ли стоит доказывать, как опасно оставаться в плену националистических или шовинистических архетипов в оценке прошлого, идеализации «своей» и принижении значимости «чужой» истории. Не менее опасны как разоблачительная патетика, так и покаянная экзальтация в ходе «ревизии истории». Историческое сознание не может отставать от вызовов времени, а историческое поле оставаться полигоном для сражений и конфликтов. История —

не только архив времени, но и хранительница мудрости, советница и учительница для всех времен и народов. Именно поэтому она оценивается как стратегический ресурс, фактор инновационного развития и цивилизационных перемен.

Но история — это и очень тонкая, сложная материя, ибо она — душа народа. По образному выражению М.Д.Скобелева, «история — самый величественный и самый священный гимн народа. В него нельзя вламываться с топором». Она требует профессионального, ответственного и деликатного обращения, как и в любой другой гуманитарной сфере, где противопоказаны крайности и «размашистость» в суждениях. Здесь недостаточно холодного и беспристрастного взгляда на материальное и духовное пространство истории, но весьма актуален и востребован поиск тех гуманистических идеалов, нравственной атмосферы и духовности, которые необходимы для выживания и развития как всего рода человеческого, так и отдельных народов и государств.

История татарского народа — это кладезь уникального и вместе с тем универсального опыта создания материального, интеллектуального и духовного капитала, творения мира и эффективных форм взаимодействия с народами инокультурного мира в широких координатах «Запад — Восток», «Север — Юг». Еще предстоит по-настоящему исчерпывающе изучить и осмыслить огромный вклад, который внесли татары вместе с другими народами Поволжья и Приуралья, всего тюркского этнокультурного сообщества в формирование общероссийской и мировой цивилизации в целом, и, что особенно ценно и важно — культуры межнационального и межконфессионального мира и согласия.

Понимая, какое колоссальное воздействие оказывает история на сознание общества, важно задеть потаенные струны в душах и сердцах людей, открыть им великое прошлое большой и малой родины, показать, что во тьме веков немало такого, чем можно гордиться, что может быть востребовано в решении глобальных проблем человечества. Историк в современном мире объединяет и реализует множество социально важных функций: открывателя «правды» истории, интерпретатора и популяризатора, последовательного идеолога, убедительного проповедника, искусного рассказчика. Его высшая миссия состоит в том, чтобы превратить современников в продолжателей истории, ибо все прошлое — лишь пролог будущего. Он обязан сделать историю частью культурно-духовного контекста, способом самоидентификации и самоощущения народа, особенно в «смутные» времена, когда растерянность и бездуховность лишают его иммунитета и жизненных ориентиров.

Блистательный российский историк Н.Карамзин, автор «Истории государства Российского» «терапевтическую» функцию исторического знания назвал «назидательной» миссией истории, которая спасает народ от отчаяния, возвращает его жизни смысл, ставя великие цели и вооружая средствами их достижения.

Именно эти соображения дали автору вдохновение в процессе работы над книгой.

**СОДЕРЖАНИЕ**

**«Умиротворение» истории** (вместо введения) .....

**Возвращение к целительным истокам** .....

1. «Поворот к корням»: осмысление феномена .....
2. История татар: на пути к истине .....

**Концептуально-методологический контекст** .....

1. Мыслительные единицы исследования .....
2. Методологические подходы: единство многообразия .....
3. Периодизационная схема: постановочный вариант .....

**«Стрела» времени: от древности к современности** .....

1. Тюркская цивилизационная колыбель: формирование основ культуры татар ..... .....
2. Волжско-булгарский цивилизационный феномен на стыке культурно-исторических систем Запада и Востока .....
3. Золотоордынская средневековая модель цивилизации .....
4. Казанское ханство: геополитическая конкуренция и межцивилизационный диалог .....
5. Казань и татары в имперской России .....
6. Советская эпоха: обретения и потери .....
7. «Татарстанская модель» — искусство достижения возможного .....

**Прошлое — это всего лишь пролог** (вместо заключения) .....

***Работа выполнена в рамках***
***Программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира»***

Научно-популярное издание

**Тагиров** Энгель Ризакович

**На перекрестке цивилизаций.**
История татар в контексте культуры мира

Редактор *Б.Л.Хамидуллин*
Художественный редактор *Р.Х.Хасаншин*
Техническое редактирование и компьютерная верстка
*Ф.Р.Гисматуллиной*
Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 4.12.2007. Формат 60r90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Печ. л. 24,5 + вкл.2,0. Усл. кр.-отт. 33,0. Уч.-изд.л. 24,68 + вкл.1,37.
Тираж 2000 экз. Заказ С-1387.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.
**http://tatkniga.ru**
**e-mail: tki@tatkniga.ru**

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул.Декабристов, 2.